

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2024

№ 89

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилякова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Uglyumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стони-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартanova (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Банщиков Д.С., Щитова О.Г. Иноязычная градостроительная терминология в русском профессиональном дискурсе XXI в.	5
Виноградова Е.Н. Система <i>против</i> или <i>против</i> системы: русские наречные предлоги и проблемы классификации предлогов	29
Грязнова В.М. Лексико-грамматическая специфика номинаций фантастических птиц в русской лингвокультуре	55
Колмогорова А.В., Колмогорова П.А., Куликова Е.Р. О прошлом, но в разное время: компьютерный анализ текстов учебников по истории СССР / России для шести поколений студентов	73
Самохин И.С., Нагорнова Е.В. Эвфемизмы с положительно окрашенной лексикой в русском и английском языках: функциональная классификация	104
Шерстинова Т.Ю., Кирина М.А., Москвина А.Д. Тематическое моделирование художественной прозы: оценка и интерпретируемость результатов (на примере русского рассказа 1900–1930 гг.)	127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексеев П.В., Алексеева А.А. Дискурсы о Китае в газете «Восточное обозрение» периода ихэтуаньского восстания: к вопросу о сибирском ориентализме	152
Герасимчук И.В. «Тонкий и изящный лирик» или «кобенящийся Бальмонт»? Критические и научные публикации о творчестве Г. А. Вяткина XX – начала XXI в.	171
Горбовская С.Г. Демонстрация различий психоаналитического понятия <i>imago</i> К.Г. Юнга и <i>imago</i> Ж. Лакана в произведениях Г. Гессе и Х.Л. Борхеса	190
Есипова В.А. «Хождение» Василия Познякова в составе старообрядческого сборника Научной библиотеки Томского государственного университета	200
Ишимбаева Г.Г. Рецепция мифа о кносском лабиринте в романе М.З. Данилевского «Дом листьев»	215
Киселев В.С., Надточий Е.Е. Некрологи Н.М. Карамзину: формирование посмертного образа писателя в литературном процессе 1820-х гг.	228
Kudaibergenova G. Answers to five questions posed by Shakarim from Molavi's worldview	245

ЖУРНАЛИСТИКА

Енина Л.В., Полякова И.Г. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в российских СМИ	256
Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В., Кидакоева З.Ш. Публикации «интеллигентных черноморцев» на страницах газеты «Кавказ»	275

CONTENTS

LINGUISTICS

Banschikov D.S., Shchitova O.G. Foreign language urban planning terminology in Russian professional discourse of the 21st century	5
Vinogradova E.N. The system is <i>against</i> or <i>against</i> the system: Russian adverbial prepositions and other polyfunctional units	29
Gryaznova V.M. Lexico-grammatical specifics of the nominations of fantastic birds in Russian lingualecture	55
Kolmogorova A.V., Kolmogorova P.A., Kulikova E.R. About the past, but at different times: Computer analysis of texts in textbooks on the history of the USSR/Russia for six generations of students	73
Samokhin I.S., Nagornova E.V. Euphemisms with positively connotated vocabulary in the Russian and English languages: A functional classification	104
Sherstinova T.Yu., Kirina M.A., Moskvina A.D. Topic modeling of prose fiction: Model assessment and interpretability (the case of Russian short stories of the 1900s–1930s)	127

LITERATURE STUDIES

Alekseev P.V., Alekseeva A.A. Discourses on China in <i>Vostochnoe Obozrenie</i> during the Yihetuan uprising: On the issue of Siberian Orientalism	152
Gerasimchuk I.V. A “refined and graceful lyricist” or “obstinating Balmont”? Criticism and research of Georgy Vyatkin publications in the 20th – early 21st centuries	171
Gorbovskaya S.G. Demonstration of differences of Carl Jung’s psychoanalytic concept of imago and Jacques Lacane’s imago in the works of Hermann Hesse and Jorge Luis Borges	190
Esipova V.A. The “Journey” of Vasily Poznyakov as part of the Old Believer collection from Tomsk State University Research Library	200
Ishimbayeva G.G. The reception of the Knossos Labyrinth myth in Mark Z. Danielewski’s <i>House of Leaves</i>	215
Kiselev V.S., Nadtochiy E.E. Obituaries to Nikolay Karamzin: The formation of the writer’s posthumous image in the literary process of the 1820s	228
Kudaibergenova G. Answers to five questions posed by Shakarim from Molavi’s worldview	245

JOURNALISM

Enina L.V., Polyakova, I.G. The discursive concept “surrogate motherhood” in Russian media	256
Luchinsky Yu.V., Bezrukavaya M.V., Kidakoyeva Z.Sh. Publications of “intelligent chernomortsy” in the newspaper <i>Kavkaz</i>	275

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.161.1'373.46:72:69

doi: 10.17223/19986645/89/1

Иноязычная градостроительная терминология в русском профессиональном дискурсе XXI в.

Дмитрий Сергеевич Банщиков¹, Ольга Григорьевна Щитова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия,

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

¹ komrad555@mail.ru

² shchitova2010@mail.ru

Аннотация. Исследуются иноязычные терминологические единицы сферы градостроительства, функционирующие в русском профессиональном дискурсе XXI в., на материале научных публикаций, стандартов, текстов интернет-коммуникации данной предметной области. Предлагается разноаспектная типология градостроительных терминов иноязычного происхождения; выявлены источники и способы их заимствования. Методом лингвистического эксперимента определена степень ассилияции иноязычных терминоединиц в языке-реципиенте.

Ключевые слова: терминология, градостроительство, терминоведение, заимствование, русский язык, иностранный язык

Для цитирования: Банщиков Д.С., Щитова О.Г. Иноязычная градостроительная терминология в русском профессиональном дискурсе XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 5–28. doi: 10.17223/19986645/89/1

Original article

doi: 10.17223/19986645/89/1

Foreign language urban planning terminology in Russian professional discourse of the 21st century

Dmitry S. Banschikov¹, Olga G. Shchitova²

^{1, 2} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

¹ komrad555@mail.ru

² shchitova2010@mail.ru

Abstract. Foreign language terminological units in the sphere of urban planning that function in Russian professional discourse of the 21st century are studied on the basis of scientific publications, standards, and Internet communication texts on urban

planning. The relevance of the topic of this study is due to the fact that foreign language urban planning nominations are not fully reflected in terminological dictionaries and require further study to harmonize professional communication. In modern linguistics, the term systems of construction, building materials, technologies, and design of the architectural environment have been examined for borrowings, but foreign language urban planning terminology in the Russian language has not yet been studied in the linguistic aspect. The work aims to identify and describe term units of foreign language origin in the modern discourse of urban planning, determine the time and sources of borrowing, features of assimilation in the system of the receiving language, namely in the sublanguage of urban planning. The object of study are terminological units borrowed from foreign languages and functioning in the Russian sublanguage for special purposes in the sphere of urban planning at the present stage of its development. The focus of the study is a reflection of the processes of transposition of foreign language vocabulary from the source language to the recipient language. The material for the study was terms of foreign language origin selected by a continuous sampling method from such sources of urban planning discourse as textbooks, building codes and regulations, scientific articles, professional sites on urban planning issues, Internet blogs, etc. In total, about 300 foreign language nominations were considered and analyzed. The basis for the study was the works of linguists E. Haugen, D.S. Lotte, S.V. Grinev-Grinevich, and others. According to the accepted classification of borrowings, taking into account the stages of assimilation of foreign language terminological units in the Russian language, the following types of terminological units of foreign language origin are identified and discussed in the article: lexical borrowings (foreign language inclusions; transcribed/transliterated foreign language terminological units; exoticisms and borrowed words); morphemic borrowings; syntactic borrowings; semantic borrowings: calque and half-calque terms. To determine the degree of assimilation of foreign terminological units in the sublanguage of urban planning, a linguistic experiment was carried out, in which 50 respondents took part (students of TSUAB and urban planning specialists). Based on the results of the work, mastered and unmastered foreign language terminological units were identified, infographics were built based on the survey results, a classification of borrowings was made, and the main methods of borrowing were determined.

Keywords: terminology, urban planning, term study, borrowing, Russian language, foreign language

For citation: Banschikov, D.S. & Shchitova, O.G. (2024) Foreign language urban planning terminology in Russian professional discourse of the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/1

Введение

Заемствование является одним из путей обогащения словарного состава языка. За последние годы лексика иноязычного происхождения оказала огромное влияние на профессиональную речь, в том числе и на дискурс сферы «Градостроительство». Развитие международной коммуникации между специалистами способствует постоянному обогащению терминосистемы градостроительными иноязычными номинациями, в том числе используемыми в данной профессиональной сфере терминами, обозначающими процессы, технологии, концепции. Эти специальные лексемы недостаточно изучены в терминоведении и не получили лексикографической фиксации.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью изучения терминологии градостроительства, динамично развивающейся и постоянно пополняющейся новыми единицами; целесообразностью выявления и описания иноязычных градостроительных номинаций, не отраженных в терминологических словарях; интересом современной лингвистики к проблемам заимствования, классификации иноязычной терминологии, ее формального, семантического и функционального освоения.

В современной лингвистике рассмотрены заимствования в терминосистеме строительства, строительных материалов, технологий, дизайна архитектурной среды [1–6], однако иноязычная градостроительная терминология в русском языке еще не подвергалась изучению в лингвистическом аспекте.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предложена разноаспектная типология иноязычных терминоединиц профессиональной сферы градостроительства на материале современного интернет-дискурса, научных публикаций последних лет.

Цель работы – выявление и описание терминоединиц иноязычного происхождения в современном градостроительном дискурсе, определение источников заимствования, особенностей ассиляции в системе принимающего подъязыка градостроительства.

Объектом исследования служат терминологические единицы, заимствованные из иностранных языков и функционирующие в русском подъязыке для специальных целей сферы градостроительства на современном этапе его развития.

Предмет изучения – особенности ассиляции терминоединиц иноязычного происхождения в русском подъязыке сферы градостроительства XXI в.

Материалом для исследования послужили термины иноязычного происхождения, отобранные методом сплошной выборки из таких источников градостроительного дискурса, как учебники, строительные нормы и правила, научные статьи, профессиональные сайты по проблемам градостроительства, интернет-блоги и др. Всего проанализировано более 1000 терминов в русском градостроительном дискурсе, среди которых выделено около 300 иноязычных номинаций.

Исследование базируется на общенаучных *методах*, среди которых наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, систематизация – лингвистических, таких как дефиниционный, компонентный, дистрибутивный анализ, элементы этимологического анализа, лингвистический эксперимент.

Методология исследования

В основу методологии данной работы легли труды российских и зарубежных ученых, посвященные проблемам терминоведения и межъязыкового заимствования. Термин рассматривается исследователями как слово или словосочетание, обозначающее специальное понятие из определенной области знания или деятельности. Понимание природы термина – это одна

из главных проблем терминоведения. Д.С. Лотте как основатель отечественной терминологической школы поднимает вопросы стандартизации терминов, заимствования терминологических единиц, их перевода и понятийной систематизации. Д.С. Шелов приводит около 40 дефиниций понятия *термин* в лингвистике [7. С. 11–13] и предлагает следующую: «Термин – языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе и выражющий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого либо имеющий дефиницию (толкование, объяснение), либо мотивированный другими языковыми знаками (словами, словосочетаниями, сочетаниями слов или словосочетаний с особыми знаками и т.п.), среди которых хотя бы один выражает специальное понятие и поэтому имеет собственную дефиницию (толкование, объяснение)» [7. С. 46]. Среди требований, предъявляемых лингвистами к термину, наиболее важными представляются дефинитивность, нормативность, точность (непротиворечивость семантики), однозначность, краткость, интернациональность, современность и др. Исследователи дискутируют относительно таких свойств термина, как отсутствие синонимов, краткость и т.д. Обратим внимание на требование интернациональности, под которым понимается совпадение или близость по форме и содержанию терминов, употребляемых в нескольких (не меньше трех) национальных языках [8. С. 36]. Интернациональные термины появляются в результате их заимствования несколькими языками.

Самая распространенная классификация иноязычных слов построена с учетом степени освоенности иноязычного слова и восходит к работам А. Шлейхера, который делит слова на иностранные (*Fremdwörter*, т.е. чужие, неосвоенные) и заимствованные (*Lehnwörter*, т.е. освоенные). Данная классификация была воспринята лингвистами (ср. [9]), в том числе Э. Хаугеном, который поддержал термин А. Шлейхера в английском варианте – *loanword* ‘заимствованное слово’ [10].

Классификация заимствованных слов Э. Хаугена строится на принципе, учитывающем сходство между иностранным и заимствованным словами, которое ученый называет перенесением (англ. *importation*), а также отличительные черты заимствования по сравнению с его иностранным эквивалентом, называемые подстановкой/субSTITУЦИЕЙ (англ. *substitution*) материала языка-реципиента. Автор выделяет три вида заимствований: 1) без морфемной субSTITУЦИИ (англ. *loanwords* ‘чистые заимствования’); 2) с частичной морфемной субSTITУЦИЕЙ (*loanblends* ‘заимствования-гибриды’); 3) с полной морфемной субSTITУЦИЕЙ (*loanshifts* ‘заимствования-сдвиги’) [11. С. 354].

Основоположником теории терминологического заимствования в России является Д.С. Лотте (1982), который вслед за А. Шлейхером (1864) делит иноязычную лексику на «свою» и «чужую» с учетом следующих критериев: 1) в какой мере звуковая форма единицы языка-источника соответ-

ствует принятым звукосочетаниям принимающего языка; 2) в какой степени морфологическая форма и отдельные элементы слова соответствуют системе принимающего языка; 3) существуют ли производные на базе данного слова [12. С. 4].

С.В. Гринев-Гриневич, опираясь на систематизацию иноязычных терминов и терминоэлементов Д.С. Лотте, выделяет следующие виды процесса заимствования:

1) материальное заимствование, при котором происходит заимствование материальной формы иноязычной терминологической единицы, подразделяющееся на три группы: а) лексическое заимствование, б) формальное заимствование, в) морфологическое заимствование;

2) калькирование, в процессе которого копируются только структура и значение иностранной языковой единицы. Существуют три вида калькирования: а) словообразовательное калькирование, б) фразеологическое калькирование, в) семантическое калькирование. Первые два вида представляют собой разновидности структурного калькирования;

3) смешанное заимствование, в процессе которого одна часть лексемы заимствуется, а вторая переводится или уже имеется в языке. Такое заимствование подразделяется на два вида: а) гибридное заимствование (= полукалька), б) полузаимствование (образование дериватов на базе заимствования при помощи исконно русских/заимствованных морфем) [8. С. 154–155]. Отнесение дериватов на базе заимствований к иноязычным словам является спорным, поскольку данные дериваты образованы по законам словообразования русского языка и, на наш взгляд, относятся к собственно русской лексике.

Классификация слов иноязычного происхождения Л.П. Крысина с точки зрения освоенности/неосвоенности в принимающем языке (1968) в определенной степени созвучна типологии Э. Хаугена и включает три типа иноязычных слов: заимствованные слова, экзотическую лексику, иноязычные вкрапления. Заимствованные слова, представляющие собой ассимилированную в языке-реципиенте лексику, по структуре неоднородны и подразделяются: а) на слова, которые структурно совпадают с их иноязычными прототипами, т.е. они преобразованы графически средствами заимствующего языка; б) лексемы, морфологически оформленные средствами заимствующего языка; в) лексемы с частичной морфологической подстановкой (ср. [11. С. 353]). Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления, по мнению Л.П. Крысина, относятся к иноязычной лексике, не освоенной языком-реципиентом, имеют непроизводную и зачастую нечленимую основу. Иноязычные вкрапления в русском тексте сохраняют графический облик языка-источника, а экзотизмы в процессе перехода из одной языковой системы в другую оформляются в графике принимающего языка. Определенная тематика и степень знакомства носителей языка-реципиента с иностранным языком обусловливают употребление экзотизмов в речи, а стилистические и жанровые особенности речи являются факторами, способствующими употреблению иноязычных вкраплений [13. С. 48–60].

На основе соответствия различным уровням и сторонам языковой системы отмечаются следующие виды заимствования в зависимости от «мигрирующих элементов»: заимствование слова, заимствование фонемы, морфемы, структурно-синтаксическое заимствование, заимствование семантическое (калькирование). Все перечисленные виды заимствования тесно взаимосвязаны: морфологическое заимствование невозможно без лексического; калькирование и структурно-синтаксическое заимствование предполагают глубокое знание лексико-семантической системы и семантического строя языка-источника [13. С. 24–25].

Важной проблемой лингвоконтактологии является ассимиляция иноязычных единиц в системе принимающего языка (Л.П. Крысин (1968), Е.Э. Биржакова, Л.Л. Кутина, Л.А. Войнова (1972), Н.В. Габдреева (2001), М.А. Кузина (2006), А.В. Агеева (2008), Е.В. Маринова (2008, 2013), Д.С. Никитин (2010) и др.). Выделяются разные виды освоения данных номинаций: фонетическая (графическая), морфологическая, словообразовательная, семантическая, функциональная, с учетом которых обозначены пять этапов освоения иноязычного слова в языке-реципиенте:

1) начальный этап, в котором использование иноязычного слова происходит в его оригинальной форме (фонетической и грамматической) без использования приёмов транслитерации и транскрибирования, т.е. как иноязычное вкрапление;

2) приспособление иноязычного слова к системе заимствующего языка путем транслитерации или транскрибирования. В результате теряются внешние графические признаки иностранного языка, приобретаются свойства принимающего языка, формирующие относительно органичный элемент русского текста. Периодически встречаются случаи, когда слово может освоиться, но не в том значении, в котором оно функционировало в языке-источнике;

3) «употребление на равных» заимствованного слова с родными словами носителя языка. При этом лексема может сохранять ситуативные, социальные, стилистические особенности. Например, определенное слово может часто применяться в одних коммуникативных ситуациях, но может практически не использоваться в других;

4) этап утраты ситуативных, социальных, жанрово-стилистических ограничений в употреблении. Если лексемы являются специальными терминами, то этот процесс маловероятен, так как терминологическая единица сохраняет узкую сферу употребления. Семантика иноязычного слова формируется окончательно только после его выхода за рамки профессиональной или другой ограниченной среды;

5) завершающий этап освоения – фиксация иноязычной лексемы в толковом словаре. Факт регистрации слова в толковом словаре показывает, что слово признается системой данного языка [13. С. 42–45].

Для вхождения слова в систему языка-реципиента, по мнению Л.П. Крысина, требуется соблюдение следующих условий: 1) передача слова из языка-источника фонетическими и графическими средствами заимствующего

языка; 2) соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка; 3) «словообразовательная активность слова»; 4) «семантическое освоение иноязычного слова: определенность значения, дифференциация значений и их оттенков между существовавшими в языке словами и появившимся иноязычным словом»; 5) регулярное использование в речи: для термина – устойчивое употребление в той терминологической области, которая его заимствовала, наличие определенных парадигматических и «значимостных» отношений с терминами данного терминологического поля [13. С. 44–45]. Таким образом, Л.П. Крысин более широко понимает признаки освоенности иноязычного слова по сравнению с Д.С. Лотте, справедливо включая в них не только фонетико-графическое, грамматическое, словообразовательное освоение, но и семантическую и функциональную ассимиляцию.

За основу типологии иноязычных терминов в статье принята классификация иноязычной лексики Л.П. Крысина, дополненная с учетом классификаций Э. Хаугена, Д.С. Лотте, С.В. Гринева-Гриневича и др. Мы выделяем следующие виды терминологических единиц иноязычного происхождения: 1) лексические заимствования: 1.1) иноязычные вкрапления; 1.2) транскрибированные / транслитерированные иноязычные терминоединицы: экзотизмы и иноязычные лексемы (освоенные и неосвоенные); 2) морфемные заимствования; 3) синтаксические заимствования; 4) семантические заимствования: структурные (словообразовательные и синтаксические кальки и полукальки; семантические кальки. Данная типология построена с учетом этапов освоения иноязычных слов.

Методика исследования заимствований в терминологии градостроительства включает следующие этапы:

- 1) поиск и фиксирование иноязычных терминологических единиц методом сплошной выборки из различных источников градостроительного дискурса, а именно специализированных словарей [14–16], учебных пособий [17–23], строительных норм и правил [24], текстов научных статей [25–44], профессиональных интернет-блогов [45–49];
- 2) выявление источника заимствования и иноязычного эквивалента;
- 3) квалификация иноязычной терминоединицы согласно приведенной типологии;
- 4) дефинирование терминологической единицы;
- 5) подбор контекста из профессионального дискурса;
- 6) определение времени вхождения слова в русский язык согласно данным НКРЯ и других источников;
- 7) установление степени семантической ассимиляции в языке для специальных целей сферы градостроительства (путем проведения лингвистического эксперимента).

Результаты исследования

Анализ градостроительных номинаций выявил следующие типы профессиональных языковых единиц сферы строительства, имеющих неисконное

происхождение: 1) лексические заимствования: 1.1) иноязычные вкрапления; 1.2) транскрибированные/транслитерированные иноязычные терминоединицы: экзотизмы и иноязычные лексемы (освоенные и неосвоенные; с морфемной субSTITУЦИЕЙ или без нее); 2) синтаксические заимствования; 3) семантические заимствования: 3.1) кальки; 3.2) полукальки.

Иноязычные термины, квалифицируемые как **лексические заимствования**, транспортированы в русский язык в единстве формы и значения. **Иноязычные вкрапления** относятся к лексическим заимствованиям, находящимся на первом этапе освоения иноязычных терминов; они представлены в градостроительном дискурсе следующими терминоединицами, функционирующими в текстах научных статей и профессиональном интернет-дискурсе (5%): *BIM* ‘строительная информационная модель’ (англ. Building Information Model), *CIM* ‘городская информационная модель’ (англ. City Informational Model), *DIY* ‘сделай это сам’ (англ. Do It Yourself), *IoT* ‘Интернет вещей’ (англ. Internet of Things), *PIMFY* ‘Пожалуйста, в моем дворе’ (англ. Please In My Front Yard), *RIM* ‘региональная информационная модель’ (англ. Regional Information Model), *NIMBY* и др.

NIMBY (англ. Not In My Back Yard ‘Не на моём заднем дворе’) – коллоквиализм, который используется для характеристики протеста и категоричного несогласия населяющих определенную территорию жителей с предложенным планом строительного развития их района [25. С. 39]. Не зафиксировано в лексикографических источниках, в НКРЯ отмечается с 2010 г., функционирует в научном градостроительном дискурсе. В России стал актуальным термин *NIMBY* (*not in my back yard* – «не у меня во дворе»), описывающий явление, когда жители сплачиваются против приходящего извне инфраструктурного развития, социальных учреждений, частной или государственной застройки и в целом изменений в жизни района. 2019 [46].

Иноязычные вкрапления могут являться составной частью терминологической единицы, проявляя свою деривационную активность: *DIY-урбанизм* [6. С. 252], *DIY-инициатива*, *DIY-украшение*, *IT-парк*, *IT-архитектура*, *IoT-экосистема*.

IT-парк (англ. IT-park ‘парк информационных технологий’ [51]) – технопарк, специализированный в области информационных технологий [26. С. 39]. Термин не зафиксирован в специализированных словарях, употребляется в научной литературе. В НКРЯ с 2007 г.: *Обсуждение вызвала концепция IT-парка на территории бывшей обувной фабрики «Спартак»... Главный архитектор города сообщила, что при рассмотрении проекта на градостроительном совете было много вопросов по объемно-пространственному решению и композиции объекта*. 2023 [27].

Среди способов графического освоения иноязычного термина в русском подъзыке градостроительства отметим транслитерацию (точную передачу написания слова одного языка графическими знаками другого языка) и транскрибование (передачу звучания слова по правилам фонетики языка-источника). В данном аспекте выделим следующие иноязычные термино-

лексемы: транслитерированные; транскрибированные; комплексные (сочетающие транскрибирование и транслитерацию). К группе **транслитерированных** терминов относятся: *ватерфронт* ‘сложный морской фасад, водная линия города’ (англ. waterfront ‘то же’), *виадук* ‘мостовое сооружение на высоких опорах’ (фр. viaduc ‘то же’), *гидропарк* ‘зеленая зона вокруг крупного водного объекта’ (англ. hydropark, нем. Hydropark, фр. hydroparc, румын. hidroparc ‘то же’), *девелопер* ‘предприниматель, занимающийся созданием объектов градостроительной недвижимости’ (англ. developer ‘то же’), *кондоминиум* ‘кооперативный жилой дом’ (англ. condominium, нем. Condominium, фр. condominium ‘то же’), *мегалополис* ‘крупный город с населением более миллиона’ (англ. megalopolis, нем. Megalopolis, фр. métropolis ‘крупный городской район, образованный в результате присоединения соседних территорий’), *мониторинг* ‘наблюдение за состоянием градостроительного объекта’ (англ. monitoring ‘наблюдение’, нем. Monitoring, фр. monitoring ‘то же’), *таксон* ‘группа градостроительных объектов, объединенных по определенным свойствам’ (нем. Taxon ‘группа, объединение’), *урбан-вилла* ‘небольшие одноподъездные дома’ (итал. urban-villa ‘городская вилла’) и др.

Виадук (фр. viaduc ‘дорога, путь’) – мостовое сооружение на высоких опорах, воздвигаемое при пересечении дороги с оврагами, ущельями, болотистыми долинами рек и т.п. [14. С. 75]. В свою очередь, эксперт в сфере железнодорожных перевозок Сергей Никифоренко уверен, что строительство виадука в денежных затратах не будет сильно отличаться от прокладки земляного полотна железной дороги. 2023 [47].

Транскрибированными заимствованиями обозначим такие градостроительные номинации, как: *акведук* ‘закрытые каналы с водой’ (фр. aqueduc, нем. Aquädukt ‘водопровод’), *анфилада* ‘расположение помещений по одной оси для создания сквозной перспективы’ (фр. enfilade ‘то же’), *bosquet* ‘прямоугольный замкнутый участок сада/парка’ (фр. bosquet ‘лесок, рощица’), *браунфилд* ‘участки земли, которые ранее использовались в промышленных целях’ (англ. brownfield ‘то же’), *бумтаун* ‘быстрорастущий город’ (англ. boomtown ‘то же’), *бульвар* ‘пешеходная аллея’ (фр. boulevard ‘то же’), *гринфилд* ‘проект с нуля, строительство градостроительного объекта на нетронутом месте’ (англ. greenfield ‘то же’), *курдонер* ‘парадный двор’ (фр. cour d'honneur ‘то же’), *плеймейкинг* ‘обустройство мест общественного пользования’ (англ. placemaking ‘то же’), *сквер* ‘небольшой парк’ (англ. square ‘площадь, прямоугольник’), *таунхаус* ‘дом блокированный’ (англ. townhouse ‘то же’), *урбанизм* ‘градостроительная идеология развития городов и городских систем’ (фр. urbanisme, англ. urbanism ‘то же’) и др.

Курдонер (фр. cour d'honneur ‘парадный двор перед зданием’ [50]) – ‘парадный двор в виде открытого спереди пространства, образованный главным зданием и боковыми флигелями’ [14. С. 137]. В НКРЯ с 1937 г. Стоит отметить, что отсылка к историческим планировочным приемам встречается у петербургских архитекторов все чаще и, кажется, становится

своего рода «фирменным приемом»: вспомним курдонеры «Русского дома», «Царской столицы» или ЖК «Ботаника». 2015 [28].

Таунхаус (англ. townhouse ‘сблокированный жилой дом’ [51]) – «группа из нескольких односемейных жилых домов, примыкающих боковыми стенами друг к другу и образующих ровный или уступчатый ряд застройки» [14. С. 88]. В НКРЯ с 2004 г. *В России таунхаусы чаще всего расположены за городом, в районах с низкой плотностью застройки – тут большие зеленых зон, меньшие промышленных предприятий, за счет чего лучшая экологическая обстановка.* 2022 [33].

Группа комплексных терминов, сочетающих в процессе заимствования элементы транскрипции и транслитерации иностранных слов, представлена следующими словами: *глэмпинг* ‘кемпинг с удобствами’ (англ. glamping ‘то же’), *грейфилд* ‘заброшенная недвижимость’ (англ. greyfield ‘то же’), *стейкхолдер* ‘заинтересованная сторона’ (англ. stakeholder ‘акционер, влияющая сторона’) и др.

Стейкхолдер (англ. stakeholder ‘влияющая сторона’ [51]) – заинтересованные стороны (бизнес, власть, население), которые могут влиять на стратегическое развитие городов [28. С. 195–196]. Слово не зафиксировано в специализированных словарях. В НКРЯ с 2007 г. *Разработанная документация влияет на долгосрочное развитие городов... в ней заинтересованы и государственные органы власти, и бизнес, и жители городов. При этом основная задача проектировщика – установить баланс между часто разнонаправленными интересами всех стейкхолдеров.* 2022 [29. С. 157].

Глэмпинг (англ. glamping ‘кемпинг с удобствами’ [51]) – «объект туристской индустрии, формат которого предполагает размещение туристов на уникальной природной территории... которым обеспечены условия проживания повышенной комфортности и расширенный спектр услуг» [30. С. 5]. Не зафиксирован в специализированных словарях. В НКРЯ с 2012 г. *Однако глэмпинг – это не просто туристический лагерь, а организованное место для комфортабельного отдыха со своим участком и всеми удобствами.* 2023 [31. С. 172].

Выделим функционирующие в научном дискурсе градостроительные термины-экзотизмы, т.е. номинации, отражающие национальные и культурные особенности народов зарубежных стран и использующиеся для описания нероссийской действительности. К ним относятся: 1) названия жилищ: *бахареке* (Гватемала), *вигвам* (индейские народы Северной Америки), *конак* (Румыния), *скансен* (Швеция), *типи* (индейские народы Северной Америки), *фольварк* (Польша), *шато* (Франция), *шале* (Швейцария); 2) обозначения населённых пунктов: *аул* (Кавказ), *виллета* (Италия), *кишлак / даха* (Афганистан, Узбекистан и другие страны Средней Азии), *полис, хорьё* (Греция), *хутор* (Украина); 3) названия небольших территориальных единиц: *вилаят* (Афганистан), *гетто* (Италия), *фавела* (Бразилия); 4) наименования административных единиц: *провинция* (Испания, Португалия), *штат* (США, Австралия), *эмират* (ОАЭ) и др.

Кишилак (тадж. қишлоқ; туркм. gyşlak; узб. qishloq ‘деревня’ [51]) – «постоянный сельский населённый пункт. Не зафиксирован в специализированных словарях» [34]. В НКРЯ отмечен как градостроительный термин с 2005 г. *Современный Душанбе – город новый, созданный за годы советской власти на месте древнего кишилака Душанбе. Первые поселения людей возникли на этой территории в глубокой древности.* 2017 [35. С. 67].

Фавела (порт. favela ‘трущобы’) – «поселения бедняков смешанного происхождения, расположенные по склонам гор, спускающихся по направлению к мегаполису» [36. С. 43]. Термин не зафиксирован в специализированных словарях. В НКРЯ с 1987 г. *В Бразилии периодически появляются инициативы от представителей власти сделать фавелы «особыми туристическими зонами», вывести их в разряд культурного наследия и пр.* 2021 [37. С. 19].

Все рассмотренные иноязычные терминоединицы заимствованы из языка-источника в язык-реципиент **без морфемной субституции**.

Группа номинаций **с частичной морфемной субституцией**, в которых отдельные морфемы иностранного языка заменены морфемами принимающего языка, характерными для соответствующей части речи (т.е. частично состоящие из иноязычных компонентов), представлена терминологическими единицами: *агломерация* (суффикс *-циј-*) ‘скопление населенных мест’ (англ. agglomeration, нем. Agglomeration, франц. agglomération ‘городской комплекс’), *джентрификация* ‘реконструкция упаднических городских кварталов’ (англ. gentrification, нем. Gentrifikation, фр. gentrification ‘то же’), *инсоляция* (фр. insolation ‘освещение солнечными лучами’), *партиципация* ‘совместное участие’ (англ. participation, нем. Participation, фр. participation ‘участие, соучастие, долевое участие’), *ревалоризация* ‘переоценка градостроительного объекта’ (англ. revalorization, франц. revalorisation ‘то же’), *ревитализация* ‘воссоздание градостроительных объектов, утративших свои изначальные функции’ (англ. revitalization, итал. rivitalizzazione ‘то же’), *рекреация* (англ. recreation, нем. Rekreation, итал. ricreazione), *реконструкция* ‘улучшение/реконструкция градостроительного объекта’ (англ. renovation, фр. rénovation, исп. renovación ‘то же’), *санация* ‘оздоровление городской среды’ (фр. sanacion, итал. sanazione ‘исцеление’), *сигнация* ‘выделение дополнений’ (англ. signation, нем. Signation, фр. signation ‘указатель’), *унификация* ‘приведение к единобразию’ (англ. unification, нем. Unifikation, фр. unification ‘объединение’, исп. unificación ‘то же’), *глобальный* (англ. global) и др.

Инсоляция (фр. insolation ‘освещение солнечными лучами’, восходящее к лат. insolatio ‘заход или размещение на солнце’ [51]) – «количество естественного солнечного облучения, получаемого компонентами городской и, в частности, жилой застройки. Измеряется как в продолжительности времени инсоляции, так и в количестве единиц солнечного облучения» [14. С. 97]. При заимствовании произошла замена французского суффикса *-tion-* на русский *-циј-*. Номинация зафиксирована в НКРЯ с 1934 г. Для условий Сибири наиболее благоприятной инсоляция будет при южной ориентации фасада. 2013 [38. С. 8].

Группу **синтаксических заимствований** (8%) составляют следующие градостроительные термины: *глобальный редевелопмент* (англ. global redevelopment), *моноцентрическая агломерация* (англ. monocentric agglomeration), *региональный эгоцентризм* (англ. regional egocentrism), *полицентрическая агломерация* (англ. polycentric agglomeration), *креативный кластер* (англ. creative cluster), *функциональный урбанизированный ареал* (англ. functional urban area) и др.

Глобальный редевелопмент (англ. global redevelopment ‘то же’ [51]) – полное переразвитие объектов или территорий (назначение участка и согласование нового проекта, прокладка новых инженерных сетей и т.д.) [39. С. 57]. При «глобальном» редевелопменте в обязательном порядке должна быть проработана архитектурная идея, которая учитывает выполнение требований нормативной документации и комплексный анализ реконструируемых объектов и территории будущего проекта. 2019 [40. С. 57].

Среди **семантических (переводных) заимствований** в градостроительной терминологии есть кальки (синтаксические) и полукальки. К **синтаксическим калькам**, т.е. словосочетаниям с переведенными компонентами иностранного языка, относятся следующие терминологические единицы: *общественное пространство* (англ. public space ‘то же’), *серый пояс* ‘промышленная зона вокруг исторического центра города’ (англ. grey belt ‘то же’), *устойчивое развитие* ‘сбалансированное развитие городской среды’ (англ. sustainable development ‘гармоничное развитие’) и др.

Общественное пространство (англ. public space ‘общественное пространство’ [51]) – «часть городской территории, доступная без ограничений всем слоям населения, которая должна формироваться с учетом интересов будущих «пользователей» для общения, отдыха, социального взаимодействия и творческой реализации» [41. С. 178]. Термин не зафиксирован в специализированных словарях. В НКРЯ с 2012 г. *Отличительной особенностью общественных пространств является их индивидуальный художественный образ, помогающий человеку мысленно выделить и зафиксировать объект в структуре городского пространства*. 2018 [41. С. 40].

Умный дом (англ. smart home, smart house ‘умный дом’ [50]) – дом с применением технологий взаимосвязанных «умных» вещей, являющихся частью внутреннего и внешнего домашних пространств: подсистем микроклимата, освещения и регулирования работы электронных устройств [42. С. 47]. Не зафиксирован в специализированных словарях. В НКРЯ с 2002 г. *По данным Forrester, объем рынка «умных домов» в России составляет 0,1% от общего объема жилищных проектов... В России, по расчетам исследовательской компании Statista, к 2022 году он достигнет 8,5 %.* 2020 [43].

Полукальки, т.е. номинации, у которых произошло частичное калькирование в процессе заимствования: *депрессивный город* ‘город, который испытывает экономический или другой спад’ (англ. depressed city ‘то же’), *депрессивная территория* (англ. depressed area ‘то же’), *маятниковая мигра-*

ция ‘передвижение рабочей части населения из пригорода в город и обратно’ (англ. *pendulum migration* ‘то же’), *модульное проектирование* ‘проектирование по принципу соразмерности’ (англ. *modular designing* ‘то же’), *капиталистический город* (англ. *capitalist city* ‘то же’), *компактный город* (англ. *compact city* ‘то же’), *линейный город* (англ. *linear city* ‘то же’), *радиальный город* (англ. *radial city* ‘то же’) и др.

Для изучения семантического и функционального освоения иноязычных терминоединиц был проведен лингвистический эксперимент. Цель данного эксперимента – определение степени семантической и функциональной ассилияции градостроительных терминологических номинаций. В лингвистическом эксперименте приняли участие 65 респондентов в возрасте от 18 до 74 лет – специалисты строительной сферы, инженеры-программисты и студенты Томского архитектурно-строительного университета, обучающиеся по направлениям «Архитектура», «Промышленное и гражданское строительство», «Городское строительство и хозяйство» и др. Респондентам было предложено выполнить два задания, ответив на вопросы анкет. Анкетирование было проведено в очном и дистанционном форматах и состояло из двух этапов. На первом этапе нужно было дать краткий ответ, знает ли респондент указанный термин, и записать предложение с данным словом/словосочетанием (задание 1). В анкету вошло 100 иноязычных терминоединиц, отобранных методом систематической выборки: *аванплощадь*, *аквальный ландшафт*, *амфитеатр*, *браунфилд*, *буферная зона*, *вилла*, *глэм-пинг*, *грейфилд*, *гринфилд*, *городская агломерация*, *депрессивная территория*, *джентрификация*, *инсоляция*, *курдонер*, *линейный город*, *маятниковая миграция*, *новый урбанизм*, *реабилитация застройки*, *плейсмекинг*, *реконструкция*, *таунхаус*, *плац-парад*, *санация*, *стейххолдер*, *субурбия*, *общественное пространство*, *брэндинг территории*, *умный дом*, *урбанизация*, *DIY урбанизм* и др.

На втором этапе анкетирования требовалось дать определение перечисленных градостроительных терминов (задание № 2). Целесообразность включения в лингвистический эксперимент этого задания объясняется необходимостью вызвать метаязыковую рефлексию информантов относительно дефиниции иноязычных терминологических единиц и таким образом определить степень семантической ассилияции последних. Список иноязычной лексики для второго задания представлен 50 заимствованиями, например: *базилика*, *городская агломерация*, *грейфилд*, *депрессивная территория*, *плейсмейкинг*, *общественное пространство*, *таун-хаус*, *умный дом*, *устойчивое развитие*, *DIY урбанизм*, *NIMBY*. Для подтверждения объективности результатов эксперимента в анкету были включены терминоединицы, по нашему предположению, находящиеся на разных этапах освоения, не только зафиксированные в словарях, но и отсутствующие в них. Образцы бланков опроса по первому и второму заданиям представлены ниже.

Таблица 1

Образец бланка опроса по заданию № 1

Градостроительный термин	Знаете ли Вы данный термин? Поставьте + или -. Придумайте с ним предложение	Градостроительный термин	Знаете ли Вы данный термин? Поставьте + или -. Придумайте с ним предложение
1. Городская агломерация		16. Глэмпинг	
2. Депрессивная территория		17. Грейфилд	
3. Санация		18. Браунфилд	
4. Урбанизация		19. Гринфилд	
5. Маятниковая миграция		20. Новый урбанизм	
6. Редабилитация застройки		21. Умный дом	
7. Аванплощадь		22. DIY урбанизм	
8. Амфитеатр		23. Джентрификация	
9. Вилла		24. Плац-парад	
10. Аквальный ландшафт		25. Субурбия	
11. Инсоляция		26. Стейкхолдер	
12. Линейный город		27. Общественное пространство	
13. Реновация		28. Брендинг территории	
14. Таунхаус		29. Буферная зона	
15. Плейсмекинг		30. Курдонер	

Таблица 2

Образец бланка опроса задания № 2

Градостроительный термин	Дайте определение данному термину
1. Городская агломерация	
2. Устойчивое развитие	
3. Грейфилд	
4. Умный дом	
5. DIY урбанизм	
6. Базилика	
7. Фотограмметрия	
8. Таунхаус	
9. Депрессивная территория	
10. Общественное пространство	

Результаты опроса. По результатам выполнения первого задания, выявлено, что **полностью семантически и функционально освоенными** в профессиональном сообществе являются 68% терминов, поскольку они известны подавляющему большинству респондентов, верно употребивших их в письменной речи (более 60%): *городская агломерация* (80%), *урбанизация* (78%), *вилла* (92%), *таун-хаус* (76%), *умный дом* (86%), *общественное пространство* (82%), *буферная зона* (80%) и т.д. В данную группу вошли термины, зафиксированные в словарях [14–16], функционирующие в учебно-научной литературе, профессиональной интернет-коммуникации.

Неполностью освоенными в семантическом и функциональном отношении квалифицируются 16% терминоединиц: их верно отрефлексировали менее 60% респондентов. Сюда относятся номинации, не зафиксированные в словарях, но функционирующие в научных статьях, на градостроительных сайтах: *инициативное бюджетирование* (40%), *ревитализация* (34%), *урб-квартал* (49%), *хоромизация* (40%) и др.

В группу **семантически неосвоенных** терминологических слов и словосочетаний включено 16 % единиц, значения которых верно определили менее 10 % респондентов: *джентрификация* (0%), *стейкхолдер* (0%), *грей-файлд* (8%), *браунфайлд* (2%), *гринфайлд* (10%). Данные номинации не зафиксированы в словарях и относятся к новейшим заимствованиям, вошедшим в подъязык профессиональной сферы градостроительства, по материалам НКРЯ и другим источникам, в последние годы. Таким образом, по данным первого этапа лингвистического эксперимента, семантически и функционально освоенными в той или иной степени являются 84% терминоединиц иноязычного происхождения.

Задание № 2, связанное с метаязыковой рефлексией информантов относительно значения 50 иноязычных терминологических единиц, является особо ценным, хотя порой и вызывает затруднение в их семантизации у респондентов. В анкету данного этапа эксперимента вошло 50 градостроительных терминоединиц. От участников эксперимента не требовалось точного дефинирования терминологической единицы. Если в их определении были указаны верные семантические признаки понятия, обозначаемого термином, то дефиниция считалась корректной. Приведем некоторые ответы респондентов: *умный дом* – «дом со множеством электронной техники», «дом, в котором создана автоматическая система контроля комфорта», «дом с применением современных цифровых технологий для обеспечения автоматизации управления всеми приборами в здании»; *гринфайлд* – «участок земли, который не подвергался загрязнению», «крупная территория с зелеными насаждениями», «неосвоенный участок земли в населенном пункте»; *шале* – «архитектурный элемент здания», «разновидность дома», «пастущий дом в Альпийских горах»; *ватерфронт* – «речной канал», «водный объект местности», «береговая линия набережной»; *NIMBY* – «строительная технология», «архитектурно-дизайнерский приём», «движение местных жителей, которые не согласны с изменениями в строительной инфраструктуре, прилегающей к их домам».

Более всего точных дефиниций (более 60%) получили термины *городская агломерация*, *умный дом*, *таун-хаус* и *общественное пространство*. Меньше всего (менее 10%) – *глэмпинг-парк*, *стейкхолдер*, *NIMBY* и др. В целом, по данным второго этапа лингвистического эксперимента, 64 % терминоединиц определены как полностью освоенные в семантическом отношении, 26% – неполностью освоенные, 10 % – неосвоенные. Результаты первого и второго этапов эксперимента коррелируют между собой: семантически ассилированными в той или иной степени оказались соответственно 84 и 90% терминоединиц.

Особого внимания заслуживают результаты эксперимента, касающиеся терминов-экзотизмов. Они составили 14% от общего количества иноязычных терминоединиц. Согласно исследованиям русского литературного языка экзотизмы относятся к неосвоенным иноязычным словам [14]. По нашим данным, в градостроительной терминологии есть не только неосвоенные, но и освоенные экзотизмы. Более того, 65% от общего количества данных номинаций освоено носителями подъязыка градостроительства (*вигвам* ‘стационарное жилище индейцев Северной Америки’ – 90%, *гетто* ‘городской район в США с низким уровнем благополучия’ – 88%, *фавела* ‘городские трущобы в странах Южной Америки’ – 76%, *шале* ‘хижина пастуха в горной местности Швейцарии’ – 61%), и только 35% оказались неосвоенными, среди которых преимущественно несклоняемые существительные (*тыйпи* ‘переносное жилище кочевых индейцев Северной Америки’, *тулоу* ‘дом-крепость в китайских провинциях’ и др.).

Результаты первого и второго этапов лингвистического эксперимента представлены ниже в виде двух графиков. На оси x обозначен номер термина согласно его расположению в задании опросников № 1 и 2, на оси y – процент респондентов, давших положительный ответ (рис. 1, 2).

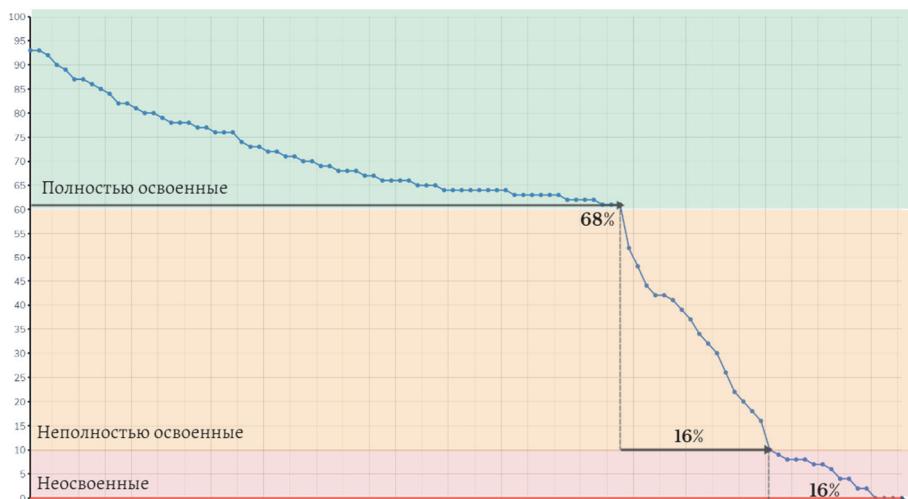

Рис. 1. Степень семантической и функциональной ассилияции иноязычной градостроительной терминологии (первый этап эксперимента)

Рис. 2. Степень семантической ассилияции иноязычной градостроительной терминологии (второй этап эксперимента)

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что заимствование является активным способом пополнения градостроительной терминологии. Выявлено и проанализировано более 300 иноязычных градостроительных терминов, среди которых 78 не зафиксированы в специализированных академических словарях. Источниками заимствования иноязычной терминологии стали английский (28%), французский (12%), немецкий (6%), итальянский (7%), испанский (4%) и другие языки (5%). Установлено, что около 38 % терминов – это интернационализмы, входящие в мировой фонд терминологии градостроительства. В градостроительной терминологии выявлены разные типы иноязычных единиц: лексические заимствования (иноязычные вкрапления, транслитерированные, транскрибированные, комплексные; экзотизмы и др.); синтаксические и семантические заимствования (кальки). Превалируют лексические заимствования (49%) и синтаксические кальки (39%). Среди данных терминологических номинаций выявлены единицы, находящиеся на различных этапах формального (графического и морфологического) освоения в русском подъязыке градостроительства.

По результатам лингвистического эксперимента установлено, что иноязычные терминоединицы находятся на разных этапах семантической и функциональной ассилияции в русском языке: являются полностью освоенными, неполностью освоенными и неосвоенными. 84–90% терминов градостроительства квалифицируются как семантически освоенные в той или иной степени, и лишь 10–16% как неосвоенные. Особенность терминологии

данной сферы – наличие преимущественного количества семантически освоенных экзотизмов (около 65% от общего количества проанализированной экзотической лексики).

Материалы и результаты данного исследования могут найти применение в лексикографической практике и процессе преподавания лингвистических и профилирующих дисциплин при обучении профессиональному русскому языку российских и иностранных студентов.

Список источников

1. Сливков И.П., Погосян Ж.Р. Иностранные заимствования в современной российской строительной номенклатуре // Актуальные проблемы и пути развития энергетики, техники и технологий: Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции. Балаково, 2022. Т. 2. С. 186–189.
2. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 49–54.
3. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 50–61.
4. Мацкевич Н.А., Щитова О.Г. Ксеногенность в русской архитектурно-дизайнерской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 43–51.
5. Банщиков Д.С. Заимствованная терминология в дискурсе градостроительства // Язык. Общество. Образование: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования», Томск, 10–12 ноября 2022 г. Томск, 2022. С. 437–441.
6. Банщиков Д.С. Англицизмы в русской терминологии урбанистики как отражение кросскультурной коммуникации // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов X (ХХII) Международной научно-практической конференции молодых ученых, 13–15 апреля 2023 г. Вып. 24. Томск, 2023. С. 248–254.
7. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М. : ПринтПро, 2018. 472 с.
8. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
9. Потебня А.А. Язык и народность. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml (дата обращения: 20.12.2023).
10. Haugen E. The analysis of linguistic borrowing // Language. Linguistic Society of America. 1950. Vol. 26, № 2. P. 210–231.
11. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI: Языковые контакты. С. 344–382.
12. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М. : Наука, 1982. 147 с.
13. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
14. Смоляр И.М. Терминологический словарь по градостроительству. М. : РОХОС, 2004. 160 с.
15. Крассов О.И., Тарло Е.Г., Петрова Т.В. Толковый словарь градостроительного законодательства. М. : Юридический центр, 2004. 199 с.
16. Беленький М.В., Визирян Г.В. Терминологический словарь по строительству на 12 языках. М. : Русский язык, 1986. 1368 с.

17. Груздев В.М. Основы градостроительства и планировка населенных мест: учеб. пособие. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. архит.-строит. ун-та, 2017. 105 с.
18. Авдотьин Л.Н. Градостроительное проектирование: учеб. для вузов. М. : Стройиздат, 1989. 432 с.
19. Глазычев В.Л. Урбанистика. М. : Европа, 2008. 325 с.
20. Груздев В.М. Территориальное планирование: Теоретические аспекты и методология пространственной организации территории: учеб. пособие для вузов. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 146 с.
21. Рыбчинский В. Городской конструктор: Идеи и города. М. : Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014. 213 с.
22. Зарецкая Л.А. Английский язык для архитектора и градостроителя. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. ун-та, 2013. 116 с.
23. Теодоронский В.С., Ерзин И.В. Основы архитектуры и градостроительства: Функциональное зонирование и планировка населенных мест: учеб. пособие. М. : Изд-во Мос. гос. техн. ун-та им. Н.Э. Баумана, 2019. 93 с.
24. СНиП 2.07.01-89*. Градостроительство Планировка и застройка городских и сельских поселений. М. : М ФГУП ЦПП, 2007. 56 с.
25. Юдичева Е.Ю. Корейский региональный эгоцентризм как общественное народное явление // Корееведение в России: направление и развитие. Казань, 2002. Т. 3. № 4. С. 38–46.
26. Сазонов И.Е. Технопарк, специализированный в области информационных технологий (ИТ-парк), на базе СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича // Инновации. 2005. № 9 (86). С. 39–44.
27. Проект нового ИТ-парка обсудили на заседании рабочей группы по историческому центру Казани. URL: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/proekt-novogo-it-parka-obsudili-na-zasedanii-rabochey-gruppy-po-istoricheskому-tsentr-kazani/> (дата обращения: 18.12.2023).
28. Сетевые сообщества как акторы социальных инноваций и стейххолдеры стратегического развития городов // Публичная политика. 2019. Т. 3, № 1–2. С. 192–215.
29. Амиантов С.В. Рынок градостроительного проектирования через призму понятия «ценность» // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2022. № 4. С. 138–168.
30. Гамалей А.А., Назарова В.П. Анализ опыта проектирования глэмпинг-парков как объекта индустрии экологического туризма // Вестник евразийской науки. 2022. № 2, т. 14. URL: <https://esj.today/PDF/24SAVN22.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).
31. Бородин П.А. Формирование пространственно-планировочной структуры участка второго жилища // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. № 2 (63). С. 166–176.
32. Курдонеры и конструктивизм. URL: <https://archi.ru/russia/93303/kurdonery-i-konstruktivizm> (дата обращения: 21.12.2023).
33. Таунхаус – что это за дом и как его правильно оформлять. Особенности жизни в таунхаусах и управления общим имуществом. URL: <https://www.mirkvartir.ru/journal/assistant/2022/10/27/taunhaus-chto-eto-za/> (дата обращения: 21.12.2023).
34. Градостроительный кодекс. Гл. 1. Общие положения. URL: <https://lex.uz/acts/5307955> (дата обращения: 21.12.2023).
35. Брагина Н.Ю. Исследование особенностей и направлений развития градостроительства г. Душанбе // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2017. № 9. С. 68–72.
36. Малетин С.С. Трушобы как туристская дестинация // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62), т. 7. С. 42–46.

37. Дехтярь Г.М., Никольская Е.Ю., Филатова М.С., Христов Т.Т. Трущобный туризм как формат альтернативного вида путешествий: методологические вопросы и успешные практики // Сервис в России и за рубежом. 2021. № 2, т. 15. С. 17–29.
38. Карамаев В.А., Адогкина Е.В., Тен М.Г., Нефедова С.А. Инсоляция помещений и территорий застройки: учеб. пособие. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. архит.-строит. ун-та (Сибстрин), 2013. 64 с.
39. Лапидус А.А., Топчий Д.В., Ефремова В.Е., Кузин Е.А Редевелопмент промышленных территорий // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2019. Т. 17, № 4. С. 56–61.
40. Туртыгина С.А. Тенденции реконструкции старых промышленных зданий и территорий с целью перепрофилирования // Строительные материалы и изделия. 2019. Т. 2, № 5. С. 40–46.
41. Зазуля В.С. Общественные пространства как основной ресурс развития современного мегаполиса // Материалы международной научно-практической конференции «Наука, образование и экспериментальное проектирование». Труды МАРХИ, Москва, 2–6 апреля 2018 г. 2018. С. 178–180.
42. Вотинов М.А. Особенности формирования общественных пространств в городской среде // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. № 4. С. 34–40.
43. Шаев Ю.М., Самойлова Е.О. Технология «Умного дома» и тенденции трансформаций жизненного пространства // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2020. № 1 (17). С. 45–53.
44. «Умный дом» – понятие растяжимое. URL: https://glavstroy-spb.ru/press-center/article_umnyy-dom-ponyatie-rastyazhimoe (дата обращения: 19.12.2023).
45. Мазаев Г.В. Компактный город: критика определений // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. 2021. № 2 (49). С. 9–13.
46. «Не у меня во дворе»: Американский социолог – о NIMBY-жильцах, которые выступают против открытия социальных учреждений. URL: <https://takiedela.ru/news/2019/10/01/nimby-interview/> (дата обращения: 21.12.2023).
47. Виадук протяженностью 7 км построят в Ленобласти в рамках проекта BCM. URL: <https://spb.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/21/981526-viaduk-lenoblasti-vsm> (дата обращения: 21.12.2023).
48. Градотомия. Блог о градостроительной науке. URL: <https://www.gradotomia.com/> (дата обращения: 21.12.2023).
49. Город не бесит – крупнейшее в Томской области и Томске независимое медиа по темам урбанистики, вопросам качественной городской среды и благоустройству. URL: <https://gorodnebesit.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).
50. Andrey Yelbayev. YouTube-канал московского архитектора и урбаниста Андрея Елбаяева. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC2jMDT8kjcpNS34v1x56tw> (дата обращения: 25.12.2023).
51. Мультитран – интернет-система двуязычных словарей. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 25.12.2023).

References

- Slivkov, I.P. & Pogosyan, Zh.R. (2022) [Foreign borrowings in modern Russian construction nomenclature]. *Aktual'nye problemy i puti razvitiya energetiki, tekhniki i tekhnologiy* [Current Problems and Ways of Development of Energy, Engineering and Technology]. Proceedings of the 8th International Conference. Vol. 2. Balakovo. 20 April 2022. Balakovo: National Research Nuclear University MEPhI. pp. 186–189. (In Russian).
- Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2020) Inoyazychnye oboznacheniya noveyshikh stroitel'nykh tekhnologiy v russkom yazyke [Foreign language designations of the latest

- construction technologies in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (208). pp. 49–54.
3. Trofimova, N.A. & Shehitova, O.G. (2021) Latest borrowings in Russian construction terminology of the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 470. pp. 50–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/470/6
  4. Matskevich, N.A. & Shchitova, O.G. (2023) Ksenogennost' v russkoj arkhitekturno-dizaynerskoj terminologii [Xenogeneity in Russian architectural and design terminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (228). pp. 43–51.
  5. Banshchikov, D.S. (2022) [Borrowed terminology in the discourse of urban planning]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovanie* [Language. Society. Education]. Proceedings of the 3rd International Conference Lingvisticheskie i kul'turologicheskie aspekty sovremenennogo inzhenernogo obrazovaniya [Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education]. Tomsk. 10–12 November 2022. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 437–441. (In Russian).
  6. Banshchikov, D.S. (2023) [Anglicisms in Russian urbanistic terminology as a reflection of cross-cultural communication]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the X (XXII) International Conference. Vol. 24. Tomsk. 13–15 April 2023. Tomsk: Tomsk State University. pp. 248–254. (In Russian).
  7. Shelov, S.D. (2018) *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatiynaya organizatsiya, prakticheskie prilozheniya* [Essay on the Theory of Terminology: Composition, conceptual organization, practical applications]. Moscow: PrintPro.
  8. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow: Akademiya.
  9. Potebnya, A.A. (2007) Yazyk i narodnost' [Language and nationality]. *Kafedra obshchego i sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanija* [Department of General and Comparative Historical Linguistics]. [Online] Available from: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml (Accessed: 20.12.2023).
  10. Haugen, E. (1950) The analysis of linguistic borrowing. *Language. Linguistic Society of America*. 2 (26). pp. 210–231.
  11. Haugen, E. (1972) Protsess zaimstvovaniya [The process of borrowing]. Translated from English. In: Rozentsveig, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. pp. 344–382.
  12. Lotte, D.S. (1982) *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Issues of Borrowing and Organizing Foreign Language Terms and Term Elements]. Moscow: Nauka.
  13. Krysin, L.P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhое: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian Word, Own and Alien: Studies in modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
  14. Smolyar, I.M. (2004) *Terminologicheskiy slovar' po gradostroitel'stvu* [Terminological Dictionary of Urban Planning]. Moscow: ROKhOS.
  15. Krassov, O.I., Tarlo, E.G. & Petrova, T.V. (2004) *Tolkovyy slovar' gradostroitel'nogo zakonodatel'stva* [Explanatory Dictionary of Urban Planning Legislation]. Moscow: Yuridicheskiy tsentr.
  16. Belen'kiy, M.V. & Viziryan, G.V. (1986) *Terminologicheskiy slovar' po stroitel'stvu na 12 yazykakh* [Terminological Dictionary for Construction in 12 Languages]. Moscow: Russkiy yazyk.
  17. Gruzdev, V.M. (2017) *Osnovy gradostroitel'stva i planirovka naselennykh mest* [Fundamentals of Urban Planning and Planning of Populated Areas]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture, Building and Civil Engineering.
  18. Avdot'in, L.N. (1989) *Gradostroitel'noe proektirovanie* [Urban Planning]. Moscow: Stroyizdat.
  19. Glazychev, V.L. (2008) *Urbanistika* [Urbanism]. Moscow: Evropa.

20. Gruzdev, V.M. (2014) *Territorial'noe planirovanie. Teoreticheskie aspekty i metodologiya prostranstvennoy organizatsii territorii* [Territorial Planning. Theoretical aspects and methodology of spatial organization of territory]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture, Building and Civil Engineering.
21. Rybchinskiy, V. (2014) *Gorodskoy konstruktor. Idei i goroda* [Urban Designer. Ideas and cities]. Moscow: Institut media, arkhitektury i dizayna "Strelka".
22. Zaritskaya, L.A. (2013) *Angliyskiy yazyk dlya arkhitektora i gradostroitelya* [English for Architects and Urban Planners]. Orenburg: Orenburg State University.
23. Teodoronskiy, V.S. & Erzin, I.V. (2019) *Osnovy arkhitektury i gradostroitel'stva. Funktsional'noe zonirovanie i planirovka naselennykh mest* [Fundamentals of Architecture and Urban Planning. Functional zoning and planning of populated areas]. Moscow: Bauman Moscow State Technical University.
24. Krivov, A.S. (2007) *SNiP 2.07.01-89*. Gradostroitel'stvo Planirovka i zastroyka gorodskikh i sel'skikh poseleniy* [SNiP 2.07.01-89*. Urban Planning. Planning and development of urban and rural settlements]. Moscow: M FGUP TsPP.
25. Yudicheva, E.Yu. (2002) Koreyskiy regional'nyy egotsentrizm kak obshchestvennoe narodnoe yavlenie [Korean regional egocentrism as a public national phenomenon]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitiye*. 4 (3). pp. 38–46.
26. Sazonov, I.E. (2005) Tekhnopark, spetsializirovanny v oblasti informatsionnykh tekhnologiy (IT-park), na baze SPbGUT im. prof. M. A. Bonch-bruevicha [Technopark, specialized in the field of information technology (IT park), based on The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications]. *Innovatsii*. 9 (86). pp. 39–44.
27. Kazan. (2022) Proekt novogo IT-parka obsudili na zasedanii rabochey gruppy po istoricheskому tsentru Kazani [The project for a new IT park was discussed at a meeting of the working group on the historical center of Kazan]. *Kazan*. 15 February. [Online] Available from: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/proekt-novogo-it-parka-obsudili-na-zasedanii-rabochey-gruppy-po-istoricheskому-tsentr-kazani/> (Accessed: 18.12.2023).
28. Publchnaya politika. (2019) Setevye soobshchestva kak aktory sotsial'nykh innovatsiy i steykkhkhodery strategicheskogo razvitiya gorodov [Network communities as actors of social innovation and stakeholders in the strategic development of cities]. *Publchnaya politika*. 1–2 (3). pp. 192–215.
29. Amiantov, S.V. (2022) Rynok gradostroitel'nogo proektirovaniya cherez prizmu ponyatiya "tsennost'" [The market for urban planning through the prism of the concept of "value"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. 4. pp. 138–168.
30. Gamaley, A.A. & Nazarova, V.P. (2022) Analiz opyta proektirovaniya glemping-parkov kak ob"ekta industrii ekologicheskogo turizma [Analysis of experience in designing glamping parks as an object of the ecological tourism industry]. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. 2 (14). [Online] Available from: <https://esj.today/PDF/24SAVN222.pdf> (Accessed: 20.12.2023).
31. Borodin, P.A. (2023) Formirovaniye prostranstvenno-planirovochnoy struktury uchastka vtorogo zhilishcha [Formation of the spatial planning structure of the site of the second dwelling]. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2 (63). pp. 166–176.
32. Kuznetsova, A. (2021) Kurdonery i konstruktivizm [Courtyards and Constructivism]. *Archi.ru*. 21 May. [Online] Available from: <https://archi.ru/russia/93303/kurdonery-i-konstruktivizm> (Accessed: 21.12.2023).
33. Machaidze, N. (2022) Taunkhaus – chto eto za dom i kak ego pravil'no oformlyat'. Osobennosti zhizni v taunkhausakh i upravleniya obshchim imushchestvom [Townhouse – what kind of house is it and how to decorate it correctly. Features of living in townhouses and managing common property]. *Mir Kvarтир* [World of Flats]. 27 October. [Online] Available from: <https://www.mirkvarтир.ru/journal/assistant/2022/10/27/taunhaus-chto-eto-za/> (Accessed: 21.12.2023).
34. Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Town Planning Code. Chapter 1*. [Online] Available from: <https://lex.uz/acts/5307955> (Accessed: 21.12.2023). (In Russian).

35. Bragina, N.Yu. (2017) Issledovanie osobennostey i napravleniy razvitiya gradostroitel'stva g. Dushanbe [Study of the features and directions of development of urban planning in Dushanbe]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova*. 9. pp. 68–72.
36. Maletin, S.S. (2015) Trushchobny kakh turistskaya destinatsiya [Slums as a tourist destination]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2-7 (62). pp. 42–46.
37. Dekhtyar', G.M. et al. (2021) Trushchobnyy turizm kak format al'ternativnogo vida puteshestviy: metodologicheskie voprosy i uspeshnye praktiki [Slum tourism as a format for an alternative type of travel: methodological issues and successful practices]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2 (15). pp. 17–29.
38. Karataev, V.A. et al. (2013) *Insolyatsiya pomeshcheniy i territoriy zastroyki* [Insolation of Premises and Built-up Areas]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin).
39. Lapidus, A.A. et al. (2019) Redevelopment promyshlennykh territoriy [Redevelopment of industrial territories]. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*. 4 (17). pp. 56–61.
40. Turtygina, S.A. (2019) Tendentii rekonstruktsii starykh promyshlennykh zdaniy i territoriy s tsel'yu pereprofilirovaniya [Trends in the reconstruction of old industrial buildings and territories for the purpose of repurposing]. *Stroitel'nye materialy i izdeliya*. 5 (2). pp. 40–46.
41. Zazulya, V.S. (2018) [Public spaces as the main resource for the development of a modern metropolis]. *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie v MARKhI* [Science, Education and Experimental Design in Moscow Architectural Institute]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 02–06 April 2018. Moscow: Moscow Architectural Institute (State Academy). pp. 178–180. (In Russian).
42. Votinov, M.A. (2014) Osobennosti formirovaniya obshchestvennykh prostranstv v gorodskoy srede [Features of the formation of public spaces in the urban environment]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Shukhova*. 4. pp. 34–40.
43. Shaev, Yu.M. & Samoylova, E.O. (2020) Tekhnologiya "Umnogo doma" i tendentsii transformatsiy zhiznennogo prostranstva [Smart Home technology and trends in living space transformations]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*. 1 (17). pp. 45–53.
44. Glavstroy. Sankt-Peterburg [Glavstroy. Saint Petersburg]. (2019) "Umnyy dom" – ponyatiye rastyazhimoe ["Smart home" is a flexible concept]. *Glavstroy. Sankt-Peterburg* [Glavstroy. Saint Petersburg]. 30 October. [Online] Available from: https://glavstroy-spb.ru/press-center/article_umnyy-dom-ponyatiye-rastyazhimoe (Accessed: 19.12.2023).
45. Mazaev, G.V. (2021) Kompaktnyy gorod: kritika opredeleniy [Compact city: criticism of definitions]. *Akademicheskiy Vestnik UralNIIPROJEKT RAASN*. 2 (49). pp. 9–13.
46. Sidorov, D. (2019) "Ne u menya vo dvore". Amerikanskiy sotsiolog – o NIMBY-zhil'tsakh, kotorye vystupayut protiv otkrytiya sotsial'nykh uchrezhdeniy ["Not in my yard." An American sociologist talks about NIMBY residents who oppose the opening of social institutions]. *Takie Dela*. 1 October. [Online] Available from: <https://takiedela.ru/news/2019/10/01/nimby-interview/> (Accessed: 21.12.2023).
47. Grishkov, A. & Yarovikova, I. (2023) Viaduk protyazhennost'yu 7 km postroyat v Lenoblasti v ramkakh proekta VSM [A 7 km long viaduct will be built in Leningrad Oblast as part of the HSR project]. *Vedomosti. Severo-Zapad*. 21 June. [Online] Available from: <https://spb.vedomosti.ru/technology/articles/2023/06/21/981526-viaduk-lenoblasti-vsm> (Accessed: 21.12.2023).
48. Gradotomiya. Blog o gradostroitel'noy nauke [Gradotomy. Blog about urban planning science]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.gradotomia.com/> (Accessed: 21.12.2023).

49. Gorod ne besit. Media [The City Does Not Annoy. Media]. (n.d.) [Online] Available from: <https://gorodnebesit.ru/> (Accessed: 25.12.2023).
50. Yelbayev, A. (n.d.) Andrey Elbaev – arkhitektor, urbanist, gorodskoy planirovshchik [Andrey Elbaev – architect, urbanist, city planner]. YouTube. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/channel/UC2jMDT8kjjcpNS34v1x56tw> (Accessed: 25.12.2023).
51. *Mul'tiran – internet-sistema dvuyazychnykh slovarey* [Multitran. Internet system of bilingual dictionaries]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.multitran.com/> (Accessed: 25.12.2023).

Информация об авторах:

Банщиков Д.С. – аспирант отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); старший преподаватель Института международных связей кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: komrad555@mail.ru

Щитова О.Г. – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: shchitova2010@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.S. Banschikov, postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: komrad555@mail.ru

O.G. Shchitova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitova2010@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2024;
одобрена после рецензирования 09.05.2024; принята к публикации 28.05.2024.*

*The article was submitted 26.04.2024;
approved after reviewing 09.05.2024; accepted for publication 28.05.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/89/2

Система *против* или *против* системы: русские наречные предлоги и проблемы классификации предлогов

Екатерина Николаевна Виноградова¹

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, ekaterinavin@mail.ru

Аннотация. Анализируются русские наречные предлоги и строится модульная классификация, позволяющая снять противоречия существующей типологии русских предлогов и противопоставить разные классы предлогов на основании системы бинарных оппозиций. В предлагаемой модульной классификации выделяются три центральные оппозиции, охватывающие все поле предлогов, – словообразовательная, структурная и функциональная, а также более частные синтаксическая, парадигматическая, орфографическая, семантическая, функционально-семантическая и функционально-категориальная оппозиции.

Ключевые слова: предлог, наречный предлог, полифункциональная единица, категоризация, классификация

Для цитирования: Виноградова Е.Н. Система *против* или *против* системы: русские наречные предлоги и проблемы классификации предлогов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 29–54. doi: 10.17223/19986645/89/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/2

The system is *against* or *against* the system: Russian adverbial prepositions and other polyfunctional units

Ekaterina N. Vinogradova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ekaterinavin@mail.ru

Abstract. The article discusses Russian adverbial prepositions and the categorization of Russian prepositions within grammatical system. Adverbial prepositions listed in *Russian Grammar* (1980) are studied as a focus group. The author inspects the history of their selection and description in Russian grammars since 1755 up to modern grammars and lexicography works, mostly dictionaries of functional words. The paths of adverbial prepositions' grammaticalization are described, and the origins of the preposition group in question are examined. The scrutinizing of the adverbial prepositions has brought up a model of different distribution for adverbial prepositions into primary, denominative and deadjectival classes. The further quantitative and lexicographic analysis has defined a group of polyfunctional units capable of functioning both as prepositions and adverbs – prototypic adverbial prepositions, which are considered as a core

of the polyfunctional prepositions field. This field also includes “new” units marked in dictionaries as having two lexico-grammatical variants – an adverb and a preposition. The periphery of the field is occupied by units having an argument structure and marked in dictionaries of modern Russian as “in predicative meaning” and “parenthetical word”. Some adverbial prepositions, as it is shown, do not function as adverbs at all. The analysis reveals the discrepancies caused by the inclusion of adverbial prepositions as a class into the traditional classification of Russian prepositions. These discrepancies are produced by the mixture of different categorial bases – the functional one for adverbial prepositions and the derivative one for denominative and deverbal prepositions. The contradictions of the traditional prepositional classification and peculiarities of adverbial prepositions have led the author to an idea to propose an alternative module categorization of prepositions held on binary oppositions, which can be constructed in different ways according to the researcher’s aim. There have been identified three main independent bases for oppositions which cover all the prepositions – derivative, structural and functional. The remaining oppositions have a more narrow scope and are relevant for certain groups of prepositions. These oppositions are as follows: syntactic, paradigmatic, orthographic, semantic, functional-semantic and functional-categorial. The module categorization seems to be a coherent and noncontradictory mode to structure the functional-grammatical field of Russian prepositions.

Keywords: preposition, adverbial preposition, polyfunctional unit, categorization, systematization

For citation: Vinogradova, E.N. (2024) The system is *against* or *against* the system: Russian adverbial prepositions and other polyfunctional units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 29–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/2

Введение

Наречные предлоги (далее – НП) являются одной из «болевых» точек современной русистики, вызывая серьезные дискуссии относительно своего частеречного статуса. Известно, что в современных толковых словарях для единиц типа *впереди*, *навстречу*, *против*, *поперек* выделяется два лексико-грамматических варианта – наречие и предлог. В Корпусной грамматике [1. С. 318] (далее – КГ 2018) указано, что «эти слова выступают в двойной частеречной функции в зависимости от наличия или отсутствия зависимого слова». В работах М.В. Всеволодовой [2] продемонстрирована возможность категоризации подобных единиц как предлогов, способных регулярно выступать с 0-формой актанта: *Он опять прошел мимо, а я долго смотрела вслед* = ’мимо меня, вслед ему’. Е.В. Урысон [3] аргументированно представила позицию, в соответствии с которой НП следует относить к наречиям, имеющим семантическую валентность на ориентир, которая синтаксически может не выражаться, см. также [4]. В грамматике А. Timberlake [5. Р. 174–177] НП не составляют отдельного класса, а возможность безобъектного употребления (free occurrence) выделяется как один из признаков, дифференцирующих primary, root, prefixal и convert prepositions.

В данной статье ставится задача определить место НП в грамматической системе русского языка. Для ее решения рассматривается (1) история клас-

сификации русских предлогов, указываются (2) спорные вопросы существующей классификации, для решения которых предлагается (3) модульная классификация предлогов, основанная на ряде бинарных оппозиций, НП характеризуются в рамках данной классификации. В работе также исследуется (4) более широкий круг полифункциональных предложных единиц и их категоризация.

Исходным материалом для исследования стал реестр НП, представленный в Русской грамматике 1980 [6] (далее РГ-80):

а) 46 простых предлогов: *близ, вблизи, вглубь, вдоль, взамен, вместо, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, вопреки, впереди, вроде, вслед, касательно, мимо, наверху, навстречу, накануне, наперекор, напротив, около, округ, относительно, поверх, подле, подобно, позади, помимо, поперек, после, посреди, посередине, прежде, против, сбоку, сверх, свыше, сзади, сквозь, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно, среди;*

б) 21 составной предлог: *вблизи от, вдалеке от, вдали от, вместе с, вплоть до, впредь до, вровень с, вслед за, наравне с, наряду с, невдалеке от, независимо от, применительно к, рядом с, следом за, совместно с, согласно с, сообразно с, соответственно с, соразмерно с, сравнительно с.*

1. История классификации предлогов в русском языке

В грамматике 1619 г. Мелетий Смотрицкий выделяет среди наречий «предлоги, свойство имущая наречия (без, *кромъ*, *развъ*, *внъ*, *внутрь*, *свъне*, *близъ*, *далече*, *окресть*, *в мѣстѣ*, *прежду*, *послѣди*, *даже до*, *штай*, *паче*, *противу и про*)», которые «родителен притяжут» [7. С. 439]. М.В. Ломоносов относит их к предлогам, различая два класса: «прямые» предлоги и единицы, которые «суть купно наречия и предлоги, ибо говорим: *прежде времени*, *внутри дома*, *внъ храма*, *бліско* или *близъ рѣки*, *противъ горы*, *подлъ берега*, *черезъ ровъ*, *сквозь двери*, *послѣ бури*, *мимо дѣла*, *кромъ* или *опричь товарища*. Здесь видим силу предлогов. Но в я былъ прежде здоровъ, останъся внутри или внъ, не подходи близко, вооруженъ противу, обойди около, не стой подлъ, другъ прошоль мимо, сквозь пробиться, перелесть черезъ, притти послѣ наречия находим» [8. С. 552]. Последователь великого энциклопедиста Н.И. Греч также видит среди предлогов «наречия, имеющие силу предлогов» и дополняет перечень М.В. Ломоносова, включая в него следующие единицы¹: *вдоль, вмѣсто, внутрь, возлѣ, вопреки, впереди, впередь, между (межъ), назади, насупротивъ, около, окресть, поверхъ, позади, позадь, сверхъ, среди, средь* [9. С. 393–394]. Подчеркнем, что эти грамматисты отмечают способность наречий выступать в функции предлогов, не ставя вопрос о мотивационных отношениях. А.Х. Востоков добавляет три новых класса слов, способных употребляться в качестве предлогов:

---

¹ При этом Н.И. Греч не упоминает в своем списке названные М.В. Ломоносовым *чез* и *сквозь*, возможно, не видя у них функции наречия.

а) деепричастия (*исключая, несмотря на*); б) существительные в разных падежах (*съ помощю, посредствомъ, по мѣрѣ*); в) произведенные от прилагательных среднего рода наречия (*относительно, касательно, сообразно, соотвѣтственно, соразмѣрно*) [10], которые получили не «прижившееся» в академических грамматиках название «отадъективные» предлоги. Таким образом, к концу XIX в. были определены пять классов предлогов: простые предлоги, предлоги-наречия, деепричастия, имена существительные, отадъективные наречия.

В XX ве. В.В. Виноградов объединяет в рамках НП предлоги-наречия и отадъективные наречия, сохраняя, впрочем, их в качестве подклассов: а) предлоги, связанные с обстоятельственными наречиями: *близь, вдоль, вне, внутрь, возле, вокруг* и др., б) предлоги, связанные с качественными наречиями: *относительно, касательно, подобно, сообразно* и др.

НП, по мысли ученого, «совмещают функции двух категорий: наречия и предлога (а иногда и трех, включая союз)» [11. С. 534]. Таким образом, В.В. Виноградов предлагает новую классификацию предлогов: непроизводные («первообразные») – наречные – отыменные – отглагольные предлоги – «сложные типы предложных словосочетаний». В Грамматике русского языка 1960 г. система становится четырехчленной: простые (первообразные) – наречные – отыменные – отглагольные предлоги, но функциональный признак заменяется на мотивационный: «...к наречной группе относятся предлоги, которые образовались из наречий» [12. С. 657]. Наконец, начиная с Грамматики современного русского литературного языка 1970 г. [13] формируется современная классификация: первообразные vs производные предлоги, которые включают наречные, отыменные, отглагольные. При этом бросается в глаза несимметричность терминов: **отыменные, отглагольные и наречные** (адвербиальные) предлоги, сохранившаяся в грамматиках.

Таким образом, единицы, которые изначально были выделены как полифункциональные, употребляющиеся в функции наречия и предлога, обрели собственный класс среди производных предлогов и были объединены с отадъективными предлогами.

2. Спорные вопросы классификации наречных предлогов

2.1. «Яйцо или курица». В РГ-80 производные предлоги классифицируются на основании их словообразовательных связей, это «такие предлоги и приобретающие свойства предлогов формы отдельных слов и сочетания, которые имеют мотивационные отношения с наречиями, существительными и деепричастиями» [6. С. 707]. Однако действительно ли НП связаны мотивационными отношениями с наречиями?

Как показано выше, М.В. Ломоносов, Н.И. Греч и А.Х. Востоков «спокойно» включали НП в разряд предлогов, выделяя их в отдельный класс. В то время как Ф.И. Буслаев резко ограничивает число предлогов «исключением наречий, употребляемых вместо предлогов, каковы: *надъ, подъ, предъ, вы-, низ-, раз-* (или *роз-*), *чрезъ*», хотя далее смягчает формулировку

и пишет, что следует «отличать предлоги простые, напр. *на*, *по*, *пре-* и др. от сложных: *на-дъ*, *по-дъ*, *пре-дъ* и др.» [14. С. 161]. Остальные единицы, по мнению ученого, должны быть отнесены к наречиям: это как предложные наречия, «которые, наравне с предлогами, могут управлять падежами; напр. *возлѣ дома*, *напротивъ собора*, *вопреки повелѣнію*, *между горъ или между горами*», так и производные предлоги: «...к наречиям, управляющим падежами, относятся многие существительные и прилагательные с предлогом или без предлога; напр., *кругомъ*, *в разсужденія*, *относительно*. Сюда же принадлежит *мѣсто*, с предлогом *въ*, в винительном: *вмѣсто*, и в предложном: *вмѣстѣ*»¹ [15. С. 261]. Развивая этот подход, А.А. Потебня пишет о том, что при переходе существительного в наречие, имеющее объект, например, *копие приломити конецъ поля Половиц(ь)аго; Ружса к'раст си чини среша сльнце* ('крестится против солнца, на восток'), оно становится связкой. При этом наречие, «в известных случаях являющееся связкой (ходить **около** чего), в других случаях может обходиться без следующего за ним падежа». Далее ученый делает заключение, которое и содержит, как кажется, ключ к пониманию укоренившейся идеи о первичности наречий: «...язык может стремиться к созданию таких связок, которые бы не имели никаких других функций. На наших глазах некоторые наречия теряют способность употребляться без следующего за ними падежа, напр., *межъ*, *между*. Это всегда служит признаком совершившегося в них внутреннего изменения, именно потери вещественного значения, того, что они стали **чистыми** (выделено нами. – Е.В.) связками объекта, **предлогами**» [17. С. 123].

Другими словами, при узком понимании предлогами считаются только те единицы, которые не выполняют других функций, кроме предложной, следовательно, речь идет не о мотивационных отношениях, а о потере одной из функций. На наш взгляд, именно потерю функции имеет в виду А.М. Пешковский, когда утверждает, что «предлоги очень часто происходят из наречий. Предлог *кроме*, например, в древнерусском языке мог быть и предлогом, и наречием, которое само произошло... из местного падежа слова *крома*... Таким образом, ход развития в этом слове такой: существительное → наречие → предлог <...>. Отсюда понятно, что многие наши наречия употребляются то как наречия, то как предлоги (*ядро лежит внутри* и *ядро лежит внутри ореха*, *я приеду после* и *я приеду после обеда* и т.д.). Это наречия, не успевшие еще сделаться предлогами» [18. С. 148].

Следовательно, схема развития НП, предложенная А.М. Пешковским и приводимая также в [16], была бы более корректной при включении в нее на промежуточной стадии не только наречия, но и предлога, так как в этот период они функционируют параллельно (рис. 1).

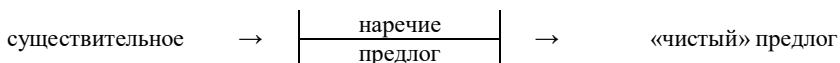

Рис. 1. Грамматикализация наречных предлогов

¹ О предлоге *вместо* Е.Т. Черкасова пишет: «Такого наречия никогда не было» [16. С. 59].

Иными словами, существительное (в определенной предложно-падежной форме) может начать употребляться **одновременно** в функции наречия и предлога, затем функция наречия может быть утрачена и в этом случае произойдет окончательная грамматикализация в «чистый» предлог. Отметим, впрочем, неуниверсальность данной схемы: НП могут, с одной стороны, терять и функцию предлога, а с другой – абсолютно равнозначно (возможно, пока) продолжать употребляться в обеих функциях (табл. 1).

Подобное представление полностью соотносится с идеей Е.Т. Черкасовой о том, что при наличии определенных семантических и синтаксических условий «любое наречие может выступать в качестве предлога. Но такое употребление наречий следует рассматривать не как исторический процесс их определяния, а лишь как варьирование грамматического значения слов в зависимости от характера их синтаксических связей и контекста. В этом смысле истории образования наречных предлогов нет» [16. С. 29]¹.

Предположение, что наречия в процессе грамматикализации приобретают способность управлять существительным, достаточно спорно, более вероятно, что она «заложена» в них. В.В. Виноградов также утверждал, что «необходимо отказаться от распространенного предрассудка, будто имена существительные и прилагательные на пути к деноминализации и к превращению в связочные слова непременно проезжают через станцию наречий» [11. С. 304–305]. Это подтверждается и данными [20], где наречия не зафиксированы в качестве источника грамматикализации. Кажется, для слов типа *внутри, прежде, вне, близ, сквозь, мимо* достаточно сложно с уверенностью определить, что было в начале: «яйцо или курица», предлог или наречие. Логично предположить, что эти единицы изначально выполняли две функции и потому обоснованно выделялись грамматистами в отдельный класс (полифункциональных) слов.

Что касается происхождения слов данного класса, то у большинства анализируемых единиц отчетливо ощущается отыменное и отадъективное начало. Отыменную природу большинства НП видят и Ф.И. Буслаев, и А.А. Потебня, и А.А. Пешковский, и В.В. Виноградов. В фундаментальном труде Е.Т. Черкасовой НП как группа неслучайно рассматриваются внутри отыменных: «Это определенные формы косвенных падежей имен существительных и определенные типы предложно-падежных сочетаний, на базе которых уже в общеславянском языке сложились соответствующие наречия, регулярно выступавшие в роли предлогов» [16. С. 26], отдельно же охарактеризована грамматикализация отадъективных предлогов (*подобно, про-*

---

¹ В этом отношении можно только восхищаться прозорливостью Н.И. Греча, писавшего: «Можно сделать общее замечание, что все частицы, как-то первоначальные наречия, предлоги и союзы, собственно составляют одну только часть речи, разничающиеся употреблением. Наречие, требующее падежа для дополнения своего смысла, становится *предлогом*; предлог, употребляемый без дополнения, может называться *наречием*, наречие, служащее к совокуплению двух предложений, *союзом* и т.д.» [19. С. 224].

тивно, независимо от, касательно, относительно). Отъименное и отадъективное происхождение единиц рассматриваемого класса отмечается в КГ 2018, где вопрос о НП решается с эквилибристическим изяществом: соотношение предлогов и наречий описывается в отдельном параграфе вне классификации предлогов, при этом справедливо утверждается, что «ряд предлогов формально совпадает с наречиями. По происхождению это большей частью грамматикализованные предложно-падежные сочетания, а также образования от относительных прилагательных» [1. С. 347].

Таким образом, в основании академической классификации лежат, на наш взгляд, два различных принципа: словообразовательный и функциональный. Отъименные и отглагольные предлоги выделяются в соответствии с мотивирующими их частями речи, а НП – на основании особенностей их функционирования.

2.2. «Гордиев узел»: противоречия системы. Неудивительно, что совмещение словообразовательного и функционального принципов в классификации обуславливает целый ряд противоречий. Прежде всего, сходные единицы (*типа* и *вроде*)¹ попадают в разные классы; возникает вопрос классификационного статуса «новых» единиц, для которых зафиксированы лексико-грамматические варианты и наречия, и предлога (*в лад, на смену, на сторону, по бокам, под давлением, под конец, по праву*); нет единства в определении статуса некоторых предлогов (*кроме, сквозь, между, перед*). В плане функционирования около трети НП не способны употребляться в качестве наречий (*близ, вместо, вопреки, помимо, сверх*); предлоги могут функционировать не только как наречия, но и как союзы и частицы (*вроде, напротив, соответственно, типа*); отъименные и отглагольные предлоги также могут употребляться как наречия (*в деле, в духе, по случаю, путем, со стороны, погодя*); некоторые предлоги находятся в процессе грамматикализации и / или прагматикализации², получая дискурсивные и прагматические функции (*типа, вроде, напротив, соответственно*) (см., например: [26–28]).

Предлагаемая в КГ 2018 классификация, в которой однословные НП отнесены к отъименным (*вдоль, наперекор, следом*), а неоднословные единицы (*следом за, вплоть до, вплотную к, одновременно с*) выделены в группу производных адверbialных предлогов, на наш взгляд, также не является оптимальной. Во-первых, подобное распределение не вполне соответствует «духу» членения производных единиц: ср. отъименные по РГ-80 *в направлении и в направлении от, в сторону и в сторону от, на пути и на пути к*. Во-вторых, в данной классификации отсутствует место для отадъективных предлогов типа *касательно, относительно* и др.

---

¹ О параллелизме пути грамматикализации *вроде* и *типа* см. в [21].

² О неоднозначном соотношении процессов грамматикализации и прагматикализации см., например: [22–25].

3. Модульная классификация предлогов

Представляется, что для корректной категоризации русских предлогов необходимо учитывать разные основания на различных уровнях системы оппозиций, что позволяет создать модульную систему, в которой реализуются словообразовательные, структурные, синтаксические, парадигматические, функциональные, семантические противопоставления. Подобная категоризация строится, таким образом, из блоков разных уровней и охватывает все поле русских предлогов. В данной статье на материале НП рассматриваются противопоставления, актуальные для их систематизации.

3.1. Словообразовательная категоризация. Словообразовательный принцип лежит в основе традиционной, академической классификации предлогов, однако целесообразно внести некоторые корректизы как в класс непроизводных, так и в класс производных предлогов.

Прежде всего, отметим, что отнесение некоторых предлогов к производным или непроизводным является достаточно спорным, во многом этот вопрос решается авторами грамматических описаний «волонтиаристски»: так, в РГ-80 к **непроизводным** отнесены *кроме, между, перед*, которые характеризуются как «наречные» в [16. С. 31]; в КГ 2018 к непроизводным предлогам добавлены *близ, вопреки, подле, (но-)с(e)ред-и(-ы), сквозь* и устаревшее *опричь* (как синхронно немотивированные); в [29] этот ряд дополняют также *вне, водле, возле, поперек, после, против*, однако *близ* и *(но-)с(e)ред-и(-ы)* отнесены к мотивированным предлогам¹.

Безусловно, желательно было бы иметь объективные критерии, позволяющие разграничить производные и непроизводные предлоги, однако, как отмечают даже авторы работ, где подобные критерии предлагаются [30, 31], четкую и однозначную границу между этими двумя классами провести не удается. Думается, что это связано с постоянным развитием языка, с идущим «индивидуально» для каждого предлога процессом грамматикализации.

Среди НП из исходного списка РГ-80 «кандидатами» на включение в непроизводные предлоги являются *близ, вне, возле, вопреки, мимо, около, подле, после, прежде, против, сквозь, среди*. Кроме того, можно выделить и структурно² сложные непроизводные предлоги (ср. со сращениями типа *из-за, из-под*, выделяемыми в РГ-80): *напротив, помимо, посреди*.

Следующими в очереди «претендентов» в непроизводные предлоги стоят единицы, которые образованы от утраченных ныне корней: *наперекор, водль, поперек*. Класс непроизводных предлогов постепенно пополняется и, как представляется, будет пополняться за счет единиц, утративших мотивационные связи на синхронном уровне, а также предлогов, образованных по непродуктивным моделям, по «угасшему» бесприставочному типу [16. С. 26].

---

¹ В работах М.В. Всеволодовой используется, на наш взгляд, более корректное противопоставление: немотивированные vs. мотивированные предлоги.

² О структурном критерии противопоставления предлогов см. п. 3.2.

Среди производных предлогов целесообразно выделять отглагольные и отыменные, а внутри последних отсубстантивные и отадъективные¹ (рис. 2). Мысль о подобной структуре производных предлогов не нова, ср. работы [10, 16, 29]; в [32, 33] представлена детальная система морфосинтаксических типов предлогов. Напомним также, что прилагательные выделяются во Всемирном лексиконе грамматикализации [20] как один из источников грамматикализации предлогов (в отличие от наречий).

Таким образом, производные НП распределяются между двумя подклассами:

1) отадъективные – грамматикализованные краткие формы относительных прилагательных: *касательно, независимо от, относительно, подобно, применительно к, совместно с, согласно (с), сообразно (с), соответственно (с), соразмерно (с), сравнительно с*;

2) отсубстантивные – грамматикализованные предложно-падежные формы существительных: *вблизи (от), вглубь, вдалеке от, вдали от, взамен, вместе с, вместо, внутри, внутрь, вокруг, впереди², вплоть до, впредь до, бровень с, броде, вслед (за), наверху, навстречу, накануне, наравне с, наряду с, невдалеке от, округ, поверх, позади, посередине, рядом с, сбоку, сверх, сзади, следом за*.

В настоящий момент дискуссионным является выделение в отдельный класс **компаративов** [29]: предлог *свыше*, а также выделенные в [34] *выше и ниже*, отмечаемые в [5] *раньше и позже*. Возможно, они формируют особую группу производных предлогов, отличающихся принципиально иным способом образования – транспозицией. Безусловно, это полифункциональные единицы (см. п. 3.5).

Рис. 2. Словообразовательная категоризация

¹ Ср. с мнением [16. С. 22] о том, что отыменные – это предлоги, «генетически связанные с именами, потому терминологически более корректно было бы выделять отглагольные и отыменные предлоги, а внутри последних – отсубстантивные и отадъективные».

² Наличие предлога *впереди*, а также таких единиц, как *вперёд, поперёд, спереди* (см. п. 4), заставляет вновь задуматься о производности / непроизводности предлога *перед*, ср. также различия в месте ударения.

Итак, часть НП может быть отнесена к непроизводным, остальные – к производным отыменным (отсубстантивным и отадъективным). Следовательно, с точки зрения словообразовательной классификации выделение класса НП оказывается некорректным: наречных предлогов как единого словообразовательного класса не существует.

3.2. Структурная категоризация. Противопоставление **структурно простые¹** vs **структурно сложные** предлоги отражает особенности структуры предлога, см. [29]. К структурно сложным относятся непроизводные предлоги, построенные по модели «предлог / приставка + предлог», например *из-за*, *из-под*, а среди исходного списка НП структурно сложными являются *напротив*, *помимо*, *посреди* (рис. 3).

Рис. 3. Структурная категоризация

Это противопоставление целесообразно использовать и для классификации производных предлогов. Так, отыменные (отсубстантивные) предлоги в РГ-80 включают три подкласса: простые (*порядка*, *типа*), составные с одним первообразным (*в качестве*, *по части*), составные с двумя первообразными (*в зависимости от*, *по сравнению с*). Введение структурной категоризации позволяет противопоставить структурно простые предлоги (*порядка*, *типа*) и структурно сложные (*в качестве*, *в зависимости от*, *вследствие*), построенные по модели «предлог / приставка + существительное (+ предлог)». Таким образом, в основе этого противопоставления лежит наличие «левого» компонента в структуре предлога. «Правый» компонент скорее связан с синтаксическими потенциями предлога, с его управлением актантом и рассматривается в рамках синтаксической категоризации (см. п. 3.3.). Думается, что для отглагольных предлогов противопоставление «структурно простые vs структурно сложные предлоги» позволит разграничить предлоги, включающие частицу *не* (*не доходя до*, *невзирая на*, *несмотря на*), построенные по схеме «частица / приставка + деепричастие (+ предлог)», и более структурно простые (*судя по*, *исходя из*)².

3.3. Синтаксическая категоризация. В академической грамматике традиционно противопоставляются «простые vs составные» производные пред-

¹ В ряде случаев предлагаемые термины, возможно, нельзя считать оптимальными: явления, стоящие за ними, еще «ждут» своих лингвистически выверенных номинаций.

² Некоторые противопоставления в дальнейшем могут опускаться в схемах, чтобы не «перегружать» их.

логи. При этом в РГ-80 к составным в классе отыменных предлогов относятся предлоги как с одним первообразным (*в результате, наподобие, ввиду*), так и с двумя (*в отличие от, в соответствии с*), а среди наречных предлогов и отглагольных предлогов составными являются только единицы с первообразным предлогом «справа» (*независимо от, рядом с; судя по, начиная с*). Это вызывает некоторые интуитивно спорные решения: например, предлоги *наподобие, ввиду* характеризуются как отыменные составные, а *навстречу, вслед* – как простые наречные. На наш взгляд, снять подобные противоречия позволяют введение структурной категоризации (см. п. 3.2), а также отнесение к классу составных только предлогов, включающих первообразный предлог «справа», в постпозиции (*рядом с, наравне с, в отличие от, исходя из*)¹.

Итак, изучаемые НП реализуют противопоставление: **синтаксически простые vs синтаксически составные**, которые характеризуются наличием первообразного предлога «справа».

1) Синтаксически простые предлоги не содержат первообразного предлога «справа»: *относительно, соответственно; накануне, посередине, в результате, по части, типа; благодаря, включая*.

2) Синтаксически составные предлоги включают первообразный предлог в постпозиции: *независимо от, совместно с, вблизи от, наряду с, в связи с, в отличии от; судя по, исходя из* и др.

3.4. Парадигматическая категоризация. Нам представляется важным выделить предлоги, имеющие варианты типа *вблизи – вблизи от*. Можно предположить, что это одна из разновидностей вариативности управления,ср.: *между + тв.п. – между + р.п. в [8], согласно + д.п. – согласно + р.п., по + пр.п. – по + д.п. в КГ 2018*. Думается, что подобные единицы образуют своего рода парадигму предлога, поэтому можно выделить отдельный класс парадигматически **неодновариантных** предлогов, противопоставив его **одновариантным** (рис. 4 – на примере отсубстантивных предлогов):

1) «неодновариантные» предлоги, имеющие пару: *вблизи – вблизи от, вслед – вслед за, согласно – согласно с, сообразно – сообразно с, соответственно – соответственно с, соразмерно – соразмерно с;*

2) «одновариантные» предлоги, не имеющие парадигматических вариантов: *вместо, напротив, наряду с, независимо от* и др.

Для некоторых производных предлогов вариант с первообразным предлогом в постпозиции (синтаксически составной предлог) не указывается в

---

¹ Отметим, что некоторые представители западной лингвистики предлагают не считать составные предлоги (англ. complex prepositions, под которыми в зарубежных грамматиках русского языка обычно понимаются любые производные предлоги) полноправными предлогами. Так, М. Ядров, работающий в русле Минималистской программы Н. Хомского, утверждает, что составных предлогов не существует: «The adverbial “prepositions” like *vplot' do, vdol' po* are not complex prepositions at all: these phrases contain ordinary adverbs» [35. P. 69], с чем трудно согласиться.

грамматиках, однако корпусный материал показывает, что такие употребления вполне возможны и, вероятно, даже системны для некоторых типов предлогов, выражающих пространственные отношения, ср. *навстречу к, позади от, сбоку от, сзади от*. Парадигматически неодновариантные единицы обнаруживаются и в других классах предлогов, ср.: *в направлении – в направлении к, на пути – на пути к; начиная – начиная с, не доходя – не доходя до*. Таким образом, парадигматическая категоризация имеет в качестве сферы действия все производные предлоги.

Рис. 4. Синтаксическая и парадигматическая категоризации

3.5. Функциональная категоризация. Многие служебные слова, в целом характеризующиеся размытостью частеречных границ, способны выполнять функции разных частей речи. На этом основании можно противопоставить монофункциональные и полифункциональные единицы. Очевидно, что полифункциональные единицы образуют пересечение функционально-грамматических полей наречия и предлога, предлога и частицы, предлога и союза и т.д.

Синтаксически простые предлоги могут полностью формально совпадать со словами других частей речи, прежде всего наречиями, являясь полифункциональными единицами. В лексикографической практике подобные наречие и предлог обычно входят в одну словарную статью как разные значения лексемы (*вокруг*).

Синтаксически составные предлоги могут лишь соотноситься с наречиями, формально всегда отличаясь от них наличием первообразного предлога в постпозиции. В словарях подобные предлоги и их аналоги наречия могут составлять как одну словарную статью, например в [36], так и разные, ср. в [37]. В этих случаях корректно говорить не о полифункциональной единице, а о наличии наречного аналога (ср. *рядом с* и *рядом*, *следом за* и *следом*). (рис. 5 – на примере отсубстантивных предлогов).

Для составления объективной картины функционирования НП было изучено их представление в словарях, а также оценено их употребление по корпусным данным.

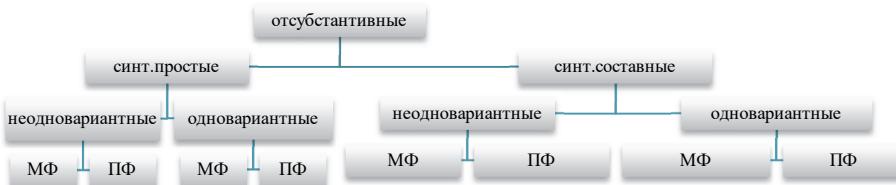

Рис. 5. Функциональная категоризация: МФ – монофункциональные; ПФ – полифункциональные

Анализ атрибуции НП в словарях [34, 36–38] показал, что:

- 8 простых НП не функционируют как наречия: *близ*, *вместо*, *вопреки*, *вроде*, *касательно*, *помимо*, *сверх*, *среди*;
- 2 составных НП не имеют наречных аналогов: *наряду с* (наречие *наряду* выделяется только в [36]) и *применительно к* (наречие *применительно* выделяется только в [38]);
- 4 НП «сомнительны» в роли наречия: *вне* и *подобно* – наречия только по [34, 38], *поверх* – наречие только по [34, 36], *сквозь* помечено как «устар., в роли наречия» [36, 37], как «разг., наречие» в [38].

Таким образом, по данным словарей, единицы *близ*, *вместо*, *вне*, *вопреки*, *вроде*, *касательно*, *наряду с*, *поверх*, *подобно*, *помимо*, *применительно к*, *сверх*, *сквозь*, *среди* не имеют наречных употреблений и не являются полифункциональными (за исключением лексем *вроде*, которая находится на пересечении полей предлога и частицы).

Тяготение единицы к предлогам или наречиям можно оценить количественно на материале данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), изучив соотношение числа ее вхождений с зависимым словом к общему числу ее вхождений. Для составных одновариантных единиц (типа *наряду с*, *следом за*) указано соотношение запросов с простым предлогом в постпозиции к общему числу употреблений. Для неодновариантных предлогов (типа *сообразно (с)*, *вблизи (от)*) указано соотношение суммы предложных употреблений (например, *вблизи + р.п.* и *вблизи от + р.п.*) к общему числу употреблений. Данные соотношения в процентном выражении характеризуют относительное количество употреблений в качестве предлога («предложных» употреблений). В таблице представлена шкала функционирования НП от «чистых» предлогов к преимущественно наречиям¹.

Безусловно, подобный анализ приблизителен, в нем присутствуют неточности, так называемый «шум». Число предложных употреблений оказы-

¹ В статье не рассматриваются предлоги *округ* и *свыше* ввиду трудности их количественного анализа: для первого при неснятой омонимии большинство примеров – на омонимичное существительное, в подкорпусе со снятой омонимией обнаружен один пример предложного употребления, а для второго – велико число употреблений, в которых актант записан цифрами.

вается меньше реального за счет нескольких факторов: не учитываются употребления с неразмечеными актантами (числительными, записанными цифрами; названиями и т.д.), с препозицией актанта: *годам вопреки*; *Мы обошли развалину кругом* (*Ася шла за нами следом*) и полюбовались видами [НКРЯ]. Число же наречных употреблений, наоборот, увеличиваются устойчивые сочетания *вокруг да около, вдоль и поперек* и т.п. Погрешность в сторону увеличения предложных употреблений определяется наличием дискурсивных конструкций (*помимо этого, сверх того, прежде всего* и др.).

Нерешенным, на наш взгляд, остается вопрос о том, как квалифицировать употребления с препозицией предлога в случае составных предлогов: *И вот за нами вслед* ужасная погоня... [НКРЯ]; *Чёрт возьми, это недурно: деревни ваши с нею рядом*, земля с землёй, так вам и размежёвываться теперь не нужно [НКРЯ]. Е.Т. Черкасова пишет о том, что «решающая роль в процессе слияния опорного компонента (непроизводный предлог) с компонентом, уточняющим и усиливающим его значение (соответствующее наречие), принадлежит порядку их расположения» [16. С. 34]. Вероятно, возможность препозиции актанта характеризует незавершенность процесса грамматикализации.

Шкала распределения функционирования наречных предлогов (от «предложных» употреблений к изолированным¹)

№	Наречный предлог	Предложных употреблений, %
1	<i>сверх</i>	100
2	<i>вне</i>	99
3	<i>подле</i>	98
4	<i>среди</i>	98
5	<i>сквозь</i>	98
6	<i>вместо</i>	96
7	<i>возле</i>	96
8	<i>вплоть до</i>	96
9	<i>посреди</i>	96
10	<i>применительно к</i>	96
11	<i>против</i>	96
12	<i>близ</i>	95
13	<i>помимо</i>	95

№	Наречный предлог	Предложных употреблений, %
20	<i>вдоль</i>	89
21	<i>каса-тельно</i>	89
22	<i>наряду с</i>	89
23	<i>согласно (с)</i>	86
24	<i>незави-симо от</i>	81
25	<i>наравне с</i>	80
26	<i>вслед (за)</i>	76
27	<i>относи-тельно</i>	76
28	<i>бровень с</i>	73
29	<i>сопраз-мерно (с)</i>	73
30	<i>вокруг</i>	71
31	<i>мимо</i>	71
32	<i>поперек</i>	70
40	<i>вроде</i>	49
41	<i>навстречу</i>	48
42	<i>позади</i>	47
43	<i>внутрь</i>	46
44	<i>посередине</i>	46
45	<i>рядом с</i>	45
46	<i>невдалеке от</i>	44
47	<i>следом за</i>	41
48	<i>вглубь</i>	36
49	<i>напротив</i>	32
50	<i>впереди</i>	27
51	<i>вдали от</i>	21
52	<i>соответ-ственно (с)</i>	26

¹ Для большинства единиц изолированные употребления = наречные употребления, исключение составляют *вроде, напротив, соответственно*, функционирующие как частицы и союз.

№	Наречный предлог	Предложных употреблений, %
14	<i>вопреки</i>	94
15	<i>поверх</i>	94
16	<i>после</i>	94
17	<i>наперекор</i>	92
18	<i>подобно</i>	92
19	<i>сообразно (с)</i>	90

№	Наречный предлог	Предложных употреблений, %
33	<i>совместно с</i>	70
34	<i>вблизи (от)</i>	67
35	<i>около</i>	64
36	<i>взамен</i>	63
37	<i>внутри</i>	60
38	<i>вместе с</i>	60
39	<i>накануне</i>	54

По материалам таблицы можно сделать следующие выводы.

1. «Чистые» по данным словарей предлоги *близ*, *вместо*, *вне*, *вопреки*, *касательно*, *наряду с*, *поверх*, *подобно*, *помимо*, *применительно к*, *сверх*, *сквозь*, *среди*, *действительно*, с учетом «шума» практически не употребляются без зависимого слова¹.

2. Как «чистые» предлоги функционируют единицы *вдоль*, *возле*, *вплоть до*, *наперекор*, *подле*, *после*, *посреди*, *против*, *сообразно (с)*.

3. Редкие «предложные» употребления демонстрируют единицы *наверху*, *прежде*, *сбоку*; гораздо более частотно наречие *сравнительно*, чем предлог *сравнительно с*.

4. Предлог *сверх* никогда не употребляется в постпозиции по отношению к актанту.

Таким образом, в исходной группе НП, извлеченной из РГ-80, монофункциональными являются 23 предлога (*близ*, *вместо*, *вне*, *вопреки*, *касательно*, *наряду с*, *поверх*, *подобно*, *помимо*, *применительно к*, *сверх*, *сквозь*, *среди*; *вдоль*, *возле*, *вплоть до*, *наперекор*, *подле*, *после*, *посреди*, *против*, *сообразно (с)*), т.е. фактически треть (36 %) предлогов группы, названной в РГ-80 наречными, не выполняет функции наречий.

3.6. Наречные предлоги в модульной классификации. Объединение словообразовательного, структурного, синтаксического, парадигматического и функционального блоков модульной классификации позволяет распределить НП непротиворечивым образом (рис. 6). В модульной классификации выделяются следующие противопоставления, имеющие различную область действия:

а) для всех предлогов: непроизводные vs производные, структурно простые vs структурно сложные, монофункциональные vs полифункциональные;

б) для производных предлогов: отыменные vs отглагольные, синтаксически простые vs синтаксически сложные, неодновариантные vs одновариантные;

в) для отыменных предлогов: отсубстантивные vs отадъективные.

¹ Исключение составляет *вроде*, системно функционирующий изолированно в качестве частицы.

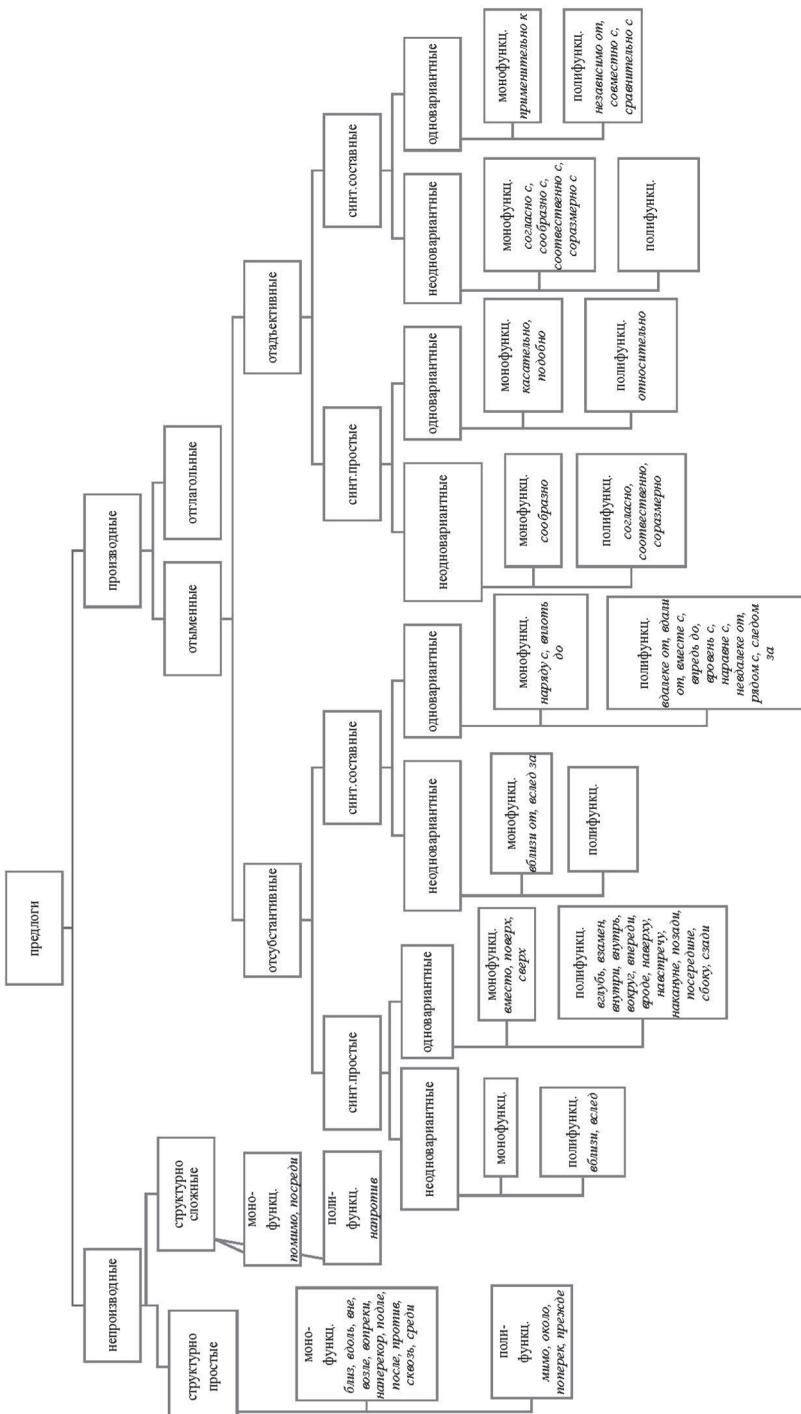

Рис. 6. Наречные предлоги в модульной классификации

Отметим, что модульная классификация представляет собой конструктор, блоки которого выбираются и надстраиваются друг над другом, исходя из целей архитектора-исследователя, например, в одной модели неактуальна моно- vs полифункциональность, в другой – структурная элементарность / неэлементарность, в третьей – парадигматические особенности предлогов. Безусловно, иерархия противопоставлений не может быть полностью произвольной, так как она ограничивается сферой действия оппозиций. При этом данная классификация применима ко всему функционально-грамматическому полю предлогов, в том числе к многочисленным «новым» предлогам, аналогам и эквивалентам предлогов, предложным единицам, фиксируемым в словарях «в значении предлога», «в функции предлога», «в роли предлога». Исследование более широкого круга «новых» полифункциональных предложных единиц (прежде всего, наречных) показывает, что для них необходима дальнейшая категоризация.

4. Полифункциональные предложные единицы и их категоризация

В последние годы число производных наречий и предлогов, отмечаемых в лексикографических работах, значительно увеличивается¹. Целый ряд единиц получает пометы «наречие» и «предлог», представляя собой полифункциональные единицы, или «новые» НП. Анализ словарей [36, 37, 38] позволил выявить 129 подобных единиц. Приведем единицы, маркированные как «наречие», «в значении наречия» и «предлог», «в значении предлога», в как минимум двух из указанных источников: *боком к, вверх по, вверху, в деле, вдобавок к², вдогон (за), вдогонку (за), вдоль по, в дополнение к, в заключение, в комплекте с, вокруг, вкупе с, влево от, в меру, вниз по, внизу, в обход, вовнутрь, вослед, в ответ на, в отдалении от, вперед, вплотную к, вправо от, впритык к, вразрез, бровень с, в стороне от, в сторону, в угоду, выше, задом к, книзу от, кругом, на волосок от, навстречу к, на глазах у, назади, наискось от, налево от, на отдалении от, на отлете от, наперерез, направо от, на пути (к), на радость, на смену, на стороне, на сторону, насупротив, недалеко от, неподалеку от, ниже, обок, обочь, окрест, поблизости от, под конец, под эгидой, поодаль от, поперед, по праву, по пути, по случаю, противно, прочь от, путем, рядом с, сбоку от, сверху, силой(ю) в/до/от... до, снаружки, снизу, совокупно с, сообща с, со стороны, спереди, супротив.*

«Новые» НП – это **полифункциональные** единицы, для которых релевантны следующие типы категоризаций:

а) **словообразовательная**: непроизводные (*насупротив*) vs производные предлоги: отглагольные (*сообща с*) vs отыменные: отсубстантивные (*в меру, на смену*) vs. отадъективные предлоги (*совокупно с, противно*);

---

¹ О росте числа подобных единиц см. [39].

² Напомним, что для составных единиц мы учитываем наличие наречия-аналога, не полностью совпадающего с предлогом.

- б) **структурная**: структурно простые (*кругом, путем*) vs структурно сложные предлоги (*наперерез, по праву*);
 в) **синтаксическая**: синтаксически простые (*вверху, в заключение*) vs синтаксически составные предлоги (*на волосок от, на глазах у*);
 г) **парадигматическая**: неодновариантные (*на пути – на пути к, вдогонку – вдогонку за*) vs одновариантные предлоги (*на смену, в меру*).

Анализ языкового материала позволил выявить новые противопоставления, актуальные для полифункциональных единиц (п. 4.1–4.4).

Рис. 7. Орфографическая категоризация

4.1. С позиций нормативной грамматики важна **орфографическая категоризация** (рис. 7 – фрагмент отсубстантивных синтаксически простых предлогов), актуальная для словарной презентации структурно сложных единиц. Если в специализированных словарях типа [37, 38, 40–44] каждый подобный предлог представлен отдельной статьей, это своего рода словари конструкций в понимании Грамматики конструкций (см. [45–48]), то в толковых словарях для структурно сложных единиц оказывается значимым противопоставление по «слитности vs раздельности» написания: единицы, пишущиеся слитно, обычно выделяются в отдельные статьи, а единицы с предлогом в препозиции оказываются в статьях соответствующего мотивирующего слова, либо получая маркировку «предлог», «в значении предлога» и т.д., либо попадая в пресловутую зону «за ромбом» (о конвенциональности слитного / раздельного написания см. [1, 29]). Безусловно, орфографическая категоризация актуальна не только для «новых» предлогов, ср.: *вследствие, наподобие* vs *в результате, на протяжении; несмотря на* vs *не доходя до*. Интересно, что все наречные предлоги в РГ-80 являются слитными (возможно, это и стало одним из принципов их выделения?). Итак, орфографическая категоризация релевантна для структурно сложных единиц.

4.2. Следующим противопоставлением, актуальным для полифункциональных единиц, оказывается **функционально-семантическая категоризация**. Для большинства НП исходного списка, извлеченного из РГ-80, характерно совпадение по смыслу наречия и предлога (за исключением: *голос свыше – свыше двух процентов; работали согласно – согласно приказу; относительно редкий – позиция относительно войны* [1. С. 348]).

«Новые» НП демонстрируют подобные несовпадения гораздо чаще, ср.: *Всего было в меру – В меру своих сил и возможностей. По пути встретилось несколько кафе – Мы не пойдем по пути утопических идей; Ничего*

путем сделать не может – Решили проблему *путем* голосования; *Силою* замуж не пойду – *Силою* обстоятельств вынужден был уехать – На белых пошел отряд *силою в сто штыков* [37]. Думается, что в подобных случаях несовпадение значения наречия и предлога может говорить о разных процессах их эволюции – лексикализации и грамматикализации соответственно, так как для лексикализации характерно сужение значения, а для грамматикализации – его расширение, см. [24, 49]. Данное противопоставление, основанное на совпадении / несовпадении семантики полифункциональной единицы в разных лексико-грамматических вариантах, отражено на рис. 8 (на фрагменте отсубстантивных структурно простых синтаксически простых предлогов).

Рис. 8. Функционально-семантическая категоризация

4.3. Более узкую область действия имеет **семантическая категоризация**, релевантная для неодновариантных предлогов, которые могут как совпадать по значению, например: *вразрез – вразрез с, на глазах – на глазах у, поблизости – поблизости от, по бокам – по бокам от, силою – силою в*, так и различаться, ср.: *во главе – во главе с, в сторону – в сторону от, на пути – на пути к: Но здесь авторы спектакля поставили его во главе тёмных сил с Бабой-Ягой и Кощеем Бессмертным, которые... решили похитить Масленицу* [НКРЯ]; *Силы добра представляли три богатыря во главе с Ильей Муромцем и взвод доблестных советских десантников...* [НКРЯ]. Таким образом, семантическая категоризация представляет собой оппозицию по совпадению / несовпадению значения неодновариантных предлогов, см. рис. 9 (на примере отсубстантивных неодновариантных единиц).

4.4. Функционально-категориальная категоризация. Наряду с предлогами, способными функционировать как наречия, в лексикографических источниках выделяются и другие типы интересующих нас единиц – вводные (*напротив, соответственно, на взгляд, к сведению, с точки зрения, к несчастью, к прискорбию, к радости, к сожалению, к стыду, к счастью, к ужасу; на беду, на горе, на несчастье, на радость, на счастье; по заключению, по мнению, по предложению, по разумению, по расчетам, по словам*) и предикативные (*в духе, в порядке, в расчете, в форме, на виду, на грани, на пользу, на радость, на уровне, против, противно, сродни*). В случаях, когда данные единицы вводят имя актанта, их функционирование сближается с предлогами. Если рассматривать полифункциональные предлоги в виде поля, центром которого являются НП, далее расположены «новые» НП, то на периферии окажутся полифункциональные единицы, получающие в словарях

пометы «в значении сказуемого», «предикатив» и «вводное слово / сочетание», подробнее о подобных полифункциональных единицах см. [50]. Статус и место подобных единиц в грамматической системе, а также способ их представления в толковых словарях остаются дискуссионными, напомним, что в РГ-80 предикативы и вводные слова не выделяются в самостоятельные части речи.

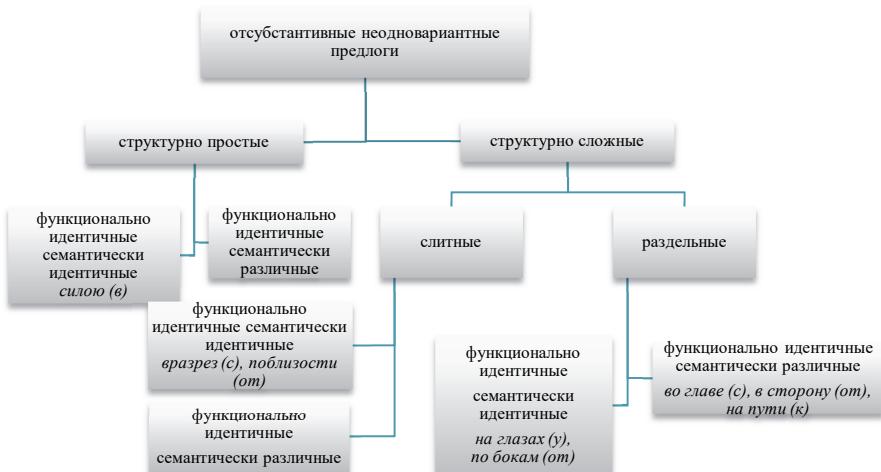

Рис. 9. Семантическая категоризация

Данные полифункциональные единицы формируют дальнейшее **функционально-категориальное** противопоставление, основывающееся на типе полифункциональности: внутричастеречная vs внечастеречная. Предлоги с внутричастеречной полифункциональностью делятся на знаменательные и служебные полифункциональные единицы. Знаменательные – это предлоги-наречия, служебные же полифункциональные единицы включают предлоги-частицы (*вроде*) и предлоги-союзы (*соответственно* – союз по [34], *плюс* – союз по [1], соотносительный *плюс к* – предлог в [37]). Заметим, что различная трактовка одних и тех же единиц (например, *типа* маркируется как частица в [37] и как союз в [1]) дает основания считать данное противопоставление периферийным, здесь ярко проявляется синкетизм служебных частей речи. Единицы с внечастеречной полифункциональностью, в свою очередь, включают вводные и предикативные (рис. 10).

Итак, периферийные полифункциональные единицы реализуют функционально-категориальные противопоставления: внутричастеречная vs внечастеречная полифункциональность (для полифункциональных предлогов), полифункциональность со знаменательными vs служебными единицами (для предлогов с внутричастеречной полифункциональностью), союзные vs «частичные» (для предлогов с внечастеречной полифункциональностью

со служебными единицами), вводные vs предикативные (для предлогов с внечастеречной полифункциональностью) единицы.

Рис. 10. Функционально-категориальная категоризация

Таким образом, изучение полифункциональных предложных единиц, отмечаемых в современных словарях, показало релевантность выделения орфографической категоризации для структурно сложных предлогов, а также функционально-семантической, функционально-категориальной категоризаций для всех полифункциональных предлогов и более узкой семантической категоризации для неодновариантных предлогов.

Выводы

1. Анализ класса НП, перечисленных в РГ-80, показал следующее:
  - а) с точки зрения словообразования НП не формируют единого класса;
  - б) с точки зрения полифункциональности группа НП меньше исходной группы, извлеченной из РГ-80;
- в) традиционная классификация русских предлогов строится одновременно на разных основаниях, что приводит к противоречиям.

2. Более эффективной представляется модульная классификация русских предлогов, организованная как набор противопоставлений, которые могут накладываться друг на друга различным образом в зависимости от целей исследователя и области своего действия. Три глобальных типа противопоставлений пронизывают все поле предлогов – это словообразовательная, структурная и функциональная категоризация. Остальные оппозиции релевантны для определенных групп предлогов: синтаксическая и парадигматическая (для производных предлогов), орфографическая (для структурно сложных предлогов), семантическая (для неодновариантных предлогов), функционально-семантическая и функционально-категориальная категоризации (для полифункциональных предлогов).

3. Полифункциональные предлоги представляют собой широкое поле единиц, ядро которого составляют полифункциональные НП, далее располагаются «новые» НП, наконец, на периферии находятся единицы, имеющие пометы «в значении сказуемого» и «вводное слово», которые в определенных условиях способны вводить имя актанта. Большинство неядерных единиц – это многокомпонентные эквиваленты слов, для которых стоит проблема последовательной презентации в словарях.

Список источников

1. *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3: Части речи и лексико-грамматические классы.* СПб. : Нестор-История, 2018. 472 с.
2. *Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания.* 2010. № 4. С. 3–26.
3. *Урысон Е.В. Предлог или наречие?: Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания.* 2017. № 5. С. 36–55.
4. *Дегальцева А.В. К вопросу о наречном управлении // Вестник Томского государственного университета.* 2019. № 443. С. 12–18.
5. *Timberlake A. A Reference Grammar of Russian.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 503 p.
6. *Русская грамматика.* Т. 1 / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 783 с.
7. *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост. Е.А. Кузьминова.* М. : Изд-во МГУ, 2000. 528 с.
8. *Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. Т. 7. М. ; Л., 1952.* 995 с.
9. *Греч Н.И. Пространная русская грамматика.* СПб., 1830. 408 с.
10. *Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная.* СПб., 1874. 408 с.
11. *Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове).* М. : Русский язык, 1972. 616 с.
12. *Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова.* М. : Изд-во АН СССР, 1960. 719 с.
13. *Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова.* М. : Наука, 1970. 767 с.
14. *Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Ч. 1.* М., 1863. 276 с.
15. *Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Ч. 2.* М., 1863. 394 с.
16. *Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги.* М. : Наука, 1967. 280 с.
17. *Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.* 1. Введение. 2. Составные члены предложения и их замены. Харьков, 1888. 535 с.
18. *Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении.* М. : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
19. *Греч Н.И. Практическая русская грамматика.* СПб., 1827. 578 с.
20. *Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. Kindle edition.
21. *Лаптева О.А. Типа или вроде? // Вопросы языкознания.* 1983. № 1. С. 39–51.
22. *Günthner S., Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // What Makes Grammaticalization? A Look from Its Fringes and Its Components / eds by W. Bisang, N. Himmelmann and B. Wiemer.* Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. P. 77–107.
23. *Diewald G. Pragmaticalization (defined) as Grammaticalization of Discourse Functions // Linguistics.* 2011. № 49–2. P. 365–390.
24. *Heine B. On Discourse Markers: Grammaticalization, Pragmaticalization, or Something Else? // Linguistics.* 2013. № 51 (6). P. 1205–1247.
25. *Виноградова Е.Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания.* 2023. № 1. С. 54–87.
26. *Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета.* 2014. № 3(27). С. 7–20.
27. *Прагматические маркеры в русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред., авт. предисл. Н.В. Богданова-Бегларян.* СПб. : Нестор-История, 2021. 520 с.

28. Kolyaseva A. The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles *tipa* and *vrode* // Journal of Pragmatics. 2022. № 201. P. 181–196.
29. Всеволодова М.В., Кукушина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М. : URSS, 2014. 304 с.
30. Еськова Н.А. Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М., 2001. С. 261–267.
31. Yadroff M., Franks S. The Origins of Prepositions // Formal Slavic Linguistics. Frankfurt/Main : Peter Lang, 2001. P. 69–79.
32. Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Ст. 1. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 5. С. 30–78.
33. Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Ст. 2. Фрагмент системы – немотивированные (первообразные) предлоги // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 6. С. 9–51.
34. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М. : Русский язык. 1977. 879 с.
35. Yadroff M. Formal Properties of Functional Categories: the Minimalist Syntax of Russian Nominal and Prepositional Expressions. PhD. Indiana University, 1999. 177 p.
36. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 2014. URL: www.gramota.ru
37. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Дрофа, 2010. 750 с.
38. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Русский язык, 2001.
39. Виноградова Е.Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкоznания. 2017. № 5. С. 56–74.
40. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М. : Аст-рель, АСТ, 2003. 415 с.
41. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2001. 363 с.
42. Служебные слова в лексикографическом аспекте / Е.А. Стародумова и др. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 377 с.
43. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Кн. 2: А–В (объективная грамматика). М. : URSS, 2018. 809 с.
44. Лепnev М.Г. Русские производные предлоги: Проблемы семантики: Словарные материалы. СПб. : ИП «Ефименко Д.Л.», 2010. 313 с.
45. Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of let alone // Language. 1988. № 64 (3). P. 501–538.
46. Goldberg A.E. Constructions: A construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 271 p.
47. Лингвистика конструкций / под ред. Е.В. Рахилиной. М. : Азбуковник, 2010. 584 с.
48. The Oxford Handbook of Construction grammar / eds by T. Hoffmann, G. Trousdale. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. 586 p.
49. Brinton L., Traugott E. Lexicalization and language change. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. 207 p.

50. Виноградова Е.Н. Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах) // Русский язык за рубежом. 2021. № 1. С. 37–45.

References

1. Plungian, V.A. (ed.) (2018) *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo jazyka* [Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language]. Vol. 3. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Vsevolodova, M.V. (2010) Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinits: tipologiya, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii [Grammatical aspects of Russian prepositional units: typology, structure, syntagmatics and syntactic modifications]. *Voprosy jazykoznanija*. 4. pp. 3–26.
3. Uryson, E.V. (2017) Predlog ili narechie? Chasterechnyy status narechnykh predlogov [Preposition or adverb? Partial status of adverbial prepositions]. *Voprosy jazykoznanija*. 5. pp. 36–55.
4. Degal'tseva, A.V. (2019) On Adverbial Government. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 12–18. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/443/2
5. Timberlake, A. (2004) *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Kuz'minova, E.A. (ed.) (2000) *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Grammar of Laurentius Zizanius and Meletius Smotritsky]. Moscow: Moscow State University.
8. Lomonosov, M.V. (1952) *Rossiyskaya grammatika. Polnoe sobr. soch.* [Russian Grammar. Complete works] Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Grech, N.I. (1830) *Prostrannaya russkaya grammatika* [Extensive Russian Grammar]. Saint Petersburg: V tip. izdatelya.
10. Vostokov, A.Kh. (1874) *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoy grammatiki polnee izlozhennaya* [The Russian Grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own abbreviated grammar, is more fully presented]. Saint Petersburg: Izd. knigoprodavtsa D.F. Fedorova.
11. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical teaching about words)]. Moscow: Russkiy jazyk.
12. Vinogradov, V.V., Istrina, E.S. & Barkhudarov, S.G. (eds) (1960) *Grammatika russkogo jazyka* [Grammar of the Russian Language]. Moscow: USSR AS.
13. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennoego russkogo literaturnogo jazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Nauka.
14. Buslaev, F.I. (1863) *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Pt. 1. Moscow: V univers. tip. (Katkov" i Ko).
15. Buslaev, F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Pt. 2. Moscow: V univers. tip. (Katkov" i Ko).
16. Cherkasova, E.T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Transition of Full-meaning Words into Prepositions]. Moscow: Nauka.
17. Potebnya, A.A. (1888) *Iz" zapisok po russkoy grammatike. 1. Vvedenie. 2. Sostavnye chleny predlozeniya i ikh zameny* [From Notes on Russian Grammar. 1. Introduction. 2. Components of a sentence and their replacements]. Kharkov: Izd. kn. magazina D.N. Poluekhtova.
18. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Grech, N.I. (1827) *Prakticheskaya russkaya grammatika* [Practical Russian Grammar]. Saint Petersburg: V tip. Imp. SPb. Vospitatel'nogo Doma.

20. Heine, B. & Kuteva, T. (2002) *World Lexicon of Grammaticalization*. Kindle edition. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Lapteva, O.A. (1983) Tipa ili vrode? [Tipa or vrode?]. *Voprosy yazykoznanija*. 1. pp. 39–51.
22. Günthner, S. & Mutz, K. (2004) Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. In: Bisang, W., Himmelmann, N. & Wiemer, B. (eds) *What Makes Grammaticalization? A Look from Its Fringes and Its Components*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 77–107.
23. Diewald, G. (2011) Pragmaticalization (defined) as Grammaticalization of Discourse Functions. *Linguistics*. 49(2). pp. 365–390.
24. Heine, B. (2013) On Discourse Markers: Grammaticalization, Pragmaticalization, or Something Else? *Linguistics*. 51(6). pp. 1205–1247.
25. Vinogradova, E.N. (2023) Grammatikalizatsiya, leksikalizatsiya i pragmatikalizatsiya (na materiale konstruktsiy, vklyuchayushchikh predlog PO) [Grammaticalization, lexicalization and pragmaticalization (based on constructions including the preposition “PO”)]. *Voprosy yazykoznanija*. 1. pp. 54–87.
26. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014) Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatemes in oral everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 3 (27). pp. 7–20.
27. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (ed.) (2021) *Pragmatische markery v russkoy povsednevnoy rechi* [Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
28. Kolyaseva, A. (2022) The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles tipa and vrode. *Journal of Pragmatics*. 201. pp. 181–196.
29. Vsevolodova, M.V., Kukushkina, O.V. & Polikarpov, A.A. (2014) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniju real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'"ekтивnyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits* [Russian Prepositions and Prepositional Devices. Materials for a functional-grammatical description of real usage: Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units]. Book 1. Moscow: URSS.
30. Es'kova, N.A. (2001) *Izbrannye raboty po rusistike: Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya* [Selected Works on Russian Studies: Phonology. Morphonology. Morphology. Spelling. Lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 261–267.
31. Yadroff, M. & Franks, S. (2001) The Origins of Prepositions. In: *Formal Slavic Linguistics*. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 69–79.
32. Vsevolodova, M.V. (2012) Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ya 1. Fragment sistemy – motivirovannyе (vtorichnye) predlogi [System of morphosyntactic types of Russian prepositions. Article 1. Fragment of the system – motivated (secondary) prepositions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 5. pp. 30–78.
33. Vsevolodova, M.V. (2012) Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkikh predlogov. Stat'ya 2. Fragment sistemy – nemotivirovannyе (pervoobraznye) predlogi [System of morphosyntactic types of Russian prepositions. Article 2. Fragment of the system – unmotivated (primitive) prepositions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 6. pp. 9–51.
34. Zaliznyak, A.A. (1977) *Grammaticheskiy slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language. Word change]. Moscow: Russkiy jazyk.
35. Yadroff, M. (1999) *Formal Properties of Functional Categories: the Minimalist Syntax of Russian Nominal and Prepositional Expressions*. PhD Thesis. Indiana.
36. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2014) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo jazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: www.gramota.ru
37. Burtseva, V.V. (2010) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo jazyka* [Dictionary of Adverbs and Function Words of the Russian Language]. Moscow: Drofa.

38. Efremova, T.F. (2001) *Tolkovy slovar' sluzhebnykh chastej rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Official Parts of Speech of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
39. Vinogradova, E.N. (2017) *Problemy leksikograficheskogo i grammaticeskogo opisaniya predlogov v sovremenном russkom yazyke* [Problems of lexicographic and grammatical description of prepositions in the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 56–74.
40. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory Dictionary of Combinations Equivalent to the Word]. Moscow: Astrel', AST.
41. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Function Words of the Russian Language]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
42. Starodumova, E.A. et al. (2017) *Sluzhebnye slova v leksikograficheskem aspekte* [Function Words in the Lexicographical Aspect]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
43. Vsevolodova, M.V., Vinogradova, E.N. & Chaplygina, T.E. (2018) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Reestr russkikh predlozhnykh edinits* [Russian Prepositions and Prepositional Devices. Materials for a functional and grammatical description of real usage: Register of Russian prepositional units]. Book 2. Moscow: URSS.
44. Lepnev, M.G. (2010) *Russkie proizvodnye predlogi. Problemy semantiki. Slovarnye materialy* [Russian Derivative Prepositions. Problems of semantics. Vocabulary materials]. Saint Petersburg: IP Efimenko D.L.
45. Fillmore, Ch.J., Kay, P. & O'Connor, M.C. (1988) Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of let alone. *Language*. 64 (3). pp. 501–538.
46. Goldberg, A.E. (1995) *Constructions: A construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
47. Rakhilina, E.V. (ed.) (2010) *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of Constructions]. Moscow: Azbukovnik.
48. Hoffmann, T. & Trousdale, G. (eds) (2013) *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
49. Brinton, L. & Traugott, E. (2005) *Lexicalization and Language Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
50. Vinogradova, E.N. (2021) Vplotnuyu k narechnym predlogam (k voprosu o polifunktional'nykh edinitsakh) [Close to adverbial prepositions (to the question of multifunctional units)]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 37–45.

Информация об авторе:

Виноградова Е.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ekaterinavin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Vinogradova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekaterinavin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/89/3

Лексико-грамматическая специфика номинаций фантастических птиц в русской лингвокультуре

Виолетта Михайловна Грязнова¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
violetta-sgy@mail.ru

Аннотация. Проблематика содержания имени собственного в лингвистике является неоднозначно понимаемой. На основе анализа значений номинаций, фантастических птиц автор выявляет континуальность их содержания в рамках оппозиций «конкретность – понятийность», «единственность – множественность». Материал позволяет сделать вывод о том, что данная группа онимов в силу культуронагруженности, приобретенной за столетия своего существования в русской культуре, занимает особое место в континууме собственное имя – нарицательное имя.

Ключевые слова: собственное имя, нарицательное имя, номинации фантастических птиц, континуальность содержания

Для цитирования: Грязнова В.М. Лексико-грамматическая специфика номинаций фантастических птиц в русской лингвокультуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 55–72. doi: 10.17223/19986645/89/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/3

Lexico-grammatical specifics of the nominations of fantastic birds in Russian linguaculture

Violetta M. Gryaznova¹

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, *violetta-sgy@mail.ru*

Abstract. The problems of the proper noun in linguistics are ambiguously understood, which is due to the different interpretation of the content of the onym: some scientists deny the existence of a meaning (concept and signification) of the proper noun; others believe that the knowledge stored in the human mind is behind the onyms. The relevance of the article is based on the lack of works on the specifics of the lexical and grammatical semantics of the names of fantastic birds that have been functioning in Russian linguistic culture for a long time, such as Alkonost, Gamayun, Harpy, Vulture, Griffin, Firebird, Sirin, Siren, Phoenix. The object of study is the lexical and grammatical semantics of nominations of fantastic birds characteristic of Russian linguaculture, and the focus is the peculiarities of the lexical and grammatical semantics of these nominations. Russian dictionary definitions of these lexemes and a selection of texts

including these nominations from the National Corpus of the Russian Language served as the material. The following methods were used: component analysis, the method of definitional analysis of dictionary entries, the comparative method, the method of contextual analysis. Based on the study of the meanings and uses of the nominations of fantastic birds and their functioning in direct, symbolic and metaphorical meanings, the author identifies the features of their lexical and grammatical semantics, determines that the content of these onyms changes the content and the ratio of the significative and denotative components: in some contexts they narrow their extensional, in others they expand the intensional; they are also able to develop ambiguity and acquire connotations. Within the framework of the substantive quantitative category of numbers in the grammatical semantics of the studied onyms, their approximation to common words, either concrete or abstract, occurs. In general, in speech practice, there is a continuity of the content of the nominations of fantastic birds within the oppositions “concreteness – conceptuality” and “uniqueness – multiplicity”, and a transformation of the onym as a classical index into a conditional sign (iconic or symbolic), the proper name is filled with generalized linguistic information, which is then often fixed by dictionaries. In general, the material allows the author to conclude that the studied group of proper nouns, due to the cultural load acquired over the centuries of its existence in Russian culture, occupies a special place in the continuum of a proper noun – a common noun.

Keywords: proper noun, common noun, nominations of fantastic birds, continuity of content

For citation: Gryaznova, V.M. (2024) Lexico-grammatical specifics of the nominations of fantastic birds in Russian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 55–72. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/3

Введение. Для русской лингвокультуры характерны номинации фантастических птиц, такие как *Алконост*, *Гамаюн*, *Гарпия*, *Гриф*, *Грифон*, *Жар-птица*, *Семаргл*, *Сирин*, *Сирена*, *Стратим*, *Феникс*, *Финист*. Одни из них возникли в славянской культуре (*Жар-птица*, *Семаргл*), другие ранее относились к мифологии разных народов, а впоследствии полностью или частично утратили эту связь и в настоящее время являются принадлежностью русской народной или книжной культуры (*Алконост*, *Гамаюн*, *Гарпия*, *Гриф*, *Грифон*, *Сирин*, *Сирена*, *Стратим*, *Феникс*, *Финист*). По совокупным данным энциклопедических, лингвистических словарей и текстов наиболее употребительными в современном русском языке являются номинации *Алконост*, *Гарпия*, *Гриф*, *Грифон*, *Жар-птица*, *Сирин*, *Сирена*, *Феникс*. Так, в Основном подкорпусе НКРЯ лексема *феникс* встретилась в 374 документах, *жар-птица* – в 282, *сирена* – в 193, *грифон* – в 95, *гриф* – в 72, *гарпия* – в 53, *гамаюн* – в 34, *сирин* – в 31, *алконост* – в 30 (ср.: *финист* – в 19, *семаргл* – в 8, *стратим* – в 3) [1. С. 105]. Включенность данных существительных в состав словарника словарей разных типов также неодинакова: *алконост* – 23 словаря, *феникс* – 22, *жар-птица* – 20, *грифо* – 19, *сирена* – 19, *сирин* – 17, *гарпия* – 16 (ср.: *стратим* – 9, *гамаюн* – 9, *семаргл* – 7, *финист* – 5) [1. С. 103–104].

По своей лексико-грамматической характеристики данные лексемы в прямом значении относятся к именам собственным. В лингвистике нет единого мнения об их содержании, а именно: о наличии у них значения (сигнifikата), об особенностях денотативного компонента как функции имени

собственного, а также о pragmaticическом характере употребления их в тексте.

Лингвисты придерживаются разных точек зрения на проблематику семантики имени собственного (онима). Ряд ученых середины XX в., признавая, что у онима есть значение, отрицают наличие понятия у таких имен. Так, А.В. Суперанская пишет: «Основное свойство собственных имен – отсутствие связи с понятием. Тесная связь с единичным конкретным объектом» [2. С. 32–33]. Об отсутствии у онимов функции выражения понятия писал и А.А. Реформатский [3. С. 29–30, 57–62]. В конце XX – начале XXI в. по-прежнему нет единого мнения по поводу специфики содержания онимов. «Семантические характеристики и референциальный статус имен собственных все так же остаются камнем преткновения разных подходов и предметом острых дискуссий», – отмечает в своей статье З.А. Харитончик [4. С. 140]. В новых подходах XXI в. к изучению онимов (когнитивно-семантических, лингвокультурологических) акцентируется, что за собственными именами находятся знания, хранящиеся в сознании человека и представляющие собой определенную информацию категориального, грамматического, пресуппозитивного, ассоциативного, коннотативного, эмоционального и т.д. характера [4. С. 140; 5. С. 5–9].

Интересной представляется гипотеза А.З. Черняка [6], в соответствии с которой роль имен собственных в мышлении и коммуникации не определяется с помощью приписывания им единичных вещей в качестве денотатов, для собственных имен свойственна «кантиреалистическая» семантика [6. С. 195], в которой под денотативным компонентом понимаются «идеи, логические конструкции и им подобные ментальные и психологические сущности, ассоциируемые с понятием “смысл”» [6. С. 195]. Ученый пишет: «Таким образом, я полагаю, что у языковых выражений, в том числе собственных имен, есть семантические значения, не сводимые к их использованию, понятым как просто совокупность прошлых артикуляций этих выражений, а скорее объясняющие их. И этими значениями... являются смыслы» [6. С. 272]. В представленной теории остался без ответа фундаментальный вопрос: что есть смысл собственного имени, что признает и А.З. Черняк.

В современной отечественной науке активно разрабатывается лингвокультурологический подход к имени собственному. Так, авторы лингвокультурологического словаря среди имен собственных выделяют прецедентные, которыми они «называют “воплощенное” имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенциально (денотативно)» [7. С. 23].

В то же время лексико-грамматическая специфика онимов, называющих фантастических птиц, характерных для русской лингвокультуры, до сих пор не подвергалась специальному изучению. В работе Е.Н. Зубковой в целом выявляются и описываются становление и динамика лексико-тематической группы «Фантастические птицы» в русском языке [1], в статьях А.А. Ивановой [8], Е.Ю. Полтавец [9], В.Л. Кошелевой [10] исследуются современное состояние и динамика художественных образов Жар-птицы и Финиста.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили дефиниции фантастических птиц в энциклопедических и толковых словарях XIX–XX вв., а также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ): художественная проза разных жанров и направлений, газетная и журнальная публицистика, научно-популярные тексты, мемуарно-биографические источники, бытовые и деловые тексты XIX–XXI вв. Хронологические границы русского литературного языка понимаются традиционно – от А.С. Пушкина до наших дней. Объект изучения – лексическая и грамматическая семантика номинаций, называющих фантастических птиц, характерных для русской лингвокультуры, а предмет – специфика лексической и грамматической семантики данных номинаций. Цель работы – охарактеризовать значение номинаций фантастических птиц по отношению к оппозиции «имя собственное – имя нарицательное». Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: компонентный анализ значения языковых единиц, метод дефиниционного анализа словарных статей, со-поставительный метод, метод контекстологического анализа.

Анализ. Номинации фантастических птиц называют уникальный, единичный предмет и в силу этого, на первый взгляд, являются знаками-индексами, ярлыками определенных конкретных объектов. Подробное описание уникальных предметов, репрезентированных такими собственными именами, характерно для энциклопедических, мифологических, этнолингвистических словарей. Большинство номинаций фантастических птиц (*Алконост, Гарпия, Гриф, Грифон, Жар-птица, Семаргл, Сирин, Сирена, Феникс*) зафиксировано в таких словарях, как «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана [11], «Большая энциклопедия» С.Н. Южакова [12], «Большая советская энциклопедия» под ред. А.М. Прохорова [13], Энциклопедический словарь «Славянская мифология» под ред. В.Я. Петрухина [14], «Мифологический словарь» Е.М. Мелетинского [15], «Мифы народов мира. Энциклопедия» под ред. С.А. Токарева [16], «Словарь славянской мифологии» Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева [17].

Покажем дефиниции изучаемых собственных имен в их прямом значении в энциклопедических, мифологических, этнолингвистических словарях на примере лексем *Жар-птица* и *Феникс*, наиболее частотных в данной группе номинаций и востребованных в различных сферах коммуникации (культурной, социальной, бытовой). Так, в НКРЯ лексема *феникс* встретилась в 374 документах, *жар-птица* – в 282 [1. С.105].

«Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана дает следующую информацию о Жар-птице: *Жар-птица является целью исканий различных героев русских сказок. Это птица, перья которой обладают способностью светить и своим блеском поражают зрение человека. Добытие Ж.-птицы сопряжено с большими затруднениями и составляет одну из главных задач, которую задает в сказке царь (отец) сыновьям. Добыть Ж.-птицу удается лишь незлобивому младшему сыну. Мифологи (Афанасьев) объясняли Ж.-птицу как олицетворение огня, света, солнца. Оставляя в стороне произвольные мифологические объяснения, можно сопоставить*

Ж.-птицу со средневековыми, очень популярными и в нашей, и в зап.-европ. литературе, рассказами «Физиолога» о чудной птице фениксе, возрождающейся из пепла [11. Т. 11а. С. 726–727]. В данной словарной статье **Жар-птица** описывается как уникальное существо: внешность, ее бытование в качестве персонажа в русской сказке, языческие представления предков русского народа об этой фантастической птице.

«Словарь славянской мифологии» Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева так характеризует **Жар-птицу**: *Воплощение лучезарного бога солнца – и в то же самое время бога грозы. Во всяком случае, она создается народным воображением из представлений о небесном огне-пламени, и сияние ее так же блестит глаза, как солнце или молния. За этой птицею, приносящей тому герою, который овладеет хоть одним ее пером, великое счастье, отправляются один за другим в неизвестный путь сказочные добры молодцы. Жар-птица живет в тридесятом царстве или у Кощя Бессмертного, в райском саду, окружающем терем Царь-девицы. Растут в том саду золотые яблоки, возвращающие молодость старикам. Днем сидит Жар-птица в золотой клетке, напевает Царь-девице райские песни: поет она – из клюва скатый жемчуг сыпется. Ночью вылетает она в сад, перья у нее отливают златом-серебром, вся она как жар горит: полетит по саду – весь он светится разом! Одному перу ее, по словам сказок, «цена ни мало ни много – побольше целого царства», а самой Жар-птице и цены нет. Древнегреческое предание о птице Феникс, который, состарившись, взмывает в солнечную высь, зажигает от молнии гнездо свое и сам в том огне сгорает, чтобы потом возродиться, имеет нечто родственное со славянскими преданиями о Жар-птице [17. С. 89–90].* Авторы характеризуют **Жар-птицу** как уникальный образ русской когнитивной картины мира: наивные представления славян о природных явлениях, которые они связывают с фантастической птицей; как персонаж русских сказок; возможное возникновение ее образа из древнегреческих мифов.

Тексты подтверждают функционирование лексемы **Жар-птица** в индивидуализированном понимании. *Днем сидит Жар-птица¹ в золотой клетке, напевает Царь-девице райские песни: поет она – из клюва скатый жемчуг сыпется.* (Птица Феникс // Пятое измерение. 2003); *«Говорит, дескать, жар-птица прилетела, с бриллиантовым клювом, а в клюве-то письмо принесла!* (Ф.М. Достоевский. Ползунков. 1848).

В «Настольном энциклопедическом словаре» А. Граната приводится следующее описание птицы **Феникс**: *мифич. Священная птица древних египтян, которая через каждые 500 лет сжигала себя и вылетала из пепла возрожденной. Изображали ее в виде орла с красными и золотыми крыльями. Впоследствии миф перешел к христианам, и Ф. служил символом вечного обновления [18. Т. 8. С. 4930].* В словаре дается описание уникальной

¹ Названия изучаемых фантастических птиц в текстах пишутся и с прописной, и со строчной буквы. В статье сохранена орфография авторов текстов.

фантастической птицы: ее внешний облик, особенности жизненного цикла, бытование в христианской культуре.

В издании «Мифы народов мира. Энциклопедия» под редакцией С.А. Токарева указывается следующая информация о **Фениксе**: *Волшебная птица. Место её происхождения связывали с Эфиопией; считалось, что название ей дали ассирийцы. Ф. живёт 500 лет (варианты: 1460 лет или 12 954 года), имеет вид орла и великолепную окраску красно-золотых и огненных тонов. Предвидя свой конец, Ф. сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новый Ф. По другой версии, Ф. умирает, выдыхая ароматы трав, но из его семени рождается новая птица, которая переносит тело своего отца в Египет, где жрецы солнца его сжигают. По версии, изложенной Геродотом (II 73), Ф. из Аравии переносит прах отца в яйце, вылепленном из смирны, в Гелиополь, в Египет, где жрецы сжигают его [16. С. 560].* В дефиниции **Феникса** в данном мифологическом словаре акцентируется непонятыйность номинации, ее прямая соотнесенность с предметом: особенности внешнего вида, индивидуальная специфика смерти птицы как продолжения жизни.

Тексты, в том числе и современные, не узкоспециального характера, подтверждают бытование лексемы **Феникс** в непонятийном, индивидуализированном употреблении: *С годами механизм рождения Феникса упростился. Геродот упоминает о яйце, Плиний – о червяке, но Клавдиан в конце IV века уже описывает в стихах бессмертную птицу, возрождающуюся из пепла, наследницу самой себя и свидетеля многих веков* (Птица Феникс // Пятое измерение. 2003).

В то же время в информации энциклопедических и мифологических словарей присутствует описание и понятийных признаков, характерных для **Жар-птицы** и **Феникса** (аналогично для всех изучаемых лексем): это как минимум признаки ‘птица’, ‘фантастическая / сказочная / мифологическая’, которые включают фантастических птиц в существующую классификацию птиц, т.е. представляют собой абстракцию, и вносят понятыйность в описание их содержания. В силу этого данные даже энциклопедических словарей не дают оснований называть изучаемые собственные имена фантастических птиц классическими индексами.

Опишем позицию составителей *толковых словарей* по отношению к номинациям фантастических птиц. В предисловиях всех современных толковых словарей указывается, что собственные имена не включаются в их словарь. Такова позиция Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, составителей «Словаря русского языка» в 4 томах (МАС). В БАС этот тезис уточняется: собственные имена включаются в словарь, «если употребляются в символическом и нарицательном значениях». Несмотря на данное утверждение, номинации фантастических птиц, относящиеся к собственным именам в их прямом значении (не в символическом или нарицательном), зафиксированы в названных толковых словарях: **Жар-птица** (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), **Грифон** (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), **Сирин** (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова).

кова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Гарпия* (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Феникс* (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Сирена* (Сл. Ушакова, БАС, МАС, Сл. Ожегова), *Гриф* (Сл. Ушакова, БАС, МАС), *Алконост* (БАС).

В толковых словарях дефиниции названных собственных имен являются уже описанием значения, с минимальным набором сигнifikативных компонентов, таких как ‘птица’, ‘фантастическая / сказочная / мифологическая’, коррелирующих с соответствующими понятийными признаками, с добавлением различительного семантического компонента ‘определенный признак, отличающий данный вид фантастической птицы от других птиц группы’. Например, в БАС дается такое описание значения слова *Жар-птица*: *нар-поэт. Сказочная птица с ослепительно светящимися, сверкающими перьями*, в котором названы два основных сигнifikативных компонента (‘птица’, ‘сказочная’) и различительный (‘ослепительно светящиеся, сверкающие перья’) [19. Т. 4. С. 38]. Отличительный признак лексемы *Жар-птица* может видоизменяться: ‘перья которой горят, как жар’ [20. Т. 1. С. 848], ‘с ярко светящимися перьями’ [21. С. 185].

«Современный толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова приводит следующее толкование значения слова *Феникс*: *В мифологии некоторых народов: сказочная птица, в старости сжигающая себя и вновь возрождающаяся из пепла молодой (символ вечного обновления, возрождения)* [22. С. 1419]. В этой дефиниции также названы два основных сигнifikативных компонента (‘птица’, ‘сказочная’) и различительный ‘в старости сжигающая себя и вновь возрождающаяся из пепла молодой’ (вариант ‘сжигающая себя и возрождающаяся из собственного пепла’ характерен для БАС) [19. Т. 16. С. 1306].

В целом в толковых словарях описывается стереотипное представление носителей русской лингвокультуры о той или иной фантастической птице, приводится минимальный набор устойчивых признаков.

В таких дефинициях денотатом (виртуальным) изучаемых собственных имен является соотнесенность номинации с целостным образом, нерасчлененным *представлением* о вымышленном объекте воображаемого мира в сознании носителя языка (в рамках соответствующего набора названных сигнifikативных компонентов, которые отличают данную птицу от другой фантастической птицы). Источником такого денотата служат анимационные фильмы, фильмы в стиле фэнтези, лубочная и художественная литература, произведения народного и книжного изобразительного искусства: картины, иллюстрации, графика, рекламный дизайн, дизайн заставок телепрограмм и т.п., предметы декоративно-прикладного и ювелирного искусства. Такой образный денотат имеет в сознании носителя русской лингвокультуры определенные общие характеристики, хотя могут присутствовать и индивидуальные. Классифицируя виды денотатов, И.М. Кобозева замечает, что «с именами *русалка*, *кентавр*, *единорог*, несмотря на отсутствие денотата в реальном мире, ассоциируются вполне конкретные целостные образы

вымышенных существ» [23. С. 85]. Считаем, что по своей лексической семантике изучаемые нами номинации фантастических птиц в их прямом значении могут быть присоединены к данной группе слов. В то же время для их грамматической семантики не свойственна количественная оппозиция субстантивного числа (*единичность – дискретная множественность*), типичная для номинаций вымышенных существ типа *русалка*.

В собранном материале есть примеры употребления изучаемых собственных наименований в их прямом значении во множественном числе, в которых данные лексемы обладают неколичественным видовым значением (характерным для многих нарицательных существительных). *Все наши веющие птицы, Алконосты, Сиринь, Гамаюны, настоящие, не бл...и, парят в пространстве, но самая главная Фениксом встает из красного пепла...* (Василий Аксенов. Негатив положительного героя. 1996); *В легких облаках вьющегося пара вереницей мелькают фантастические лица; воображение уносится за тридевять земель, точно в пору детства, когда засыпаешь, было, под сказки бабушки и летишь раздольною думою в тот волшебный мир, где живут Иван-царевичи с жар-птицами, бабы-яги да мужички с ноготок, борода с локоток* (И.Т. Кокорев. Самовар. 1849); *Всё им было в диковинку: и пылающие огнем жар-птицы, и хмурые, заросшие рыжим волосом, одетые в шкуры великаны-циклоны; и Конек-Горбунок... и медведь на цепи...* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Росейдона. 2004); *Он в испуге посмотрел наверх. Гарпий не было. Но что-то несомненно присутствовало в тихом теперь, как склеп, помещении* (Алексей Шинкеев. Мечты апреля // Точка зрения. 2013); *С моря ли вихрь? Или сиринь райские в листвах поют? Или время стоит?* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью. 1960–2000); *Проходим в бесшумный египетский сад, где качаются днем в ветвях изумрудные сиринь-птицы, где лепеты капелек из ноздреватого камня подкрадутся сладкою болью; та сладость Египта есть ложная сладость* (Андрей Белый. Африканский дневник. 1922); *Третью категорию мы тоже отставим в сторону, так как она, наоборот, чисто натуралистическая: заключает в себе памятки о вымерших чудовищных птицах и ящерах: драконы, птица-Рок, грифы, орлы и прочие благодетели сказочных героев* (А.В. Амфитеатров. Жар-цвет. 1895); *И, делая страшные глаза, они рассказывали, что золото стерегут там страшные грифы и что много труда и опасностей пришлось вынести им, чтобы вырвать у страшных стражей этих их сокровища* (Ф. Наживин. Глаголют стяги. 1935); *Образ этого таинственного и странного существа, известного еще на Древнем Востоке, в средневековой Европе часто присутствует в гербах и изображениях, прославляющих правителей и полководцев (согласно «Роману об Александре» именно грифоны вознесли Македонского на небо)* (Т. Акимова. Музей Виктории и Альберта. Лондон. 2012); *Посредине оного находилась серебряная с водою лохань, поддерживаемая золотыми львами, в которой четыре сирены на поверхности держали большую раковину, на коей постлана была чистая и белая морская пена...* (М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766–1768).

Уместно отметить, что «Словарь русского языка», составленный П. отделением Императорской Академии наук 1897 г. в толковании значения слова **Жар-птица** указывает форму множественного числа этой номинации и подтверждает ее примером из сказки П. Ершова «Конек-горбунок»: **Жар-птица, -ы, мн. жар- и жары-птицы, ж.** Сказочная птица, перья которой ослепительно светятся, горят, как жар. Вот сюда-то до зарницы Прилетают жары-птицы. Ерш. Кон.-горб. [24. Т. 2, вып. 1. С. 239].

В таких употреблениях (имеются в виду формы множественного числа от собственных номинаций фантастических птиц в их прямом значении) происходит некоторая типизация виртуального денотата: единичность редуцируется, но конкретность и индивидуальность остаются. Денотат представляет собой целостный образ фантастической птицы, презентированный как вид. В таких случаях образный денотат как существующее в русском лингвокультурном сообществе стереотипное нерасчлененное восприятие номинации определенной фантастической птицы представляется более «осязаемым» в силу того, что служит обозначением классификационного элемента систематики. В подобных контекстах для грамматической семантики номинаций фантастических птиц свойственна оппозиция *единичность – неколичественная множественность* (в варианте ‘видовая множественность’), что сближает их с нарицательными именами, называющими дискретные (*стакан, береза*) и недискретные (*вино, масло, нежность*) множества в видовом значении.

Причиной функционирования собственных наименований фантастических птиц в неколичественном множественном числе считаем влияние такого свойства грамматических категорий, в том числе и субстантивного числа, как обязательность. По формальным признакам данные имена относятся к единственному числу, а специфика их значения не позволяет модифицировать значение по количественному признаку (оппозиции один предмет – два и более предмета). Конфликт между обязательностью и специфическими свойствами значений номинаций фантастических птиц приводит к возникновению употреблений с неколичественным значением, в которых реализуется виртуальный денотат этих имен видового характера, приближающийся к денотату нарицательных дискретных и недискретных имен.

Многие из изучаемых имен собственных имеют переносные значения и смыслы, среди которых метафорические и символические, что усиливает их понятийность. Переносные значения метафорического характера, по данным толковых словарей и текстов, характерны для номинаций **Жар-птица, Феникс, Гарпия, Сирена**. Символические значения свойственны лексемам **Жар-птица, Феникс, Алконост, Сирин, Гарпия**.

Переносные значения и употребления. В толковых словарях переносное значение у номинации **Жар-птица** отсутствует, хотя для речевой практики характерно метафорическое значение ‘похожая по своему облику: одежде, головному убору и т.п. на жар-птицу (зооморфная метафора)’. Поэтому что лучшая в руках такая синица, как Ксюша Рябцева, или, на худой конец, такая курица, как Надька Ковалчук, чем эта заморская **жар-птица** (Светлана

Крещенская. Черный лебедь, белый лебедь... // Ковчег. 2014); *Каждая из них будет выглядеть к тому же невестой. Не серьеznой, основательной традиционной невестой в белом пышном одеянии с фатой и шлейфом. Нет, все произойдет как будто понарошку, не всерьез. Так, как маленькие девочки мечтают о своих свадьбах, когда до этого еще далеко-далеко. Жар-птицы – невесты – в многоцветных радужных нарядах. У каждой фата. У кого-то в виде маленького хохолка, ярко-красная, как гребешок у курочки. У кого-то – синяя прозрачная вуаль. Ведь Синяя птица символ счастья...* (Г.М. Артемьева. Фата на дереве. 2012).

Также для речевой практики характерно такое метафорическое значение лексемы **Жар-птица**, как ‘яркая, красивая женщина’. В партнерши себе Аркадий непременно решал подыскать красавицу, но не просто вульгарно-сладенькую мордашку, а неотразимую, ослепительную женщину, этакую **Жар-птицу**, чьей привлекательности и красоты с лихвой хватило бы на двоих. <...>. Так, они стали выступать вместе – маленький человек Аркадий и красавица Ольга. Помимо невероятно влекущей, какой-то пьяняще-завораживающей внешности, у нее обнаружился приятный хрипловатый голос, и этого было вполне достаточно, чтобы составить с Кастановым своеобразный дуэт. Правда, ее красота еще контрастнее подчеркнула уродство маленького артиста, но это было уже несущественно (Яна Кузнецова. Любовь лилипута (2001) // Семья. 14.11.2001).

У лексемы **Феникс** метафорическое значение зафиксировано в словаре Даля: // *редкий, по дарованиям своим, человек, более шуточн.* [25. Т. 4. С. 1136], а также в МАС: **Феникс.** 2. *О ком-, чем-л. поразительном, единственном в своем роде* [26. Т. 4. С. 558]. В речи встречается редко. По нашим данным, из 374 документов со словом **феникс** в НКРЯ данное значение встретилось только в двух. *Пораженные умом, способностями, ученостью и красотою зятя, тещи и теща ежесчасно благодарили судьбу, даровавшую их дочке такого феникса* (Григорович. Проселочные дороги); *Во-вторых, батюшке чрезмерно хотелось также видеть, что за феникс Евгения на театре, и порадоваться ее минутному торжеству* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Ч. 3. 1788–1822).

Метафорические значения номинации **Гарпия** отмечаются в энциклопедических и толковых словарях. В Большой советской энциклопедии под ред. А.М. Прохорова отмечено такое переносное значение: *В переносном смысле Гарпия – злая женщина* [13. Т. 6. С. 131].

Это значение частотно для речевой практики, хотя и не отмечено в толковых словарях. *Принужден был говорить с этой несносной старой девой Анной Максимовной, с отвратительной гарпиеей, которая вешается на меня и на Вольдемара вместе и которая живет у них вроде компаньонки, родственницы, гувернантки или, точнее, приживалки* (А.А. Григорьев. Офелия. 1846); ...*аппарат стоял в приемной дантиста, американца Lawson, сожительница которого Mme Ducamp, седая гарпия, за своим*

письменным столом среди флаконов кроваво-красного Лоусоновского электрика, поджимая губы и скребя в волосах, суетливо прикидывала, куда бы вписать нас с Таней (В.В. Набоков. Дар. 1935–1937); Нина, уже молодая женщина, получила взамен любимой мачехи родную мать, одноглазую *гарпию*, полную злобы и параноидальной преданности вождю (Людмила Улицкая. Медея и ее дети. 1996); Проханов, судя по сцене в ЦДЛ, действительно уверен, что теперь класс женщин-критикесс сузился, а класс *гарпий* – расширился, и все за счет изъятия из одного и появления в другом все той же А. Латыниной (Л.А. Данилкин. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова. 2007).

Такие толковые словари, как БАС и Сл. Даля, описывают метафорическое значение слова *Гарпия* без привязки к гендеру: ‘мучитель, истязатель, кровопийца’ [19. Т. 3. С. 4325; 25. Т. 1. С. 849]. В речевой практике это значение встречается редко. По нашим подсчетам, из 53 документов со словом *гарпия* в НКРЯ данное значение встретилось только в трех. После М.Я. фон Фока сделан членом тайной полиции некто Мордвинов, вроде нравственной *гарпии*, жаждущей выслужиться чем бы то ни было (А.В. Никитенко. Дневник. 1834); И у бедных родителей остается только один выход: униженно кланяясь, носить в школу презенты, надеясь, что *гарпия* не станет ежедневно плеваться ядом в их ребенка (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия. 2003); После сего, сии ненасытные *гарпии*, забрав даже ни к чему годные тряпицы и последние остатки съестных припасов, уехали (З. Стабровский. Замечания священника Захария Стабровского. 1830–1836).

Энциклопедические и толковые словари описывают метафорическое значение номинации *Сирена* однотипно. В Большой советской энциклопедии под ред. А.М. Прохорова читаем: *В переносном смысле Сирены – обольстительные красавицы, чарующие своим голосом* [13. Т. 23. С. 449]; в Сл. Даля *Сирена* – лукавая соблазнительница [25. Т. 4. С. 163]; в БАС – «перен. о красивой, обольстительной, но бездушной женщине» [19. Т. 13. С. 847] – аналогично МАС, Сл. Кузнецова.

Тексты подтверждают это переносное значение. Когда я увидел ее снимок на обложке пластинки, она, черноволосая и кареглазая, ясное дело, показалась мне натуральной *сиреной* (В.А. Ермолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // Волга. 2008); По словам матери, каждая девушка (кроме Наташи, конечно), недурная собой, была *сиреной*, подходить к которой гибельно и опасно для молодого человека, особенно такого «глупенького», каким она нередко называла своего любимого сына (Станюкович. Оригинальная пара. 1877).

В метафорических значениях и употреблениях номинаций фантастических птиц выявляются денотаты с новым содержанием, соответствующим появившимся сигнификативным признакам (‘лукавая соблазнительница’ у слова *Сирена*, ‘злая женщина’ у лексемы *Гарпия* и т.п.), находящиеся в отношениях сходства или ассоциации с прототипическим денотатом (представлением) о той или иной вымышленной птице. Подобные «двойные» де-

нотаты свойственны многим нарицательным существительным в переносных значениях (молния как ‘застежка’, шпильки как ‘каблуки’ и т.п.). По специфике грамматической семантики (выражению количественной оппозиции *единичность – множественность*) номинации фантастических птиц в переносном значении полностью совпадают с нарицательными существительными.

Символические значения и употребления, «заключающие в себе символ, художественный образ, условно передающий какую-л. мысль, идею, перевивание» [19. Т. 13. С. 810]. Выявление символических значений относится к лингвокультурологическому анализу, который заключается в извлечении из образа его этнокультурной значимости и является основным в лингвокультурологии, под которой в работе понимается «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [27. С. 12]. Лингвокультурологический анализ также применяется в семантике, что характерно для данной работы. Последовательно символическое значение фиксируется в толковых словарях только у номинации **Феникс** – ‘символ вечного обновления, возрождения’ (в БАС, МАС, Сл. Ушакова, Сл. Ож. – Шв., Сл. Кузнецова, в Русском семантическом сл.).

В текстах это значение слова **Феникс** частотно. *Именно на ее пепелище и восстало, как птица феникс, старая газета «Биржевые ведомости* (Михаил Ефимов. От запрета до расцвета // Огонек. 2014); ...смерть есть только переход из одного бытия в другое, возрождение **феникса** из пепла... (А.А. Бестужев-Марлинский. Он был убит. 1835–1836).

Символические значения лексемы **Жар-птица** (‘нечто несбыточное, труднодостижимое’, ‘слава’, ‘успех’) в современных толковых словарях (БАС, МАС, Сл. Ушакова, Сл. Ож. – Шв., Сл. Кузнецова, Русский семантический сл.) не выделяются. В Сл. Ож. – Шв., Русском семантическом словаре описывается значение выражения «Найти (достать) перо жар-птицы, поймать жар-птицу (перен.: о счастье, удаче)», в котором номинация **Жар-птица** имеет символическое значение [28. Т. 1. С. 458].

В текстах данные смыслы встречаются часто. *Но референт уже крепко держал в руках за хвост свою жар-птицу и не собирался ее упускать* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 5. 1978); *То был вроде бы необходимый и полезный для профессии тренаж сценографа, подспорье для основной деятельности, а потом, не знаю точно в какой именно момент, А.П. Васильев вдруг поймал за хвост жар-птицу и начал с невиданной скоростью рисовать удивительные картины* (М.А. Захаров. Театр без вранья. 2007); *Определили, например, генетики, что ген ApoE у человека действительно влияет на продолжительность жизни, как тут же им померещилось, что еще один шаг – и они поймают за хвост жар-птицу бессмертия* (Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007); *Будет до старости искать жар-птицу, а настоящая-то жизнь в это время уйдет между пальцев* (А.И. Герцен. Кто виноват? 1841–1846).

Символические значения номинаций **Алконост** и **Сирин** в толковых словарях не зафиксированы. Лексема **Сирин** характеризуется во всех толковых

словарях только в своем прямом значении как имя собственное: *В древнерусской литературе и народных сказаниях Сирин – фантастическая птица с женским лицом и женской грудью* [19. Т. 13. С. 849] – аналогично МАС, Сл. Ушакова, Сл. Ож. – Шв. Слово *Алконост* отмечено только в БАС как имя собственное уникальной птицы: *Алконост, а, м. Фольк. Сказочная птица с человеческим лицом, изображавшаяся на старинных лубочных картинах* [19. Т. 1. С. 94].

Символические значения названных номинаций птиц зафиксированы в энциклопедических словарях. Так, в Краткой энциклопедии славянской мифологии Н.С. Шапаровой читаем: ...*некоторые поверья называли алконоста птицей радости* [29. С. 25]. В издании «Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под ред. С.Н. Южакова» указывается: *Как символ Сирин означает в народных произведениях вообще горе, несчастье* [12. Т. 17. С. 415].

Образы *Сирина* и *Алконоста* как райских птиц, воплощающих счастье, были очень популярны в древнерусской и средневековой культуре. Их изображения были найдены на глиняной посуде многих древнерусских городов, золотых подвесках Киевской Руси, бордюрах христианских книг, в резьбе каменных соборов Владимира; они характерны и для допетровских литературных памятников (Азбуковников, Хронографов); для лубочной и профессиональной литературы изобразительного и ювелирного искусства. В русском изобразительном искусстве и поэзии XIX–XX вв. *Алконост* и *Сирин* – семиотическая оппозиция печали и радости, традиционный сюжет, однако символические значения этих номинаций, зафиксированные в энциклопедических словарях, являются противоположными¹, что демонстрирует неоднозначность этих символов в обыденном сознании носителя русского языка. Так, одна их картин Виктора Васнецова названа «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали». Александр Блок написал стихотворение с аналогичным названием «Сирин и Алконост. Птицы радости и печали»:

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженство нездешних полный взгляд.
<...>
*Другая – вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...*

¹ Например, в «Энциклопедии славянской мифологии» Н.С. Шапаровой читаем: «При этом некоторые поверья называли алконоста птицей радости... пение алконоста считалось прекрасным, но безвредным. <...> Некоторые поверья называли... сирина птицей печали... пение сирина – губительно чарующим; человек, заслышив его, будто бы забывал обо всем на свете и вскоре умирал» [29. С. 25].

Аналогичное восприятие символических значений названных номинаций находим и у Владимира Высоцкого в стихотворении «Купола»:

*Птица Сирин мне радостно скалится,
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.*

Большинство энциклопедических, мифологических, толковых словарей не зафиксировали символическое значение номинации *Гарпия*. Только в «Объяснительном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» А.Д. Михельсона отмечается следующее символическое значение номинации: *Гарпия* – символ ненасытимой грязной жадности и скучости [30. С. 157], но речевая практика XX–XXI вв. не подтверждает это значение.

В символических значениях (соответственно ‘бессмертие и возрождение’, ‘удача’, ‘счастье’, ‘радость’ ‘печаль’) номинации *Жар-птица*, *Феникс*, *Алконост*, *Сирин*, *Гарпия* переживают опустошение своего денотативного слова, по своему денотату они приближаются к абстрактным нарицательным именам типа *красота*, хотя образный слой (целостное представление о вымышленной птице) остается в их содержании как прототипический компонент. Осуществляется трансформация индекса в условный знак, лексическая семантика онима наполняется содержанием отвлеченного характера, в процессе коммуникации у него появляются оценочные смыслы. Для грамматической семантики наименований фантастических птиц в символических употреблениях, как и для нарицательных отвлеченных имен типа *красота*, не характерна субстантивная количественная оппозиция *единичность – множественность*.

Результаты. В целом в содержании многозначных номинаций фантастических птиц (*Жар-птица*, *Феникс*, *Гарпия* имеют и метафорические, и символические значения либо употребления, *Алконост*, *Сирин* – символические, *Сирена* – метафорические) в процессе их функционирования в речи меняется наполнение и соотношение сигнifikативного и денотативного компонентов: в одних контекстах они (компоненты) сужают свой экстенсионал, в других расширяют интенсионал, способны развивать многозначность, приобретают коннотативную нагруженность. В рамках субстантивной количественной категории числа в грамматической семантике онимов происходит их приближение к нарицательным словам, либо конкретным, либо абстрактным. В общем в речевой практике осуществляется трансформация изучаемого онима как классического индекса в условный знак (иконический или символический), собственное имя наполняется обобщенной языковой информацией, что затем нередко фиксируется словарями.

Отсутствие четко означенных границ в рамках лексико-грамматической и собственно лексической информации изучаемых номинаций фантастических птиц демонстрирует расплывчатость, нестабильность, реальную кон-

тинуальность конкретности и понятийности, единичности и множественности (дискретной и неколичественной) в содержании названных лексем. Имена фантастических птиц, будучи собственными по своим первоначальным сущностным семантическим характеристикам, обретают черты нарицательных.

Континуальность содержания изучаемых номинаций обусловлена длительным влиянием культуры на бытование этих лексем в русском языке, входжением образов фантастических птиц *Алконост, Гамаюн, Гарния, Гриф, Грифон, Жар-птица, Сирин, Сирена, Феникс* в картину мира русского народа. Изучаемая группа собственных имен в силу культуронагруженности, приобретенной за столетия своего существования, занимает особое место в континууме собственное имя – нарицательное имя.

Условные сокращения

БАС: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1964.

МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1988.

Ож. – Шв.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994.

Сл. Даля: Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля : в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994.

Сл. Кузнецова: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Сл. Ушакова: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ТЕРРА–TERRA, 1965.

Список источников

1. Зубкова Е.Н. Лексико-семантическая группа «Фантастические птицы» как фрагмент русской языковой картины мира: история и современное состояние : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 348 с.
2. Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 32–33.
3. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967. 542 с.
4. Харитончик З.А. Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Знаки языка и смыслы культуры : сб. науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. Москва ; Тамбов, 2020. С. 140–147.
5. Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 5–9.
6. Черняк А.З. Семантика референции и значения собственных имен. М. : Ленанд, 2020. 400 с.
7. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
8. Иванова А.А. Жар-птица в русской культуре: к проблеме эволюции художественного образа // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М., 2019. С. 18–32.

9. Полтавец Е.Ю. Феникс и фабула о трагической неосуществимости любви // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М., 2019. С. 118–131.
10. Кошелева В.Л. Русская жар-птица: от лубка до синема: о воплощениях этого сказочного образа в русской культуре // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 5 (233). С. 66–75.
11. Энциклопедический словарь : в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон ; под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1894. Т. 11а. 958 с.
12. Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний: энциклопедическое издание : в 22 т. / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 17. 794 с.
13. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова М. : Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. 591 с.; 1976. Т. 23. 623 с.
14. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. М. : Эллис Лак, 1995. 416 с.
15. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
16. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1992. 719 с.
17. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород : Русский купец: Братья славяне, 1995. 368 с.
18. Настольный энциклопедический словарь : в 8 т. (116 вып.). М. : А. Гарбель и К°; А. Гранат и К°, 1901. Т. 8 (вып. 99–116). С. 4555–5358.
19. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. 1. 767 с.; 1954. Т. 3. 1339 с.; 1955. Т. 4. 1363 с.; 1962. Т. 13. 1515 с.; 1964. Т. 16. 1610 с.
20. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА – TERRA, 1965. Т. 1. 1562 с.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994. 907 с.
22. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Но-rint, 2000, 1536 с.
23. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
24. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / ред. акад. Я.К. Гrot. СПб., 1897. Т. 2, вып. 1. 577 с.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. 1743 с.; Т. 4. 1619 с.
26. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1988. Т. 4. 795 с.
27. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
28. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М. : Азбуковник, 2001. 799 с.
29. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: ок. 1000 статей. М. : АСТ; Русские словари, 2001. 624 с.
30. Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: сост. по словарям Гейзе, Рейфа и др. 9-е изд. М., 1883. 752 с.

References

1. Zubkova, E.N. (2021) *Leksiko-semanticheskaya gruppa “Fantasticheskie ptitsy” kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Lexico-semantic

- group “Fantastic birds” as a fragment of the Russian language picture of the world: history and current state]. Philology Cand. Diss. Stavropol.
2. Superanskaya, A.V. (1978) *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe* [Common and Proper Noun]. Moscow: Nauka. pp. 32–33.
  3. Reformatskiy, A.A. (1967) *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
  4. Kharitonchik, Z.A. (2021) Semanticeskaya neopredelennost' imen sobstvennykh, ili chto znachit “Ty – nastoyashchiy Eynshteyn!” [Semantic uncertainty of proper nouns, or what does “You are a real Einstein!” mean?]. In: Kovshova, M.L. (ed.) *Znaki yazyka i smysly kul'tury* [Signs of Language and Meanings of Culture]. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics RAS; Izdatel'skiy dom “Derzhavinskiy”. pp. 140–147.
  5. Dem'yankov, V.Z. (2016) O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znanii [On cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 5–9.
  6. Chernyak, A.Z. (2020) *Semantika referentsii i znacheniya sobstvennykh imen* [Semantics of Reference and Meaning of Proper Nouns]. Moscow: Lenand.
  7. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian Cultural Space: Linguistic and cultural dictionary]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
  8. Ivanova, A.A. (2019) *Zhar-ptitsa v russkoy kul'ture: k probleme evolyutsii khudozhestvennogo obraza* [The Firebird in Russian culture: to the problem of the evolution of the artistic image]. In: Smirnova, A.I. et al. (eds) *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke* [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture and Language]. Moscow: Knigodel. pp. 18–32.
  9. Poltavets, E.Yu. (2019) *Feniks i fabula o tragiceskoy neosushchestvimosti lyubvi* [Phoenix and the plot about the tragic impossibility of love]. In: Smirnova, A.I. et al. (eds) *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke* [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture and Language]. Moscow: Knigodel. pp. 118–131.
  10. Kosheleva, V.L. (2010) *Russkaya zhar-ptitsa: ot lubka do sinema: o voploschcheniyakh etogo skazochnogo obraza v russkoy kul'ture* [Russian Firebird: from lubok to cinema: about the incarnations of this fairy-tale image in Russian culture]. *Moskovskiy zhurnal. Istoryya gosudarstva Rossiiyskogo*. 5 (233). pp. 66–75.
  11. Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1894) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. 11a. Saint Petersburg: I.A. Efron.
  12. Yuzhakov, S.N. (ed.) (1904) *Bol'shaya entsiklopediya: slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otrazlyam znanii: entsiklopedicheskoe izdanie* [Great Encyclopedia: A dictionary of publicly available information in all branches of knowledge: encyclopedic edition]. Vol. 17. Saint Petersburg: Tovarishchestvo “Prosveshchenie”.
  13. Prokhorov, A.M. (ed.) (1971; 1976) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vols 6; 23. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
  14. Petrukhin, V.Ya. (ed.) (1995) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ellis Lak.
  15. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1990) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
  16. Tokarev, S.A. (ed.) (1992) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
  17. Grushko, E.A. & Medvedev, Yu.M. (1995) *Slovar'slavjanskoy mifologii* [Dictionary of Slavic Mythology]. Nizhny Novgorod: Russkiy kupets; Brat'ya slavyane.
  18. Granat, A.N. & Granat, I.N. (eds) (1901) *Nastol'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Desktop Encyclopedic Dictionary]. Moscow: A.Garbel' i K°; A. Granat i K°. Vol. 8 (99–116). pp. 4555–5358.

19. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950; 1954; 1955; 1962; 1964) *Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo jazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vols 1, 3, 4, 13, 16. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Ushakov, D.N. (ed.) (1965) *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: TERRA – TERRA.
21. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AZ".
22. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo jazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
23. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: Editorial URSS.
24. Grot, Ya.K. (ed.) (1897) *Slovar' russkogo jazyka, sostavленный Вторым отделением Императорской Академии наук* [Dictionary of the Russian Language, Compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 2. Issue 1. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
25. Dal', V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Vols 1, 4. Moscow: Progress-Univers.
26. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy jazyk.
27. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikhologistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: Gnozis.
28. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2001) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
29. Sharapova, N.S. (2001) *Kratkaya entsiklopediya slavyanskoy mifologii: okolo 1000 statey* [Brief Encyclopedia of Slavic Mythology: About 1000 articles]. Moscow: AST; Russkie slovari.
30. Mikhel'son, A.D. (1883) *Ob "yasnitel'nyy slovar' inostrannyykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy jazyk, s ob "yasneniem ikh korney: sost. po slovaryam Geyze, Reifa i dr.* [Explanatory Dictionary of Foreign Words That Have Come into Use in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots: Compiled according to the dictionaries of Geise, Reif et al.]. 9th ed. Moscow: Russkaya tip. A.O. Lyutetskogo.

Информация об авторе:

Грязнова В.М. – д-р филол.наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.M. Gryaznova, Dr. Sci. (Philology), professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 08.07.2023;
approved after reviewing 14.03.2024; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 80'81
doi: 10.17223/19986645/89/4

О прошлом, но в разное время: компьютерный анализ текстов учебников по истории СССР / России для шести поколений студентов

Анастасия Владимировна Колмогорова¹,
Полина Алексеевна Колмогорова², Елизавета Романовна Куликова³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия

¹akolmogorova@hse.ru

²pakolmogorova@edu.hse.ru

³ekulikova@edu.hse.ru

Аннотация. Анализируются тексты о семи периодах российской истории в шести вузовских учебниках: 1946, 1983, 1997, 2001, 2006, 2010 гг. С помощью методов компьютерного анализа текстовых данных выявляется специфика поколенческого нарратива об истории страны в указанные периоды. Результаты демонстрируют, что тексты разных лет имеют различный эмоциональный «размах», разные тематические доминанты и фокусные тональности для разных исторических сюжетов. Данные отличия связаны с «духом» соответствующего периода – послевоенное время, период «развитого социализма», постперестроечное время реформ, становления новой российской государственности – и формируют специфический способ рассказывать историю «об истории», который можно назвать поколенческим историческим нарративом.

Ключевые слова: тексты учебников, идеологический дискурс, сентимент-анализ, тематическое моделирование, российская история

Благодарности: в данной научной работе использованы результаты проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитирования: Колмогорова А.В., Колмогорова П.А., Куликова Е.Р. О прошлом, но в разное время: компьютерный анализ текстов учебников по истории СССР / России для шести поколений студентов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 73–103. doi: 10.17223/19986645/89/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/4

About the past, but at different times: Computer analysis of texts in textbooks on the history of the USSR/Russia for six generations of students

Anastasia V. Kolmogorova¹, Polina A. Kolmogorova²,
Elizaveta R. Kulikova³

^{1, 2, 3} National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

¹akolmogorova@hse.ru

²pakolmogorova@edu.hse.ru

³ekulikova@edu.hse.ru

Abstract. In this article, we focus on the analysis of the texts of three history textbooks for university students published at different times: in 1946, 1983, 2001, 2006 and 2010. As a material, we use texts in each of the textbooks describing seven historical topics since the beginnings of the Principality of Kiev till the Reforms of Peter I. In our research, we tried to move away from the tradition banalized in discursive research to analyze history textbooks as a kind of ideologically labeled discourse. Instead, we consider the analyzed texts as a form of manifestation of a certain generational narrative. The authors of the textbooks, being not only institutional narrators, but also representatives of their generation, color the historiographical canvas, which remains, in principle, unchanged, with a certain emotional tone, and, when telling about the same events, shift the focus of thematic attention based on the spirit of their time. To solve this problem, we use computational linguistics methods: sentiment analysis, clusterization and topic modeling. Their use in combination with interpretive analysis allowed us to draw a number of conclusions: (1) there are historical subjects that are told, in general, within the same dominant tonality, while for others there is an ambivalence of evaluation; (2) the ranges even within the same tonality may vary greatly from textbook to textbook; for example, this is characteristic of texts about Ivan the Terrible; (3) each textbook is characterized by its own “tonal range”: 1946 is the most restrained, while 1983, 2001 and 2006 are the most altitudinal; (4) even in the textbooks of the same author team, published 9 years apart, the tonality of the texts of the same sections is not identical: from 1997 to 2006 it becomes, on the whole, noticeably more positive; (5) within the generational narrative, historical stories are revealed through the prism of a certain dominant idea – it is different for each time: for the post-war narrative it is the idea of protecting the state and paying attention to its geopolitical neighbours; for the post-perestroika period of the formation of the “young” Russian democracy (2001) – the idea of paysan community and veche as the forms of original democracy “of the people”; for the time of the formation of the modern Russian vertical of power (2010) it is the idea of centralization of power and its stability.

Keywords: textbook texts, ideological discourse, sentiment analysis, topic modeling, Russian history

Acknowledgements: This article uses the results of the Text as Big Data: Methods and Models for Working with Large Text Data project carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2024.

For citation: Kolmogorova, A.V., Kolmogorova, P.A. & Kulikova, E.R. (2024) About the past, but at different times: Computer analysis of texts in textbooks on the history of the USSR/Russia for six generations of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 89. pp. 73–103. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/4

Введение

Данная публикация посвящена анализу учебных текстов по истории, осуществляемому с помощью инструментов автоматической обработки текстовых данных.

Материалом для анализа стали тексты шести учебников истории СССР/России для высших учебных заведений, изданных в 1946, 1983, 1997, 2001, 2006 и 2010 гг. государственными издательствами.

Мы не случайно взяли данные временные срезы. Они, в общем, последовательно отражают смену картин мира советского / российского общества: послевоенное время, так называемую эпоху советского застоя, эпоху рыночных реформ в послепрестроенное время, формирование «нового российского капитализма» в нулевые и дальнейшее политическое становление российского общества в следующее десятилетие.

При анализе данного материала мы фокусируемся на специфике не столько содержания, сколько способа рассказывания исторического нарратива [1]. Причем этот нарратив касается периодов истории страны, очень отдаленных по времени от институциональных рассказчиков, но построен так, что позволяет последним связывать описываемое время со «своим» временем посредством суждений, интерпретативный базис которых находится в настоящем рассказчиков [2]. В частности, нам интересно, какая эмоциональная тональность окрашивает рассказ о тех или иных периодах истории страны в учебных текстах, изданных в разные эпохи и предназначенных молодым гражданам, родившимся в разное время; как тематические цепочки, через которые конструируется общая «главная тема» рассказа о разных периодах истории, смещают тематический фокус в нем.

Тексты по истории в целом представляют довольно уязвимую дискурсивную субстанцию: в них легко увидеть идеологическую предвзятость, элементы пропаганды,rudименты политических установок разного времени. Однако в данном исследовании мы хотели бы уйти от традиции дискурсивного анализа непосредственного текста и предложить иной ракурс – дискурсивную интерпретацию данных, полученных на основе принципов «дальнего чтения» [3] и методов компьютерной лингвистики, для описания латентных, неявных, но от этого не менее значимых характеристик текстов учебников как «историй», которые рассказывают институциональными нарраторами.

Таким образом, целью данной публикации стало выявление общего и отличного в поколенческих нарративах институциональных авторов учебников по истории, принадлежащих шести разным временным срезам и расска-

зывающих студентам своего времени о событиях и деятелях, далеко отстоящих во времени от актуального рассказчиком и слушателям момента. Подобный анализ осуществляется через призму компьютерного анализа характеристик текстов, в центре которых семь тем, две из которых касаются исторических личностей, а пять – наиболее удаленных во времени исторических периодов становления Российского государства, играющих, тем не менее важнейшую роль в национальной самоидентификации русских.

Наша гипотеза состоит в том, что при общей идентичности фактологической канвы в изложении исторических тем и периодов в анализируемых учебниках эмоциональная тональность текстов (сентимент), внутренние тематические цепочки (топики и термы) в них будут в той или иной мере отличаться, «выдавая» не столько идеологические «соскальзывания» авторов, сколько специфику поколенческого нарративного стиля институциональных авторов.

1. История: два значения слова, два подхода к анализу текстов учебников истории

В культовом для русской идентичности романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» есть игра слов, построенная на многозначности слова *история*. На вопрос Берлиоза «Так вы историк?» Воланд отвечает: «Я – историк... Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!».

Если для Берлиоза *историк* – от слова *история* в значении 1 ‘научная дисциплина, занимающаяся изучением прошлого’, то для Воланда *историк* – от *история* в значении 2 ‘рассказ о событии или само событие’.

В политической лингвистике и дискурс-анализе существует богатая традиция изучения текстов учебников, в частности учебников по истории. Но эта традиция, если следовать сформулированной нами дихотомии *история* 1 и *история* 2, соотносится с первой ее частью – в фокусе внимания исследователей тексты по истории как дисциплине, как совокупности транслируемых в текстовой форме знаний.

Данный подход получил развитие, прежде всего, в западноевропейском анализе дискурса, для которого тексты учебников истории интересны тем, что они, как и любые другие образцы педагогического дискурса, призваны легитимировать ценности, институционализированные в данном обществе на текущий момент его развития [4]. Так, например, в своей основополагающей работе С. Ситрон, анализируя французские школьные учебники по истории, издававшиеся начиная с XIX в., констатирует, что такие институциональные тексты – идеальная почва для возвращения «национального мифа» [5].

Несколько десятилетий спустя эта тема нашла продолжение в нашумевшем сборнике Жереми Дюбуа и Патрисии Легрис «Школьные предметы и политические культуры. Изменения в национальных моделях после 1945 года» [6]. Авторы постулируют, что национализация знания, произошедшая благодаря всеобщему государственному образованию, привела к

тому, что программы учебных дисциплин, учебники для их преподавания стали прямым инструментом формирования национальной идентичности, оказавшейся по этой причине чрезвычайно чувствительной к политической конъюнктуре. Эволюция идеологических установок в учебниках по истории показана авторами коллективного труда на примере языковых средств, используемых в текстах для развенчания культов личностей Гарибальди в Италии [7] и Сталина в России [8]. Автор последнего раздела, О. Конкка, в другом своем труде [9] показывает, как на лексическом уровне в постсоветских учебниках по истории сохраняютсяrudimentарные клише советских учебников: *триумф советской науки и техники, милитаристские круги, сельские труженики*. Данный факт интерпретируется исследователем как свидетельство глубинной дискурсивной преемственности между постсоветскими учебниками и их предшественниками: «За повторением «советизмов», устойчивых формулировок, многократно использованных в эпоху СССР, скрывается желание воспроизвести устойчивый *позитивный* образ отечественного прошлого» (курсив наш. – *Авт.*) [9. С. 63]. В этой связи возразим, что идеологически маркированные формулы содержат некоторую оценочную ловушку – их позитивность или негативность напрямую зависят от текущей дискурсной формации и дискурсной позиции автора [10]. Так, сочетание *сельские труженики* будет считываться как имеющее положительную тональность в дискурсах учебников 1940–1960-х гг., но уже в 1980-е и 1990-е гг., став признаком советского канцелярита, данную тональность потеряет, а в некоторых более поздних контекстах приобретет негативный оттенок. Подобные идеологические «реперные точки» для выстраивания актуальной моменту оценочной канвы довольно легко считаются методами классического экспериментального дискурс-анализа.

Однако мы предлагаем оттолкнуться от второго значения лексемы *история* – историческое повествование, даже если речь идет о педагогическом тексте институционального автора, является одним из вариантов «рассказывания историй о событиях». В этом смысле нам близко определение А. Стибби: «Истории – это когнитивные структуры в мышлении индивидов. Эти истории определяют то, как мы мыслим, говорим и действуем. Истории, которыми мы живем, – это истории в сознании всех тех, кто принадлежит какой-либо культуре. Истории – это ментальные модели, упрощенные схемы, которыми мыслят люди» [11. С. 6]. Истории об «истории», которые рассказывают институциональные авторы, несмотря на общую фактологическую идентичность, укорененную в историографии, и обязательную четкую идеологическую рамку, тем не менее отражают укорененные в подсознании нарраторов как представителей своего поколения, в том числе поколения историков, ментальные модели прошлого, бытующие в лингвокультурном сообществе и уже – в рамках профессиональной среды, в актуальный нарраторам период. Обсуждая данный феномен, можно провести параллель с понятием социального настроения в социологии – «функциональная психологическая связь между предшествующим опытом социальной или этнической группы и ее способностью чувствовать, воспринимать

и оценивать» [12. С. 112]. Такая психологическая связь, как мы полагаем, должна обнаруживать себя в тексте за счет общей эмоциональной тональности, не связанной напрямую с оценочными идеологизированными клише, а также при помощи тематических фокусов и сдвигов, не проявляющих себя открыто в структуре тем и подтем, эксплицитно артикулируемой авторами учебников. Как ни странно, хорошей иллюстрацией того, что мы называем тематическим фокусом эпохи здесь может быть комментарий Н.И. Бухарина относительно одного из учебников истории для средней школы, представленных на конкурс, объявленный ЦК ВКП(б) в марте 1934 г.: «Народы (народы СССР. – Авт.) эти трактуются почти исключительно как объекты захватов; между тем нужно, группируя материал вокруг формирования и эволюции России, как государства, всё же давать материал... так, чтобы была и диалектика развития: самостоятельные народы – превращаются в поседельцев «тюрьмы народов» – превращаются затем вновь в самостоятельные народы, но уже на общей братской основе социализма» [13].

Отчасти в силу тех же «поколенческих» мотивов, о которых мы писали выше, исследователями, работающими в рамках самой исторической науки, предлагается рассматривать учебники истории не как авторские тексты, а как особый тип массовой литературы определенного времени: «...обстоятельства их происхождения связаны прежде всего с государственным заказом, содержательные линии определяются на основании конкретных документов (к примеру, стандартов, учебных программ и т.п.), требования к ним формулируются в соответствии с решениями конкретных органов (Министерство просвещения / образования, ЦК ВКП(б) / КПСС, Федеральный экспертный совет и т.д.)» [14. С. 266–267].

Несомненно, у предлагаемого нами конструкта «поколенческих историй об истории» есть ограничения: 1) тексты учебников истории отражали и внутридисциплинарные различия исторических школ, научные концепции авторских коллективов и их руководителей (ср., например, «формационную» и «цивилизационную» парадигмы в практике написания учебников истории, упоминаемые в [15]); 2) отличие между «поколенческим умонастроением» и «идеологической рамкой» не во всех случаях легко выявить. Тем не менее у конструкта есть и свои сущностные черты, позиционирующие его как феномен мезоуровня, находящийся глубже, чем идиостильевые черты или идеологические клише, но залегающий не так глубоко, как, скажем, глубинные нарративные падежи А. Греймаса [16]: 1) он не является непосредственным продуктом идеологии, хотя не исключает ее влияния; 2) он невольно отвечает социальному настроению общества «текущего момента», хотя и пропущенному через призму теоретических концепций историографии; 3) он не является индивидуальным стилем речи, письма автора текста, поскольку первоначальный текст проходит через серию социальных фильтров, становясь в итоге феноменом массовой литературы.

Для выявления специфики таких «историй об истории» мы решили использовать ряд методов компьютерной лингвистики, получивших широкое применение на разнообразных массивах текстовых данных.

Материал и методы

Материал исследования составил корпус из 42 текстов на русском языке общим объемом 575 000 токенов. Данная коллекция состоит из текстов разделов шести учебников по истории, выпущенных для студентов высших учебных заведений. Из каждого учебника были взяты тексты по следующим семи темам: Докиевская Русь, Киевская Русь, Феодальная раздробленность, Татаро-монгольское иго, Объединение русских земель Иваном Калитой, Правление Ивана Грозного, Реформы Петра I.

Список учебников, ставших источником текстового материала:

1. Базилевич К.В., Новицкий Г.А. История СССР. Ч. 1. От древнейших времён до конца XVIII века. М. : Издательство Высшей партийной школы, 1946. 748 с.

2. Беляевский М.Т., Рыбаков Б.А., Леонтьев А.К., Новицкий Г.А., Сахаров А.М. История СССР с древнейших времён до конца XVIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. М. : Высшая школа, 1983. 415 с.

3. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней : учеб. М. : Проспект, 1997. 544 с.

4. Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н.И. Павленко: учеб. 2-е изд., перераб. М. : Высшая школа, 2001. 536 с.

5. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, 2006. 568 с.

6. Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия: учеб. М. : Весь мир, 2010. 949 с.

Подчеркнем, что относительно небольшой объем анализируемого материала связан с пилотным характером исследования – мы проводим своего рода «разведывательный поиск» для того, чтобы на следующем этапе, проанализировав большие данные, получить в той или иной степени прогнозируемые результаты.

Тексты были преобразованы в машиночитаемый формат и предобработаны: удалены стоп-слова, тексты токенизированы при помощи пакета quanteda в г (quanteda tokens), приведены к строчному написанию, очищены от знаков препинания, цифр, небуквенных символов и лишних пробелов, наконец, для ряда задач использовалась лемматизация при помощи морфологического анализатора для русского языка MyStem.

Основными методами анализа выступили сентимент-анализ, тематическое моделирование и кластеризация текстов на основе их косинусного расстояния.

Необходимо отметить, что в современной лингвистике наблюдается всплеск внимания к категории эмотивности как неотъемлемой части текстов разного жанра – по словам В.И. Шаховского, «весь язык эмотивен... не существует нейтральной лексики» [17. С. 25]. Сентимент-анализ, или анализ

тональности, – получивший широкое распространение компьютерный метод для выявления выраженных лексически эмоциональной оценки и субъективного отношения автора текста к некоторому объекту [18]. Вместе с расширением числа подходов, используемых для подобного анализа (словарный, основанный на правилах, нейросетевой), расширяется и спектр типов текстов, подвергающихся сентимент-анализу. Если традиционно метод использовался применительно к постам в социальных сетях [19, 20], отзывам на товары и услуги [21], кинорецензиям [22], то сегодня уже появляются работы по сентименту в художественных [23] и академических текстах. Так, в [24] представлены результаты анализа тональности словарным методом 66 учебников по психологии, выпущенных за последние одиннадцать десятилетий, – эмоциональная окраска текстов с каждым годом приобретает все более негативный оттенок. Аналогичное исследование с той же методологией было проведено на материале современных отечественных учебников по истории и обществознанию для школьников 5–11-х классов в [25]. Авторы приходят к выводам, что в учебниках по истории превалирует негативный лексикон и что доля оценочной лексики в учебниках для старшей школы оказывается ниже, чем в учебниках для средних классов.

Опираясь на методику работы, представленную в [24, 25], мы также использовали словарный подход к работе с тональностью в том числе и потому, что имеющиеся дообученные модели [26] не позволяют анализировать большие по объему тексты (до 300 слов) и, будучи обучены на достаточно разнородных датасетах из социальных сетей, нечувствительны к «сдержанной» тональности не-сетевых текстов. Словарь же тональности уже содержит в себе ограниченный список слов некоторого языка, как правило сформированный авторами словаря самостоятельно и размеченный по шкале «позитивность – нейтральность – негативность» информантами, ангажированными разработчиками словаря [27]. Для русского языка на сегодняшний момент существуют три оригинальных, т.е. непереводных, достаточно широко используемых словаря: «Круг слов» [28], PolSentiLex [29] и RuSentiLex [30, 31]. У словарей много общего, например использование краудсорсинга для разметки, но есть и отличия: PolSentiLex – доменно-специфичный словарь, созданный для анализа межэтнической напряженности в социальных сетях, поэтому для нас он был нерелевантен; «Круг слов», кроме среднего значения сентимента по данным разметки, дает еще и для каждого такого значения коэффициент согласия аннотаторов – исключив из списка негативных и позитивных слов те из них, которые имеют низкие коэффициенты согласия, мы получили слишком ограниченный список слов; RuSentiLex имеет характер «общего» словаря, где размечены не только униграммы, но и n-граммы, поэтому мы воспользовались именно им.

Чтобы учесть при анализе n-граммы (они даны в лемматизированной форме), мы разбивали тексты для анализа не только на униграммы, но и n-граммы длинной от 2 до 6 слов, используя при этом инструмент quanteda tokens_ngrams в пакете quanteda в г. N-граммы извлекались последова-

тельно: например, предложение «основной театр военный действие переноситься на юг» представлялось в виде униграмм (*основной*, *театр*, *военный*, *действие*, *переноситься*, *на*, *юг*), биграмм (*основной_театр*, *театр_военный*, *военный_действие...*), триграмм (*основной_‘театр_военный*, *театр_военный_действие*, ...) и т.д. После этого производилось сопоставление текстов с полным вариантом словаря RuSentiLex. С помощью метода *quanteda::dfm_lookup* было подсчитано количество положительных и отрицательных слов из словаря, которые встретились в наших текстах. Список этих слов был проанализирован: для многих слов в RuSentiLex предложено несколько вариантов аннотации (в зависимости от контекста). Для подобных слов было уточнено контекстуальное значение, которое они имеют в текстах из нашей выборки. Например, из трех возможных вариантов значений для слова *великий* (1) *великий*, *Adj*, *великий*, *negative*, *opinion*, "ВЕЛИК ПО РАЗМЕРУ"; (2) *великий*, *Adj*, *великий*, *neutral*, *opinion*, "БОЛЬШОЙ ПО РАЗМЕРУ"; (3) *великий*, *Adj*, *великий*, *positive*, *opinion*, "ВЫДАЮЩИЙСЯ ВЕЛИКИЙ" для текстов учебников истории релевантным оказалось только третье – с положительной коннотацией. Слово же *первобытный* в исторических текстах употребляется только в коллокации *первобытно-общинный строй*, поэтому маркировалось как нейтральное и было исключено из списка слов с позитивной тональностью (такая тональность валидна для значения ‘девственный, нетронутый’). Таким образом, итоговый список позитивных слов включил 873 (–89 ед. по отношению к оригинальному списку из словаря) единицы, а список негативных – 1502 (–82 ед.).

Для вычисления итогового значения сентимента для текста рассчитывалась доля положительных или отрицательных слов по отношению к общему числу эмоциональных слов в этом тексте. Для аналитики применялся ряд частных методов, каждый из которых уточняется непосредственно в соответствующих пассажах текста статьи.

Кластеризация текстов производилась на основе вычисления косинусного расстояния: каждая биграмма текста преобразовывается в числовой вектор при помощи предобученной модели fastText, вычисляется среднее косинусное расстояние для всех биграмм текста – сходство между текстами оценивается через косинус между их усредненными векторами по формуле $1 - \|u\|2 \cdot \|v\|2 u \cdot v$. Для иерархической кластеризации использовался метод дальнего соседа (complete linkage), при котором в ходе объединения кластеров в один больший кластер попадают пары, демонстрирующие наименьшее расстояние между их наиболее далекими членами.

Облака слов строились на основе предобработанных указанными выше методами текстов, к которым применялся метод Bag of words, а его результаты презентировались в виде «облака слов»: чем крупнее шрифт, тем чаще встречается слово.

Для тематического моделирования применена модель Structural Topic Modeling (STM), поскольку на материале художественных текстов (анализируемые нами академические тексты все-таки ближе к ним, чем к текстам социальных сетей), как показал сравнительный анализ моделей Латентного

размещения Дирихле (LDA), неотрицательной матричной факторизации (NMF) и STM, представленный в [31], именно данная модель позволяет построить дистинктивный словарь для каждой темы.

Последовательность методов выстроена следующим образом: сначала мы используем кластеризацию, чтобы провести самую первую проверку гипотезы и ответить на вопрос, какие факторы могут влиять на «похожесть» текстов: время написания, авторский коллектив, тема; получив предварительно некоторые результаты, мы проверяем их, используя сентимент-анализ текстов; выявив отличия в тональности текстов, посвященных одной и той же исторической теме, но в учебниках разных лет издания, осуществляя тематическое моделирование, чтобы получить ответ на вопрос, может ли изменение сентимента быть связано с изменением тематического фокуса «рассказывания истории об историях» или возможны случаи, когда тематический фокус константен, но меняется эмоционально-оценочное отношение к нему.

Результаты и обсуждение

На рис. 1, 2 представлены одни и те же результаты кластеризации: на рис. 1 семь кластеров визуализированы при помощи метода мультимодального шкалирования (Multidimensional Scaling), на рис. 2 – аггломеративной кластеризации, при которой построение кластеров идет от мелких к крупным и делается по принципу «сходства» объектов.

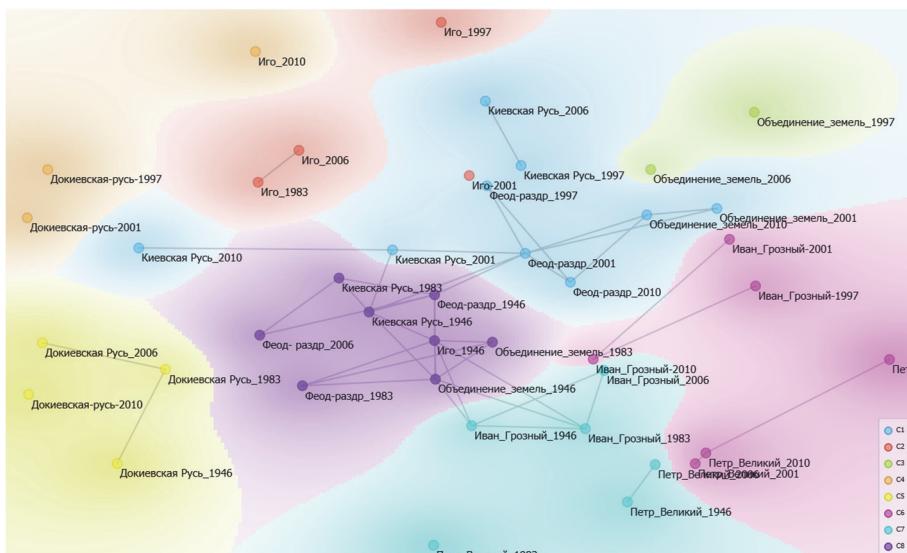

Рис. 1. Кластеризация текстов на основе их косинусного расстояния, визуализированная при помощи мультимодального шкалирования

Анализируя визуализации (рис. 1, 2), отметим следующие тенденции, проявившиеся при кластеризации: 1) на макроуровне один кластер образуют большинство текстов про иго (кроме текста 1946 г.) и тексты про Докиевскую Русь; 2) в следующий (более иерархически низкий) кластер попадают тексты о Докиевской Руси и постсоветские тексты об Иване Грозном и Петре Великом; 3) на микроуровне тексты про Ивана Грозного и Петра Великого перемешиваются и формируют два отдельных кластера: в кластере 6 оказываются тексты на эти темы в постсоветских учебниках, а в кластере 7 – преимущественно – советских (1946 и 1983 гг.); 4) аналогичным образом в кластере 1 – тексты о Киевской Руси, Феодальной раздробленности и Объединении земель преимущественно 1997, 2001 и 2010 гг.; 5) тексты тех же тематик, но принадлежащие учебникам 1983 и 1946 гг. формируют кластер 8; 6) советские и постсоветские тексты объединяются вместе, образуя единый кластер 5, на микроуровне только по одной теме – Докиевская Русь; 7) несмотря на идентичный авторский коллектив, только тексты двух тематических разделов учебников 1997 и 2006 гг. кластеризуются очень близко (см. рис. 1): Киевская Русь (кластер 7) и Объединение земель (кластер 3).

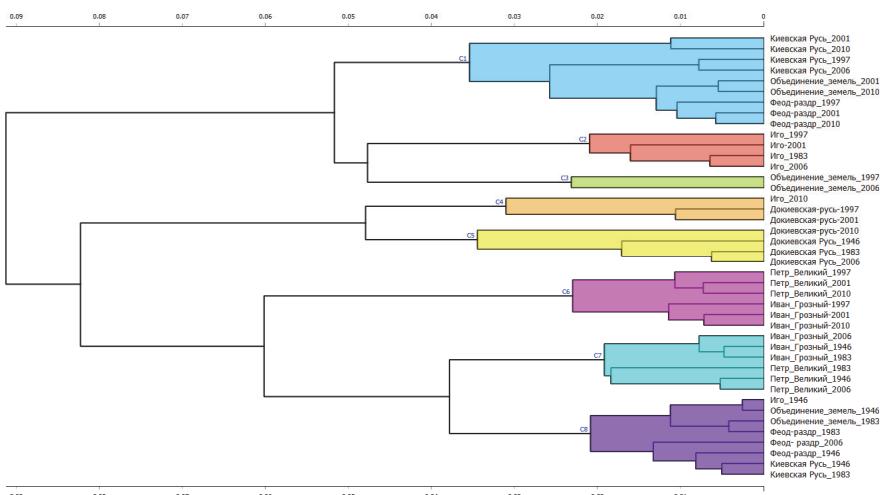

Рис. 2. Распределение текстов по 8 кластерам на основе косинусного расстояния между их векторными представлениями

Таким образом, кластеризация предварительно подтвердила нашу гипотезу о наличии некоего «поколенческого» способа рассказывать истории об истории: тексты разных тематик склонны образовывать один кластер по критерию эпохи написания – советский или постсоветский учебник. В то же время идентичность авторского стиля в учебниках 1997 и 2006 гг. предопределила общность кластеризации текстов только в двух темах из семи. Кроме того, стало понятно, что есть и межпоколенческие константы – две темы в выборке, которые «рассказываются», как можно предположить, примерно

одинаково – Петр Великий и Иван Грозный. Проверять эти гипотезы мы продолжили при помощи сентимент-анализа.

После проведения сентимент-анализа текстов методом, описанным выше, чтобы сравнить тексты нашего корпуса между собой, мы перевели полученные значения доли позитивных и негативных слов в шкалу от -1 до $+1$ с помощью функции rescale в пакете Scales для R. Результаты визуализированы, см. приложение.

Такой метод перевода значений не говорит о том, что текст с тональностью $+1$ исключительно позитивный – он просто самый позитивный из наших текстов, поскольку там самая большая доля положительных слов.

Рассмотрим некоторые общие тенденции.

В табл. 1 приведено количество учебников в выборке, в которых та или иная тема была представлена с преобладанием позитивных или негативных слов.

Таблица 1

**Количество вхождений тем в категории «с преимущественно позитивной тональностью» / «с преимущественно негативной тональностью»
по выборке из шести учебников**

Количество учебников, в которых преобладает тональность	Докиевская Русь	Киевская Русь	Феодальная раздробленность	Иго	Объединение земель	Иван Грозный	Петр Великий
Позитивная	4	2	4	1	3	0	0
Негативная	2	4	2	5	3	6	6

Заметно, что только две темы из семи в большинстве учебников представлены нарративами с преобладанием (в разной степени) позитивной тональности – это темы «Докиевская Русь» и «Феодальная раздробленность». Если посмотреть на специфику распределения сентимента для первой темы по учебникам (см. приложение), то с наибольшей позитивностью (0,8) она представлена в 2001 г., 0,33 – в 2006, 0,24 – в 1997, 0,09 – в 1983; с незначительной долей преобладания негативного вокабуларя ($-0,008$ и $-0,1$) в 1946 и 2010 гг. соответственно. Принимая во внимание тот факт, что учебники 1997 и 2006 гг. написаны одним и тем же авторским коллективом, представляется интересным, что за 9 лет, разделяющие эти тексты, Докиевская Русь и проблема происхождения славян стали видеться авторам в более положительном ключе. Кроме того, в рамках данной темы несколько изменились акценты в описании этнического «котла», в котором возникала русская национальная идентичность. На рис. 3 представлены в сопоставлении реферные графы относительных частот (ipm) всех встретившихся в данных

разделах этнонимов + имя собственное *Византия*, полученные в корпусном менеджере Voyant. Заметно, что в тексте 2006 г. по сравнению с 1997 г. сократилась частотность лексемы *славяне*, сократилось также лексическое «присутствие» Византии, совсем исчезли греки и гунны, но появились скифы.

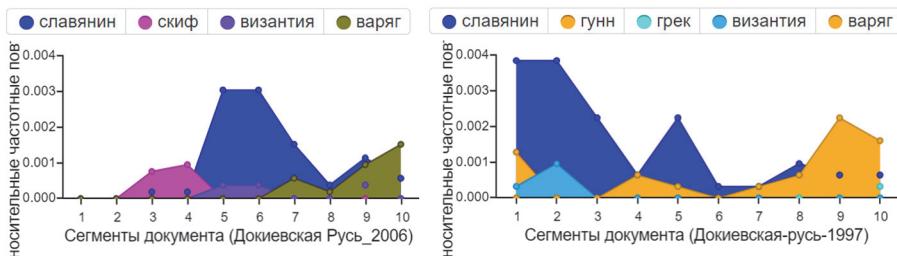

Рис. 3. Реберные графы относительных частот лексем-этнонимов и имени собственного *Византия* в текстах учебников 1997 и 2006 гг. (авторы: А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина), посвященных теме «Докиевская Русь»

Тенденцию к повышению сентимента с годами наблюдаем в обсуждаемых двух учебниках и в теме «Феодальная раздробленность»: в 2006 г. – это самый позитивный текст в выборке (1,0), хотя в 1997 г. у тех же авторов позитивность была минимальной (0,26).

Возвращаясь к общей характеристике динамики сентимента в выборке, отметим, что абсолютное преобладание негативного вокабуляра над позитивным характерно для тем «Иван Грозный» и «Петр Великий». Несомненно, в целом тексты об Иване Грозном содержат больше негативных слов (униграммы и биграммы), чем тексты о Петре Великом. Тексты об Иване Грозном располагаются в интервале от -0,47 в учебнике 1946 г. до -0,98 и -1,0 в учебниках 1983 и 2001 гг. соответственно. При этом текст 2001 г. – самый негативный текст в выборке.

Что касается Петра Великого, то здесь значения превалирующего сентимента варьируют не так заметно и не в столь широком диапазоне: от -0,03 в учебнике 2001 г. до -0,35 в учебнике 2006 г.

Другая тема с преимущественно негативным вокабуляром – «Иго». Единственный учебник, рассматривающий эту тему с позитивным вокабуляром, минимально преобладающим над негативным, – это учебник 1946 г., но, как мы покажем далее, такая тенденция связана, скорее, с общей эмоциональной сдержанностью текста всего учебника.

Примечательно, что две наиболее противоречивые по сентименту темы – это «Киевская Русь» и «Объединение земель». Для темы «Киевская Русь» минимальное преобладание позитивного вокабуляра зафиксировано в учебниках 1983 и 2010 гг., где становление государственности подается через идеи власти, порядка, а частотными словами становятся *государство, культура, Русь, церковь* (см. облака слов в приложении) в таких, например, контекстах:

1) Гарнизоны новых пограничных крепостей были набраны из дружинников далеких северных земель (кличек, вятычей и словен), чтобы привлечь к обороне государства все силы новой державы. Опираясь на эти линии, Владимир оградил Русь от новых набегов (учебник 1983 г., с. 65);

2) Годы его правления были плодотворны для развития русской культуры: в Киеве возводится целый ряд монументальных храмов (учебник 2010 г., с. 127).

В других учебниках преобладает негативный вокабуляр, что становится особенно заметно в 1997 и 1946 гг. – красной нитью проходят образы криволитной борьбы молодого государства за самостоятельность, что проявляется и в выдвижении на первый план имена князей, таких слов, как дружина, дань (см. приложение):

3) Наиболее мощным было восстание в Киеве в 1068 г. Оно вспыхнуло в результате поражения, которое потерпели сыновья Ярослава (Ярославичи) – Изяслав (ум. 1078 г.), Святослав (ум. 1076 г.) и Всеволод (ум. 1093 г.) – от половцев (учебник 1997 г., с. 29);

4) С дружины князь ходил в походы, подавлял восстания отложившихся племен, захватывал новые земли, делил военную добычу и собирал дань (учебник 1946 г., с. 84).

Объединение же земель имеет достаточно значительное доминирование позитивного вокабуляра (см. приложение) в 1946 г., а далее в порядке убывания его значимости – в 2001 и 2010 гг. и переходит, в порядке возрастания, в доминирование негативного вокабуляра в 1997, 2006 и 1983 гг..

Для того чтобы посмотреть «размах» эмоциональной тональности по каждому из учебников в сравнении, мы использовали метод подсчета Compound score:

$$\frac{\text{Sum(pos)} - \text{Sum(neg)}}{\text{TextLength}} \times 100,$$

где Sum(pos) – количество положительных слов; Sum(neg) – количество негативных слов; TextLength – общее количество слов в тексте. Данный метод используется для подсчета значений сентимента и их сравнения в таких известных инструментах, как, например, Orange [32].

Визуализация (рис. 4) демонстрирует, что тональный «размах» учебников неодинаков: самый сдержаный диапазон сентимента характерен для учебника 1946 г. – от 0, до -1,84; самые выраженные «качели» из позитива в негатив демонстрирует учебник 2006 г. (1,24...–2,06), самый большой диапазон, но со скосом в негативные значения – учебники 2001 г. (0,74...–3,43) и 1983 г. (0,17...–3,41). Учебник 1997 г., по-видимому, самый негативный, для него по методу Compound score нет значений метрики в положительную сторону ни по одной теме. Подтверждается и отмеченная нами ранее тенденция в изменении сентимента в написанных одним и тем же авторским коллективом учебниках 1997 и 2006 гг.

За исключением Ивана Грозного, вокабуляр для всех тем становится более позитивным.

Рис. 4. Колебания значения сентимента в каждом из шести учебников, рассчитанные методом Compound Score

Рассмотрим показательный фрагмент текста о Петре Великом, начинающий подпараграф «Социальные противоречия в первой четверти XVIII в.» в двух учебниках в режиме «было – стало»:

5) **Социальные противоречия в первой четверти XVIII в.** Как заметил А.С. Пушкин, Петр I показал все черты «нетерпеливого, самовластного помещика», многие указы которого «писаны кнутом». В 1705–1706 гг. восстали стрельцы, работные и посадские люди, беглые крестьяне в Астрахани, которые более семи месяцев удерживали город. На подавление восстания Петр направил своего лучшего полководца фельдмаршала Б.П. Шереметева. Почти семь лет продолжались волнения в Башкирии (1705–1711) (учебник 1997 г., с. 154).

6) **Социальные противоречия в первой четверти XVIII в.** Вся тяжесть петровских преобразований легла на плечи трудового населения. Это вызвало ряд мощных народных волнений. В 1705–1706 гг. восстали стрельцы, работные и посадские люди, беглые крестьяне в Астрахани, которые более семи месяцев удерживали город. На подавление восстания Петр направил своего лучшего полководца фельдмаршала Б.П. Шереметева (учебник 2006 г., с. 142).

В первом фрагменте (пр. 5) негативная оценочность выражена более резко за счет эпитетов (*нетерпеливого, самовластного помещика*), образности, создающей экспрессивность (*писаны кнутом*) в первом предложении.

Во втором фрагменте та же идея передается уже более сдержанно (*тяжесть преобразований, мощных волнений*) и при помощи не одного, а двух предложений.

Таким образом, проведенный анализ сентимента позволяет сделать несколько предварительных выводов:

1) есть исторические сюжеты, которые рассказывают в пределах одной и той же доминирующей тональности, а для других – налицо амбивалентность оценки: Докиевская Русь и Феодальная раздробленность в большинстве учебников тяготеют к позитивному вокабуляру; Иго, Иван Грозный и Петр Великий – к негативному; доминирование того или иного тонального вокабуляра в темах Объединение земель и Киевская Русь в большей степени зависит от года издания учебника;

2) однако диапазоны даже в рамках одной тональности могут сильно различаться от учебника к учебнику, например, это характерно для текстов об Иване Грозном;

3) для каждого учебника характерен свой «тональный размах»: 1946 г. – самый сдержанный, а 1983, 2001 и 2006 гг. – наиболее амплитудные; 1997 г. – самый негативный; 2010 приближается по сбалансированности тональности к 1946 г.;

4) даже в учебниках одного и того же авторского коллектива, изданных с интервалом в 9 лет, тональность текстов одних и тех же разделов не идентична: от 1997 к 2006 г. она становится в целом заметно позитивнее.

Следующим этапом стало проведение процедуры **тематического моделирования** на основе алгоритмов машинного обучения. Как уже отмечалось выше, использовалась модель Structural Topic Modeling. Определяя количество тем для моделирования, мы остановились на 14. Хотя максимальные значения метрики Held-Out Likelihood (вероятность хорошо интерпретируемых тем) и минимальные значения метрики Residuals (вероятность неинтерпретируемых тем) достигаются на 10 темах (рис. 5), мы решили использовать 14 тем, поскольку значения метрик в данном случае ухудшаются незначительно, а объем данных для интерпретации расширяется существенно. Кроме того, установлено [33], что в подавляющем большинстве существующих сегодня моделей для тематического моделирования оптимальным является количество метрик выше 10, но меньше 15.

Для тематического моделирования мы использовали не лемматизированные варианты текстов, разбитые на токены и приведенные к нижнему регистру; для получения более интерпретируемых термов в корпус одиночных токенов дополнительно добавлены частотные коллокации.

При формулировании названий тем мы опирались на метрику FREX (Frequency+Exclusivity – сочетание значимости и исключительности данного терма для всей темы): для каждой темы термы ранжируются в порядке убывания значений метрики – чем ближе слово к началу ряда, тем выше значения метрики (табл. 2).

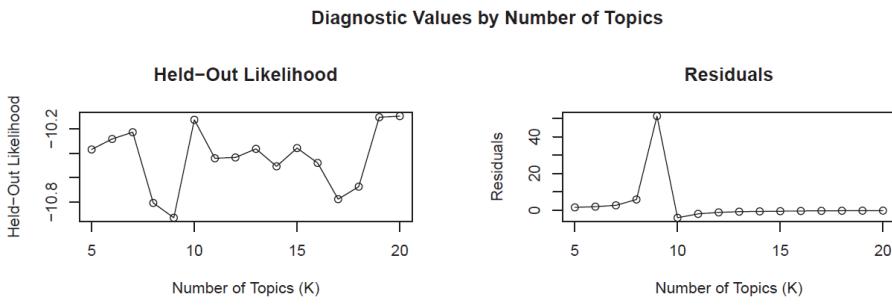

Рис. 5. Динамика значений метрик Held-Out Likelihood и Residuals в зависимости от количества выделяемых моделью тем (для предложенной выборки текстов)

Таблица 2

Темы и их термы, полученные при помощи модели структурного тематического моделирования на корпусе всех проанализированных текстов из шести учебников

№	Название темы	Термы темы в порядке убывания значений FREX ¹
1	Государственное устройство Киевской Руси	руssы, киевского_государства, по-видимому, ленин, верви, киевское_государство, russов, владимир_мономах, киевского_князя, лев_диакон, дунае, славянские, воины, славянского_населения, киевском_государстве, киевской, восточно-славянских_племен, святослава, киевских_князей, век
2	Принятие христианства на Руси	погосты, гривен, апостол_андрей, первая_половина, принятие_христианства, ольги, игорь, ярославе_мудром, аскольд, правда_ярославичей, варяжской, глава_государство_русь, окаянного, игоря, пространной, древлянам, правда_ярослава, дружиинники, христианство, принятия_христианства
3	Политика консолидации Ивана III	ивана_третьего, калиты, иван_данилович, шемяка, иван_третий, московских_князей, дмитрия, дмитрий, мамай, великое_княжение, ахмат, московской_земли, палеолог, мамая, василий, куликовская_битва, василию, единого_государства, феодальная_война
4	Реформы Петра	посошков, сената, балтике, регулярной_армии, казенных, новшества, прокоповича, концу_века, губернии, промышленности, мануфактур, учреждений, преобразований, петровского_времени, дворянства, булавина, просвещения
5	Захвата русских земель от захватчиков	Захватчики, монголо-татар, russских_полков, монголами, внук_чингисхана, монголы, александр, золотая_орда, бату, монголов, монгольских, монголам, крестоносцев, завоевания_земель, нойонов, монгольские, ледовое_побоище, захватчиков
6	Происхождение славян и их этнические соседи	сардури, рабовладельцев, формации, гунны, антами, всей_вероятности, племени, учебника, ваварами, славянской, анты, племен, культура, римской_империи, наука, эпос, урарту, славянские_племена

¹ Значения округлены до 4-го знака после точки.

7	Политическая раздробленность	xii–xiii вв., владимиро-суздальское княжество, галицко-волынской, андрея, новгородской земли, республики, политическая_раздробленность, новгородская земля, усобицы, киевской_державы, ростово-суздальская земля, большое_гнездо, своего_княжества, княжества, княжества, роман_мстиславич, соборы, андрея_боголюбского, польскими
8	Внешняя и внутренняя политика Ивана Грозного. Опричнина	иван_iv, пересветов, избранная_рада, ивана_пересветова, ченслер, годы_боярского_правления, избранной_рады, курбский, царь_иван, ливонской_войны, опричнину, опричнина, опричнины, курбского, опричнине, казани, опричного, сибирское ханство, курбскому
9	Территория нашей страны в древности	восточно-славянского, лет_назад, объединений, артании, карпатских, освоили, пахотная, рюген, союзами, греческие, территории_нашей_страны, свидетельства, варяг, объединялись, племенные_княжения, орудий_труда булгария, зерно, восточно-славянских, археологическим_данным
10	Культура geopolитических соседей Руси	руставели, низами, геродота, альберт, урарту, александр_ярославич, аракса, ванского_озера, тамары, экономическую, греческих_колоний, область, малой, поэме, азербайджан, гречии, греческой, грузии, народного творчества
11	Российские самодержцы	пётр, самодержавного, пётр_i, грозного, московского_государства, грозный, астрахань, причём, детей_боярских, фёдора, иван_грозный, всё-таки, российских, российским, ивана_грозного, священной, подписан, российской
12	Борьба Московского княжества с внешними врагами	тверскому_князю, юрий_даниилович, чингисхан, александр_михайлович, вольных_слуг, ягайло, витовта, иван_калиты, московского_князя, тимур, татары, витовт, литовского_княжества, состояли, некоторых_случаях, велиокняжескую власть, феодального хозяйства, ольгерд, войсках
13	Славянские племена и установление государственности на Руси	вождества, волости, городов-государств, язычества, столе, города-государства, волость, мономаха, долгое_время, племён, вождество, галичей, кривичей, киевлян, изяслава, мономах, языческих, ладье, народной_культуры, сажень
14	Армия и военные походы при Петре	второй_половине_xvii, никон, заводы, петровских_реформ, русского_флота, сухопутная_армия, регулярные, крымские_походы, австрией, подразделялись, предприняла, столи, петровского, потрясения, пётр_i, карелии, стрельцов, флот, азов

К сожалению, пакет для STM не позволяет визуализировать матрицу значений метрики для каждого терма, поэтому мы опираемся на доказательства эффективности использования данной метрики, представленные в [34]. Над формулировкой самих названий тем на основе отобранных моделью термов работала группа экспертов-лингвистов, после обсуждения и гармонизации мнений выносилось окончательное решение о формулировке темы. Например, для темы 4 экспертной группой были предложены варианты названия: Армия при Петре Великом, Промышленность и экономика при Петре Великом, Реформы Петра. После обсуждения был выбран последний вариант,

поскольку среди термов есть токены, которые отсылают как к политическим, так и к экономическим реформам Петра, а также к военным преобразованиям, проведенным им. Кроме того, наибольшие значения по метрике FREX получила фамилия Посошков (И.Ф. Посошков, современник Петра I и ярый сторонник его реформ), униграмма *сената*, которая связана с фактом учреждения Петром Сената как высшего органа государственной власти, подчиняющегося императору; биграмма *регулярной_армии*, отсылающая к военным реформам императора, и т.д.

На рис. 6 представлена диаграмма распределения тем по учебникам. Каждый цвет маркирует определенную тему согласно легенде, где номера тем соответствуют номерам тем, представленных развернуто (сформулировано название и приводятся термы) в табл. 2. Например, topic 2 (рис. 6) – это тема 2 «Принятие христианства на Руси» (табл. 2).

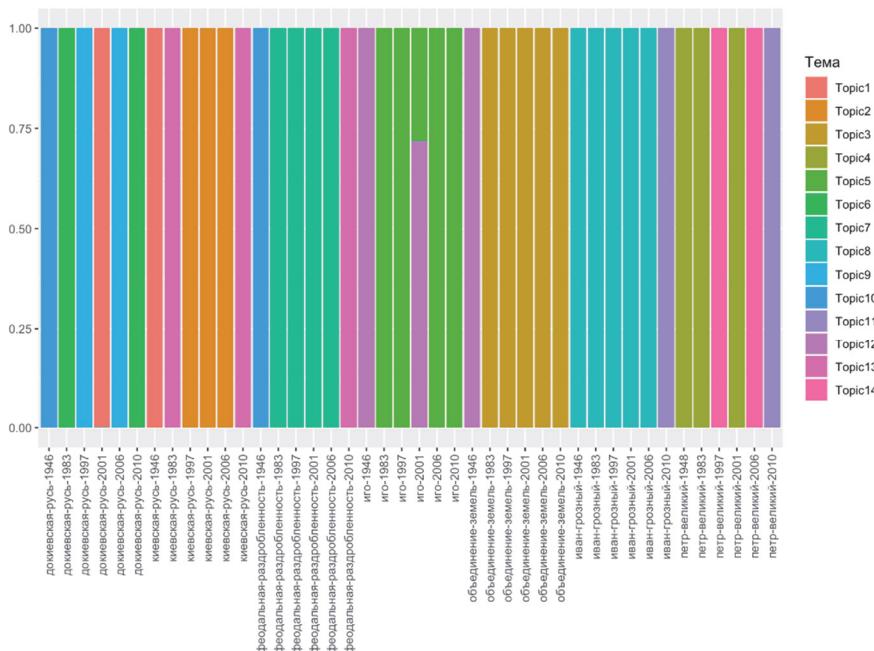

Рис. 6. Распределение тем по коллекции текстов учебников

Визуализация хорошо демонстрирует (см. рис. 6), что все исторические темы можно разделить на две большие группы: 1) стремящиеся к тематической гомогенности по годам (Феодальная раздробленность, Объединение земель, Иван Грозный) и 2) характеризующиеся тематической гетерогенностью, когда доминирующие темы обнаруживают значительную зависимость от года издания учебника (Докиевская Русь, Киевская Русь, Иго, Петр Великий).

Рассмотрим первую группу. В группе текстов о феодальной раздробленности доминирует тема 7 «Политическая раздробленность», в которой в качестве термов присутствуют названия княжеств, существовавших на территории Руси в XII–XIII вв. Исключение составляют учебники 1946 и 2010 гг. В первом доминирует тема «Культура geopolитических соседей Руси», в которой важное место занимают имена великих литераторов (*Низами, Руставели*), покровителей искусств (*Тамара*), являющихся преимущественно представителями культуры народов Закавказья (к таковым в учебнике относится не только Грузия, но и Азербайджан), а также существительные, относящиеся к сфере искусства: *поэма, народное творчество*. Такой акцент далеко не случаен: в тексте учебника раздел «Феодальная раздробленность (XII–XV вв.)» содержит подразделы, в которых история России рассматривается с высоты масштабного geopolитического «полета» – в тесной связи с процессами, происходившими в Средней Азии и в особенности – в Закавказье, например, это хорошо заметно по названиям подразделов учебника «Феодальная раздробленность в Восточной Европе и феодальные объединения в Средней Азии и Закавказье в XI–XIII вв.» и «Закавказье в XI–XIII вв.». Идея параллельности исторических процессов, происходивших в России и в Грузии, проходит красной нитью через данный раздел. Ср., например:

7) В.И. Ленин первый дал научное определение русскому феодализму, исходя из способа производства и системы общественных отношений. Феодальное натуральное хозяйство неизбежно приводит к политической обособленности. И.В. Сталин на примере феодальной Грузии показал, что экономическая раздробленность препятствует политическому объединению страны (учебник 1994 г., с. 114).

Интересно, что в данном учебнике при рассмотрении периода феодальной раздробленности фокус смещается с усобиц на развитие культуры в перспективе «Русь – Закавказье». С этим, очевидно, связан и практически позитивный сентимент (см. рис. 4) данной темы в учебнике.

В учебнике же 2010 г. доминирует тема 13 «Славянские племена и установление государственности на Руси», которая была бы более уместна для предыдущего раздела о Киевской Руси. Но экспертный анализ текста показывает, что при изложении данной темы авторы фокусируются на специфике перехода «от вождеств к городам-государствам», подробно описывая сложившиеся в XI–XII вв. княжества, структуру органов власти в этих городах-государствах, но не останавливаются подробно на усобицах.

Сюжет же объединения земель во всех учебниках за исключением 1946 г. раскрывается через тему 3 «Политика консолидации Ивана III», главными термами которой становятся имена собственные самого Ивана III, его жены Софьи Палеолог, их сына Василия, заговорщика Дмитрия Шемяки, ордынских ханов, а также биграммы, имеющие собирательную семантику: *московские князья, московские земли, единое государство*. В учебнике же 1946 г. в обсуждаемом разделе доминирует тема 12 «Борьба Московского княжества с внешними врагами», которая реализуется такими термами, как

имена польских, литовских, ордынских князей, а также именем самого Ивана Калиты.

Рассказывая об Иване Грозном, авторы всех учебников, кроме авторов учебника 2010 г., акцентируют внимание на теме «Внешняя и внутренняя политика Ивана Грозного. Опричнина» (топик 8 на рис. 6), где основными термами становятся разные формы лексемы *опричнина*, а также имена собственные Ивана Курбского; автора двух челобитных, в которых была предвосхищена политическая программа Ивана Грозного, Ивана Пересветова, а также *Казань*, взятие которой стало важной вехой деятельности Ивана IV. В стоящем особняком учебнике 2010 г. ведущей становится тема «Русские самодержцы», в которой фигуры Петра I и Ивана IV сближаются. Основывается такое сближение на их активной и жесткой внешней политике, стремлении расширить территорию страны, «прорубить окно в Европу», а также укрепить собственную власть внутри страны:

8) *В конечном итоге главная направленность опричнины заключалась в том, чтобы неизмеримо усилить власть и оторвать, отделить ее от массы населения. Это, безусловно, удалось. При этом сформировалась народная доктрина «доброго», истинного царя, произошла сакрализация царской власти* (учебник 2010 г., с. 350).

Рассмотрим вторую группу исторических сюжетов – тех, где наблюдаем больший разброс топиков от учебнику к учебнику.

Так, сюжет о Докиевской Руси в изложении институциональных авторов 1946, 1997 и 2006 гг. видится через призму темы 10 «Культура geopolитических соседей Руси»; в учебниках 1983 и 2010 гг. – через призму темы 6 «Происхождение славян и их этнические соседи», а в учебнике 2001 г. ведущее место занимает тема 1 «Государственное устройство Киевской Руси». Причем экспертный текстовый анализ демонстрирует, что авторы смещают акцент на общинный характер этого устройства, на роль верней, в которых общинная самоорганизация достигла высокого уровня и предопределила за коны народной демократии, которые затем проявились, например, в Новгородской республике:

9) *Анализ социально-политических структур позволяет говорить о трех центрах притяжения, влиявших на общественное развитие: это прежде всего княжеская власть, набиравшая силу дружина (боярство), народное вече. В дальнейшем именно соотношение этих властных элементов станет определять тот или иной тип государственности, который возобладает на территориях, некогда входивших в состав державы Рюриковичей.*

Тема 2 «Принятие христианства на Руси» становится определяющей для рассказывания «истории» о Киевской Руси в трех постсоветских учебниках 1997, 2001 и 2006 гг., тема 13 «Славянские племена и установление государственности на Руси» – в учебниках 1983 и 2010 гг., тема 1 «Государственное устройство Киевской Руси» – в учебнике 1946 г.

Разделы о татаро-монгольском иге в анализируемых учебниках обнаруживаются, в общем, либо тему 5 «Защита русских земель от захватчиков»

(1983, 1997, 2001 (частично), 2006, 2010), либо 12 – «Борьба Московского княжества с внешними врагами» (1946, 2001 (частично)).

Аналогичным образом, через достаточно близкие темы раскрывается исторический раздел о Петре Великом: тема «Армия и военные походы при Петре» (1997, 2006) и тема «Реформы Петра» (1946, 1983, 2001). Специфическая для учебника 2010 г. тема 11 «Российские самодержцы», проявившаяся в разделе об Иване Грозном, структурирует и рассказ о Петре Великом.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сконцентрироваться на отличиях в текстовой ткани исторических нарративов в учебниках истории, рассмотренных нами.

По-видимому, самыми константными объектами нарративизации в педагогическом дискурсе являются темы об исторических персонажах – Иване Грозном и Петре I: данные тексты в шести проанализированных учебниках имеют очень схожие векторы, идентичную для всех учебников тональность (Грозный – более негативную, Петр – менее) и аналогичную тематическую наполненность. Но даже в этом случае заметны различия: например, и ту и другую фигуры учебник 2010 г. подает преимущественно через одну и ту же тему русского самодержавия, а другие учебники – через идею реформ и побед.

Учебник 2010 г. в целом отдает предпочтение темам (топикам), связанным с идеями власти и государства: Докиевская Русь – «Происхождение славян и их этнические соседи» (идея национальной идентичности); Киевская Русь и Феодальная раздробленность – «Славянские племена и установление государственности на Руси» (истоки государственности); Иго – «Защита русских земель от захватчиков», Объединение земель – «Политика консолидации Ивана III» (централизация государственной власти); Иван Грозный и Петр Великий – «Российские самодержцы» (централизация государственной власти). Вместе с учебником 1946 г. это самый эмоционально сдержанный учебник, показывающий один из двух наименьших «размахов» сентимента.

Учебник 1946 г., кроме того, что он самый эмоционально сдержанный, еще и тяготеет к geopolитическому взгляду на все исторические сюжеты, чем отличается от всех других учебников: тема «Культура geopolитических соседей Руси» доминирует при рассказывании сюжетов и о Докиевской Руси, и о феодальной раздробленности, при этом акцентируется идея о связи Руси и государств Закавказья; «Борьба Московского княжества с внешними врагами» проявляется и в текстах об иге, и об объединении земель; даже раздел о Киевской Руси с доминирующей темой «Государственное устройство Киевской Руси» сфокусирован на теме защиты Отечества и молодой русской государственности от внешних врагов, что предопределяет одно из самых негативных значений сентимента для данного текста среди всех текстов по этой исторической тематике в выборке.

При кластеризации тексты учебника 1946 г. объединяются преимущественно вместе с текстами учебника 1983 г., что указывает, вероятно, на некоторую стилистическую преемственность, но по доминирующему топикам они мало пересекаются, к тому же учебник 1983 г. демонстрирует большую долю негативного вокабуляра в темах об Иване Грозном и иге, чем учебник 1946 г.

Интересным является, например, тот факт, что учебники, написанные одним и тем же авторским коллективом с разницей в 9 лет (1997 и 2006 гг.), совпадая полностью для каждого из семи исторических сюжетов по выделенным при помощи тематического моделирования топикам, значительно отличаются по значениям сентимента: учебник 1997 г. «рассказывает» все темы, кроме темы про Ивана Грозного, с большим преобладанием негативного вокабуляра, чем учебник 2006 г. Последний демонстрирует самый большой «размах» эмоциональной тональности между полюсами «позитив» и «негатив». Сравнение частотности этнонимов в разделе «Докиевская Русь» в данных двух учебниках показывает, что их авторы спустя 9 лет смягчают выраженность идеи панславизма.

Для учебника 2001 г. характерен фокус на идее общности как исконной народной демократии, являющейся первоосновой русской государственности, – этому посвящены тексты раздела Докиевская Русь, которые имеют самый выраженный позитивный вокабуляр для этой исторической темы по всей выборке, а вот отношение к фигуре «узурпатора» Ивана Грозного, наоборот, одно из самых негативных в выборке.

Таким образом, сентимент-анализ и тематическое моделирование вкупе с элементами экспертного анализа позволили нам получить, на наш взгляд, ряд доказательств в пользу гипотезы о существовании присущего институциональным авторам некоего поколенческого нарратива, манифестируемого в текстах учебников по истории и становящегося доступным для обнаружения при помощи компьютерного инструментария. Основные признаки такого нарратива – специфический эмоциональный взгляд на исторические сюжеты, рассказываемые историографически идентично, но через призму одной или нескольких доминирующих идей, которые передают неуловимую доминанту времени, не имеющую прямой связи с идеологией. Так, для послевоенного времени это идеи защиты государства и внимания к его геополитическим соседям; для постперестроечного периода становления «молодой» российской демократии (2001 г.) – идея общины и вече как исконной демократии «из народа»; для времени становления современной российской вертикали власти (2010 г.) – идеи централизации власти и устойчивости государственных структур.

Но при этом не стоит забывать и об изменчивости самой исторической науки и внутринаучных тенденциях, течениях и трендах, которые, очевидно, тоже могли внести свою лепту в выявленные текстовые различия.

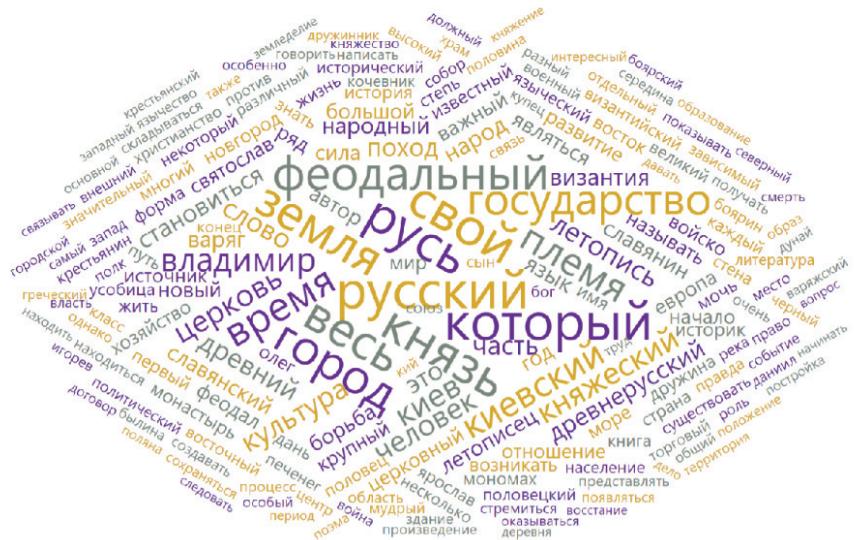
Заключение

Подводя итоги, отметим, что, с одной стороны, проведенный анализ не претендует на всеохватность – использованы лишь шесть учебников и семь тем, а с другой – этот своеобразный разведочный результат важен для развертывания более масштабного исследования, поскольку показывает, на наш взгляд, эффективность применяемого инструментария и наличие интересных качественных отличий текстовой субстанции в разных поколенческих нарративах об истории. Эти отличия находятся между собственно языковыми формами и содержанием текста, являя собой некий *мезоуровень*, который не считывается в рамках классического лингвистического анализа и остается невидимым при дискурс-анализе. Однако инструментарий хорошо зарекомендовавших себя методов компьютерного анализа, в том числе методов на основе машинного обучения, позволяет этот уровень обнаружить и сделать объектом дискурсивной интерпретации.

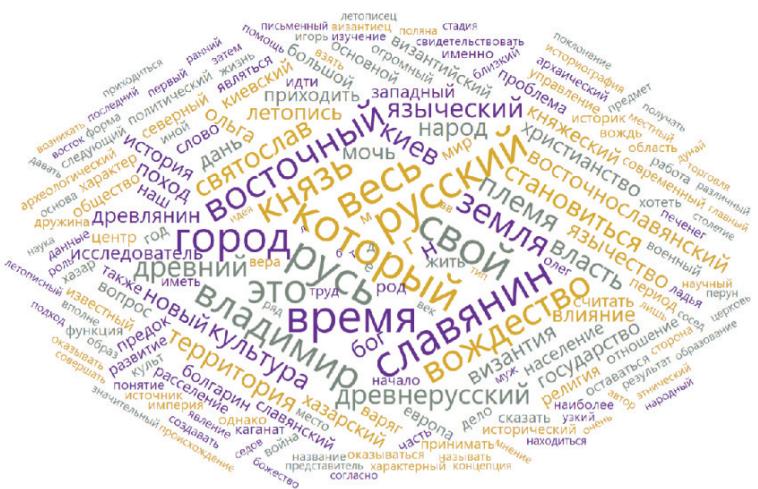
Перспективу работы составляет не только увеличение частоты временных срезов и длины анализируемой «стрелы времени», но и числа исследовательских гипотез, а именно: действительно ли исторические персонажи обладают большей стабильностью как объект поколенческого нарата, нежели переходные эпохи в истории государства? отличаются ли по параметрам сентимента и распределения тематических фокусов тексты учебников истории для студентов и школьников? изменятся ли результаты, если применить для анализа другие инструменты или если оценивать тональность текстов в ходе эксперимента будут представители разных поколений (информанты-студенты 1980-х, 1990-х гг. и, скажем, сегодняшние студенты).

Заключая, отметим, что академические тексты в целом имеют не меньшее, а может быть, и большее влияние на мотивационный уровень личности, ее картину мира, чем социальные сети, например. Тексты учебников уже в силу контекста знакомства с ними (учебное учреждение, детство, молодость, авторитет родителей и учителей, психологическая и гносеологическая незрелость учеников) являются тем заделом, который формирует мировоззрение поколения. Тональность, тематические «рефрены», распределение ключевых слов – важные инструменты этого процесса, маркеры которого, в силу их идеологической немаркированности, легко пропускает «исследовательское сито» дискурс-анализа.

Приложение

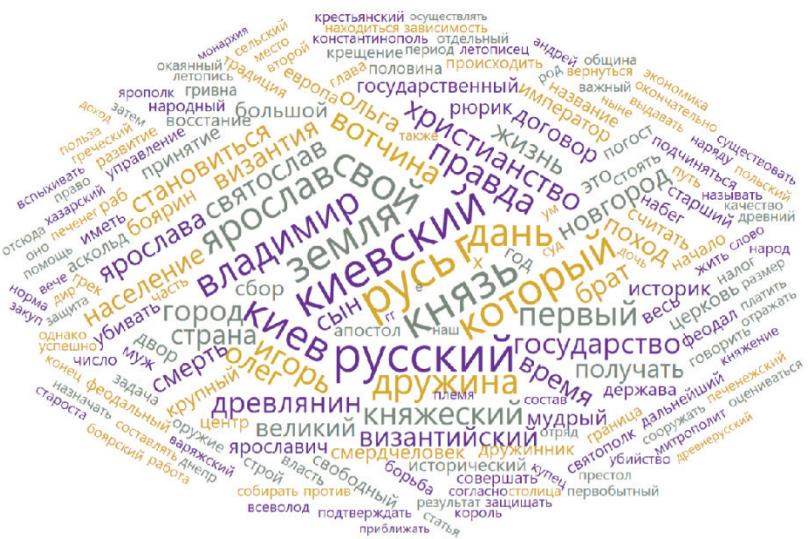
Облако слов для текста по теме «Киевская Русь» в учебнике 1983 г.

Облако слов для текста по теме «Киевская Русь» в учебнике 2010 г.

Облако слов для текста по теме «Киевская Русь» в учебнике 1946 г.

Облако слов для текста по теме «Киевская Русь» в учебнике 1997 г.

Список источников

1. *Ginzburg C.* Clues, Myths and the Historical Method. Baltimore, 1989. 231 p.
  2. *Megill A.* Historical Knowledge, Historical Error. Chicago, 2007. 288 p.
  3. *Moretti F.* Distant Reading. London : Verso, 2013. 254 p.

4. Козачина А.В. Реализация мифопоэтической стратегии легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 6 (212). С. 20–26.
5. Citron S. *Le mythe national : L'histoire de France en question*. Paris : Ed. ouvrières: Etudes et doc. intern., 1987.
6. Dubois J., Legris P. (dir.). *Disciplines scolaires et cultures politiques. Des modèles nationaux en mutation depuis 1945*. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2018.
7. Dubois J. Garibaldi dans les manuels scolaires d'histoire en Italie : les usages pédagogiques et politiques. In :Jérémie Dubois et Patricia Legris (dir.), *Disciplines scolaires et cultures politiques. Des modèles nationaux en mutation depuis 1945*. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2018. P. 81–91.
8. Konkka O. Le dictateur ou le chef de la nation victorieuse ? L'évolution de la présentation de Joseph Staline dans les manuels scolaires d'histoire de la Russie postsovietique In :Jérémie Dubois et Patricia Legris (dir.), *Disciplines scolaires et cultures politiques. Des modèles nationaux en mutation depuis 1945*. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2018. P. 105–120.
9. Конкка О. Язык постсоветских школьных учебников истории: два уровня легитимации политического в дискурсе о прошлом // Дискурс легитимации: язык и политика в эпоху глобальных вызовов / под общ. ред. А.В. Колмогоровой. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 50–69.
10. Wodak R., Meyer M. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London : SAGE Publications Ltd, 2001. 200 p.
11. Stibbe A. *Ecolinguistics: Language, ecology, and the stories we live by*. New York : Routledge, 2015.
12. Ерунов Б.Л. Мнение и умонастроение в историческом аспекте // История и психология / под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анциферовой. М., 1971. С. 110–126.
13. Бухарин Н.И. Рецензия на учебник, подготовленный Московским государственным педагогическим институтом им. А.С. Бубнова, 23 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 361. Л. 9–13.
14. Огановская И.С. Школьный учебник отечественной истории: Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. № 12. С. 264–282.
15. Поваляева Н.Е. История Отечества до начала ХХ в. в современных учебниках : автореф. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.
16. Greimas A.J., Courtés J. *Adjuvant // Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris : Hachette, 1979. P. 10–11.
17. Шаховский В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37.
18. Beigi Gh., Hu X., Maciejewski R., Liu H. An overview of sentiment analysis in social media and its applications in disaster relief. In: Pedrycz W, Chen SM, editors. *Sentiment analysis and ontology engineering*. Berlin : Springer Cham, 2016. P. 313–340. doi: 10.1007/978-3-319-30319-2_13
19. Negi S., Buitelaar P. Suggestion Mining From Opinionated Text // *Sentiment Analysis in Social Networks* / eds by F.A. Pozzi, E. Fersini, E. Messina, B. Liu, M. Kaufmann. Elsevier, 2017. P. 129–139. doi: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804412-4.00008-5>
20. Koltsova O., Alexeeva S., Pashakhin S., Koltsov S. PolSentiLex: Sentiment Detection in Sociopolitical Discussions on Russian Social Media, in: Artificial Intelligence and Natural Language. AINL 2020 Communications in Computer and Information Science Book 1292: Communications in Computer and Information Science. Cham : Springer, 2020. P. 1–16.
21. Tiwari P., Yadav P., Agnihotri S., Mishra B., Nhu N., Gochhayat S., Singh J., Prasad M. Sentiment Analysis for Airlines Services Based on Twitter Dataset // *Social Network Analytics*.

Computational Research Methods and Techniques. 2019. P. 149–162. doi: 10.1016/B978-0-12-815458-8.00008-6

22. Yasen M., Tedmori S. Movies Reviews Sentiment Analysis and Classification // Proceedings of the IEEE Jordan International Joint Conference on Electrical Engineering and Information Technology (JEEIT). Amman, Jordan, 2019. P. 860–865. doi: 10.1109/JEEIT.2019.8717422

23. Sherstinova T., Moskvina A., Kirina M., Karysheva A., Kolpashchikova E., Maksimenko P., Seinova A., Rodionov R. Sentiment Analysis of Literary Texts vs. Reader's Emotional Responses // Proceedings of the 33rd Conference of Open Innovations Association (FRUCT) / IEEE. 2023. P. 243–249.

24. Sell J., Farreras I. LIWC-ing at a Century of Introductory College Textbooks: Have the Sentiments Changed? // Procedia Computer Science. 2017. № 118. P. 108–112.

25. Solovyev V.D., Solnyshkina M.I., Gafiyatova E.V., McNamara D.S., Ivanov V. Sentiment in Academic Texts // Proceedings of the 24th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). P. 408–414.

26. Smetanin S., Komarov M. Deep transfer learning baselines for sentiment analysis in Russian // Information Processing & Management. 2021. Vol. 58, Is. 3. P. 102484. doi: 10.1016/j.ipm.2020.102484

27. Николаев И.С., Митренина О.В., Ландо Т.М. Прикладная и компьютерная лингвистика. М. : ЛЕНАНД, 2016. 320 с.

28. Кулагин Д.И. Открытый тональный словарь русского языка КартаСловСент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 20. М., 2021. С. 1106–1119.

29. Koltsova O.Yu., Alexeeva S.V., Kolcov S.N. An Opinion Word Lexicon and a Training Dataset for Russian Sentiment Analysis of Social Media // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference «Dialogue-2016». 2016. Vol. 15 (22). P. 277–287.

30. Loukachevitch N., Levchik A. Creating a General Russian Sentiment Lexicon // Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference LREC-2016. 2016.

31. Кирина М.А. Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 93–109. doi: 10.25205/1818-7935-2022-202-93-109

32. Demsar J., Cerk T., Erjavec A., Gorup C., Hocevar T., Milutinovic M., Mozina M., Polajnar M., Toplak M., Staric A., Stajdohar M., Umek L., Zagar L., Zbontar J., Zitnik M., Zupan B. Orange: Data Mining Toolbox in Python // Journal of Machine Learning Research. № 14 (Aug). P. 2349–2353.

33. Sciandra A., Trevisani M., Tuzzi A. Diagnostics for topic modelling. The dubious joys of making quantitative decisions in a qualitative environment // Proceedings of the Statistics and Data Science Conference. Pavia University Press, 2023. P. 61–66.

34. Bischof J.M., Airoldi E.M. Summarizing topical content with word frequency and exclusivity // International Conference on Machine Learning. 2012. № 29. P. 201–208.

References

1. Ginzburg C. (1989) *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
2. Megill, A. (2007) *Historical Knowledge, Historical Error*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Moretti F. (2013) *Distant Reading*. London: Verso.
4. Kozatchina, A.V. (2020) The implementation of the mythopoetic strategy of legitimization in Japanese pedagogical discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (212). pp. 20–26. (In Russian).

5. Citron, S. (1987) *Le mythe national: L'histoire de France en question*. Paris: Ed. ouvrières: Etudes et doc. intern.
6. Dubois, J. & Legris, P. (dir.) (2018) *Disciplines scolaires et cultures politiques. Des modèles nationaux en mutation depuis 1945*. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
7. Dubois, J. (2018) Garibaldi dans les manuels scolaires d'histoire en Italie: les usages pédagogiques et politiques. In: Dubois, J. & Legris, P. (dir.), *Disciplines scolaires et cultures politiques. Des modèles nationaux en mutation depuis 1945*. Rennes: Presses universitaires de Rennes. pp. 81–91.
8. Konkka O. (2018) Le dictateur ou le chef de la nation victorieuse ? L'évolution de la présentation de Joseph Staline dans les manuels scolaires d'histoire de la Russie postsoviétique. In: Dubois, J. & Legris, P. (dir.), *Disciplines scolaires et cultures politiques. Des modèles nationaux en mutation depuis 1945*. Rennes: Presses universitaires de Rennes. pp. 105–120.
9. Konkka O. (2019) Yazyk postsovetskih shkol'nykh uchebnikov istorii: dva urovnya legitimatsii politicheskogo v diskurse o proshlom [The language of post-Soviet school textbooks on history: two levels of political legitimization in discourse about the past]. In: Kolmogorova, A.V. (ed.) *Diskurs legitimatsii: yazyk i politika v epokhu global'nykh vyzovov* [Discourse of legitimization: language and politics in in the era of global challenges]. Krasnoyarsk: SFU. pp. 50–69.
10. Wodak, R. & Meyer, M. (2001) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: SAGE Publications Ltd.
11. Stibbe, A. (2015) *Ecolinguistics: Language, ecology, and the stories we live by*. New York: Routledge.
12. Erunov, B.L. (1971) Mnenie i umonastroenie v istoricheskikh aspektakh [Opinion and sentiment in historical perspective]. In: Porshnev, B.F. & Antsiferova, L.I. (eds) *Istoriya i psichologiya* [History and psychology]. Moscow: "Nauka". pp. 110–126.
13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 120. File 361. Pages 9–13. Bukharin, N.I. (1936) *Retsenziya na uchebnik, podgotovленный Московским Государственным Педагогическим Институтом им. А.С.Бубнова* [Review of the textbook prepared by Moscow State Pedagogical Institute named after A.S. Bubnov]. Moscow State Pedagogical Institute. 23 October 1936.
14. Oganovskaya, I.S. (2011) Shkol'nyy uchebnik otechestvennoy istorii. Uchebnye izdaniya kak istoricheskiy istochnik [School textbook of national history. Textbooks as a historical source]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. 12. pp. 264–282.
15. Povalyava, N.E. (2004) *Istoriya Otechestva do nachala XX v. v sovremenennykh uchebnikakh* [History of the Fatherland up to the beginning of the twentieth century in modern textbooks]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
16. Greimas, A.J. & Courtés, J. (1979) *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris: Hachette. pp. 10–11.
17. Shakhovskiy, V.I. (2019) Obosnovanie lingvisticheskoi teorii emotsiy [Foundations of linguistic theory of emotions]. *Voprosy psicholinguistik*. 1. pp. 22–37.
18. Beigi, Gh., Hu, X., Maciejewski, R. & Liu, H. (2016) An overview of sentiment analysis in social media and its applications in disaster relief. In: Pedrycz, W. & Chen, S.M. (eds) *Sentiment analysis and ontology engineering*. Berlin: Springer Cham. pp. 313–340. doi: 10.1007/978-3-319-30319-2_13
19. Negi, S. & Buitelaar, P. (2017) Suggestion Mining From Opinionated Text. In: Pozzi, F.A. et al. (eds) *Sentiment Analysis in Social Networks*. Elsevier. pp. 129–139. doi: 10.1016/B978-0-12-804412-4.00008-5
20. Koltsova, O., Alexeeva, S., Pashakin, S. & Koltsov, S. (2020) PolSentiLex: Sentiment Detection in Sociopolitical Discussions on Russian Social Media. In: *Artificial Intelligence and Natural Language. AINL 2020 Communications in Computer and Information Science Book 1292: Communications in Computer and Information Science*. Cham: Springer. pp. 1–16.

21. Tiwari, P. et al. (2019) Sentiment Analysis for Airlines Services Based on Twitter Dataset. Social Network Analytics. *Computational Research Methods and Techniques*. pp. 149–162. doi: 10.1016/B978-0-12-815458-8.00008-6
22. Yasen, M. & Tedmori, S. (2019) Movies Reviews Sentiment Analysis and Classification. *Proceedings of the IEEE Jordan International Joint Conference on Electrical Engineering and Information Technology (JEEIT)*, Amman, Jordan. pp. 860–865. doi: 10.1109/JEEIT.2019.8717422
23. Sherstinova T., Moskvina A., Kirina M., Karysheva A., Kolpashchikova E., Maksimenko P., Seinova A., Rodionov R. (2023) Sentiment Analysis of Literary Texts vs. Reader's Emotional Responses. *Proceedings of the 33rd Conference of Open Innovations Association (FRUCT) / IEEE*. pp. 243–249.
24. Sell, J. & Farreras, I. (2017) LIWC-ing at a Century of Introductory College Textbooks: Have the Sentiments Changed? *Procedia Computer Science*. 118. pp. 108–112.
25. Solovyev, V.D. et al. (2019) Sentiment in Academic Texts. *Proceedings of the 24th Conference of Open Innovations Association (FRUCT)*, pp. 408-414.
26. Smetanin, S. & Komarov, M. (2021) Deep transfer learning baselines for sentiment analysis in Russian. *Information Processing & Management*. 58 (3). Art. 102484. doi: 10.1016/j.ipm.2020.102484
27. Nikolaev, I.S., Mitrenina, O.V. & Lando, T.M. (2016) *Prikladnaya i kompyuternaya lingvistika* [Applied and Computational Linguistics]. Moscow: LENAND.
28. Kulagin, D.I. (2021) [Publicly available sentiment dictionary for the Russian language KartaSlovSent]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Dialogue International Conference Proceedings. Vol. 20. Moscow: RSUH. pp. 1106–1119. (In Russian).
29. Koltsova, O.Yu., Alekseeva, S.V. & Kol'tsov, S.N. (2016) An Opinion Word Lexicon and a Training Dataset for Russian Sentiment Analysis of Social Media. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue-2016"*. 15 (22). pp. 277–287.
30. Loukachevitch, N. & Levchik, A. (2016) Creating a General Russian Sentiment Lexicon. *Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference LREC-2016*.
31. Kirina, M.A. (2022) A Comparison of Topic Models Based on LDA, STM and NMF for Qualitative Studies of Russian Short Prose. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 20 (2). pp. 93–109. (In Russian). doi: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-93-109
32. Demsar, J. et al. (2013) Orange: Data Mining Toolbox in Python (<http://jmlr.org/papers/volume14/demsar13a/demsar13a.pdf>), *Journal of Machine Learning Research*. 14 (Aug). pp. 2349–2353.
33. Sciandra, A., Trevisani, M. & Tuzzi, A. (2023) Diagnostics for topic modelling. The dubious joys of making quantitative decisions in a qualitative environment. *Proceedings of the Statistics and Data Science Conference*. Pavia University Press, pp. 61–66.
34. Bischof, J.M. & Airoldi, E.M. (2012) Summarizing topical content with word frequency and exclusivity. *International Conference on Machine Learning*. 29. pp. 201–208.

Информация об авторах:

Колмогорова А.В. – д-р филол. наук, профессор департамента филологии Санкт-Петербургской Школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, академический руководитель магистерской программы “Языковые технологии в бизнесе и образовании”, заместитель руководителя научно-исследовательской лаборатории языковой конвергенции (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: akolmogorova@hse.ru

Колмогорова П.А. – стажер-исследователь научно-исследовательской лаборатории языковой конвергенции департамента филологии Санкт-Петербургской Школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pakolmogorova@edu.hse.ru

Куликова Е.Р. – стажер-исследователь научно-исследовательской лаборатории языковой конвергенции департамента филологии Санкт-Петербургской Школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ekulikova@edu.hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Kolmogorova, Dr. Sci. (Philology), professor; academic director of the Language Technologies in Business and Education master's program; deputy head of the Research Laboratory of Language Convergence, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: akolmogorova@hse.ru

P.A. Kolmogorova, intern researcher, Research Laboratory of Language Convergence, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: pakolmogorova@edu.hse.ru

E.R. Kulikova, intern researcher, Research Laboratory of Language Convergence, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ekulikova@edu.hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2023;
одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 25.07.2023;
approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 81'373.49
doi: 10.17223/19986645/89/5

Эвфемизмы с положительно окрашенной лексикой в русском и английском языках: функциональная классификация

Иван Сергеевич Самохин¹, Екатерина Валерьевна Нагорнова²

^{1,2}Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹ samokhin-is@rudn.ru

² nagornova-ev@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются эвфемизмы, содержащие мелиоративную (положительно окрашенную) лексику. Предлагается функциональная классификация эвфемизмов, согласно которой они разделены на три группы: истинные (смягчение оценки денотата), комические («выыгрышивание» денотата) и манипулятивные (искажение представления о денотате, дезинформирование). Исследование осуществляется на базе «Словаря эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной и «How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms» Р. Холдера.

Ключевые слова: эвфемизм, классификация, словарь, мелиоративная лексика

Благодарности: публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Для цитирования: Самохин И.С., Нагорнова Е.В. Эвфемизмы с положительно окрашенной лексикой в русском и английском языках: функциональная классификация // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 104–126. doi: 10.17223/19986645/89/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/5

Euphemisms with positively connotated vocabulary in the Russian and English languages: A functional classification

Ivan S. Samokhin¹, Ekaterina V. Nagornova²

^{1,2}Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ samokhin-is@rudn.ru

² nagornova-ev@rudn.ru

Abstract. The aim of the article is to classify euphemisms containing ameliorative (positively connotated) vocabulary. The relevance of the chosen topic is due to the interest in the problem of euphemization with an insufficient number of works affecting

the role of such units in this process. The material of the study is the *Dictionary of Euphemisms of the Russian Language* by E.P. Senichkina and *How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms* by R. Holder. The source analysis method, the classification method and the statistical method are applied. The introduction provides a brief overview of existing approaches to the typology of euphemisms in Russian and foreign linguistics. The predominance of functional-motivational classifications was revealed. The next section demonstrates the relevance of ameliorative vocabulary in the structure of the euphemism, substantiating the stylistic compatibility of these language phenomena. For this purpose, interpretations of the concept “euphemism” in the scientific and reference literature are considered (based on the works of Russian and British authors, in accordance with the material of the study). It is established that, as a rule, euphemisms include not only emotionally neutral vocabulary, but also units that have positive, negative or mixed connotations (from barely noticeable to very distinct). Then a functional classification is proposed, according to which euphemisms with a positively connotated vocabulary are divided into three groups: true (softening the denotation evaluation), comic (“playing out” the denotation) and manipulative (distorting the denotation idea, disinforming). Within these groups, thematic categories are identified, with examples from the used dictionaries. Individual euphemistic constructions, which seem to be not quite successful or have a controversial status within the proposed classification, are analyzed. In Senichkina’s dictionary, the most numerous euphemisms are true ones related to the topic of death (“Bog prbral”, “dusha otletaat”, “ukhodit’ k luchshey zhizni”); in Holder’s dictionary, these are true ones related to the sexual sphere (“love affair”, “romantic entanglement”, “to take pleasure”). Both dictionaries lack well-known euphemisms denoting specific diseases and syndromes (“bozhestvennaya bolezni”/“the sacred disease”, “laskovyy ubiytsa”/ “the tender murderer”, “plyaska svyatogo Vitta”/“Saint Vitus’ dance”). The English-language source includes several times more manipulative euphemisms. It is noted that the units related to military activity (“adekvatnyy otvet”, “mirotvorcheskaya operatsiya”; “defensive victory”, “to liberate”) are the most abundant within this functional group. The number of euphemisms with ameliorative vocabulary in all functional groups and thematic categories is shown in the table at the end of the article. The prospects for the study are seen in applying the proposed classification to euphemisms that do not contain positively connotated words.

Keywords: euphemism, classification, dictionary, ameliorative vocabulary

Acknowledgements: This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Samokhin, I.S. & Nagornova, E.V. (2024) Euphemisms with positively connotated vocabulary in the Russian and English languages: A functional classification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 104–126. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/5

Введение

Феномен эвфемизации вызывает устойчивый научный интерес, что не в последнюю очередь связано с распространением идей политкорректности. За последние несколько лет опубликованы сотни лингвистических работ, посвящённых эвфемизмам – их содержанию, происхождению и функционированию в современном обществе. Данные вопросы активно разрабатыва-

ются многими современными исследователями, среди которых как отечественные (Т.А. Дружинин, Е.Д. Зайцева, Е.М. Лазаревич, И.Н. Никитина, Н.Е. Реброва, Е.П. Сеничкина, И.А. Солодилова, Н.В. Тишина, З.З. Чанышева, Е.В. Шляхтина), так и зарубежные (К. Аллан, К. Барридж, Л. Кастьель, Э. Креспо-Фернандес, У. Лутц, М. МакГлоун, Д. Мангум, С. Скифич, Т. Стивенсон, Х. Хашегава, Р. Холдер).

Существует множество классификаций эвфемистической лексики: функционально-мотивационные [1–9], лексико-семантические [4, 10–13], социально-тематические [14–17], по способам образования [18–21], стилистические [22, 23], морфологические [17, 24] и т.д. Большинство этих подходов неоднократно освещались в научной литературе. К наиболее известным и наглядным следует отнести мотивационную классификацию В.П. Москвина (согласно которой возникновение эвфемизмов может быть обусловлено страхом, отвращением, деликатностью, желанием скрыть истинную сущность предмета или явления) и лексико-семантическую классификацию Р. Холдера, включающую беспрецедентно большое количество категорий – 70 («политика», «военное дело», «секс», «наркотики», «преступления», «возраст», «смерть», «одежда», «нагота», «низкий интеллект», «казартные игры», «болезни и ранения», «лесть и хвастовство», «религия и суеверия» и т.д.) [13]. Также упомянем морфологический подход Е.П. Сеничкиной. Он доказывает, что эвфемизмами могут являться слова, относящиеся к любой значимой части речи – от существительных и глаголов до местоимений и числительных [24].

Менее популярны (но часто более удобны в использовании) типологии с небольшим количеством основных категорий. Х. Роусон разделяет эвфемизмы на положительные и отрицательные (преувеличивающие или приуменьшающие свойства предмета эвфемизации) [25], Т.А. Островская – на перманентные (обозначающие физиологические процессы) и конъюнктурные (связанные с идеологией толерантности) [12], Е.О. Милоенко – на старые и новые [26], С.И. Романов – на базовые («собственно эвфемизмы»), юмористические и защитные («эвфемизмы-обереги») [7]. Отдельно отметим новаторскую классификацию А.С. Дегтярёвой и М.А. Осадчего, в рамках которой эвфемизмы рассматриваются с двух противоположных, но тесно взаимосвязанных позиций: говорящего и слушающего [27]. Каждая из них включает в себя несколько подкатегорий, которые, в свою очередь, разделены на ещё менее крупные функциональные группы.

В данной работе мы предлагаем собственную типологию эвфемизмов. Объектом исследования выступают единицы, содержащие мелиоративную (положительно окрашенную) лексику¹. Следующий раздел посвящён демонстрации уместности последней в структуре эвфемизма, обоснованию стилистической сочетаемости данных языковых явлений.

---

¹ Единицы отнесены к положительно окрашенной лексике с учётом широкого круга ассоциаций, связанного с реалиями, которые обозначаются данными словами. Авторы статьи опирались на работы современных исследователей, как отечественных – С.Г. Вор-

Интерпретации понятия «эвфемизм» в научной и справочной литературе

В первом издании «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой приведено следующее определение эвфемизма: «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного слова или выражения, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным» [28. С. 590]. То же толкование представлено в более позднем издании, подготовленном в рамках нового этапа развития отечественной лингвистики [29. С. 590]; очень похожие – в «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой [30. С. 537] и монографии В.П. Москвина «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка» [4. С. 262]. Однако на практике понятие *эвфемизм* охватывает не только эмоционально нейтральную лексику, но и единицы, имеющие положительные, отрицательные или смешанные коннотации (от едва заметных до весьма отчётливых).

Это прослеживается, в частности, на уровне примеров, приводимых современными авторами. В статье С.Ю. Мамушкиной в качестве эвфемизмов рассматриваются отдельные междометия – слова и словосочетания, служащие для выражения эмоций (*блин, Fudge!* (вместо русско- и англоязычного вульгаризмов из пяти и четырёх букв соответственно) и т.д.) [31]. И.Н. Никитина относит к эвфемизмам шутливое обозначение *белый друг* (об унитазе) и сокращённый вариант известного грубого слова – *…но* [32. С. 1581–1583]; Н.И. Серкова – ироничное словосочетание *пурпур of the pavement* («тротуарная нимфа» (о проститутке;ср. russk. *ночная бабочка*)) и пренебрежительное существительное *tarbrush* («с примесью негритянской крови», с отсылкой к основному значению: «кисть для смазки дёгтем») [33. С. 25–26]. Подобные единицы не всегда можно считать нейтральными даже относительно той лексики, которую они призваны заменить. Так же подчеркнём, что заменяемое слово не обязательно представляется говорящему «неприличным, грубым или нетактичным»: оно может избегаться по суеверным, мистическим или религиозным соображениям (*худой* вместо *волк*, *гостюшко* вместо *мертвец*, *Он / Не* вместо *Господь / God*) [34, 35].

По-видимому, современное понимание эвфемизма в отечественной лингвистике точнее всего отражено в определении, предложенном Е.П. Сеничиной: «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [24. С. 6]. Также вполне адекватной представляется дефиниция из «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «троп, состоящий в непрямом, при-

---

качёва, Е.С. Грищенковой, Н.Н. Занегиной, Е.С. Зотовой, О.А. Ипановой, С.Р. Макеровой, Л.В. Мирсайтовой, А.Ю. Петкау, Л.Г. Поповой, Э.И. Хизик и др., так и зарубежных – Г. Безиэра, М. Брожиной-Речко, Э. Вернера, Дж. Гао, Э. Ланза, М. Нофала, М. Рагуз, С. Рундберг, Дж. Солера, Д. Танга и др.

крытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-л. предмета или явления» [36. С. 513]. В «Словаре лингвистических терминов и понятий» Т.В. Жеребило представлены две трактовки эвфемизма: узкая («лексические единицы, употребляемые вместо грубых, некультурных слов») и широкая, очень подробная («единицы, ориентированные на замену некультурных слов, словосочетаний, предложений, фрагментов текста более культурными, более грубых наименований менее грубыми, смягчающими, прямых наименований выалирующими, иносказательными, откровенных, прямых названий более скромными, сдержанными, не затрагивающими чести и достоинства человека, замену прямых названий наименованиями более общего характера, применение намеков вместо прямых номинаций с целью дипломатии, использование недоговоренностей, словесного «камуфляжа», выражений, имеющих неопределенный общий смысл») [37. С. 570]. Ни в одной из этих definиций нет акцента на обязательной эмоциональной нейтральности обозначений-замен. Он отсутствует и в определениях, предложенных в статьях, монографиях и учебниках таких авторов, как Л.А. Булаховский, В.И. Заботкина, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, А.А. Реформатский («заменные, разрешённые слова, которые употребляются вместо запрещённых (табуированных)») [11; 16; 38–39; 40. С. 105].

Достаточно широкое толкование эвфемизма преобладает и в британской научной литературе (см., например: [41–45]). Оно согласуется с определением, приведённым в *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*: «word etc. used in place of one avoided as e.g. offensive, indecent, or alarming» / «единица языка (слово и т.д.), употребляемая вместо избегаемой – например, обидной, неприличной или вызывающей чувство тревоги» (здесь и далее перевод наш. – И.С., Е.Н.) [46]. Данное толкование не «настаивает» на нейтральности единицы, используемой в качестве замены, и не ограничивает выбор слов и выражений, которые могут подвергаться эвфемизации. Другие авторитетные словари предлагают более узкие трактовки. Согласно *Routledge Dictionary of Language and Linguistics* эвфемизм вообще не может быть эмоционально нейтральным, поскольку представляет собой «a pleasant replacement for an objectionable word that has pejorative connotations» / «приятную замену неудобного слова, имеющего пейоративные коннотации» [47. Р. 388]. В *The Cambridge Dictionary of Linguistics* рассматриваемое нами явление определяется следующим образом: «...the use of a polite, indirect expression instead of a direct, offensive one» / «...использование вежливого, непрямого выражения вместо прямого и оскорбительного» [48]. Как и в двух предыдущих definициях, здесь не постулируется нейтральность эвфемистической лексики. Однако данное определение не вызывает доверия. Во-первых, существительное *use* (использование) в нём явно лишнее: речь идёт не о действии. Во-вторых, эвфемизмы могут быть не только *выражения* (*expressions*), но и отдельные слова.

Согласно некоторым отечественным источникам [24. С. 6; 29. С. 590] употребление эвфемизмов ограничено устной речью. Это не констатируется

напрямую, но вытекает из формулировок, содержащих такие слова, как *говорящий, произнести* и т.д. По-видимому, данные акценты являются случайными, не отражающими позицию исследователей. Общеизвестно, что обозначения замены могут использоваться как в устной, так и в письменной речи.

Наверное, ни один эвфемизм нельзя назвать полностью лишённым эмоциональной окраски: влияют отрицательные или неоднозначные коннотации, присущие заменённой лексической единице. При этом большинство эвфемизмов состоят из безоценочных слов (точнее, являющихся таковыми в своих основных значениях). Вспоминается множество прижившихся конструкций – прежде всего, конечно же, русскоязычных – из совершенно разных тематических блоков: *без определённых занятий, бывший в употреблении, в костюме Адама, горячие точки, древнейшая профессия, лицо пожилого возраста, меры административного воздействия, места не столь отдалённые, первый с конца, пятая колонна* и т.д. Однако есть немало эвфемизмов, содержащих мелиоративную (положительно окрашенную) лексику. Она, по-видимому, призвана замедлить процесс дисфемизации, связанный с памятью об исходном слове, его «коннотативным эхом». Очень часто с этой целью используются существительные, обозначающие базовые ценности (*добро / good, жизнь / life, здоровье / health, любовь / love, свобода / freedom, справедливость / justice, счастье / happiness*), а также их производные, относящиеся к различным частям речи (*любить / to love, счастливый / happy* и т.д.). Особое место занимают лексемы *Бог* и *God*, что наряду с высокой частотностью таких слов, как *ангел / angel, душа / soul и святой / holy*, отражает религиозные основы соответствующих лингвокультур. Для эвфемистических конструкций, получивших распространение во второй половине XX – начале XXI в., характерны отглагольные существительные с процессуальной семантикой: *нормализация / norming, оптимизация / optimization, улучшение / improvement* и т.п.

Материал и методология исследования

Разнообразие русско- и англоязычных эвфемизмов, содержащих мелиоративную лексику, подтолкнуло нас к более подробному изучению данных единиц. Источниками материала стали «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [49] и *How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms* Р.У. Холдера [13]. Анализ информации, приведённой в данных трудах, позволил выделить три функциональные группы эвфемизмов: истинные (смягчение оценки денотата), комические («обыгрывание» денотата) и манипулятивные (искажение представления о денотате, дезинформирование), что коррелирует с классификациями С.И. Романова [7] и Т.А. Островской [12]. Внутри данных групп нами были определены основные тематические категории, отсылающие к целому ряду лексико-семантических типологий.

Е.П. Сеничкина и Р. Холдер опираются на широкое понимание эвфемизма. Например, в русскоязычном словаре присутствуют сакральные и ритуальные замены: обозначения Бога (*Всевышний, Отец небесный, Творец*) и словесные формулы *верба золочёная* и *сахарна деревиночка*, заменяющие слово *дочь* в жанре похоронных притчаний. Трактовка понятия *эвфемизм* Р. Холдером выходит за пределы дефиниций, приведённых в справочной литературе. Так, в источнике представлены выражения *happy event* и *social assistance*, номинирующие рождение ребёнка и государственную помощь нуждающимся людям. Однако это, на наш взгляд, не эвфемизмы: сложно представить себе ситуацию, в которой при подобных денотатах понадобилось бы смягчение, обыгрывание или манипулятивное искажение. Эвфемизму трудно назвать и конструкцию *gentleman in black velvet*, используемую по отношению к кроту. По-видимому, перед нами обычная зооморфная метафора, такая же, как *царь зверей / the king of beasts* или *корабль пустыни / the ship of the desert*. Отметим, что Е.П. Сеничкина учитывает разницу между подобными номинациями (не включены в словарь) и такими единицами, как *священный зверь* (вместо *медведь*) (включены в словарь).

Традиционно считается, что эвфемизм может использоваться только вместо слов и выражений, но Е.П. Сеничкина и Р. Холдер не разделяют данной позиции. В обоих источниках приводятся замены не только для лексических единиц, но и для описаний, содержащих от пяти до пятнадцати слов. Например: «**ОБЕЗВРЕДИТЬ** – вм. убить или привести в состояние, при котором человек не может действовать» [49. С. 277]; «*fairness at work British penalties and burdens imposed by government on employers beyond those agreed between employer and employee and their representatives*» [13. Р. 134]. Такой подход допускается определениями термина *эвфемизм*, приведёнными в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой и The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Полагаем, что эту интерпретацию также следует отразить в новых изданиях «Лингвистического энциклопедического словаря», The Cambridge Dictionary of Linguistics, Routledge Dictionary of Language and Linguistics и другой авторитетной справочной литературы.

Следует отметить разницу лексикографических подходов в анализируемых источниках. Е.П. Сеничкина рассматривает преимущественно эвфемизмы литературного языка (за исключением просторечных слов и выражений, заменяющих обсценную лексику). Р. Холдер наряду с подобными единицами включает в свой труд сленг и жargon. Для корректности сопоставительного исследования, его «симметричности», мы не учтываем нелитературную лексику, представленную в англоязычном источнике.

На данный момент «Словарь эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной не имеет аналогов в отечественной лексикографии. В Великобритании, напротив, издан целый ряд подобных трудов («Dictionary of Euphemisms» Дж. Айто, «In Other Words: A Thesaurus of Euphemisms» Дж. Ниман и К. Сильвер, «Spinglish: The Definitive Dictionary of Deliberately Deceptive Language» Х. Бирда и К. Серфа, «A Man About A Dog: Euphemisms And Other

Examples of Verbal Squeamishness» Н. Риза и т.д.). Все они содержат единицы большего функционально-стилистического спектра, чем русскоязычный источник. Таким образом, при использовании любого из этих словарей нам пришлось бы ввести ограничение, упомянутое в предыдущем абзаце. Словарь Р. Холдера был выбран как самый доступный, востребованный и близкий к труду Е.П. Сеничкиной по объёму языкового материала и подходу к его изучению и описанию¹.

Классификация эвфемизмов с положительно окрашенной лексикой

Истинные эвфемизмы – самые многочисленные в обоих базовых словарях – обладают нулевым или пренебрежимо малым уровнем эмоциональной окрашенности. Большинство этих слов и выражений могут свободно использоватьсь в разговорном, публицистическом и художественном стилях речи, а также в научно-популярной разновидности научного стиля.

Весьма обширную группу составляют эвфемизмы, связанные с темой смерти: *Бог прибрал*², *Бог по душу посыает, отдавать Богу душу, душа отлетает, лишать жизни, оборвать нить жизни, отнимать жизнь, поплатиться жизнью, расставаться с жизнью, сложить жизнь, уходить к лучшей жизни, отправиться в лучший из миров, уснуть сном праведника; bonds of life being gradually dissolved, to depart this life, to exchange this life for a better, to give your life, to lay down your life, to take your life, gathered to God, in heaven, to send to heaven, to pay the supreme sacrifice, promoted to Glory, to take refuge in a better world* и т.д.

В русскоязычных эвфемизмах часто подчёркивается отсутствие или недоступность чего-то важного (*лишение свободы, обойдённый умом, обделённый счастьем, помутиться разумом, расстроен здоровьем, трудно назвать красавицей, скрывать правду, уклоняться от истины*). Для англоязычных единиц более характерны коннотативные оксюмороны: *downward adjustment* (девальвация или экономическая депрессия), *holy wars* (агрессивное продвижение западных путешественников в средневосточные страны в эпоху Средневековья), *mercy death* (эвтаназия), *negative patient care outcome* (уровень смертности среди пациентов), *rainbow fascist* (человек, нарушающий закон под предлогом борьбы с экологическими проблемами).

В словаре Р. Холдера представлено множество истинных эвфемизмов, имеющих отношение к половой сфере: *easement* (мастурбация), *embraces, excitement, joy, love* (различные обозначения полового акта), *favours, free love*,

---

¹ В американской лексикографии выделяется «A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk» Х. Роусона. Однако у нас сложилось впечатление, что автор излишне фокусируется на лексике, относящейся к сленгу и жаргону, уделяя недостаточно внимания эвфемизмам литературного языка.

² Подчеркнём, что эвфемизмы, содержащие упоминание о Боге, являются истинными, а не манипулятивными, так как не имеют целью навязать религиозное мировоззрение, а лишь отражают картину мира, характерную для времени их возникновения.

love affair, romantic entanglement (различные обозначения внебрачных сексуальных отношений), *love child* (внебрачный ребёнок), *love that durst not speak its name* (гомосексуализм), *more than a good friend* (любовник), *safe sex* (секс с использованием презерватива), *to entertain, to gratify your passions, to take pleasure* (совершать половой акт) и др. У некоторых из этих выражений есть широко известные русскоязычные аналоги («свободная любовь», «больше чем друг» и т.д.), но они не упомянуты в Словаре Е.П. Сеничкиной. Вероятно, автор полагает, что данные словосочетания прижились настолько хорошо, что не воспринимаются в качестве эвфемизмов (при этом в словаре присутствует выражение *санфическая любовь*, едва ли знакомое большинству носителей русского языка).

Некоторые единицы представляют собой краткие неметафоричные определения заменяемых слов: *готовящаяся стать матерью* (беременная), *места лишения свободы* (тюрьма, колония), *заслуженный отдых* (пенсия); *to fail to win* (проиграть), *safe house* (политическое убежище). Упомянем также немногочисленные конструкции, в которых смягчающий эффект реализуется с помощью морфологически оформленного отрицания: *не в своём уме, не внушающий доверия, не от хорошей жизни; no better than she should be* (неразборчивая в связях с мужчинами), *not a great reader* (не умеющий читать), *not very well* (очень болен).

В обоих словарях почти отсутствуют истинные эвфемизмы, обозначающие заболевания и синдромы. Примеры единиц с мелиоративной лексикой не из базовых источников: *божественная болезнь / the sacred disease* (эpilepsia), *королевская болезнь / the disease of kings* (подагра), *ласковый убийца / the tender murderer* (гепатит C), *пляска святого Витта / Saint Vitus' dance* (хорея), *синдром счастливой куклы / happy puppet syndrome* (синдром Ангельмана).

Специфика **комических эвфемизмов** заключается в присутствии в них юмора, иронии или сарказма. Как правило, такие единицы имеют разговорную окраску. Эмоционально нейтральное употребление подобной лексики едва ли возможно, что не позволяет отнести её к истинным эвфемизмам. Комические замены рассматриваются в современных работах, но, как правило, не в рамках функциональной классификации (см., например: [50–55]).

В ряде случаев наблюдается простейший способ реализации иронии – использование слов в противоположном значении: *безгрешные доходы* (получение взятки), *бездна премудрости, велика радость, во всей (своей) красе, герой, доброжелатель, красавец, подвиг, хорошенъкий; caring, cordial, friendly, knight.* В принципе, подобным образом можно использовать любое слово с сильными положительными коннотациями. Но если оно не упомянуто в словарях эвфемизмов, на письме его лучше заключать в кавычки.

Эвфемизмы с мелиоративной лексикой, имеющие отношение к алкоголю и пьянству, оказались немногочисленными в обоих словарях: *весёлый, весёленький; comfortable, convivial* (при том что их очень много среди эвфемизмов, которые не содержат положительно окрашенных слов).

То же самое можно сказать и о заменах, связанных с половой сферой: мужскими и женскими гениталиями (*horn of plenty, love muscle; дары природы, второе сердце мужчины*), платным сексом (*angel of the night, fun house; жрица любви, весёлый дом*).

В словаре Р. Холдера зафиксировано немало единиц, основанных на «чёрном юморе»: *to enjoy her Majesty's hospitality* (отбывать срок в тюрьме), *God's waiting room* (хоспис для престарелых), *kissed by the maiden* (казнённый с помощью гильотины), *old man's friend* (пневмония), *resurrection man* (человек, ворующий трупы из могил), *to take leave of life* (умереть), *tender loving care* (отказ от попыток спасти умирающего пациента, пассивная эвтаназия). В некоторых выражениях присутствует явный сарказм, презрительная насмешка над навязчивостью, гордыней, лицемерием: *bleeding heart* (демонстративно заботливый человек), *do-gooder* (тот, кто навязывает своё мировоззрение и образ жизни окружающим его людям), *sympathetic ear* («энергетический вампир», подавляющий людей своим «состраданием»).

Примеров мягкого бытового юмора – не связанного ни с сексом, ни со смертью, ни с тяжёлым физическим недугом – довольно много в обоих базовых источниках: *божий дар* (лысина), *джентльмены удачи* (авантюристы, проходимцы), *душу в покаяние пустить* (вызвать искусственную рвоту), *кричать на белого друга* (извергать рвотные массы в унитаз), *на три весёлых буквы* (об отказе в чём-то с использованием нецензурной или бранной лексики), *родителей за здравие поминать* (икать), *рыцари большой дороги* (грабители, разбойники), *собачья радость* (колбаса низкого качества), *хоть святых выноси* (о чём-либо безобразном, неприемлемом); *corporate entertainment* (взяточничество), *economical with the truth* (ложивый), *happy hour* (период скидок на алкогольные напитки в барах), *laughing academy* (психиатрическая больница), *poetic truth* (ложь), *throne* (унитаз), *to wear a smile* (быть без одежды).

В отличие от истинных и комических замен, **манипулятивные эвфемизмы** не смягчают отрицательный эффект, а манипулируют сознанием носителей языка, исказяя представление о сущности обозначаемых явлений. «Чёрное» или «серое» намеренно преподносится как «белое» (см., например: [56–61]). Обычно в такой маскировке нуждаются неэффективные или морально неприемлемые действия правительства в области политики и экономики. Изначально эти слова и выражения используются представителями органов власти и государственных СМИ, а затем и целевой аудиторией – будущим избирателем. Также подобные замены создаются в рамках масштабных рекламных проектов, коммуникационных кампаний, флешмобов. Разгаданный обществом манипулятивный эвфемизм начинает перерождаться в комический, наполняясь грустной иронией или сарказмом. В то же время данную единицу могут продолжать использовать для управления сознанием. По отношению к части населения это удается ещё достаточно долго. По-настоящему успешный манипулятивный эвфемизмы становится абсолютно нейтральным, органично сочетающимся с любым стилем – даже научным и официально-деловым.

В словаре Р. Холдера зафиксировано в несколько раз больше подобных единиц, чем в труде Е.П. Сеничкиной. Основу данной группы составляет лексика, связанная с военной политикой государства: *адекватный ответ* (агрессия, военное политическое вмешательство), *братьская помощь* (интервенция), *миротворческая операция* (локальная война), *урегулирование* (военное вмешательство), *defence* (агрессия), *defensive victory* (действия, позволяющие отсрочить поражение), *force-protection* (несанкционированные командованием попытки солдат избежать боя с противником), *fraternal assistance* (вторжение), *fraternization* (изнасилование военнослужащими гражданских лиц на оккупированной территории), *friendly fire* (огонь по своим, ошибочно принятых за силы противника), *to liberate* (захватывать), *modern* (ядерный), *to pacify* (захватывать), *peace* (подготовка к войне), *positive* (связанный с военной агрессией), *to protect* (объединить насильно), *to protect your interests* (захватывать соседние государства и территории), *protective reaction* (сбрасывание бомб на вражескую территорию).

Вторыми по численности являются экономические эвфемизмы: *свободные цены* (высокие), *освобождение цен* (повышение), *упорядочивание цен* (повышение), *benevolence* (сурочный налог), *confident pricing* (повышение цены продукта без изменения его качественных характеристик), *fairness at work* (дополнительные штрафы и иные обременения, налагаемые государством на работодателей), *for your convenience* (не очень нужная, но активно навязываемая «специальная услуга»), *a good voyage* (использование военного корабля для коммерческих перевозок), *premium* (более дорогой [но, как правило, почти не превосходящий по качеству]), *prestigious* (дорогой), *redistribution of wealth* (штрафное налогообложение), *right-sizing* (массовое увольнение сотрудников), *softness in the economy* (экономический спад), *stabilization* (контролирование цен государством, использование инструментов командной экономики [отношение к которой в англоговорящих странах скорее отрицательное]), *a year of progress* (период экономического упадка).

Также следует выделить лексику, относящуюся к социальнно-правовой сфере: *золотой возраст* (старость), *по состоянию здоровья* ([уйти на пенсию] в связи с серьёзными ошибками в работе); *gender norming* (установление разнящихся стандартов для мужчин и женщин (например, при организации тестирования)), *golden years* (старость), *on health grounds* ([уволить, потерять работу] в связи с некомпетентностью), *race-norming* (предъявление разных требований к представителям белой и негроидной рас при проведении экзаменов), *reproductive freedom* (право на аборт при отсутствии медицинских показаний), *rights at work* (юридическое принуждение работодателей к дополнительным расходам и обязательствам), *within-group norming* (занизение оценок представителям негроидной расы), *women's liberation* (агрессивный феминизм).

Ряд слов может использоваться в любом тематическом контексте: *adjustment* (извлечение пользы из ситуации, которое идёт во вред другой стороне), *correct* (соответствующий навязанной догме), *energetic* (насильственный), *enlightenment*

(обман), *improvement* (снижение качества), *objective* (пристранный), *reasonable* (подчиняющийся принуждению или угрозе), *supportive* (навязчивый).

Особняком стоят выражения, навязывающие искажённое или – в лучшем случае – упрощённое представление о детях с неизлечимыми заболеваниями и трудно корректируемыми отклонениями в развитии: аутизмом (*дети радуги* / *rainbow children*), буллёзным эпидермолизом (*дети-бабочки* / *butterfly children*), ДЦП (*дети-ангелы* / *little angels*), синдромом Вильямса (*дети-эльфы* / *elfin faces children*), синдромом Дауна (*солнечные дети* / *children of the sun, sun children*) и т.д. Создание подобных эвфемизмов продиктовано благими намерениями – стремлением улучшить отношение социума к нетипичным мальчикам и девочкам, повысить уровень толерантности. Отдельной целевой аудиторией являются родители таких детей. «Радужно-солнечные» метафоры призваны облегчить их боль, завуалировать суровую правду (что сближает эти манипулятивные эвфемизмы с истинными). Примеры взяты не из словарей, так как подобные единицы в них почти отсутствуют (исключение – *God's child*, устаревшая номинация человека с тяжёлой формой умственной отсталости).

Некоторые эвфемизмы, на наш взгляд, заслуживают отдельного внимания. Удивляет столь успешная эмоциональнаянейтрализация и – фактически – терминологизация выражения *friendly fire* (огонь по своим, ошибочно принятным за силы противника). Услышанное или прочитанное впервые, оно, вероятно, вызовет ассоциации с сигнальными ракетами или сигнальным костром. Но поняв, о чём идёт речь, данную единицу можно принять за непозволительно циничный комический эвфемизм (к сожалению, её буквальные переводы закрепились во множестве языков: *дружественный огонь, fuego amigo* (исп.), *tir ami* (фр.), *Eigenbeschuss* (нем.) и т.д.). Более удачным представляется истинный эвфемизм, не содержащий мелиоративной лексики: *blue on blue* («синий по синему», свои [попавшие] в своих).

Другой манипулятивной замене – *freedom fighters* – мстит сам язык. Данное словосочетание предлагает воспринимать террористов как «борцов за свободу», однако в него можно вложить и другой, прямо противоположный смысл: «борцы со свободой», «борцы против свободы» (по аналогии с *fire-fighters, disease fighters, pollution fighters* и т.д.). При таком толковании это будет не одиозный эвфемизм, а достойный существования перифраз.

Конструкция *medical correctness* кажется нам «эталоном» лексической манипуляции. Этими словами обозначается не точность медицинских диагнозов и адекватность планов лечения, а политическая корректность в области медицины (отказ от использования табуированных номинантов заболеваний и других состояний [13. Р. 241]). Получается, гражданам рекомендовано судить об уровне национального здравоохранения прежде всего по сла-

---

¹ Эвфемизм *дети радуги* может также использоваться для обозначения детей, родившихся у женщины, которая перенесла выкидыш, замершую беременность или потерю ребёнка.

дости «лексических пильоль». Можно ожидать, что в данной сфере истинные эвфемизмы будут со временем вытеснены манипулятивными единицами.

Вернёмся к военной тематике. В словаре Е.П. Сеничкиной представлено понятие *дружеская помощь братскому афганскому народу*, рассматриваемое автором как непрямое наименование «агрессии Советского Союза в отношении к Афганистану, оккупации территории Афганистана» [24. С. 118]. Данный взгляд на вооружённый конфликт 1979–1989 гг. отражён во многих научных и публицистических текстах – в основном зарубежных (см., например: [62, 63]). При подобной трактовке эвфемизм, содержащий словосочетание *дружеская помощь*, явно претендует на статус манипулятивного, дезинформирующего. Однако в отечественной литературе преобладает иная позиция, согласно которой ввод советских войск на чужую территорию представлял собой именно помощь, выполнение просьбы руководства Афганистана о вмешательстве в гражданскую войну (см., например: [64, 65]). В таком контексте рассматриваемый эвфемизм следует считать истинным. Он не искаивает представление о денотате, а лишь смягчает его оценку, умалчивая о радикальном характере оказанной поддержки. Вероятно, слово *дружеская* придаёт конструкции лёгкий манипулятивный оттенок: вопрос о возможности настоящей дружбы между государствами и их лидерами является, мягко говоря, дискуссионным. С нашей точки зрения, Е.П. Сеничкиной следовало использовать в определении нейтральную лексику, уместную при любой позиции: *активность, пребывание, присутствие, участие* и т.п. Это позволило бы избежать политической тенденциозности, весьма нежелательной в подобных трудах.

Количество эвфемизмов с положительно окрашенной лексикой, относящихся к различным функциональным группам и тематическим категориям, отражено в таблице. Каждый эвфемизм отнесён к какой-либо одной группе и категории. Например, обозначения аморальных действий, напрямую связанных с нарушением закона, включены в категорию «Незаконная деятельность», но не включены в категорию «Нравственные пороки». Обозначения лиц, занимающихся проституцией или проявляющих сексуальную распущенность, отнесены к категории «Половая сфера», но не к категориям «Нравственные пороки» и «Незаконная деятельность».

Функциональные группы и основные тематические категории эвфемизмов, содержащих мелиоративную (положительно окрашенную) лексику

Группы и категории эвфемизмов	«Словарь эвфемизмов русского языка» (Е.П. Сеничкина)	«How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms» (R.W. Holder)
Истинные эвфемизмы	206	237
Смерть	34	34
Половая сфера	23	103
Низкий интеллект и безумие	21	3

Группы и категории эвфемизмов	«Словарь эвфемизмов русского языка» (Е.П. Сеничкина)	«How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms» (R.W. Holder)
Нежелательность, одиозность, низкое качество чего-либо	18	5
Нравственные пороки	10	12
Незаконная деятельность и пенитенциарная система	8	12
Старость и болезни	7	7
Другое	85	61
Комические эвфемизмы	36	48
Половая сфера	6	10
Нравственные пороки	5	9
Незаконная деятельность и пенитенциарная система	3	7
Низкий интеллект и безумие	3	3
Алкоголь и пьянство	3	6
Мочеиспускание и дефекация	2	2
Другое	14	11
Манипулятивные эвфемизмы	18	98
Общая тематика	2	23
Военное дело	5	16
Экономика и финансы	3	12
Социально-правовая сфера	2	8
Другое	6	39

Заключение

Авторами статьи предложена функциональная классификация русско- и англоязычных эвфемизмов, содержащих мелиоративную (положительно окрашенную) лексику. В ходе исследования, проведённого на базе словарей Е.П. Сеничкиной и Р. Холдера, мы пришли к следующим выводам.

Все рассмотренные нами замены можно разделить на три функциональные группы: истинные, комические и манипулятивные. В рамках данных групп выделены тематические категории.

Для *истинных эвфемизмов* характерно полное или почти полное отсутствие эмоциональной окраски (что согласуется с определением термина «эвфемизм», представленным в важнейшем академическом труде – «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой). Их основной функцией выступает смягчение оценки коммуникативно рискованного денотата. Эти единицы близки к стилистической нейтральности,

поскольку могут использоваться во всех стилях речи, кроме официально-делового. Самыми многочисленными являются выражения, связанные с темой смерти: *расставаться с жизнью / to depart this life*, *отправляться в лучший из миров / to take refuge in a better world*, *Бог прибрал / gathered to God* и т.д. В англоязычном источнике зафиксировано в несколько раз больше эвфемизмов, имеющих отношение к половой сфере, что, возможно, отражает специфику западного менталитета.

Основой **комических эвфемизмов** чаще всего выступают юмор и ирония, реже – сарказм. Главная функция – «обыгрывание» предметного значения для менее формального, более непринуждённого общения. Данной лексике присущи эмоциональность и разговорная окраска. В словаре Е.П. Сеничкиной чаще встречаются эвфемизмы, в которых иронический эффект реализуется самым простым путём – через использование лексем в противоположном значении (*герой* = трус, *доброжелатель* = злопыхатель). В англоязычном источнике представлено больше эвфемизмов, основанных на чёрном юморе (*to enjoy Her Majesty's hospitality* = отбывать срок в тюрьме, *old man's friend* = пневмония).

Манипулятивные эвфемизмыискажают представление о сущности обозначаемых явлений, выполняя таким образом дезинформирующую функцию. В подобных единицах могут быть заинтересованы органы власти и аффилированные с ними СМИ, организаторы рекламных и коммуникационных кампаний, а также определённые социальные слои и общественные структуры. Не рассекреченное людьми манипулятивное слово или выражение начинает сочетаться со всеми стилями речи, включая официально-деловой (в целом закрытый даже для истинных эвфемизмов). Словарь Р. Холдера содержит в несколько раз больше замен данного типа, чем словарь Е.П. Сеничкиной. Вероятно, это связано с большим распространением в англоязычных странах идей политкорректности, нацеленной, по мнению большинства исследователей, именно на манипуляцию, навязывание людям определённых мыслей и действий. В обоих источниках преобладают эвфемизмы, связанные с военной деятельностью: *адекватный ответ*, *миротворческая операция*; *defensive victory* (действия, позволяющие отсрочить поражение), *to liberate* (захватывать), *reace* (подготовка к войне). Также были выделены группы единиц, относящиеся к экономической и социально-правовой сферам.

В дальнейшем планируется оценить применимость данной классификации к эвфемизмам, не содержащим положительно окрашенной лексики. Они составляют основную часть слов и выражений, представленных в трудах Е.П. Сеничкиной и Р. Холдера. Поэтому логично предположить, что нам придётся расширить список функциональных групп или выделить новые тематические категории внутри каждой из них.

Список источников

1. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования деятельности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.) : автореф. дис. .... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 17 с. URL: http://lib.udsu.ru/a_ref/05_10_004.pdf (дата обращения: 04.01.2023).

2. Краснова Е.Е. К вопросу о классификации эвфемизмов: на материале английского и русского языков // Язык и мышление : психологические и лингвистические аспекты. Материалы 4-й Всероссийской научной конференции. Москва ; Пенза. 2004. С. 16–17.
3. Куркиев А.С. О классификации эвфемистических названий в русском языке. Грозный : Наука. 1977. 186 с.
4. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград : Перемена. 1999. 262 с.
5. Новицкая О.В. Эвфемизмы как универсальный языковой элемент (на материале русского и нидерландского языков) // Русский язык во времени и пространстве : доклады XII конгресса МАПРЯЛ / отв. ред. Б.Д. Пак. Шанхай, 2011. С. 708–713.
6. Реформатский А.С. Введение в языковедение. М. : Просвещение, 1967. 544 с.
7. Романов С.И. Интенциональная классификация эвфемизмов // Документ как текст культуры : сб. науч. тр. / отв. ред. Г.В. Токарев. Вып. 14. Тула, 2021. 32–35 с.
8. Allan K., Burridge, K. Euphemism and Dysphemism : Language Used as Shield and Weapon. Oxford : Oxford University Press, 1991. 288 p.
9. Kany Ch.E. American-Spanish Euphemisms. Berkeley and Los Angelos : University of California, 1960. 360 p.
10. Жеребило Т.В., Мейриева А.С. Классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2, ч. 5. С. 1107–1110. URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36992> (дата обращения: 05.01.2023).
11. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 190 с.
12. Островская Т.А. Эвфемизация и обратные процессы в современном поведенческом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. № 3 (105). С. 138–142. URL: http://vestnik.adygenet.ru/files/2012.4/2257/ostrovskaya2012_4.pdf (дата обращения: 05.01.2023).
13. Holder R.W. How Not to Say What You Mean : A Dictionary of Euphemisms. Oxford : Oxford University Press, 2002. 500 p.
14. Гулиева Э.А. Классификация эвфемизмов применительно к теории политической корректности // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. Вып. 2. Общие проблемы филологии. Усть-Каменогорск, 2015. С. 134–137. URL: <https://articlekz.com/article/31480> (дата обращения: 05.01.2023).
15. Ковшова М.Н. Семантика и pragmatика эвфемизмов. М. : Гнозис, 2007. 319 с.
16. Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994. № 5. С. 76–82.
17. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Проблемы языкоznания : сб. ст., посвящ. 75-летию акаде. И.И. Мещанинова. Л., 1961. С. 109–124.
18. Болотнова Н.С. Эвфемизация в современном словоупотреблении и языковая компетенция личности // Языковая компетенция: грамматика и словарь. 1998. № 4 (1). С. 19–23.
19. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1988. 458 с.
20. Neaman J.S., Silver C.G. Kind Words : A Thesaurus of Euphemism. New York : Avon Books, 1990. 409 p.
21. Warren B. What Euphemisms Tell Us about the Interpretation of Words // Studia Linguistica. 1992. № 2. Р. 128–171.
22. Будагов Р.А. Введение в науку о языке : учеб. пособие. М. : Добросвет-2000, 2003. 544 с.
23. Маматова Ф.Б. Определение и классификация эвфемизмов // Знание. № 1-2 (30). С. 71–74.

24. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс. М. : Высшая школа. 2006. 148 с.
25. Rowson H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. New York : Castle Books, 2002. 463 p.
26. Милоенко Е.О. Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197387162.pdf> (дата обращения: 08.01.2023).
27. Дегтярёва А.Р., Осадчий М.А. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 (50). С. 128–132.
28. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой ; Институт языкоznания АН СССР. М. : Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
29. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая российская энциклопедия, 2002. 709 с.
30. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
31. Мамушикина С.Ю. Междометные эвфемизмы в русском и английском языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 33–36. URL: <https://samara.mgpu.ru/files/sotrudniki/VokhryshevaEV/nir/02/05.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).
32. Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (6). С. 1580–1586.
33. Серкова Н.И. Политкорректные эвфемизмы русского и английского языков в современной лексикографической практике // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 23–31. URL: <https://samara.mgpu.ru/files/sotrudniki/VokhryshevaEV/nir/02/15.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).
34. Орлова О.С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/theses/2020/orlova_o_full.pdf (дата обращения: 14.01.2023).
35. Твердохлеб О.Г. Эвфемизмы – названия животного мира в сфере религиозного культа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 13 (2). С. 64–69. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/26827/64_69.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 14.01.2023).
36. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Либроком, 2010. 576 с.
37. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. 6-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2016. 610 с.
38. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М. : Учпедгиз, 1954. 174 с.
39. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высшая школа, 1989. 84 с.
40. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М. : Аспект Пресс, 1999. 150 с.
41. Allan K. X-phemism and creativity // Lexis. E-Journal in English Lexicology. 2012. № 7. Р. 5–42. doi: 10.4000/lexis.340. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/340> (дата обращения: 19.01.2023).
42. Ayto J. Euphemisms. London : Bloomsbury. 1993. 352 p.
43. Burridge K. Euphemisms and Dysphemisms // Oxford Bibliographies in Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2017. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199772810/obo-9780199772810-0210.xml> (дата обращения: 19.01.2023).
44. Enright D.J. (Ed.). Fair of speech : The uses of euphemism. Oxford : Oxford University Press, 1985. 222 p.
45. Leech G. The Pragmatics of Politeness. Oxford : Oxford University Press, 2014. 343 p.
46. Matthews P.H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. 3rd edition. Oxford : Oxford University Press, 2014. 464 p. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093>

/acref/9780199675128.001.0001/acref-9780199675128-e-1118?rskey=FEr4vr&result=1160
(дата обращения: 21.01.2023).

47. *Bussmann H.* Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London : Taylor & Francis e-Library, 2006. 1303 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=O0-9Iw0Qh6EC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=&f=false> (дата обращения: 21.01.2023).

48. *Brown K., Miller J.* The Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 481 p. URL: https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-dictionary-of-linguistics/020FAAAA378FE9F40D98488118A0C2187/listing?q=euphemism&_csrf=HYgNid35-Dvw7Aw-xDFy0tLiRFryNKQwucFM&fts=yes&searchWithInIds=020FAAAA378FE9F40D98488118A0C2187&ags=%5BproductTypes%5D%5Bfilters%5D=BOOK_PART (дата обращения: 22.01.2023).

49. *Сеничкина Е.П.* Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.

50. *Вострикова О.В.* О комической функции эвфемизмов // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 1 (9). С. 17–23.

51. *Коромысленко Е.Г.* К проблеме изучения комических эвфемизмов русского языка // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 41–43.

52. *Сеничкина Е. П., Никитина И. Н.* Иронические эвфемизмы как примета времени // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3 (3) : в 3 ч. Ч. 3. С. 199–201. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2007_3-3_84.pdf (дата обращения: 06.02.2023).

53. *Сюй М.* Способы создания новых эвфемизмов в современном юмористическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2018. № 2 (2). С. 361–366.

54. *Hamilton C., Foltzer A.-S.* On Euphemisms, Linguistic Creativity, and Humor // Lexis. 2021. № 17. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/5355> (дата обращения: 06.02.2023).

55. *Heidegger Ph., Reutner U.* When humour questions taboo. A typology of twisted euphemism use // Pragmatics & Cognition. 2021. Vol. 28, Is. 1. P. 138–166.

56. *Баскова Ю.С.* Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) : дис. .... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 162 с.

57. *Катенева И.Г.* Манипулятивный потенциал эвфемизмов и дисфемизмов на страницах современных периодических изданий // Вестник НГУ. Серия: Журналистика. 2013. Т. 12, вып. 6. С. 105–110. URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/641bc6c20c604b6013b2c893ce88a4f7.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

58. *Чес Н.А., Тюкина Т.А.* Эвфемизмы как средство манипулятивного воздействия в американском и британском политическом медиадискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 9. С. 39–45.

59. *Chovanec J.* Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue // Lingua. 2019. Vol. 225. P. 50–62. doi: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384119300014> (дата обращения: 15.04.2023).

60. *Reboul A.* Truthfully Misleading : Truth, Informativity, and Manipulation in Linguistic Communication. Frontiers in Communication. 2021. № 6. P. 646820. doi: 10.3389/fcomm.2021.646820. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.646820/full> (дата обращения: 17.04.2023).

61. *Yaseen A.* Evasive/Deceptive Use of Euphemistic Language in Discourse : Barak Obama's Speech in Hiroshima // International Journal of Humanities and Social Science Invention. 2017. Vol. 6, Is. 1. P. 41–46. URL: [http://www.ijhssi.org/papers/v6\(1\)/Version-3/G0601034146.pdf](http://www.ijhssi.org/papers/v6(1)/Version-3/G0601034146.pdf) (дата обращения: 17.04.2023).

62. *Fullerton J.* The Soviet Occupation of Afghanistan. London : Methuen, 1984. 208 p.

63. *Gandomi J.* Lessons from the Soviet Occupation in Afghanistan for the United States and NATO // Journal of Public and International Affairs. 2008. Vol. 19. P. 51–68. URL:

<https://jpia.princeton.edu/sites/g/files/toruqfl661/files/2008-3.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

64. Топорков В.М. Категория *военное присутствие* и её применение к периоду пребывания советских войск в Афганистане (1979–1989) // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 4. С. 217–222. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_849124683/156_4_gum_27.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

65. Христофоров В.С. Афганистан : военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М. : Институт российской истории РАН, 2016. С. 64–66.

References

1. Kiprskaya, E.V. (2005) *Politicheskie evfemizmy kak sredstvo kamuflirovaniya deystvitel'nosti v SMI (na primere konflikta v Irake 2003–2004 gg.)* [Political euphemisms as a means of camouflaging reality in the media (using the example of the conflict in Iraq 2003–2004)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk. [Online] Available from: http://lib.udsu.ru/a_ref/05_10_004.pdf (Accessed: 04.01.2023).
2. Krasnova, E.E. (2004) [On the issue of classification of euphemisms: on the material of English and Russian languages]. *Yazyk i myshlenie: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty* [Language and Thinking: Psychological and linguistic aspects]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Penza. 12–15 May 2004. Moscow; Penza: Institute of Linguistics RAS; Penza State University. pp. 16–17. (In Russian).
3. Kurkiev, A.S. (1977) *O klassifikatsii evfemisticheskikh nazvaniy v russkom yazyke* [On the Classification of Euphemistic Names in the Russian Language]. Groznyy: Nauka.
4. Moskvin, V.P. (1999) *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennoj russkoj yazyka* [Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language]. Volgograd: Peremena.
5. Novitskaya, O.V. (2011) [Euphemisms as a universal linguistic element (on the material of the Russian and Dutch languages)]. *Russkiy yazyk vo vremeni i prostranstve* [Russian Language in Time and Space]. Proceedings of the 12th MAPRYAL Congress. Shanghai. 8–12 May 2011. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. pp. 708–713. (In Russian).
6. Reformatskiy, A.S. (1967) *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Romanov, S.I. (2021) Intentsional'naya klassifikatsiya evfemizmov [Intentional classification of euphemisms]. In: Tokarev, G.V. (ed.) *Dokument kak tekst kul'tury* [Document as a Text of Culture]. Vol. 14. Tula: Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe ob"edinenie. pp. 32–35.
8. Allan, K. & Burridge, K. (1991) *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon*. Oxford: Oxford University Press.
9. Kany, Ch.E. (1960) *American-Spanish Euphemisms*. Berkeley and Los Angeles: University of California.
10. Zherebilo, T.V. & Meyrieva, A.S. (2015) Klassifikatsiya evfemizmov, ispol'zuemykh v sovremennom russkom yazyke [Classification of euphemisms used in modern Russian]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2 (Part 5). pp. 1107–1110. [Online] Available from: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36992> (Accessed: 05.01.2023).
11. Katsev, A.M. (1977) *Evfemizmy v sovremenном angliyskom yazyke: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya* [Euphemisms in modern English: experience of sociolinguistic description]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
12. Ostrovskaya, T.A. (2012) Evfemizatsiya i obratnye protsessy v sovremenном povedencheskom diskurse [Euphemization and reverse processes in modern behavioral discourse]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie*. 3 (105). pp. 138–142. [Online] Available from: http://vestnik.adygenet.ru/files/2012.4/2257/ostrovskaya2012_4.pdf (Accessed: 05.01.2023).

13. Holder, R.W. (2002) *How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms*. Oxford: Oxford University Press.
14. Gulieva, E.A. (2015) Klassifikatsiya evfemizmov primenitel'no k teorii politicheskoy korrektnosti [Classification of euphemisms in relation to the theory of political correctness]. *Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo Slobodnogo Universiteta. Vypusk 2. Obshchie problemy filologii. Ust'-Kamenogorsk*. pp. 134–137. [Online] Available from: <https://articlekz.com/article/31480> (Accessed: 05.01.2023).
15. Kovshova, M.N. (2007) *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and Pragmatics of Euphemisms]. Moscow: Gnozis.
16. Krysin, L.P. (1994) Evfemisticheskie sposoby vyrazheniya v sovremenном russkom yazyke [Euphemistic ways of expression in modern Russian]. *Russkiy yazyk v shkole*. 5. pp. 76–82.
17. Larin, B.A. (1961) Ob evfemizmakh [On euphemisms]. In: *Problemy yazykoznaniya* [Problems of Linguistics]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 109–124.
18. Bolotnova, N.S. (1998) Evfemizatsiya v sovremennom slovoupotreblении i yazykovaya kompetentsiya lichnosti [Euphemization in modern word usage and linguistic competence of the individual]. *Yazykovaya kompetentsiya: grammatika i slovar'*. 4 (1). pp. 19–23.
19. Gal'perin, I.R. (1988) *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the Stylistics of the English Language]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyykh yazykakh.
20. Neaman, J.S. & Silver, C.G. (1990) *Kind Words: A Thesaurus of Euphemism*. New York: Avon Books.
21. Warren, B. (1992) What Euphemisms Tell Us about the Interpretation of Words. *Studia Linguistica*. 2. pp. 128–171.
22. Budagov, R.A. (2003) *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the Science of Language]. Moscow: Dobrosvet-2000.
23. Mamatova, F.B. (2016) Opredelenie i klassifikatsiya evfemizmov [Definition and classification of euphemisms]. *Znanie*. 1–2 (30). pp. 71–74.
24. Senichkina, E.P. (2006) *Evfemizmy russkogo yazyka. Spetskurs* [Euphemisms of the Russian Language. Special course]. Moscow: Vysshaya shkola.
25. Rowson, H.A. (2002) *Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk*. New York: Castle Books.
26. Miloenko, E.O. (2009) *Spetsifika funktsionirovaniya eyfemizmov v individual'nom leksikone* [Specifics of the functioning of euphemisms in the individual lexicon]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk. [Online] Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/197387162.pdf> (Accessed: 08.01.2023).
27. Degtyareva, A.R. & Osadchiy, M.A. (2012) K voprosu o funktsional'noy klassifikatsii evfemizmov russkogo yazyka [On the issue of functional classification of euphemisms in the Russian language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (50). pp. 128–132.
28. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
29. Yartseva, V.N. (ed.) (2002) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
30. Matveeva, T.V. (2010) *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don: Feniks.
31. Mamushkina, S.Yu. (2015) Mezhdometnye evfemizmy v russkom i angliyskom yazykakh [Interjection euphemisms in Russian and English]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 4 (13). pp. 33–36. [Online] Available from: <https://samara.mgpu.ru/files/sotrudniki/VokhryshevaEV/nir/02/05.pdf> (Accessed: 12.01.2023).
32. Nikitina, I.N. (2009) Bytovye evfemizmy v kontekste raznykh yazykov [Everyday euphemisms in the context of different languages]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 4–11 (6). pp. 1580–1586.
33. Serkova, N.I. (2015) Politkorrektnye evfemizmy russkogo i angliyskogo yazykov v sovremennoy leksikograficheskoy praktike [Politically correct euphemisms of the Russian and

- English languages in modern lexicographic practice]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 1 (45). pp. 23–31. [Online] Available from: <https://samara.mgpu.ru/files/sotrudniki/VokhryshevaEV/nir/02/15.pdf> (Accessed: 12.01.2023).
34. Orlova, O.S. (2020) *Printsip nepryamoy nominatsii v zagadkakh i evfemizmakh na temu rozhdeniya i smerti* [The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death]. Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: https://ilingran.ru/web/sites/default/files/theses/2020/orlova_o_full.pdf (Accessed: 14.01.2023).
35. Tverdokhleb, O.G. (2016) *Evfemizmy – nazvaniya zhivotnogo mira v sfere religioznogo kul'ta* [Euphemisms – names of the animal world in the sphere of religious cult]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 13 (2). pp. 64–69. [Online] Available from: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/26827/64_69.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed: 14.01.2023).
36. Akhmanova, O.S. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Librokom.
37. Zhrebilo, T.V. (2016) *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatiy* [Dictionary of Linguistic Terms and Concepts]. 6th ed. Nazran': Piligrim.
38. Bulakhovskiy, L.A. (1954) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Uchpedgiz.
39. Zabotkina, V.I. (1989) *Novaya leksika sovremenennogo angliyskogo yazyka* [New Vocabulary of Modern English]. Moscow: Vysshaya shkola.
40. Reformatskiy, A.A. (1999) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Aspekt Press.
41. Allan, K. (2012) X-phemism and creativity. *Lexis. E-Journal in English Lexicology*. 7. pp. 5–42. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/lexis/340> (Accessed: 19.01.2023). doi: 10.4000/lexis.340
42. Ayto, J. (1993) *Euphemisms*. London: Bloomsbury.
43. Burridge, K. (2017) Euphemisms and Dysphemisms. In: Aronoff, M. (ed.) *Oxford Bibliographies in Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199772810/obo-9780199772810-0210.xml> (Accessed: 19.01.2023).
44. Enright, D.J. (ed.) (1985) *Fair of Speech: The uses of euphemism*. Oxford: Oxford University Press.
45. Leech, G. (2014) *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
46. Matthews, P.H. (2014) *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199675128.001.0001/acref-9780199675128-e-1118?rskey=FEr4vr&result=1160> (Accessed: 21.01.2023).
47. Bussmann, H. (2006) *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. London: Taylor & Francis e-Library. [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?id=O0-9Iw0Qh6EC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=&f=false> (Accessed: 21.01.2023).
48. Brown, K. & Miller, J. (2014) *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. [Online] Available from: https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-dictionary-of-linguistics/020FAAAA378FE9F40D98488118A0C2187/listing?q=euphemism&_csrf=HYgNid35-Dvw7Aw-xDFy0tLiRFryNKQwucFM&fts=yes&searchWithinIds=020FAAAA378FE9F40D98488118A0C2187&ags%5BproductTypes%5D%5Bfilters%5D=BOOK_PART (Accessed: 22.01.2023).
49. Senichkina, E.P. (2008) *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
50. Vostrikova, O.V. (2012) O komicheskoy funktsii evfemizmov [On the comic function of euphemisms]. *Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie"*. 1 (9). pp. 17–23.

51. Koromyslenko, E.G. (2015) K probleme izucheniya komicheskikh evfemizmov russkogo yazyka [On the problem of studying comic euphemisms of the Russian language]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 1 (10). pp. 41–43.
52. Senichkina, E.P. & Nikitina, I.N. (2007) Ironicheskie evfemizmy kak primeta vremeni [Ironical euphemisms as a sign of the times]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 3 (3). Part III. pp. 199–201. [Online] Available from: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2007_3-3_84.pdf (Accessed: 06.02.2023).
53. Xu, M. (2018) Sposoby sozdaniya novykh evfemizmov v sovremennom yumoristicheskem diskurse [Methods of creating new euphemisms in modern humorous discourse]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2 (2). pp. 361–366.
54. Hamilton, C. & Foltzer, A.-S. (2021) On Euphemisms, Linguistic Creativity, and Humor. *Lexis*. 17. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/lexis/5355> (Accessed: 06.02.2023).
55. Heidepetter, Ph. & Reutner, U. (2021) When humour questions taboo. A typology of twisted euphemism use. *Pragmatics & Cognition*. 1 (28). pp. 138–166.
56. Baskova, Yu.S. (2006) *Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Euphemisms as a means of manipulation in the language of the media (based on the material of the Russian and English languages)]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
57. Kateneva, I.G. (2013) Manipulyativnyy potentsial evfemizmov i disfemizmov na stranitsakh sovremennykh periodicheskikh izdanii [Manipulative potential of euphemisms and dysphemisms on the pages of modern periodicals]. *Vestnik NGU. Seriya "Zhurnalistika"*. 6 (12). pp. 105–110. [Online] Available from: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/641bc6c20c604b6013b2c893ce88a4f7.pdf> (Accessed: 15.04.2023).
58. Ches, N.A. & Tyukina, T.A. (2017) Evfemizmy kak sredstvo manipulyativnogo vozdeystviya v amerikanskom i britanskom politicheskem mediadiskurse [Euphemisms as a means of manipulative influence in American and British political media discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 9. pp. 39–45.
59. Chovanec, J. (2019) Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue. *Lingua*. 225. pp. 50–62. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384119300014> (Accessed: 15.04.2023). doi: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>
60. Reboul, A. (2021) Truthfully Misleading: Truth, Informativity, and Manipulation in Linguistic Communication. *Frontiers in Communication*. 6. [Online] Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.646820/full> (Accessed: 17.04.2023). doi: 10.3389/fcomm.2021.646820
61. Yaseen, A. (2017) Evasive/Deceptive Use of Euphemistic Language in Discourse: Barak Obama's Speech in Hiroshima. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. 1 (6). pp. 41–46. [Online] Available from: [http://www.ijhssi.org/papers/v6\(1\)/Version-3/G0601034146.pdf](http://www.ijhssi.org/papers/v6(1)/Version-3/G0601034146.pdf) (Accessed: 17.04.2023).
62. Fullerton, J. (1984) *The Soviet Occupation of Afghanistan*. London: Methuen.
63. Gandomi, J. (2008) Lessons from the Soviet Occupation in Afghanistan for the United States and NATO. *Journal of Public and International Affairs*. 19. pp. 51–68. [Online] Available from: <https://jpia.princeton.edu/sites/g/files/toruqfl661/files/2008-3.pdf> (Accessed: 07.05.2023).
64. Toporkov, V.M. (2014) Kategoriya voennoe prisutstvie i ee primenenie k periodu prebyvaniya sovetskikh voysk v Afganistane (1979–1989) [The category of military presence and its application to the period of stay of Soviet troops in Afghanistan (1979–1989)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. 156. Book 4. pp. 217–222. [Online] Available from: https://kpfu.ru/portal/docs/F_849124683/156_4_gum_27.pdf (Accessed: 07.05.2023).

65. Khristoforov, V.S. (2016) *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979–1989 gg.* [Afghanistan: Military-political presence of the USSR 1979–1989]. Moscow: Institute of Russian History RAS. pp. 64–66.

Информация об авторах:

Самохин И.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: samokhin_is@pfur.ru

Нагорнова Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: nagornova-ev@rudn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.S. Samokhin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: samokhin_is@pfur.ru

E.V. Nagornova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: nagornova-ev@rudn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 01.07.2023;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья
УДК 81'32
doi: 10.17223/19986645/89/6

Тематическое моделирование художественной прозы: оценка и интерпретируемость результатов (на примере русского рассказа 1900–1930 гг.)

Татьяна Юрьевна Шерстинова¹,
Маргарита Александровна Кирина², Анна Денисовна Москвина³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия

¹ tsherstinova@hse.ru

² mkirina@hse.ru

³ admoskvina@hse.ru

Аннотация. В статье рассматривается интерпретируемость результатов тематического моделирования литературных текстов. Цель исследования – определить, насколько тематические распределения отражают содержательные аспекты художественного текста. Описаны эксперименты по оценке тематических моделей, основанных на 3 000 рассказах 927 русских писателей начала XX в. Исследование показало, что 52% рассказов хорошо соответствуют семантически целостным топикам, а 24% им соответствуют частично. Полученные результаты подтверждают целесообразность применения методов тематического моделирования к художественным текстам.

Ключевые слова: русская литература, русский рассказ, малая проза, тематическое моделирование, литературная тема, корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, интерпретация, экспертная оценка

Источник финансирования: публикация подготовлена в результате проведения исследования по проекту № 21-04-053 «Методы искусственного интеллекта для филологических исследований» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Благодарность: авторы выражают благодарность членам Научно-учебной группы междисциплинарных филологических исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, в особенности А.С. Карышевой, Е.О. Колпациковой, А.Ю. Москalenko, И.А. Делазари, И.С. Завьяловой, за активное участие и экспертизу на разных этапах исследования.

Для цитирования: Шерстинова Т.Ю., Кирина М.А., Москвина А.Д. Тематическое моделирование художественной прозы: оценка и интерпретируемость результатов (на примере русского рассказа 1900–1930 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 127–151. doi: 10.17223/19986645/89/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/6

Topic modeling of prose fiction: Model assessment and interpretability (the case of Russian short stories of the 1900s–1930s)

Tatiana Yu. Sherstinova¹, Margarita A. Kirina², Anna D. Moskvina³

^{1, 2, 3} National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

¹ tsherstinova@hse.ru

² mkirina@hse.ru

³ admoskvina@hse.ru

Abstract. The article presents two experiments investigating the interpretability of results obtained from automatic topic modeling of literary texts, addressing the broader question of the appropriateness of applying this method to fiction. The relevance of this research is grounded in the successful application of topic modeling to specialized texts, contrasted with the challenges posed by the metaphorical language and thematic complexity of literary works. The study aims to determine how and to what extent the topic distributions produced by the model (story–topic correlations) reflect the thematic aspects of short stories. The research material consisted of 3,000 short stories written by 927 Russian authors, including world-renowned figures such as Nobel laureates I.A. Bunin and M.A. Sholokhov, Russian “classics” like A.P. Chekhov and M. Gorky, as well as lesser-known and nearly forgotten writers. During the study, several samples were generated for each of the three chronological periods: (1) the beginning of the 20th century (1900–1913), (2) the era of wars and revolutions (1914–1922), and (3) the early Soviet period. Each period was represented by three samples consisting of 100, 500, and 1,000 short stories. For each sample, models were constructed using the LDA algorithm with various preprocessing options. The evaluation of topic interpretability was conducted in two stages. The first stage aimed to identify which preprocessing steps yielded the best interpretability of the resulting model. The model trained on the corpus without any POS filtering exhibited the highest interpretability, with 25% of the generated topics deemed interpretable by experts. In the second stage, only those 24 topics that were unanimously considered interpretable by all three experts were further analyzed. During the second experiment, two experts read all 127 texts from the resulting sample and evaluated each topic on a three-point scale: (1) fully corresponds, (2) partially corresponds, (3) does not correspond at all. The experiments revealed that the experts identified a good correspondence between the text and the automatically assigned topic in 52% of the short stories, partial correspondence in 24%, while the remaining 24% of the stories appeared unrelated to the assigned topic. Thus, 76% of all interpretable topics demonstrated a meaningful connection to the content of the stories, beyond being merely statistically significant word clusters within the texts. These results are quite promising and suggest that topic modeling can be effectively applied to fiction, allowing researchers to accurately identify typical themes within a collection of short stories without needing to read them all. However, achieving these results requires a careful preliminary selection of the topics generated by the model, ensuring their semantic coherence, as done in the first stage of the experiment.

Keywords: Russian literature, Russian short story, short fiction, topic modeling, literary theme, corpus linguistics, computational linguistics, interpretability, expert assessment

Acknowledgements: The publication was prepared as a result of the research conducted under Project No. 21-04-053 within the framework of the Scientific Foundation Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2022. The authors express their gratitude to the members of the Scientific and Educational Group of Interdisciplinary Philological Research of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, especially to A.S. Karysheva, E.O. Kolpashchikova, A.Yu. Moskalenko, I.A. Delazari, I.S. Zavyalova, for their active participation and expert assessment at different stages of the research.

For citation: Sherstina, T.Yu., Kirina, M.A. & Moskvina, A.D. (2024) Topic modeling of prose fiction: Model assessment and interpretability (the case of Russian short stories of the 1900s–1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 127–151. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/6

Тематическое моделирование литературных текстов и проблема интерпретации его результатов

Тема как объект филологических исследований представляет интерес прежде всего своей неоднозначностью. Трудности, возникающие при попытке сформулировать тему произведения, во многом связаны со специфичностью того художественного преобразования, которое претерпевает объективная реальность, становясь в той или иной форме основой сюжета литературного произведения. По сути, текст, как и выбор составляющих его тематических элементов, является результатом осуществляемой автором творческой интерпретации действительности. Отсюда вырастает проблема многозначности литературного текста: как правило, тема произведения не единственна и способна к дроблению, например до подтем, соответствующих отдельным частям произведения. В то же время не в полной мере ясным представляется то, как оптимально сформулировать тему произвольного художественного текста, уже не говоря о ее однозначности. Существуют мнения как о необходимости выделения одной темы, являющейся главной для всего текста, так и нескольких – характеризующих его составляющие. Предполагается, что формальные тематические модели могут стать инструментом, который позволит уравновесить расхождения в плане понимания того, что является темой художественного текста, обнаружив ее через языковые и стилистические особенности текстов, которые могут указывать на ряд сюжетных и тематических отличительных характеристик литературного корпуса.

Тематическое моделирование представляет собой метод машинного обучения, использующийся для категоризации больших неструктурированных текстовых данных и применяющийся главным образом к специальным текстам (научным, публицистическим, новостным и др.). Тематическая модель,

обученная на коллекции текстов, назначает каждому тексту соответствующие ему с определенной вероятностью темы (англ. topics), которые формируются автоматически, а также всем словам – вероятности попадания в определенную тему. Таким образом, темой в тематическом моделировании является группа слов, ее образующих. Далее мы будем называть такие автоматически сформированные темы «топиками» во избежание неоднозначности и для различения их от «тем» литературного произведения, выделяемых экспертным образом [1].

В последние годы рядом авторов предпринимались попытки тематического моделирования художественных текстов на разных языках – английском, русском, испанском, французском, голландском [2–5]. Так, например, в работе О.А. Митрофановой [6], посвященной автоматическому анализу романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», обученная в рамках исследования тематическая модель (LDA) смогла противопоставить две сюжетные линии (история Иешуа и Понтия Пилата, история Мастера), а также объединила в отдельные топики имена сюжетно близких персонажей.

Что касается моделирования тематики малой русской прозы, целая серия экспериментов была проведена на материале Корпуса русского рассказа (1900–1930 гг.) [7] – электронного ресурса, разрабатываемого специально для проведения компьютерных исследований языка и стиля художественных текстов [8–10]. Динамическое тематическое моделирование для подкорпуса из 310 текстов, принадлежащих перу 300 разных авторов, позволило выделить «нишевые» топики для разных исторических периодов [11]; далее на этом материале было проведено сравнение полученных топиков с данными ручной тематической разметки [1, 12, 13]. Оказалось, что лучше всего и, что важно, приближенно к экспертной оценке выделяются те тематические элементы, которые составляют фон действия произведения [1]. Также на этом материале было проведено исследование, посвященное теме насилия в русском рассказе, оказавшейся довольно частотной для прозы начала XX в. [14] и эксперименты, направленные на сравнение разных методов тематического моделирования в применении к текстам малой прозы [15].

Однако использование методов тематического моделирования на материале литературных текстов, в особенности поэтических, осложняется богатством, метафоричностью, образностью художественного языка [16], что приводит к тому, что распределения топиков, полученные в результате моделирования художественных текстов, не столь однозначны и убедительны, как топики, построенные на материале специальных текстов. Можно выделить следующие основные проблемы, с которыми сталкиваются исследователи литературных произведений методами тематического моделирования:

1. Сложности интерпретации семантических отношений, связывающих слова в получившихся топиках.

2. Трудности соотношения целей и результатов тематического моделирования: выявляемые топики порой характеризуют не непосредственно темы произведений, а общие сюжетные элементы, мотивные структуры, предметы описания и т.д.

3. Многотемность и «эзопов язык» многих художественных текстов приводят к тому, что полноценное тематическое описание не всегда возможно; как правило, топики выражают только наиболее общие темы, в то время как целые тематические пласти остаются вне фокуса тематической модели.

Кроме того, отдельной проблемой считается сам подход к обработке текста при тематическом моделировании, условно именуемый мешком слов, поскольку он не учитывает позицию слов в предложении – их синтаксические, контекстуальные и семантические характеристики [17. Р. 611]. Результат тематического моделирования в таком виде сводится к получению «не-которой информации о содержании корпуса текстов» [18]. Таким образом, часто критике подвергается сама идея полноценного литературного анализа с применением методов тематического моделирования поскольку природа художественных произведений порождает ряд трудностей для интерпретации только на основе получившихся топиков.

Говоря о том, что топики отражают темы, сами исследователи подчеркивают, что оба понятия выполняют своего рода роль посредника, указывающего на такой «тип литературного содержания, который семантически унифицирован и повторяется с некоторой частотностью или регулярностью во всем корпусе» [2. Р. 752]. Так или иначе, утверждается, что слова, формирующие кластеры, являются тематическими по своей природе, а определение того, какие из них, действительно, составляют тему, представляет собой задачу, решаемую при интерпретации. И хотя допускается наличие вариаций на этом этапе, человеку свойственно различать тематически более крупные категории, которым данные распределения слов соответствуют [2. Р. 752]. В этом смысле интерпретация топиков сводится к выводу из них тематических элементов на некотором «усредненном» уровне абстракции [19. С. 49]. Оценка качества тематической модели через ее интерпретируемость напоминает принцип свертывания и развертывания тем через установление логического соответствия между темой и текстом, хотя последний и подразумевает вывод соответствий после непосредственного прочтения.

Однако в отношении тематического моделирования исследователь сталкивается с тем, что те абстрактные категории, на которые указывают топики, не обязательно отражают тематику произведения – не только потому, что образный язык затрудняет понимание содержания топиков, но и потому, что выявляемые тематические кластеры оказываются более разнообразны. С другой стороны, топики могут включать также информацию о месте и времени действия, различных художественных и стилистических приемах и т.д. По этой причине оценка качества тематических моделей литературных текстов, несмотря на возможность привлечения различных мер качества, должна главным образом осуществляться экспертизой [18].

Вопросы интерпретируемости моделей, построенных на «больших» литературных данных, осложняются тем фактом, что у нас в большинстве случаев не может быть получено референтного экспертного мнения о том, насколько структура построенной модели согласуется с исходными данными – хотя бы просто потому, что ни один литературовед не способен за-

ограниченное экспериментом время прочитать те тысячи текстов, которые были предложены модели для обработки. В этом случае единственными возможными критериями оценки модели становятся: 1) проверка успешности ее работы для конкретных текстов и 2) оценка полученных результатов с точки зрения некоторых общих законов генеральных совокупностей (подобно тому, как нормальность распределения данных в ряде случаев можно считать одним из критериев качественной выборки). Однако на текущем уровне развития методов тематического моделирования и с учетом относительно небольшого опыта применения их к текстам художественной литературы не существует количественных мер, которые позволяли бы однозначно определять, насколько удачно построенная модель отражает тематическое распределение исходного набора текстов.

Поэтому в данном исследовании мы будем придерживаться первого пути – оценки интерпретируемости модели для отдельных текстов в надежде на то, что полученные нами результаты в конечном итоге будут способствовать лучшему пониманию свойств произвольного набора литературных текстов как исследуемой генеральной совокупности.

При анализе тематических моделей будут использованы как термин «топик», так и термин «тема». Первый термин – «топик» – более технический, отсылает к результатам тематического моделирования, т.е. к тем тематическим кластерам, которые были определены автоматически; второй – непосредственно к темам, определяемым экспертизой, если выделение таковых представляется возможным. Как будет показано далее, топик не всегда будет точно описывать тематику литературного произведения; более того, не всегда на основе одного топика выделяется только одна тема – такова особенность материала, поэтому предложенное различие терминов представляется необходимым.

Материал и методика исследования

Данное исследование продолжает серию экспериментов по тематическому моделированию малой русской прозы, выполняемых на материале Корпуса русского рассказа 1900–1930 гг. [6]. Рассказ является наиболее распространенным прозаическим жанром, что позволяет привлекать к исследованию большое количество авторов и их текстов, а тематическое и стилистическое разнообразие рассказов делает их прекрасным материалом для изучения разнообразия тематики литературных произведений [7].

Анализируемый временной период – первые три десятилетия XX в. – представляет для нашей страны эпоху, насыщенную драматическими событиями и социальными преобразованиями. Все входящие в корпус рассказы разделены по дате их написания на три хронологических периода, которые соотносятся со значимыми для страны историческими эпохами [8]: период I – начало XX в. и предвоенные годы (1900–1913 гг.); период II – эпоха войн и революций: Первая мировая война, Февральская и Октябрьская ре-

волюции и последующая за ними Гражданская война (1914–1922 гг.); период III – эпоха становления молодого Советского государства с окончания Гражданской войны до 1930 г. В данной работе мы также будем придерживаться этого разделения.

Другой важной особенностью Корпуса русского рассказа является то, что он создавался не только для проведения разнообразных исследований прозы [7–8], но также и для моделирования «литературно-художественной системы» рассматриваемой эпохи [20–22]. Такой подход подразумевает, что в исследование включают тексты не только всем известных классиков, но и литераторов «второго эшелона», а также малоизвестных и фактически забытых писателей, не отдавая предпочтения отдельным писателям или литературным направлениям [9].

Для проведения этого исследования было решено выйти за пределы аннотированного корпуса, содержащего 310 рассказов 300 разных писателей, существенно (почти в 10 раз) увеличив объем текстового материала. Однако наращение материала было решено осуществлять постепенно – построить модель сначала для 100, потом для 500 и, наконец, для 1 000 текстов для каждого исторического периода, для того чтобы понять, насколько сильно изменяются выделяемые топики и соответствующие им темы при изменении объема выборки. Тем самым косвенным образом решалась задача оценки «сходимости» тематической модели, т.е. ответа на вопрос, возможно ли получить некое обобщенное тематическое распределение, которое уже не будет существенно меняться при увеличении объема выборки.

При отборе текстов для выборок мы старались придерживаться принципа максимальной представительности разных писателей – для выборок в 100 текстов все тексты написаны разными авторами, для выборок большего объема возможны незначительные повторы (по нескольку текстов от одного писателя), что объясняется отсутствием оцифрованных текстов для многих малоизвестных авторов. Материалом для исследования стали тексты, написанные 927 разными авторами, среди которых есть как всемирно известные писатели – нобелевские лауреаты по литературе (И.А. Бунин и М.А. Шолохов), русские «классики» (А.П. Чехов, М. Горький, А. Белый, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, А.А. Блок, Ф.К. Сологуб, И.Э. Бабель, А.С. Серебрякович и др.), менее известные современному читателю литераторы (Н.А. Жаринцова, А.С. Гингер, И.Е. Вольнов, В.А. Мазуркевич, Н.А. Лухманова и др.) и почти забытые в наши дни имена (И.М. Вершинин, Д.И. Крутиков, В.Я. Кокосов, О.И. Слицан и др.). Кроме того, мы старались обеспечить относительно равномерное распределение рассказов по году их написания. Конкретные тексты от каждого писателя отбирались для выборок в случайному порядке, безотносительно к тематике и содержанию. Однако в выборки было решено не включать как достаточно крупные рассказы (больше 10 000 словоупотреблений), так и очень краткие (менее 200 слов). Все отобранные тексты подлежали анализу целиком, вне зависимости от их размера.

Было сформировано 9 выборок: по 100, 500 и 1 000 рассказов в трех временных периодах (1900–1913 гг., 1914–1922 гг., 1923–1930 гг.), при этом выборка в 100 рассказов присутствует и в выборке на 500 текстов, а 500, соответственно, в 1 000. Объемы каждой из выборок в текстах и словоупотреблениях представлены в табл. 1.

Таблица 1
Объемы 9 выборок для проведения исследования в текстах и словоупотреблениях

Параметры выборки	Объем выборки								
	I период (1900–1913)			II период (1914–1922)			III период (1923–1930)		
Код	I–100	I–500	I–1000	II–100	II–500	II–1000	III–100	III–500	III–1000
Тексты	100	500	1000	100	500	1000	100	500	1000
Слова	369113	1820446	3564493	321693	1355994	2702207	302682	1516696	2541865

Поскольку предобработка текстов оказывает значительное влияние на результирующую тематическую модель, было принято решение провести ее в нескольких вариантах, с тем чтобы определить оптимальную. Все рассказы были лемматизированы с помощью библиотеки spacy [23], из текстов были удалены все имена собственные и стоп-слова. Дополнительно были использованы четыре варианта фильтрации: П1 – без частеречных фильтров, П2 – с фильтрами «существительное», «глагол», «прилагательное» (таким образом, при построении моделей были использованы только эти три части речи), П3 – с фильтрами «существительное» и «глагол», П4 – с единственным фильтром «существительное».

Из лемматизированных текстов удалялись стоп-слова по дополнительному словарю. Были собраны в единый токен биграммы, которые встречаются в текстах выборки не менее четырех раз. Из текстов также удалялись слова, встречающиеся менее чем в шести документах и более чем в 80% корпуса. Процедура обучения модели и извлечения списка топиков со словами и распределения рассказов по топикам повторялась для девяти выборок, предобработанных в четырех вариантах. Полученные тематические распределения были сохранены в 36 текстовых документов с топиками и таблицы с распределением рассказов по топикам.

Тематическое моделирование материала. В настоящее время разработано значительное количество как методов тематического моделирования (LSA, pLSA, STM, CTM, NMF и др.), так и их имплементаций (MALLET, BigARTM, Stanford Topic Modelling Toolbox, gensim, tomotopy и др.) [24–26]. Однако наиболее популярным является метод латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA) в имплементации gensim [27].

Метод латентного размещения Дирихле, или LDA, представляет собой мультиноминальную порождающую (генеративную) вероятностную модель

[24, 28]. Согласно данной модели корпус текстов рассматривается как смесь случайных топиков, распределение которых соответствует размещению Дирихле [29. С. 226–228]. Каждый документ в коллекции описывается набором скрытых семантических структур – топиков, складывающихся из слов, составляющих его с некоторой степенью вероятности. На документ может приходиться неограниченное количество топиков, поэтому говорят, что «документы описываются семейством распределений тем» [26. С. 223]. Получается, что одна тема характеризует документ не только с некоторой долей вероятности, но и в пропорциональном соотношении может составлять большую или меньшую часть документа. Количество топиков, которое необходимо найти в текстовой коллекции, предопределено пользователем, с одной стороны, либо высчитано статистически – с другой, и равно k [30].

В нашем исследовании для построения тематических моделей использовался алгоритм LDA, реализованный в библиотеке gensim [27]. Оптимальное количество топиков для каждой выборки определялось автоматически. Количество топиков считалось оптимальным, если при нём когерентность оказывалась наиболее высокой. Для подсчёта метрики использовалась функция CoherenceModel из модуля models библиотеки gensim [31]. Диапазон количества топиков при вычислении когерентности – от 10 до 45; метрика вычислялась при построении моделей в цикле с шагом в 5 топиков. Из построенных моделей выбиралась модель с наибольшим значением когерентности. Рекомендуемое количество топиков для построения тематической модели, и их соответствие выборкам и времененным периодам было описано в [32]. Именно с такими настройками извлекались распределение слов по топикам и распределение топиков по документам.

Автоматически выявленные топики представляют собой списки из десяти «ключевых» слов, отсортированных по убыванию вероятности их принадлежности к топику. Например, топик № 7 из модели, построенной для III-1000, представляет собой семантически однородное множество слов, с соответствующими вероятностями: 'корабль', 0.015305743; 'пароход', 0.014277308; 'море', 0.01387377; 'палуба', 0.010964184; 'вода', 0.010195338; 'ветер', 0.009966294; 'волна', 0.009912074; 'капитан', 0.008349794; 'берег', 0.00815364; 'океан', 0.0073074135.

Абсолютные значения таких вероятностей (и даже порядок этих значений) варьируются от топика к топику, поэтому, к примеру, соотносить все первые слова топиков как в целом наиболее вероятные было бы не вполне корректно. В этой работе мы не даем каждому из топиков специального названия¹, а используем для идентификации лишь его порядковый номер в построенной модели, который, впрочем, должен быть отнесен скорее к номинальной шкале, чем к порядковой, т.е. величина номера топика никак не связана с его качеством и интерпретируемостью.

---

¹ Назначение меток топикам – это отдельная содержательная задача.

Помимо распределения слов по топикам тематическая модель назначает каждому тексту (в нашем случае, рассказу) и список таких топиков с соответствующими им вероятностями. То есть для каждого рассказа обычно выделяется несколько топиков. Например, для рассказа И.С. Соколова-Микитова «Морской ветер» из выборки III-1000 таких топиков получено три, но наибольшей вероятностью (0,628837) характеризуется только что рассмотренный топик №7. Соответственно, можно получить и список рассказов, в которых этот топик был обнаружен с относительно высокой вероятностью.

Результаты применения тематического моделирования для нашего материала и то, какие тематические модели можно считать наиболее типичными для русского рассказа начала XX в., были описаны в статье [33]. Эти аспекты в данной работе не рассматриваются. Сосредоточим свое внимание на вопросах оценки и интерпретируемости полученных моделей.

Методы оценки и интерпретации моделей. Для оценки адекватности модели представляется целесообразным учитывать два аспекта: во-первых, насколько интерпретируемы получившиеся топики и, во-вторых, как хорошо топики описывают коллекцию документов. С одной стороны, сделать это можно, используя ряд статистических мер, а с другой – привлекая экспертов. Среди статистических мер оценки качества тематических моделей наиболее популярными являются перплексия (*perplexity*) и когерентность (*coherence*) [33].

Среди экспертных подходов к оценке качества тематического моделирования, когда оценка согласованности модели и ее интерпретируемость опираются на суждения людей, можно отметить как непосредственное привлечение экспертом для чтения текстов и сопоставления результатов с представленными топиками, так и метод интрузий. Выделяют словесную интрузию (*word intrusion*) и тематическую (*topic intrusion*) [34]. Эта методика нацелена на поиск экспертом «лишних» слов или «лишних» топиков соответственно. Если данное слово или топик были верно определены экспертом, то это свидетельствует о более высокой связности модели, и наоборот.

Поскольку меры автоматической оценки часто оказываются несоотносимыми с понятием интерпретируемости моделей [18, 35], более важной при анализе художественных текстов выступает экспертная оценка, причем предполагающая непосредственное прочтение текстов. Это связано с тем, что тема в художественном произведении часто задается не в начале, а по мере развертывания сюжетных действий. Как правило, к процедуре подобной оценки привлекаются несколько человек, которым предлагается список критерииев для оценки топиков на предмет их интерпретируемости, соотносимости с какой-то, по их мнению, тематической категорией. Для анализа художественных текстов кажется целесообразным использовать именно такую оценку тематической модели, поэтому она была задействована в описываемом нами эксперименте. Метод интрузий к исследованию не привлекался, так как он не позволяет в полной мере оценить соответствие автоматически полученных топиков собственно содержанию исследуемых текстов.

В нашем исследовании экспертная оценка интерпретируемости топиков осуществлялась в два этапа, которые далее будут рассмотрены более подробно. Цель первого этапа состояла в том, чтобы определить, какой из вариантов предобработки текстового материала позволяет получить модель с лучшими интерпретационными свойствами, с тем чтобы именно эту модель использовать на втором этапе эксперимента. Эксперты работали только с конечными топиками, без обращения к самим текстам рассказов, а оптимальным вариантом предобработки был выбран тот, который позволил дать максимальную долю интерпретируемых топиков.

На втором этапе исследования были отобраны топики, которые были сочтены интерпретируемыми всеми тремя экспертами, после чего уже другими экспертами, с привлечением литературоведа, оценивалось их соответствие конкретным рассказам по трехуровневой шкале: 1) полностью соответствует; 2) частично соответствует; 3) абсолютно не соответствует.

Рассмотрим полученные результаты.

Экспертная оценка интерпретируемости топиков

Экспертами на первом этапе эксперимента были студенты-филологи, задачей которых ставилась параллельная независимая оценка интерпретируемости всего множества топиков, полученных для всех 36 построенных моделей. Эксперты просматривали получившиеся темы без обращения к текстам рассказов и должны были оценить каждый из топиков по бинарной шкале: интерпретируемое vs неинтерпретируемое. Параллельно с одним и тем же материалом работали три эксперта, что позволило получить по три независимых оценки для каждого топика. Экспертам предписывалось считать топик интерпретируемым, если он проходит хотя бы по одному из следующих критерии:

1. *Семантическая связность слов (термов), составляющих топик*: если абсолютное большинство слов, образующих топик, относится к одному и тому же семантическому полю или к смежным семантическим полям, то топик считается интерпретируемым. Пример такого топика, относящегося к морской тематике, был приведен выше. При этом допускалось, что 1–2 слова топика могут выбиваться из общего ряда, если в остальном предполагаемая тематика эмпирически уздана. По такому критерию, например, можно считать интерпретируемым топик № 2 выборки I-100, в котором явственно прослеживается тема смерти и, возможно, похорон, но при этом присутствует и одно «лишнее» слово – 'игра', которое не кажется его логичной частью: 'гроб', 0.00398, 'склеп', 0.00351, 'игра', 0.00182, 'страшный', 0.00181, 'пожар', 0.00153, 'покойник', 0.00148, 'страх', 0.00127, 'ужас', 0.00126, 'испытать', 0.00122, 'ночь', 0.00123.

2. *Нarrативная связность термов, составляющих топик*: если на основе составляющих топик слов можно построить правдоподобный рассказ или фрагмент рассказа, т.е. выстроить некий нарратив. Например, по этому

критерию один из экспертов оценил топик № 14 выборки II-1000 как интерпретируемый, поскольку из составляющих его слов можно построить вполне связное повествование о семье, которая незадолго до Рождества присутствует на концерте или балете: 'ёлка', 0.04234, 'паж', 0.03037, 'пианист', 0.01558, 'ребёнок', 0.01383, 'ёлочка', 0.01348, 'актриса', 0.01049, 'девочка', 0.00988, 'сочельник', 0.00958, 'мамочка', 0.00954, 'балет', 0.00818.

3. *Высокая тематическая плотность словарного состава топика*: если слова обладали высокой тематической связностью (т.е. эксперт как опытный читатель мог ассоциировать слова с определенной тематикой художественного текста), то топик принимался как интерпретируемый. При этом из общего семантического ряда допускалось выпадение до 3–4 слов с относительно невысокими вероятностями. Поясним на примере топика № 12 из выборки III-500: 'девушка', 0.007, 'быт', 0.005, 'мат', 0.004, 'ребята', 0.003, 'мода', 0.003, 'советский', 0.003, 'стыд', 0.003, 'губа', 0.003, 'дискуссия', 0.003, 'вопрос', 0.003. Большинство слов топика можно условно отнести к некой бытовой конфликтной ситуации советского периода, при этом 'губа' и 'мода' несколько выпадают из этой темы. Впрочем, если вероятность таких нерелевантных слов оказывалась выше релевантных, то топик к интерпретируемым не относился.

Выделение дополнительных критериев для оценки интерпретируемости топиков кажется необходимым ввиду специфики материала (как правило, чаще всего используется первый метод – оценка семантической связности термов). При анализе художественных произведений исследователь часто сталкивается с проблемой лексической неоднозначности, с одной стороны, и сюжетности – с другой. Как следует из [15] и [14], топик может объединять произведения на уровне общих сюжетных элементов и литературных приемов. Например, тема смерти может быть выражена как «гаснущее сознание», а революция и постановка спектакля – как игра.

Насколько разные варианты предобработки текстов повлияли на итоговые результаты исследования, было подробно описано в статье [32]: с точки зрения процента наиболее интерпретируемых топиков наиболее удачным (в среднем 25% топиков) оказался вариант предобработки без частеречных фильтров. Результаты именно этой модели стали материалом для следующего эксперимента.

Интерпретируемые топики и их соответствие литературному тексту

Ключевой задачей исследования стало выяснение того, в какой мере топики, признанные всеми тремя экспертами как интерпретируемые, соответствуют тому литературному материалу, который призваны описывать. Тематическая модель с предобработкой без частеречных фильтров дала в совокупности 265 топиков. Из всего этого множества автоматически полученных топиков только 24 (или 9%) были признаны интерпретируемыми по своему лексическому наполнению. Для каждого из этих топиков были отобраны документы (рассказы) с наибольшей степенью вероятности попадания относиться

к теме, выраженной этим топиком¹. В результате было отобрано 127 документов (122 уникальных рассказа)², которые оценивались на степень соответствие топику. В эксперименте приняли участие два эксперта-литературоведа, которые должны были прочитать все 127 текстов³ и оценить соответствие назначенным им топикам по трехуровневой шкале: 1) полностью соответствует; 2) частично соответствует; 3) абсолютно не соответствует.

При этом оценке подлежало не столько наличие слов топика в самом тексте литературного произведения, сколько смысловое соответствие топика содержанию рассказа. То есть если слова топика ожидали предполагают некоторую тему, но суть рассказа ей не соответствует, то этот топик следовало считать не соответствующим рассказу, даже если в нем присутствуют все слова, образующие содержание топика. Например, описанный топик № 7 ассоциируется с каким-то морским плаванием, при этом если в тексте «море» и другие слова топика упоминаются, но не являются значимыми для сюжета или даже противоречат ему, топик оценивался как не соответствующий тексту.

Содержание всех проанализированных 24 топиков и рассказы, к которым эти топики относятся, приведены в табл. 2⁴. Любопытно распределение интерпретируемых топиков по периодам: в самый ранний, довоенный, период наблюдается максимальное количество этих топиков – 12, в военно-революционный – 7, а в раннесоветский – всего 5. Это косвенным образом свидетельствует о том, что тексты, написанные в начале XX в., являются лексически и, соответственно, тематически более разнообразными.

Таблица 2
Интерпретируемые топики и количество предписанных им текстов (N)

Выборка	Интерпретируемые топики		N
	№	Содержание	
I-100	0	село, мужик, народ, поле, ребёнок, старый, гора, дом, вода, церковь	7
	11	озеро, вода, лес, берег, крик, крыло, прелесть, рассвет, безумный, взгляд	1
	14	мир, век, мечта, вера, душа, народ, великий, дух, верить, умирать	1
	15	смерть, страшный, тихий, последний, тело, мужик, сердце, охота, умирать, душа	3

¹ Напомним, что каждому топику – ввиду выполняемой в ходе тематического моделирования «мягкой» кластеризации – соответствуют все рассказы исследуемой коллекции с некоторой степенью вероятности.

² Поскольку выборки были вложенными (рассказы из выборок меньшего объема включались в выборки большего объема), одни и те же рассказы могли составить документы топиков, полученных в результате тематического моделирования смежных выборок одного периода.

³ Ввиду большого объема текстов каждый рассказ был прочитан только одним экспертом.

⁴ Для сокращения объема слова приводятся в таблице без соответствующих вероятностей.

Выборка	Интерпретируемые топики		N
	№	Содержание	
I-500	4	лебедь, озеро, вода, лес, лебеди, прелесть, берег, рассвет, крыло	1
	5	красивый, мак, любовь, красный, хмель, вид, песня, старый, звук, полянка	1
	35	шапка, дьякон, арестант, казак, земля, тюрьма, дядя, степь, смотреть, надзиратель	10
I-1000	2	гроб, склеп, игра, страшный, пожар, покойник, страх, ужас, испытать, ночь	1
	5	любить, жена, ребёнок, сидеть, дом, муж, спросить, комната, отец, минута	9
	8	матрос, старший_офицер, доктор, благородие, капитан, боцман, каюта, тюрьма, ватсекобродие, смотритель	10
	11	вагон, поезд, станция, полковник, паровоз, платформа, машинист, поручик, роза, телеграфист	10
	12	солдат, офицер, поручик, рота, пуля, японец, полк, выстрел, раненный, благородие	10
II-100	2	карта, жена, клуб, игра, стол, деньги, час, рубль, кабинет, сидеть	1
	33	солнце, весенний, весна, нежный, яркий, душа, память, сверкать, луч, тепло	1
	34	стоять, час, бутылка, минута, улыбаться, чашка, здоровье, приятель, любить, пить	1
II-500	8	господь, рай, земля, угодник, святой, весёлый, быть, спросить, смотреть	2
	37	солдат, немец, пленник, полковник, лес, товарищ, спросить, сторона, рота, начать	10
II-1000	5	товарищ, рабочий, толпа, гражданин, город, улица, совет, партия, владыка, москва	10
	14	солдат, казак, немец, окоп, офицер, генерал, раненый, поручик, бой, винтовка	10
III-100	3	командир, комиссар, фронт, красный, земля, штаб, лететь, вагон, полк, работа	5
	21	кружок, выступление, победа, слава, молодёжь, вечер, последний, клуб, школа, предложить	1
III-500	23	яйцо, мать, потомство, икра, детёныш, жизнь, рыба, развиваться, матка, самка	5
	41	разведчик, дозор, рота, взвод, командир, противник, неизвестный, ребят, позиция, пулемёт	7
III-1000	7	корабль, пароход, море, палуба, вода, ветер, волна, капитан, берег, океан	10
Итого			127

Результаты экспертной работы выявили следующие процентные соотношения документов к общему количеству документов по степени их соответствия заявленной тематике: для 66 документов (52%) обнаруживается полное соответствие топику, для 30 документов (24%) – частичное и для 31 (24%) соответствие отсутствует (табл. 3). Что касается распределения по периодам, хотя бы частичное соотнесение топика и текстов оказалось возможным, вне зависимости от объема выборки, для 78% документов первого периода, 80% документов второго периода и 57% документов третьего периода.

Таблица 3

Распределение количества документов по разным вариантам соответствия с топиками

Вы- борка: период- объем	Количество анализируе- емых доку- ментов	Полное	Соответствие теме				
			% от коли- чества ото- бранных доку- мен- тов	Частичное	% от ко- личества отобра- нных доку- мен- тов	Полное несоответ- ствие	% от ко- личества отобра- нных доку- мен- тов
I-100	12	9	75	2	17	1	8
I-500	12	3	25	5	42	4	33
I-1000	40	27	68	4	10	9	23
II-100	3	3	100	0	0	0	0
II-500	12	4	33	5	42	3	25
II-1000	20	11	55	5	25	4	20
III-100	6	4	67	2	33	0	0
III-500	12	2	17	2	17	8	67
III-1000	10	3	30	5	50	2	20
<i>Итого</i>	127	66		30		31	

Для большинства рассказов было обнаружено соответствие тематики, выявленной автоматически, и той, что определяется путем непосредственного прочтения текста. Как правило, эти тексты имеют высокую степень вероятности попадания (0,7–0,9), но встречаются также и рассказы, которые, несмотря на относительно низкую вероятность, тоже можно считать совпадающими с выявленными топиками: например, это рассказ В.Д. Хасидовича «Огоньки» с вероятностью 0,3 или произведение А.С. Новикова-Прибоя «Пошлили» (0,4).

Определённые для большинства рассказов топики позволяют определить темы рассказов и отчасти предсказать происходящее в текстах без их прочтения. Один из таких – «Материнство в царстве животных» С.В. Покровского, где подробно описывается процесс рождения рыб, муравьёв, жуков и других животных; соответственно, выделенные для него слова ('яйцо', 'мать', 'потомство', 'икра', 'детёныш', 'жизнь', 'рыба', 'развиваться', 'матка', 'самка') отлично коррелируют с содержанием рассказа и могут использоваться для предварительных выводов о его тематике. Другой пример – рассказ А.П. Матвеева «Красные маки»: по словам 'красивый', 'мак', 'любовь', 'красный', 'хмель', 'вид', 'несня', 'старый', 'звук', 'полянка' можно понять, о чём будет текст: повествователь, глядя на маки, описывает свои чувства.

Тем не менее такая предсказуемость характерна далеко не для всех рассказов. В некоторых текстах действительно присутствуют все выделенные

методом тематического моделирования слова, но точно проинтерпретировать содержание по ним нельзя. Например, рассказу С.Г. Петрова «В склепе» соответствуют слова 'гроб', 'склеп', 'игра', 'страшный', 'пожар', 'покойник', 'страх', 'ужас', 'испытать', 'ночь', которые позволяют составить представление о происходящем в тексте, однако слово «пожар» вводит в заблуждение: можно предположить, что в рассказе кто-то погиб из-за пожара или что пожар произошёл в склепе. На самом деле это слово используется для описания характера одного из героев, который любил пожары, в то время как на сюжет рассказа непосредственно пожар не влияет. Примечательно, что этот топик оказался дискутабельным и на первом этапе эксперимента (см. выше), но тогда экспертами отмечалась нерелевантность слова «игра».

Еще один типичный сложный случай можно представить на примере рассказа В.В. Брусянина «На лыжах», который был отнесен моделью к топику со следующим содержанием: 'товарищ', 'рабочий', 'толпа', 'гражданин', 'город', 'улица', 'совет', 'партия', 'владыка', 'Москва'. Действительно, все приведённые слова, кроме двух последних, присутствуют в тексте и отражают тематику происходящего. Однако в этом в рассказе говорится о революционных событиях и внутрипартийных отношениях в Финляндии, когда она еще входила в состав Российской империи. Представляется, что для раскрытия сюжета принципиально важно было бы указать место действия рассказа, определить которое из этих слов не невозможно. Более того, возникает ложная гипотеза, что действие рассказа как-то связано с Москвой.

Также интересно посмотреть на рассказ Б.Л. Тагеева «Жемчужный паук». Ему была приписана тема 7 (III-1000): 'корабль', 'пароход', 'море', 'надуба', 'вода', 'ветер', 'волна', 'капитан', 'берег', 'океан'. Несмотря на то, что они частично совпадают со словами, присутствующими в тексте, рассказ нельзя считать соответствующим топику, так как произведение не связано с морскими путешествиями, как можно было бы ожидать, а относится скорее к производственной тематике: в нём повествуется о японских ныряльщиках, труд которых эксплуатируется капиталистами. Поэтому топик был признан «частично соответствующим» рассказу.

Кроме того, выделенные для некоторых рассказов слова не всегда присутствуют в тексте. Однако это не мешает определению общей тематики произведения. Например, для рассказа И.В. Гриневской «Старушка» топик составляют следующие вероятные слова: 'любить', 'жена', 'ребёнок', 'сидеть', 'дом', 'муж', 'спросить', 'комната', 'отец', 'минута'. Между тем в тексте произведения присутствуют лишь те из них, которые соответствуют описанию жизни героини с мужем, их быта. Тем не менее этого достаточно для совпадения просматриваемой в топике общей семейной тематики с тем, что определяется как содержание рассказа при знакомстве с его полным текстом.

Помимо удачных соответствий выделенных слов рассказам, встречаются как менее подходящие варианты, так и случаи полного «непопадания» топика, определенного при тематическом моделировании как вероятного, в

содержание рассказа. Даже если вероятность попадания рассказа в тему высока, иногда они никак не коррелируют друг с другом и производят впечатление случайного попадания в топик. Например, рассказ Е. Гуро «В парке» представляет собой бессюжетную зарисовку о дачной прогулке, в то время как слова топика ['вагон', 'поезд', 'станция', 'полковник', 'паровоз', 'платформа', ' машинист', 'поручик', 'роза', 'телеграфист'] абсолютно не соответствуют его содержанию, а значение вероятности высоко (0,9). То же самое можно сказать про рассказ С.С. Юшкевича «Как живет и работает Семен Юшкевич»: согласно модели этот текст с вероятностью 0,9 попадает в топик ['разведчик', 'дозор', 'рота', 'взвод', 'командир', 'противник', 'неизвестный', 'ребята', 'позиция', 'пулемёт'], хотя на самом деле он никак не связан с военными действиями – в тексте описывается процесс интервью, которое берут у рассказчика. Можно высказать предположение, что такое яркое несоответствие топика рассказу связано, скорее всего, с его длиной: слишком короткие тексты попадают в топик как вероятные из-за случайного присутствия в них хотя бы одного слова из этого топика и рассчитываются как высоковероятные исключительно благодаря тому, что в рассказе мало других слов.

В качестве примера того, насколько разные по тематике рассказы могут быть приписаны к одному топику, рассмотрим два произведения, отнесенных моделью к топику ['шапка', 'дьякон', 'арестант', 'казак', 'земля', 'тюрьма', 'дядя', 'степь', 'смотреть', 'надзиратель'] с вероятностями 99 и 34% соответственно. В рассказе З.Б. Осетрова «Казачий пикет» сюжет построен на повествовании о взаимоотношениях казаков; в центре повествования – шапка, которую один казак хочет купить у другого, никаких тюремных мотивов в тексте не просматривается. А рассказ П.Ф. Якубовича «Любимцы каторги», напротив, содержит другую часть слов топика, как раз связанную с темой тюремы: речь в нём идет о доброте в тюремной жизни.

В целом результаты проведенного эксперимента можно считать неплохими. Они свидетельствуют о том, что если топик отвечает критериям семантической «цельности», то более чем в половине случаев его можно считать хорошо соответствующим тексту, а в $\frac{3}{4}$ случаев – хотя бы частично соответствующим. Тем не менее около четверти всех полученных тематических кластеров можно считать случайными.

Корреляция между долями хорошо соответствующих топику рассказов и размером выборки не просматривается. Однако можно предположить, что интерпретируемость тематической модели, обученной на наборе текстов, зависит не только от рассмотренных вариантов предобработки, но и от лексической и стилистической однородности анализируемого набора текстов – для более стилистически разнородных коллекций текстов (в нашем случае это проза раннесоветского периода) необходимы большие выборки. Увеличение объема выборки позволяет увеличить и описательную способность модели ввиду соответствующего увеличения тематической дескриптивности текстов: литературные темы склонны повторяться от произведения к произведению (см. «вечные» темы [36]), следовательно, чем больше текстов

включено в выборку, тем больше вероятность уловить более точно их тематическое разнообразие.

Заключение

Главной целью проведенного исследования стало выяснение того, насколько адекватно семантически целостные и интерпретируемые топики, полученные в результате построения тематической модели, отражают какие-либо из содержательных аспектов литературного произведения малой прозаической формы (персонажей, сюжет, фон повествования и др.). С этой точки зрения результаты эксперимента можно считать вполне успешными, так как автоматически выделенные темы для более половины (52%) всех отобранных документов (рассказов) были признаны экспертами соответствующими им в полной мере, а еще 24% – соответствующими частично; и только оставшиеся 24% дают нерелевантный результат. Таким образом, 76% всех интерпретируемых топиков действительно представляют собой не просто набор статистически выделяющихся на данном подмножестве текстов слов, но и имеют непосредственное отношение к содержанию рассказа. Полученный результат можно считать весьма позитивным, поскольку до настоящего времени качественных исследований соответствия топиков литературным текстам не проводилось, более того высказывались сомнения о целесообразности применимости методов тематического моделирования к художественным текстам.

В этой связи несмотря на то, что точное содержание некоторых рассказов не удалось определить, метод тематического моделирования позволил достаточно точно выявить типичные для коллекции рассказов топики без их прочтения, что даёт возможность группировать тексты по тематикам и делать выводы о появлении и развитии той или иной темы во времени. Поэтому эксперименты с тематическим моделированием прозы безусловно стоит продолжать.

При этом нужно иметь в виду, что проведенный эксперимент базировался не на всем множестве построенных моделями топиков на основе выборок разных размеров (которых было получено для оптимального варианта предобработки 265) и не на всем множестве документов (рассказов), а только для 24 топиков (что составляет всего 9%), которые были признаны интерпретируемыми одновременно тремя экспертами с точки зрения семантической цельности составляющих их слов.

Поскольку процесс «отсея» семантически неоднородных групп слов, который был реализован на этапе первого эксперимента, представляет собой значительно более простую задачу, чем экспертное прочтение тысячи текстов, можно предложить использованную методику как рабочую для отбора адекватных топиков на «больших» литературных данных. Фильтрацию семантически неоднородных групп можно проводить или, как в нашем эксперименте, экспертным путем, или подключать специальные модули семантического анализа, базирующиеся на представительных неспециализированных

онтологиях. После этого можно предполагать, что топики, прошедшие критерий семантической целостности, будут хорошо соответствовать приписанным им рассказам с вероятностью 75%. Для автоматической обработки литературного материала это представляется вполне хорошим результатом.

При этом остается нерешенным вопрос, сколько топиков, которые на первом этапе исследования не были признаны интерпретируемыми и поэтому не включались во второй эксперимент, в той или иной мере описывают содержание соответствующих им рассказов. Ответ на этот вопрос еще ждет своего решения – он требует эксперимента, подобного тому, который был описан в последнем разделе статьи.

Результаты экспериментов показали, что на соответствие топика рассказу влияют и некоторые характеристики самих текстов. Так, было замечено, что среди рассказов с нерелевантными топиками есть значительное количество текстов совсем небольшого размера. Поэтому можно предположить, что размер рассказа может влиять на качество построенных для него моделей. Для изучения этого вопроса необходимо провести специальное исследование. Также можно выдвинуть гипотезу, что топики, построенные для «описательных» рассказов, будут получать лучшие оценки от экспертов, чем топики для динамичных текстов, насыщенных событиями.

Следует отметить, что наше исследование не дает окончательного ответа на вопрос, что в конечном итоге могут описывать полученные топики. Поскольку на каждый из рассказов может быть получено по несколько автоматических топиков, очевидно, собственно содержание рассказа надо искать в совокупности этих элементов, в то время как в данной работе топики рассматривались изолированно, сами по себе. Продолжение этой работы – в будущих исследованиях.

Итак, несмотря на ряд проблем, обусловленных особенностями художественного текста как материала для компьютерного анализа, тематические модели, построенные на литературных корпусах, могут стать инструментом для проведения как филологических, так и лингвистических исследований. Во-первых, как уже было отмечено, художественное произведение представляет собой некоторую компрессию действительности. И тема в этом смысле оказывается в фокусе нашего внимания, поскольку отражает, какие части этой действительности (т.е. образы и характеры, примеры взаимодействия с другими людьми, обществом и природой и т.д.) попадают в поле зрения автора [36]. Однако текст неизбежно содержит и «глубинные», или «подтекстовые», темы, что создает трудности при интерпретации, в том числе и традиционной [37].

Тематическая модель же, напротив, должна позволить уравновесить, усреднить эти расхождения, более объективно описать художественную реальность – через языковые и стилистические особенности текстов, которые могут, в свою очередь, указывать на ряд сюжетных и тематических отличительных характеристик литературного корпуса. Деформируется и ее конечная цель, так как, применяя тематическое моделирование к художественным

произведениям, мы стремимся не только описать их содержательную сторону, но и на основе полученных результатов приблизиться к более глобальной идее – моделированию национальной литературы как целостной системы [38].

В заключение стоит отметить, что хотя современные алгоритмы автоматического тематического анализа уступают по качеству экспертному выявлению тем, предполагающему медленное чтение специалистом каждого отдельного рассказа, компьютерные методы необходимо развивать и оптимизировать для решения задач, связанных с обработкой больших данных. В дальнейшем видится важным продолжение разработки проблемы приближения результатов тематического моделирования к тому, что понимается под «темой» художественного произведения. Есть основание предполагать, что более соответствующее тематическое описание текста можно получить, комбинируя тематическое моделирование с другими методами автоматической обработки текстов. Например, изложение именованных сущностей позволит получить схематическое представление о том, где происходит действие рассказа, что может быть существенно для его понимания. А анализ тональности мог бы позволить выявлять наиболее эмоционально насыщенные – «драматические» – фрагменты текста и связанные с ними темы (топики). Таким образом, представляется, что будущее тематического моделирования для обработки больших литературных данных состоит в разработке гибридных моделей с привлечением ряда других методов автоматической обработки текста.

Список источников

1. Sherstina T., Mitrofanova O., Skrebtsova T., Zamiraylova, E., Kirina M. Topic Modelling with NMF vs. Expert Topic Annotation: The Case Study of Russian Fiction // Advances in Computational Intelligence: 19th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2020. P. 2. 2020. Vol. 12469. P. 134–152.
2. Jockers M.L., Mimno D. Significant themes in 19th-century literature // Poetics. 2013. Vol. 41, № 6. P. 750–769.
3. Jautze K., Cranenburgh A. van, Koolen C. Topic modeling literary quality // Digital Humanities. Conference Abstracts. 2016. P. 233–237.
4. Schöch C. Topic modeling genre: an exploration of French classical and enlightenment drama // Digital Humanities Quarterly. 2017. Vol. 11, № 2. doi: 10.48550/arXiv.2103.13019 (дата обращения: 01.05.2021).
5. Navarro-Colorado B. On Poetic Topic Modeling: Extracting Themes and Motifs From a Corpus of Spanish Poetry // Frontiers in Digital Humanities. 2018. Vol. 5, № 15. doi: 10.3389/fdigh.2018.00015
6. Митрофанова О.А. Исследование структурной организации художественного произведения с помощью тематического моделирования: опыт работы с текстом романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова // Корпусная лингвистика 2019. СПб., 2019. С. 387–394.
7. Корпус русского рассказа 1900–1930. URL: <https://russian-short-stories.ru/> (дата обращения: 05.12.2022).
8. Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю., Мельник А.Г., Попова Т.И. Методологические проблемы создания Компьютерной антологии русского рассказа как языкового ре-

курса для исследования языка и стиля русской художественной прозы в эпоху революционных перемен (первой трети XX века) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. СПб. : НИУ ИТМО, 2018. № 2. С. 97–102.

9. *Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю., Попова Т.И., Мельник А.Г., Замирайлова Е.В.* О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века // Труды XV Международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике «TEL 2018». Казань, 2018. С. 180–197.

10. *Sherstinova T., Martynenko G.* Linguistic and Stylistic Parameters for the Study of Literary Language in the Corpus of Russian Short Stories of the First Third of the 20th Century // R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics, Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019), Saint Petersburg, Russia, November 27, 2019, CEUR Workshop Proceedings. 2020. Vol. 2552. P. 105–120. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2552/>

11. *Zamiraylova E., Mitrofanova O.* Dynamic topic modeling of Russian fiction prose of the first third of the 20th century by means of non-negative matrix factorization // Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019). 2020. Vol. 2552. P. 321–339.

12. *Skrebtssova T.G.* Thematic Tagging of Literary Fiction: The Case of Early 20th Century Russian Short Stories // International Conference «Internet and Modern Society» (IMS-2020). CEUR Workshop Proceedings, 2021. P. 265–276.

13. *Sherstinova T., Kirina M.* Normalization Issues in Digital Literary Studies: Spelling, Literary Themes and Biographical Description of Writers // Alexandrov D.A. et al. Digital Transformation and Global Society. DTGS 2021. Communications in Computer and Information Science. Vol. 1503. Cham, 2022. P. 332–346. doi: 10.1007/978-3-030-93715-7_24

14. *Gryaznova E., Kirina M.* Defining Types of Violence: Comparing Topic Modeling with Latent Dirichlet Allocation and Principal Component Analysis for Russian Short Stories from the 1900s to the 1930s // Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» 2021. P. 281–290.

15. *Кирина М.А.* Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 93–109. doi: 10.25205/1818-7935-2022-202-93-109

16. *Rhody L.M.* Topic Modelling and Figurative Language // Journal of Digital Humanities. 2012.

17. *Da N.Z.* The computational case against computational literary studies // Critical Inquiry. 2019. Vol. 45, № 3. P. 601–639.

18. *Uglanova I., Gius E.* The Order of Things. A Study on Topic Modelling of Literary Texts // Proc. of the CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research, CEUR Workshop Proceedings. 2020. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2723/long7.pdf>.

19. *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Щеглов Ю.К. Избранные труды / сост. А.К. Жолковский, В.А. Щеглова. М. : РГГУ, 2013. С. 37–78.

20. *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. Л. : Прибой, 1929.

21. *Мартыненко Г.Я.* Основы стилеметрии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.

22. *Мартыненко Г.Я.* Методы математической лингвистики в стилистических исследованиях. М. : Нестор-История, 2019.

23. *Honnibal M., Montani I.* spaCy 2: Natural language understanding with Bloom embeddings, convolutional neural networks and incremental parsing. 2017. URL: <https://spacy.io/models/ru> (дата обращения: 01.05.2021).

24. *Blei D.M., Ng A.Y., Jordan M.I.* Latent Dirichlet allocation // The Journal of machine Learning research. 2003. Vol. 3. P. 993–1022.

25. Daud A., Li J., Zhou L. et al. Knowledge discovery through directed probabilistic topic models: a survey // *Front. Comput. Sci.* China. 2010. T. 4, № 3. P. 280–301. doi: 10.1007/s11704-009-0062-y
26. Митрофанова О.А. Моделирование тематики специальных текстов на основе алгоритма LDA // XLII Международная филологическая конференция. 11–16 марта 2013 г. Избранные труды. СПб., 2014.
27. Řehůřek R., Sojka P. Software framework for topic modelling with large corpora // Proceedings of the LREC 2010 workshop on new challenges for NLP frameworks. 2010.
28. Blei D.M. Probabilistic topic models // *Communications of the ACM*. 2012. Vol. 55, № 4. P. 77–84.
29. Коршунов А., Гомzin А. Тематическое моделирование текстов на естественном языке // Труды Института системного программирования РАН. 2012. № 23.
30. Kherwa P., Bansal P. Topic modeling: a comprehensive review // EAI Endorsed transactions on scalable information systems. 2020. Vol. 7, № 24.
31. Röder M., Both A., Hinneburg A. Exploring the Space of Topic Coherence Measures // Proceedings of the eighth International Conference on Web Search and Data Mining, 2015.
32. Sherstnova T., Kirina M., Zavyalova I., Karysheva A., Kolpashchikova E., Maksimenko P., Moskalenko A., Moskvina A., Кирина М.А. Topic Modeling of Literary Texts Using LDA: On the Influence of Linguistic Preprocessing on Model Interpretability // 2022 31st Conference of Open Innovations Association (FRUCT). Vol. 32. IEEE, 2022. P. 305–312.
33. Шерстнова Т.Ю., Москвина А.Д., Кирина М.А. Тематическое моделирование русского рассказа 1900–1930: наиболее частотные темы и их динамика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022». 2022. Вып. 21. С. 512–526.
34. Chang J., Gerrish S., Wang C., Boyd-Graber J.L., Blei D.M. Reading tea leaves: how humans interpret topic models // *Adv. Neural Inf. Process. Syst.* 2009. Vol. 22. P. 288–296.
35. Воронцов К.В., Фрей А.И., Анишев М.А., Потапенко А.А. Тематическое моделирование в BigARTM: теория, алгоритмы, приложения. 2015. URL: <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/b/bc/Voron-2015-BigARTM.pdf>
36. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 176–192.
37. Вершинина Н.Л., Волкова Е.В., Крупчанов Л.М. [и др.] Введение в литературоведение : учеб. для бакалавров. М. : Юрайт, 2015.
38. Sherstnova T., Moskvina A., Kirina M. Towards automatic modelling of thematic domains of a national literature: Technical issues in the case of Russian // 2021 29th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). IEEE, 2021. P. 313–323.

References

1. Sherstnova, T. et al. (2020) [Topic Modelling with NMF vs. Expert Topic Annotation: The Case Study of Russian Fiction]. *Advances in Computational Intelligence*. Proceedings of the 19th Mexican International Conference on Artificial Intelligence MICAI 2020. Part II. Vol. 12469. Mexico City. 12–17 October 2020. Springer. pp. 134–152.
2. Jockers, M.L. & Mimno, D. (2013) Significant themes in 19th-century literature. *Poetics*. 6 (41), pp. 750–769.
3. Jautze, K., van Cranenburgh, A. & Koolen, C. (2016) [Topic modeling literary quality]. *Digital Humanities*. Abstracts of the Conference. Kraków. 11–16 July 2016. Kraków: ADHO. pp. 233–237.
4. Schöch, C. (2017) Topic modeling genre: an exploration of French classical and enlightenment drama. *Digital Humanities Quarterly*. 11 (2). doi: 10.48550/arXiv.2103.13019 (Accessed: 01.05.2021).

5. Navarro-Colorado, B. (2018) On poetic topic modeling: extracting themes and motifs from a corpus of Spanish poetry. *Frontiers in Digital Humanities*. 5. doi: 10.3389/fdigh.2018.00015
6. Mitrofanova, O.A. (2019) [Study of the structural organization of a work of art using thematic modeling: experience of working with the text of the novel The Master and Margarita by M.A. Bulgakov]. *Korpusnaya lingvistika – 2019* [Corpus linguistics – 2019]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 24–28 June 2019. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 387–394. (In Russian).
7. Korpus russkogo rasskaza 1900–1930 [Corpus of Russian Short Stories 1900–1930]. (n.d.) <https://russian-short-stories.ru/> (Accessed: 05.12.2022).
8. Martynenko, G.Ya. et al. (2018) Metodologicheskie problemy sozdaniya Komp'yuternoy antologii russkogo rasskaza kak yazykovogo resursa dlya issledovaniya yazyka i stilya russkoy khudozhestvennoy prozy v epokhu revolyutsionnykh peremen (pervoy treti XX veka) [Methodological problems of creating a Computer anthology of Russian short stories as a language resource for studying the language and style of Russian fiction in the era of revolutionary changes (the first third of the 20th century)]. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*. 2. pp. 97–102.
9. Martynenko, G.Ya. et al. (2018) [On the principles of creating a corpus of Russian short stories of the first third of the 20th century]. *TEL 2018*. Proceedings of the 15th International Conference. Kazan. 31 October – 3 November 2018. Kazan: Tatarstan AS. pp. 180–197. (In Russian).
10. Sherstinova, T. & Martynenko, G. (2020) [Linguistic and Stylistic Parameters for the Study of Literary Language in the Corpus of Russian Short Stories of the First Third of the 20th Century]. *R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics*. Proceedings of the 3rd International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019). Vol. 2552. Saint Petersburg. 27 November 2019. pp. 105–120. [Online] Available from: <http://ceur-ws.org/Vol-2552/>
11. Zamiraylova, E. & Mitrofanova, O. (2020) [Dynamic topic modeling of Russian fiction prose of the first third of the 20th century by means of non-negative matrix factorization]. *R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics*. Proceedings of the 3rd International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019). Vol. 2552. Saint Petersburg. 27 November 2019. pp. 321–339. [Online] Available from: <http://ceur-ws.org/Vol-2552/>
12. Skrebtsova, T.G. (2021) Thematic Tagging of Literary Fiction: The Case of Early 20th Century Russian Short Stories. *IMS-2020. Internet and Modern Society*. Proceedings of the International Conference. Vol. 2813. Saint Petersburg. 17–20 June 2020. pp. 265–276. [Online] Available from: <https://ceur-ws.org/Vol-2813/>
13. Sherstinova, T. & Kirina, M. (2022) [Normalization Issues in Digital Literary Studies: Spelling, Literary Themes and Biographical Description of Writers]. *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2021*. Proceedings of the 6th International Conference. Vol. 1503. Saint Petersburg. 23–25 June 2021. Cham. doi: 10.1007/978-3-030-93715-7_24.
14. Gryaznova, E. & Kirina, M. (2021) Defining Kinds of Violence: A Comparison of Topic Modelling with Latent Dirichlet Allocation and Principal Component Analysis for Russian Short Stories of 1900–1930. *Internet and Modern Society*. Proceedings of the International Conference. pp. 281–290.
15. Kirina, M.A. (2022) Sravnenie tematicheskikh modeley na osnove LDA, STM i NMF dlya kachestvennogo analiza russkoy khudozhestvennoy prozy maloy formy [Comparison of thematic models based on LDA, STM and NMF for the qualitative analysis of Russian short-form fiction]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2 (20). pp. 93–109. doi: 10.25205/1818-7935-2022-202-93-109
16. Rhody, L.M. (2012) Topic Modelling and Figurative Language. *Journal of Digital Humanities*. 2 (1). pp. 305–312.

17. Da, N.Z. (2019) The computational case against computational literary studies. *Critical Inquiry*. 3 (45). pp. 601–639.
18. Uglanova, I. & Gius, E. (2020) [The Order of Things. A Study on Topic Modelling of Literary Texts]. *CHR 2020. Proceedings of the Workshop on Computational Humanities Research*. Amsterdam. 18–20 November 2020. [Online] Available from: <http://ceur-ws.org/Vol-2723/long7.pdf>
19. Zholkovskiy, A. K. & Shcheglov, Yu.K. (2013) K ponyatiyam “tema” i “poeticheskiy mir” [On the concepts of “theme” and “poetic world”]. In: Shcheglov, Yu.K. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 37–78.
20. Tynyanov, Yu.N. (1929) *Arkhasty i novatory* [Archaists and Innovators]. Leningrad: Priboy.
21. Martynenko, G.Ya. (1988) *Osnovy stilemetrii* [Fundamentals of Stylometry]. Leningrad: Leningrad State University.
22. Martynenko, G.Ya. (2019) *Metody matematicheskoy lingvistiki v stilisticheskikh issledovaniyakh* [Methods of Mathematical Linguistics in Stylistic Research]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
23. Honnibal, M. & Montani, I. (2017) *spaCy 2: Natural language understanding with Bloom embeddings, convolutional neural networks and incremental parsing*. [Online] Available from: <https://spacy.io/models/ru> (Accessed: 01.05.2021).
24. Blei, D.M., Ng, A.Y. & Jordan, M.I. (2003) Latent Dirichlet allocation. *The Journal of Machine Learning Research*. 3. pp. 993–1022.
25. Daud, A. et al. (2010) Knowledge discovery through directed probabilistic topic models: a survey. *Frontiers of Computer Science in China*. 4. pp. 280–301.
26. Mitrofanova, O.A. (2014) Modelirovanie tematiki spetsial’nykh tekstov na osnove algoritma LDA [Modeling the topics of special texts based on the LDA algorithm]. *Proceedings of the 42nd International Philological Conference*. Saint Petersburg, 11–17 March 2013. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian).
27. Řehůřek, R. & Sojka, P. (2010) [Software framework for topic modelling with large corpora]. *Proceedings of the LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks*. Valletta. 22 May 2010. Valletta: ELRA. pp. 45–50.
28. Blei, D.M. (2012) Probabilistic topic models. *Communications of the ACM*. 4 (55). pp. 77–84.
29. Korshunov, A. & Gomzin, A. (2012) Tematiceskoe modelirovaniye tekstov na estestvennom yazyke [Thematic modeling of texts in natural language]. *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN*. 23. pp. 215–242.
30. Kherwa, P. & Bansal, P. (2020) Topic modeling: a comprehensive review. *EAI Endorsed Transactions on Scalable Information Systems*. 24 (7). doi: 10.4108/eai.13-7-2018.159623
31. Röder, M., Both, A. & Hinneburg, A. (2015) [Exploring the Space of Topic Coherence Measures]. *WSDM ’15. Proceedings of the 8th ACM International Conference on Web Search and Data Mining*. Shanghai. 2–6 February 2015. New York: Association for Computing Machinery. pp. 399–408.
32. Sherstinova, T. et al. (2022) [Topic Modeling of Literary Texts Using LDA: On the Influence of Linguistic Preprocessing on Model Interpretability]. *Proceedings of the 31st Conference of Open Innovations Association (FRUCT)*. Vol. 32. Helsinki. 27–29 April 2022. IEEE. pp. 305–312.
33. Sherstinova, T.Yu. et al. (2022) [Thematic modeling of the Russian story 1900–1930: the most frequent themes and their dynamics]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference Dialog 2022 [Dialogue 2022]. Vol. 21. Moscow. 11 February 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 512–526. (In Russian).
34. Chang, J. et al. (2009) [Reading tea leaves: How humans interpret topic models]. *Advances in Neural Information Processing Systems* 22. Proceedings of the 23rd Annual

Conference on Neural Information Processing Systems. Vancouver. 7–10 December 2009. Princeton University, pp. 288–296.

35. Vorontsov, K.V. et al. (2015) *Tematicheskoe modelirovanie v BigARTM: teoriya, algoritmy, prilozheniya* [Thematic Modeling in BigARTM: Theory, algorithms, applications]. <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/b/bc/Voron-2015-BigARTM.pdf>

36. Tomashevskiy, B.V. (1996) *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press. pp. 176–192.

37. Krupchanov, L.M. (ed.) (2015) *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Criticism]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.

38. Sherstinova, T., Moskvina, A. & Kirina, M. (2021) [Towards Automatic Modelling of Thematic Domains of a National Literature: Technical Issues in the Case of Russian]. *Proceedings of the 29th Conference of Open Innovations Association FRUCT*. Tampere. 12–14 May 2021. IEEE.

Информация об авторах:

Шерстинова Т.Ю. – канд. филол. наук, доцент департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sherstinova@gmail.com

Кирина М.А. – магистрант, приглашенный преподаватель департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mkirina2412@gmail.com

Москвина А.Д. – преподаватель департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: moskvina.anya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.Yu. Sherstinova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: sherstinova@gmail.com

M.A. Kirina, master's student, visiting lecturer, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mkirina2412@gmail.com

A.D. Moskvina, lecturer, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: moskvina.anya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2022;
одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 10.12.2022;
approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/89/7

Дискурсы о Китае в газете «Восточное обозрение» периода ихэтуаньского восстания: к вопросу о сибирском ориентализме

Павел Викторович Алексеев¹, Асель Адилбековна Алексеева²

^{1, 2} Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² asel.grant@mail.ru

Аннотация. Исследуются дискурсы о Китае, сформированные в публикациях газеты «Восточное обозрение», выходивших в течение 1900 и 1901 гг., когда войска Российской империи участвовали в международной коалиции по подавлению восстания ихэтуаней («боксеров») – антизападного выступления в Китае. Нarrативы «Восточного обозрения» о Китае впервые рассматриваются в контексте проблемы сибирского ориентализма – специфического дискурса о России, Западе и Востоке, в котором Сибирь определяла себя как субъект, а не объект ориентализации, а также в контексте российской и западноевропейской прессы. Авторы статьи полагают, что дискурсы о Китае в «Восточном обозрении» периода ихэтуаньского восстания имеют много общих черт с дискурсами Европы и российской метрополии о «китайском вопросе» 1900–1901 гг., но при этом обладают спецификой, обусловленной особой ролью газеты в развитии идеологических конструкций Сибири.

Ключевые слова: «Восточное обозрение», Китай, ихэтуаньское восстание, китайский вопрос, сибирский ориентализм

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01272, <https://rscf.ru/project/22-28-01272/>

Для цитирования: Алексеев П.В., Алексеева А.А. Дискурсы о Китае в газете «Восточное обозрение» периода ихэтуаньского восстания: к вопросу о сибирском ориентализме // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 152–170. doi: 10.17223/19986645/89/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/89/7

Discourses on China in *Vostochnoe Obozrenie* during the Yihetuan uprising: On the issue of Siberian Orientalism

Pavel V. Alekseev¹, Asel A. Alekseeva²

^{1, 2} Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² asel.grant@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of forming discourses about China during the Yihetuan (“Boxer”) uprising of 1900–1901 in the Irkutsk newspaper *Vostochnoe Obozrenie* [The Eastern Review]. The spontaneously erupted anti-Western, anti-Christian and anti-colonial movement of the Chinese population became the most important international event of the early 20th century, as the rebels, supported by Empress Dowager Cixi, posed a mortal threat to a large number of foreign trade, diplomatic, military and religious missions that competed with each other for influence in China. That is why, at the very peak of the military intervention of the Alliance of Eight Powers (Russia, Austria-Hungary, the UK, Germany, Italy, the USA, France and Japan), most large and small newspapers in different countries published daily materials of varying degrees of reliability about the Yihetuan uprising. Each newspaper formed its own complex narrative, which depended both on the policy of the publication and on the government of the country that forms the national discourse, so the authors studied publications about China by one of the leading Siberian publications of the late 19th and early 20th centuries, *Vostochnoe Obozrenie*, in the context of the general mass of the international press. The novelty of the presented study lies in the fact that for the first time the publications of *Vostochnoe Obozrenie* about China during the Boxer Rebellion are considered in the context of the concept of Siberian Orientalism, which is a set of Siberian intelligentsia’s ideas about the imperial and colonial practices of the world, divided into West and East, in which Siberia gradually discovers its own specific narrative. The authors believe that this concept is able to explain the specifics of *Vostochnoe Obozrenie*’s Chinese theme: (1) all the materials are semiotically presented as mostly science discourse in which the constituent parts are perceived not separately, but in relation to an integral image of China, which did not go beyond Russian and Western ideas of Orientalism; (2) the authors of *Vostochnoe Obozrenie* initially chose a balanced analytical tone, critical of the official government (imperial) discourse; (3) an important feature of the Chinese theme of *Vostochnoe Obozrenie* is the frequent use of the technique of “self-orientalization” when describing the policy of the Russian government and the actions of the Russian population in Siberia and the East as “eastern” for the purpose of self-criticism; (4) all publications about China were made in two main perspectives: civilizational and socio-economic, allowing readers to imagine the similarities and differences between Russia and China, as well as analyzing the role of the Chinese factor in the economy of Siberia, which was acquiring its unique (within Russia) cultural voice. The authors of the article conclude that, in general, under the leadership of I.I. Popov, during the period of the Yihetuan uprising, the dynamic balance between the self-orientalization of Russia and the orientalization of China formed the basis of the information policy of *Vostochnoe Obozrenie*.

Keywords: *Vostochnoe Obozrenie*, China, Yihetuan uprising, Boxer Rebellion, Siberian Orientalism

Acknowledgements: The article is part of the research under the Russian Science Foundation Grant No. 22-28-01272: Discourses of Orientalism in Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia (1890-1917): Ideological and Artistic Aspects.

For citation: Alekseev, P.V. & Alekseeva, A.A. (2024) Discourses on China in *Vostochnoe Obozrenie* during the Yihetuan uprising: On the issue of Siberian Orientalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 152–170. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/7

В течение 1900 и 1901 гг. антиколониальное восстание в Китае, практически сразу получившее название «восстание боксеров», «ихэтуаней» или «Большого кулака» (в англоязычной прессе начала XX в. – «Boxer Rebellion» или «Boxer Uprising»), стало, возможно, самым заметным событием международной жизни европейских и дальневосточных держав, а также России и США. Истоки и характер ихэтуаньского движения к настоящему моменту довольно хорошо изучены и представлены в фундаментальных работах Н.М. Калюжной [1, 2], В.Г. Дацышена [3], Пола Коэна [4], Джозефа Эшерика [5] и др. Неординарность и значимость этих событий определяются политическим и идеологическим контекстом меняющейся эпохи: в течение двух десятилетий после вторжения в Китай «Альянса восьми держав» произойдет распад Российской, Османской, Цинской и Австро-Венгерской империй, и двухвековые представления о Западе и Востоке, особенно его китайской части, будут подвергнуты корректировке в постколониальном миропорядке. Большая заслуга в формировании этих общественных сдвигов принадлежит периодической печати, переживавшей взлет своего могущества в эпоху стремительного расширения телеграфных сетей.

Пристальное внимание международной общественности к «китайскому вопросу»¹ поддерживалось практически ежедневными публикациями самой разнородной прессы (официальной, либеральной, религиозной и т.д.). Источником информации служили телеграфные сообщения из Китая о боях за Тяньцзинь, об осаде Посольского квартала в Пекине, об убийстве посла Германии Клеменса фон Кеттелера, об обстрелах Благовещенска и т.д., которые потом многократно перепечатывались и анализировались в самых разных контекстах. Для России в целом и для Сибири в частности эти события в течение 1900–1901 гг. также были в центре внимания, о чем выпуске от 25 июля 1900 г. сообщала иркутская газета «Восточное обозрение»:

На близком от нас Востоке льется кровь, мирно жившие соседи убивают друг друга, общественное внимание напряженно следит за перипетиями кровавой драмы, жадно ждем мы известий о своих близких, призванных под боевые знамена... [7. С. 3].

---

¹ Британский ученый Томас Отте справедливо полагает, что «китайский вопрос» как проблема раздела Китая между конкурирующими империями возник в международной политике после поражения Китая в войне с Японией в 1895 г. и является прямым развитием «восточного вопроса», сформированного вокруг наследства Турции – «большого человека Европы». В период с 1895 по 1905 г., считает Отте, «китайский вопрос затмевал все другие вопросы» [6. С. 158].

Практически сразу многие военные, корреспонденты, востоковеды и просто очевидцы событий в Пекине, Мукдене, Тяньцзине, Бэйцзане, Янцзуне и других местах боевых столкновений принялись за написание хорошо иллюстрированных брошюр и книг. Одна из самых известных книг на русском языке «У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента “Нового края” на театре военных действий в Китае в 1900 г.» Д.Г. Янчевецкого, обозревателя порт-артурской газеты, была издана в Петербурге в 1903 г. В ней автор с удовольствием замечал:

<...> из всех книг, посвященных иностранными авторами китайской войне 1900 года, выдающимся явилось сочинение английского корреспондента Генри Сэвэдж-Лэндора «China and the Allies», роскошно изданное в Лондоне¹ <...> В русской литературе появились обстоятельные сочинения капитана А.В. Полторацкого, капитана К.К. Кушакова, ротмистра Ю.Л. Ельца, доктора В.Н. Корсакова и – замечательный труд молодого профессора Владивостокского Института Восточных языков Я.В. Рудакова «Общество Ихэтуань», представляющий не только в России, но за границей первое научное исследование вопроса о боксерах в Китае² [8. С. XI–XII].

С самого начала многоязычные дискурсы об ихэтуаньском восстании были текстуально насыщены и имели большое значение для самых разных кругов международного сообщества³. В России же обилие документальных свидетельств о китайцах, вознамерившихся истребить европейцев, не оказавших должного почтения коренному населению, естественным образом усиливали экзистенциальные страхи о «желтой опасности», и без того подогреваемые В.С. Соловьевым, С.Н. Трубецким, Н.Г. Гарином-Михайловским и др. [10].

Исследователи, занимавшиеся изучением нарративов об ихэтуаньском восстании газет (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, Дж. Эллиott, А. Эскридж-Космач, Юси Лу и др.), выходивших в Европе, США, Китае и других странах, обращают внимание на несколько важных обстоятельств, также

---

¹ На самом деле книга Генри Лэндора (Henry Savage A. Landor) была издана в нью-йоркском издательстве «Charles Scribner's Sons» в 1901 г.

² Вероятно, Д.Г. Янчевецкий имеет в виду следующие издания (в большинстве случаев неверно указывая инициалы авторов): книгу К.П. Кушакова «Южно-маньчжурские беспорядки в 1900 г.» (1902), мемуары В.В. Корсакова «Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май – август 1900 года» (1901), исследование А.В. Рудакова «Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке» (1901), а также очерки Ю.Л. Ельца «Амурская героиня. При осаде Благовещенска китайцами» (1901), «В осаде. События последней китайской войны» (1901), «Наша сила. Подвиги русских воинов, граждан и женщин в последнюю китайскую войну» (1901), «С трупами. Эпизод из пекинского сидения» (1901).

³ Так, согласно исследованию Т. Вонга, новости о боксерском восстании в Китае, ежедневно публиковавшиеся в «Financial Times» с июня по август 1900 г., оказывали значительное влияние на колебания курсов китайских, японских и российских облигаций на Лондонской фондовой бирже [9. С. 43, 57].

имеющих значение для формирования стартовых исследовательских позиций в отношении российской дореволюционной прессы.

Во-первых, большинство газет сфокусировали свое внимание на китайских событиях далеко не с самого начала (т.е. не с 1898 г., когда на севере страны начали действовать стихийно сформированные отряды «Большого кулака»), недооценивая опасность, исходящую от «сонной» восточной страны. Дж. Эллиотт условно разделил эти события на четыре фазы, неравномерно освещаемые в западной прессе: первая фаза до вмешательства иностранных войск в июне 1900 г., вторая фаза продолжительностью шесть недель в июне и июле 1900 г., когда китайские войска явно одерживали верх над альянсом, третья фаза продолжительностью четыре недели, в течение которых альянс пытался собрать достаточное количество войск для похода на Пекин, и четвертая фаза, когда Пекин был взят и «были предприняты попытки начать переговоры о штрафной компенсации на фоне безрассудных изнасилований, грабежей и неизбирательного расстрела китайских граждан союзными войсками» [11. С. 257]. Проблема формирования четких нарративов о китайских событиях была обозначена уже во второй фазе, когда авторы новостных и аналитических материалов должны были сформировать непривычный для читателей образ Китая: длительное время формировалось убеждение, что эта восточная страна является безмолвным объектом хищного дележа европейскими нациями, но масштабы, формы и первоначальный успех антиколониального движения сформировали предпосылки для корректировки ориенталистских представлений.

Впрочем, масштабы этой корректировки не стоит преувеличивать. Цивилизационная дистанция, постулируемая любым национальным вариантом ориентализма в Европе, оставалась обязательным условием любых суждений о Востоке. Поэтому как во время боксерского движения, так и значительно позднее такие взвешенные издания, как парижский журнал *«Revue des deux Mondes»*, который, как полагает В.П. Трыков, давал «богатую и разнообразную информацию о “Другом” <...> и сбалансированную позицию по самым острым вопросам международной жизни» [12. С. 21], могли публиковать материалы, крайне примитивизирующие и Китай, и социально-политические истоки китайской смуты, а русские авторы с удовольствием это перепечатывали. Так, в сборнике документальных и публицистических материалов, собранных неким П. А. Х., «Взятие китайской столицы Пекина русскими и международными войсками» (1900), переложение статьи из *«Revue des deux Mondes»* под названием «Боксеры и косы» формировало представление том, что китайская революция возникла вследствие массовой паники невежественных китайцев, которым боксеры тайком отрезали косы [13. С. 32]. Позднее, в 1910 г., *«Вестник Европы»* некритично приводил выдержки из «обстоятельной статьи» генерала Третьей республики Франсуа Негриё из *«Revue des deux Mondes»*: «Китайская империя – не исполин, который пробуждается, а курильщик опиума, пытающийся стряхнуть с себя дремоту. Ему предстоят судороги. Школьные умы отравили его организм.

Если он когда-либо выздоровеет, он останется безсильным. Желтой опасности не существует» [14. С. 382]. Томская газета «Сибирская жизнь», ссылаясь на письма купца Марша, печатающиеся в берлинских газетах, приводила такую причину восстания: на фоне засухи «китайские священники» убедили народ, что бедствия обрушились на Китай из-за «белых чертей», которых поэтому надо безжалостно умертвить [15. С. 3].

Во-вторых, нарративы о китайских событиях 1900–1901 гг. довольно часто были основаны на сознательном искажении (или умолчании) фактов, поскольку каждая из стран, вовлеченных в конфликт, имела собственные интересы в Китае, выстраивала собственную политику в меняющихся обстоятельствах, а разнородное население этих стран продолжало формировать разные типы идентичности (национальную, территориальную, религиозную и т.п.). Так, по утверждению австралийской исследовательницы Юси Лу, немецкая публика, благодаря прессе «эмоционально вовлеченная в конфликт на далеком континенте», остро переживала чувство собственной значимости как новая колониальная держава, при этом место, которое занимали публицистические материалы о восстании, было «несоизмеримо с незначительной ролью Германии в реальных боевых действиях» [16. С. 45]: по предложению Николая II союзные войска были переданы под командование прусского генерала Альфреда фон Вальдерзее, который прибыл в Китай только в сентябре 1900 г., когда войска под общим командованием русского генерала Н.П. Линевича уже захватили Пекин. Таким образом, «драматический и часто вымыщленный немецкий нарратив на самом деле сводился к тайному воспроизведению в печати мифа об основании Рейха» [11. С. 45], т.е. развивал немецкие идеи колониализма и реваншизма – о национальной гордости, ущемленной в результате столкновений с более сильными колониальными империями (например, с Францией).

Исследуя российские нарративы об ихэтуанском восстании, Д. Схимельпенник ван дер Ойе обращает внимание на тот факт, что консервативная пресса (В. Мещерский, В. Доросевич и др.) сочувственно относилась к восставшим боксерам, называя их «патриотами» и высмеивая затруднения колонизаторов-европейцев. По его мнению, это отражало представления многих высших чиновников, включая самого Николая II [17. С. 69–70], которые несмотря на явные устремления к имперскому захвату и удержанию китайских территорий, предпочитали конструировать нарратив «особых отношений» с восточной автократией, подобно России «загрязненной западными идеями и товарами» [17. С. 78]. Таким образом, консервативное крыло российской прессы использовало восстание ихэтуаней для продвижения антизападного нарратива, соответствующего концепции официальной народности. В это же время такие газеты, как «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь», часто настроенные критически по отношению к правительстенным решениям и инициативам, также могли подвергать искажению и замалчиванию факты, которые им стали известны, поскольку тоже являлись в определенном отношении идеологически ангажированными. Антиимперские темы мировой прессы также должны быть проанализированы с учетом

времени и особенностей дискурсов, в которых эти темы развивались: в областническом дискурсе могли быть одни акценты, в монархическом (по отношению к европейским империям) – другие, в религиозном дискурсе¹ – третьи.

В настоящее время, конечно же, весь массив мировой прессы о боксерском восстании не изучен досконально по причинам его значительного объема, поэтому каждый исследователь выбирает наиболее репрезентативные издания², исходя из того, какие именно дискурсы требуется реконструировать. Отечественная пресса отчасти рассмотрена на материале таких изданий, как «Северный курьер», «Новости», «Неделя», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Вестник Европы», «Новое время», «Русская мысль» [22–24]. Из сибирских и дальневосточных газет в фокус исследователей попали «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Амурская газета», «Амурский край», «Дальний Восток», «Владивосток», а также ряд губернских ведомостей, однако рассмотрены они главным образом историками [25–27], которые не ставили себе задачу реконструировать дискурсивные практики ориентализма. Между тем важно понимать, что отношения между публицистическими текстами, полем идеологии и полем политики гораздо сложнее и разнообразнее, чем то, что обычно описывается терминами подчинения или противопоставления, и в этом необходимо предметно разбираться, учитывая специфику истории журналистики и идейных конструктов в Сибири. Кроме того, следует учитывать, что в семиотическую систему текстовой и визуальной репрезентации публицистических дискурсов о Китае в этот период входили также фотографии, рисунки, карикатуры (создавая эффект креолизованных текстов), художественные произведения, травелоги, эгодокументы и др. К сожалению, столь широкий охват материала невозможно осуществить в рамках одной статьи, однако это важно отметить для выражения исследовательской позиции и указания путей дальнейших исследо-

---

¹ Так, Дж. Росарио на примере американского издания «The Sentinel» продемонстрировал формирование в августе 1900 г. антиимперской картины, в которой боксерское восстание представлялось не как «движение против христианства как такового, а только в той мере, в какой христианство отождествляется в сознании китайцев с жадностью и несправедливостью, которые довели Китай до отчаяния» [18. С. 349].

² Так, среди англоязычных изданий в настоящее время эта тема отчасти изучена на материалах таких разных источников, как «The Times», «New York World», «Nation», «North-China Herald», «China Mail», «Shanghai Mercury», «Hong Kong Daily Press» и др. [11, 18], среди немецкоязычной прессы проанализирован материал таких изданий, как «Vorwärts», «Berliner Morgenpost», «Frankfurter Zeitung», «Kölische Zeitung» и др. [16, 19], проанализированы также газеты «Slovenec», «Slovenska ljudska stranka», «Slovenski narod», «Edinost» и др. [20], выходившие в Австро-Венгерской империи на словенском языке (что, безусловно, подчеркивает широту охвата этой темы в мировой прессе начала XX в.). На французском языке тема боксерского восстания была рассмотрена на материалах таких газет, как «L'Edair», «Le Petit Parisien», «La Libre», «Parole», «Le Matin», «La Croix» и др. [21].

ваний в этой области. Таким образом, исходная позиция нашего исследования состоит, в том, что дискурсы русского ориентализма, формирующиеся вокруг каждого конкретного кейса, связанного с воображаемым восточным «Другим», изначально амбивалентны и гетерогенны – это их основное свойство, поскольку они неизбежно отражают весь спектр амбивалентных и гетерогенных [28. С. 189] представлений о России, Западе и Востоке.

На наш взгляд, сибирская пресса может быть важным материалом для изучения специфических сибирских нарративов о Западе и Востоке, которые в совокупности могут быть условно названы сибирским ориентализмом. Этот тип ориентализма целесообразно выделить из более широкого дискурсивного поля русского ориентализма, сформированного в столицах Российской империи, поскольку наиболее значимые частные газеты Сибири («Восточное обозрение», «Сибирская жизнь» и др.) были связаны с концептосферой областнического движения (подробнее об этом см.: [29]). Поскольку областнический дискурс существовал «в рамках имперской парадигмы» [30. С. 52], описывая Сибирь как колонию, для него были характерны те же системообразующие оппозиции, что и для русского ориентализма (связи центра и периферии, России, Европы и Азии, русского и инородческого населения, колонии и метрополии, цивилизации и дикости и др.), только в центр своего дискурса агенты и акторы областничества ставили Сибирь, субъектность которой формировалась через оспаривание у метрополии права иметь собственный нарратив, т.е. быть семиотическим Западом по отношению к внутренним и внешним «Другим». В этой связи вполне объясним тот факт, что аналитический обзор информации об ихэтуанском восстании «Восточное обозрение» часто публиковало на первой странице под рубрикой «Сибирские очерки».

При построении концепции сибирского ориентализма на материале сибирской периодики необходимо учитывать сложный и противоречивый характер самого областнического движения, а также его роль в эволюции сибирских газет, в частности «Восточного обозрения». Хорошой иллюстрацией этих противоречий служит неудачное сотрудничество лидера областничества Г.Н. Потанина с редакцией «Восточного обозрения» (споры с И.И. Поповым, несостоявшееся редакторство в «Байкале» и т.д.), а также в целом непопулярность областнических идей у прогрессивной общественности Иркутска в интересующий нас период 1900–1901 гг. В 1900 г., находясь в Санкт-Петербурге, Потанин не обратил никакого внимания на боксерское восстание¹, несмотря на то, что после двух экспедиций хорошо знал Китай,

---

¹ В 1900 г. Потанин упоминает о событиях ихэтуанского восстания только в письме к Е.Н. Вагнер (от 5 июля из Уральска): «В Сибирь меня все более и более тянет. Война не удерживает меня от этого стремления и еще более побуждает к переселению. Теперь более, чем когда-либо в другое время, край нуждается в преданных работниках, так что преступление бросить родину при таком ее положении. Граница – в неспокойном состоянии, полевой рабочий весь угнан на войну, а в стране засуха и предстоящий голод» [31. Т. 5. С. 21].

в частности Пекин (где в 1884 г. жил в Посольском квартале), и в целом был увлечен проблематикой Востока¹, однако это может быть объяснено большой загруженностью в связи с монгольской темой [31. Т. 5. С. 20]. Когда в июне 1901 г. Потанин переехал в Иркутск, боксерское восстание было уже не так актуально, и мы не знаем ни одного его сколько-нибудь серьезного материала на эту тему. Однако в 1904 г., когда Потанин будет редактировать воскресное иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни», проблематика русско-японской войны будет подана им в том же исследовательском ключе, как это делало «Восточное обозрение» в 1900 г.: инородцы Сибири и восточные «Другие», имеющие прямое или опосредованное отношение к сибирскому пространству, – это часть одного и того же проблемно-тематического комплекса областничества (или дискурсов, испытавших его влияние), а следовательно, и сибирского ориентализма. При этом мы полагаем, что дискурс сибирского ориентализма – явление более широкое, чем областничество: формирование идей сибирского регионализма происходило у его идеологов на базе уже существовавших идей о Западе и Востоке, а не наоборот.

В конце XIX – начале XX в. газета «Восточное обозрение» была одним из основных печатных органов областничества и именно в качестве такого системно формировалась дискурсы о Востоке, наиболее значимой частью которого с первого программного номера в 1882 г. был определен Китай – «средоточие политической и гражданской жизни всего Востока» [32. С. 4]. Естественно, гетерогенные дискурсы ориентализма в Сибири формировались от Томска до Владивостока не только в областнической прессе, поэтому позиции авторов «Восточного обозрения» относительно инородческого вопроса и внешней политики России на Востоке и Западе всегда воспринимались в интертекстуальном ключе: общей практикой сибирского образованного населения было читать не одну, а разные газеты, ожидая там как можно более широкого охвата источников. Поэтому житель Иркутска мог вполне черпать сведения об ихэтуаньском восстании одновременно из «Восточного обозрения» и «Иркутских губернских ведомостей», которые кроме собственных материалов приводили цитаты из центральной и зарубежной прессы. Контекстуально значимый нарратив о Востоке формировался также на восточных территориях, формально не входивших в Российскую империю, но находившихся под ее контролем, например в Порт-Артуре, на Ляодунском полуострове, где с 1899 г. выходила газета «Новый край» – в «Восточном обозрении» довольно часто можно было встретить ссылки к этому изданию².

---

¹ В 1899 г., в начале боксерского восстания, Потанин публикует два важных для него труда: «Очерк путешествия в Сычуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 гг.» в 35-м томе «Известий Русского географического общества» в Санкт-Петербурге и «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» в Москве.

² Так, например, в № 4 от 8 января 1900 г. «Восточное обозрение», рекламируя «Новый край», сообщало о большом количестве научного, публицистического материала, который готовится опубликовать порт-артурская газета под редакцией П.А. Артемьева в

Несмотря на то, что исследователи темы Китая в «Восточном обозрении» так или иначе осуществляли фронтальный просмотр номеров за 1900 и 1901 гг., все еще есть необходимость не только пересмотреть номера заново, но и переосмыслить их современную аналитику, исходя из того, что этот материал в ракурсе сибирского ориентализма исследуется впервые: «Восточное обозрение», как и остальная сибирская пресса, откликнулось на китайские события, формируя во многом отличный от центральной прессы дискурс, в котором общественно-политические и экономические аспекты этих событий напрямую связывались с интересами населения Сибири, напуганного военной мобилизацией и слухами о возможном вторжении боксеров и хунхузов. Уровень опасности был, разумеется, преувеличен, но события в Благовещенске (в том числе «Благовещенский погром», случившийся 4 июля 1900 г.) вполне продемонстрировали серьезность ситуации, с которой имели дело участники публицистического дискурса:

Лишь только вынимается меч из ножен, тотчас же обнаруживаются люди первого уровня нравственного развития. Так поступили китайцы, избивавшие министров и своих соотечественников христиан; но так же, к стыду и огорчению, поступили русские и христиане в Благовещенске и его окрестностях с мирным и беззащитным китайским населением. Местная газета «Амурский край» не позволяет в этом сомневаться. Газета сообщает о сожжении зазейских деревень Будунды, Алины и др., о множестве китайских и манджурских трупов, проплывших сверху по Амуру [33. С. 1].

Поэтому вполне понятно, почему газета «Восточное обозрение», выходившая в Иркутске под редакцией И.И. Попова, естественным образом заняла позицию не только информационного, но и аналитического органа печати. В мемуарах «Записки редактора» И.И. Попов отмечал, что «в 1900 г. тираж газеты стал быстро возрастать, отчасти благодаря боксерскому восстанию, вспыхнувшему в Китае» [34. С. 121]. По мнению Попова, престиж газеты поднялся в связи с тем, что корреспонденты «Восточного обозрения» (в частности И.Я. Коростовец) публиковали качественную аналитику, которая предсказала последующие драматические события. По мере нагнетания ситуации (убийство немецкого посла фон Кеттелера, осада Пекина) газета открывала постоянные рубрики: «Из Манджурии», «Вести с Дальнего Востока», «Письма из Китая», «К событиям в Китае» и др. Последняя рубрика,

---

течение 1900 г.: «...Очерки дальнего востока М.Н. Васильева; Квантунские очерки П.А. Россова; <...> Китай. Государственное управление его, Русские и немцы в Китае, Из истории и литературы Китая, «Китайская поэзия» Д.Г. Янчевецкого; Очерки Японии П.А.; Государственные финансы Японии Абе-Кей-Киши; Воспитание женщин в Японии Коноэ Атсумари; О тюрьмах в Японии П.А.; Театр в Японии; <...> Морские сношения между портами одного и того же государства Шанхайца; Трактат о торговле и мореплавании между Японией и великими державами П.А.; <...> В отделе «Восточный фельетон» будут напечатаны: «Портартурские идиллии» (с стихах); От Петербурга до Артура путевые очерки; Портартурский фельетон Чайнамена и Сянь-Шэна <...>».

«К событиям в Китае», информационно-аналитическая по своему характеру, впервые появляется в № 135 от 20 июня 1900 г. «Что такое “Боксеры” или “Большой кулак”, какие цели преследует эта секта и к какому времени отнести ея возникновение? – задается вопросом анонимный автор статьи, открывющей эту рубрику. – <...> Несомненно одно, “боксеры” являются выразителем китайской замкнутости и недовольства европейским влиянием и как таковые пользуются полным сочувствием императрицы-матери, известной своим строго-отрицательным, враждебным всяkim реформам, направлением» [35. С. 3]. На фоне редкой информации, публикуемой в «Иркутских губернских ведомостях»¹, подобные публикации «Восточного обозрения», безусловно, пользовались большим вниманием.

Вся публикуемая в «Восточном обозрении» информация в семиотическом отношении, на наш взгляд, должна быть представлена как единый научно-популярный дискурс, в котором составные части воспринимаются не отдельно, а в отношении к целому образу Китая, который сибирские читатели дополняли, не конструируя в ориенталистском смысле ничего принципиально нового. Так, например, на страницах «Восточного обозрения» Китай часто сохранял признаки «сонной» восточной страны, управляемой деспотией и населенной трудолюбивым, но хитрым и весьма многочисленным народом. Концепты «желтой опасности» и «ползучего экспансионаизма» все время были актуальны, вне зависимости от того, были они явно артикулированы или нет, однако существенный нюанс заключается в том, что «Восточное обозрение» использовало концепцию «желтой опасности», чтобы говорить не только о Китае, но и о русском человеке, который еще более дик в своем невежестве и экспансиионизме, представляя опасность и для китайцев, и для себя самого. В № 129 от 13 июня 1900 г. материал в рубрике «Сибирские очерки» ссылается на известные корейские травелоги Гарина-Михайловского, где описывается казак, который дерзко въехал на засеянное корейское поле и начал его «травить»:

<...> на замечание автора, «а чтоб тебе за это сделали в России», последовал ответ: «а хиба-ж² мы в России...». Характерно это не только для казака: наша культурность так плотно срослась с деталями обстановки, что попадая в иноверную, иноплеменную, иноязычную среду, культурный человек сплошь и рядом начинает действовать далеко не культурно. Легкое драпри из бесчисленных условностей исчезает. Классическим примером могут служить жестокости германских культуртреггеров в Африке или участников экспедиции Стенли, устрашающих каннибальское пиршество, чтобы иметь удовольствие набросать «с натуры» картину людоедства... Вот это-то возможное одичание русского человека и есть

---

¹ Первый крупный материал об ихэтуаньском восстании в «Иркутских губернских ведомостях» – перепечатка из «Правительственного вестника» – появился в неофициальной части только в № 30 от 5 июля 1900 г. К этому номеру было издано специальное Приложение, состоящее из телеграмм Российского телеграфного агентства о событиях в иностранных городах (из 16 телеграмм 10 связаны с боксерским восстанием).

² Разве ж (укр.).

наибольшая опасность, которой грозит наплыв «желтых». Опасность тем большая, что навыки, приобретенные в общении с китайцем, впоследствии будут практиковаться и в собственной среде и как далеко на запад может разлиться этот реванш востока, предсказать трудно [36. С. 1].

Тема мнимой и настоящей «желтой опасности» сквозной линией проходит через все выпуски «Восточного обозрения», начиная с уже процитированной выше статьи В. Васильева «Восток и Запад» 1882 г., и в период обострения «китайского вопроса» насыщается не только научным и публицистическим, но также художественным материалом в парадигме самоориентализации («self-orientalization»¹). Так, чтобы подчеркнуть мысль о том, что еще неизвестно, кто больше приносит вреда отечеству – русские спекулянты или китайский «Большой кулак», передовица «Сибирские очерки» приводит стихотворение «Два Кулака» из петербургского сатирического журнала «Стрекоза» [37. С. 1], а чтобы утвердить читателя в мысли о вреде от одиозных изданий, бездумно распространяющих миф о «желтой опасности», приводит стихотворение «”Китайка” бунтует», опубликованное в «Пермских ведомостях» под псевдонимом «Little man»:

Хотя бесстрашие китайца
Напоминает храбрость зайца,
Но обожаю я Китай
За чесунчу, за рис и чай.
Хотя ни рису и ни чаю
Я никогда не потребляю,
Хотя до моего плеча
И не касалась чесунча
И даже в летнюю истому
Я приобыкнул с давних пор
На голове носить – солому,
А одеваться – в коленкор, –
Но, все ж, с державою Небесной
Симпатией я связан тесной,
И будет очень больно мне,
Когда безжалостные россы
В бескровной и смешной войне
Отрежут у китайца косы;
Когда солдат бунтовщика
Из грозных полчищ «Кулака»
Поймавши на бегу за юбку,
Задаст ему по-свойски лупку!..
Еще больнее – признаюсь –

---

¹ Под ориентализацией следует понимать комплекс семиотических средств обозначения территории и ее населения как «восточной» в дискурсе ориентализма. Если этот комплекс средств направлен на описание общественных и государственных институтов своей страны, которые с позиции агента или актора ориентализма не являются восточными, а только имеют признаки «восточности» (как правило, в негативном ключе), такой способ изображения Востока называется самоориентализацией. Подробнее об этом см.: [38].

Мне будет за родную Русь
Тогда, когда она штыками
Заговорит с бунтовщиками.
Дабы заставить присмиреть
Разгул бунтующей «китайки»,
Вполне достаточно и плеть, –
Красноречивый взмах нагайки! [39. С. 1–2].

Как видим, «Пермские ведомости», будучи провинциальной газетой, тем не менее формируют образ Китая в традиционном для метрополии дискурсе ориентализма: «пленительный» Восток хаотичен, цивилизационно устарел и признает только язык силы, а «белый человек» имеет полное право не только применять силу по своему усмотрению, но и присваивать себе материальные и нематериальные ресурсы народа, находящегося на более низкой ступени развития. «Восточное обозрение», напротив, постулирует взвешенный подход, отрицающий высокомерный тон «белого эксплуататора». Однако при этом «Восточное обозрение» не отказывается от дилеммы «Запад–Восток», поскольку значимой частью дискурса сибирского ориентализма остается идея цивилизационной миссии России (в особенности – Сибири) по отношению к внутренним и внешним восточным «Другим», унаследованная из Европы в результате сложных путей культурного трансфера: китайцы «грусливы и наивны как дети» [40. С. 2], «хвастливы» [41. С. 3], а значит, нуждаются в опеке «взрослых». Вопрос только в том, чтобы сделать Сибирь «взрослой» в цивилизационном отношении как можно скорее, поскольку в Азиатской России русский человек, находящийся в ситуации перманентной опасности, исходящей от восточных людей, стремительно приобретает черты восточного. «Скоро и крепко привилось к нам всё маньчжурское: мы все оманьчжурились...» [42. С. 1].

Прием самоориентализации используется авторами «Восточного обозрения» исключительно по причине того, что ни Российской империя целиком, ни Сибирь в частности, по их мнению, не достигли необходимого уровня развития в общественном и государственном смысле, чтобы успешно приводить к цивилизации восточные народы. Эта сквозная мысль является важным организующим началом всех публикаций об ихэтуанском восстании в Китае, представляющих картину бессмысленных убийств и притеснений китайского мирного населения, в которой заметное место занимают нарративы о «восточном» характере поведения русских, о плохой организации мобилизации в сибирских регионах и т.д. В целом динамический баланс между самоориентализацией Российской империи и ориентализацией цинского Китая и составлял информационную политику «Восточного обозрения» в период ихэтуанского восстания.

Интересным примером того, как выстраивалась информационная политика издания, служит пример фильтрации агентских телеграмм из Китая о событиях, связанных с генерал-майором П.К. фон Ренненкампфом, командующим забайкальским отрядом: «В Маньчжурию двинули Ренненкампфа, “лихого кавалерийского генерала”, – вспоминал И.И. Попов. – О “подвигах” и «победах» этого

“героя” мы не могли печатать правды. Но зато я выбрасывал из агентских телеграмм и не печатал восхваление его подвигов. Я даже телеграфировал агентству, что сообщения его о Ренненкампфе “не соответствуют действительности”. Некоторые офицеры из его отряда были возмущены враньем и хвастовством генерала, писали нам и обличали его “подвиги”. От офицеров же мы получили сообщение, как был взят, насколько я помню, город Бодун. Генерал подготовил приступ, расстреливая артиллерийским огнем мирное население. Войск и боксеров в городе не было. Мирное население не сопротивлялось, и тем не менее город был взят приступом, причем была уложена не одна сотня, а может быть, тысяча мирных китайцев» [34. С. 121–122].

Учитывая такую позицию главного редактора, «Восточное обозрение» системно формировало у читателей мысль о том, что в целом российский военный контингент наносит ощутимый вред мирному китайскому населению и, опосредованно, мирному русскому населению, разрушая сибирскую экономику, завязанную на торговле с приграничными территориями Китая:

<...> Русские войска, главным образом «удалые забайкальцы», подобно урагану пронеслись по всей Маньчжурии, смели китайские силы и очистили страну от мясоедов. Зато страна, откуда, как мы надеялись, будет приходить крупная жирная «лоха», дешевый рис, яблоки, орехи и проч., после сказанного урагана превратилась в мерзость запустения. Теперь вместо разных жизненных продуктов, вместо быков, баранов, откормленных на тучных пастбищах Монголии и Маньчжурии, нам мерецатся там одни лишь шайки полуолодых хунгузов <...> таким образом, вместо мирного обмена продуктами, вместо деятельной торговли, общего довольства и счастья, между соседями возникает взаимный страх, ненависть. Когда же наступит конец столь тягостному, ненормальному положению вещей? Вероятно, не скоро» [44. С. 3].

Таким образом, Китай, по версии «Восточного обозрения», вполне заслуживает внимательного отношения, поскольку его населяют люди, а не воображаемые дикари, и это отношение целиком определяло и подбор, и группировку материала, связанного с Поднебесной империей в двух ракурсах сибирского ориентализма, которые можно определить как «исследовательские»: цивилизационный и социально-экономический. Оба эти аспекты тесно связаны, поскольку каждый зависит от решения одного и того же комплекса проблем формирующейся сибирской идентичности.

Цивилизационный ракурс в газете вполне вписывался в общее направление «культурничества», которое объединяло областников, анархистов, народников и социал-демократов и было направлено против любой формы угнетения [32. С. 343], в том числе по цивилизационному признаку. Это предполагало как можно более широкое (насколько позволял публицистический формат) знакомство читателей с антропологическими и историко-культурными особенностями китайской цивилизации. Несмотря на то, что в газете часто проходили публикации, противопоставляющие «желтую» и «белую» расы, в целом редакторская политика заключалась в том, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать разницу между Китаем и Российской империей, а с другой стороны, представить Китай страной с богатой (но

устаревшей) культурой, трудолюбивым и миролюбивым населением, которое подвергается варварскому истреблению. Поэтому авторы недоумеваются, почему в сложный для Китая период Россия отказывается от своих цивилизаторских функций, предпочитая решать имперские задачи: «Года два назад во Владивостоке устроена русско-китайская школа. Китайцы по подписке пожертвовали на ее содержание тысяч десять. Теперь, как сообщает “Вост. Вест.”, двери школы закрываются перед китайцами; сначала некоторым отказывали в приеме по одиночке, а теперь прямо прием китайцев ограничили 10 % всех учащихся. Чем вызвано такое ограничение? И как согласовать это с культурной миссией русских на Востоке?» [45. С. 2].

Социально-экономический ракурс материалов о Китае в «Восточном обозрении» в течение 1900–1901 гг. связан с попыткой максимально конкретно определить роль китайского фактора в экономике, культуре, образовании и повседневной жизни Сибири. Авторы постоянно подчеркивали мысль о том, что китайцы в Сибири – это прежде всего рабочие руки, в которых огромное неосвоенное пространство остро нуждается: «...в настоящее время в деревнях и в особенности в земельных хозяйствах уборка хлебов и сенокошение совершаются только трудом наемных рабочих, каковых и здесь являются, главным образом, китайцы <...> конкурировать с русским рабочим и вредить ему в настоящее время китаец не может, по той простой причине, что еще нет этого русского рабочего. Если и будет кому худо – то только самим китайцам, которые при их нетребовательности представляют широкий простор для удовлетворений эксплоататорских аппетитов» [36. С. 1]. В то же время традиционная проблема нехватки рабочих рук в Сибири многократно обострилась по причине непродуманной мобилизации: «Война отозвалась на Красном Яре и всей округе, между прочим отъездом призванного на военную службу жившего в селе окружного врача. Население осталось совершенно беспомощным в медицинском отношении. Что-то будет осенью, с наступлением холодов и слякоти. Компетенция имеющегося на заводе частного фельдшера, разумеется, ограничена» [46. С. 2]. Авторы подчеркивают, что война с китайскими повстанцами ударила прежде всего по экономике и населению Сибири, а значит, именно Сибирь имеет полное право выстраивать об этих событиях собственный нарратив.

Список источников

1. Калюжная Н.М. О характере тайного союза «Ихэтуань» // Тайные общества в старом Китае. М., 1970. С. 85–107.
2. Восстание ихэтуаней. 1898–1901: Документы и материалы / сост., авт. предисл. и примеч. Н.М. Калюжная. М. : Наука, 1968. 276 с.
3. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М. : Директ-Медиа, 2014. 592 с.
4. Cohen P.A. History in three keys: The Boxers as event, experience, and myth. New York : Columbia University Press, 1997. 428 p.
5. Esherick J.W. The origins of the Boxer uprising. Berkeley : University of California Press, 1987. 451 p.

6. *Otte T.G.* The Boxer Uprising and British Foreign Policy: The End of Isolation // *The Boxers, China and the World* / eds. by R. Bickers, R.G. Tiedemann. Rowman & Littlefield Publishers, 2007. P. 157–178.
7. *Из русской жизни* // Восточное обозрение. 1900. № 164. 25 июля.
8. *Янчевецкий Д.Г.* У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 году. СПб., 1903. 618 с.
9. *Wong T.H.* Unintended Consequences: The Effects of the Boxer Uprising on Global Bond Prices in the London Stock Exchange // Webster Review of International History. 2022. № 2 (1). P. 42–61.
10. *Eskridge-Kosmach A.* Russian Press and the Ideas of Russia's 'Special Mission in the East' and 'Yellow Peril' // The Journal of Slavic Military Studies. 2014. № 27 (4). P. 661–675.
11. *Elliott J.* Who Seeks the Truth Should be of No Country: British and American Journalists Report the Boxer Rebellion, June 1900 // American Journalism. 1996. № 13 (3). P. 255–285.
12. *Трыков В.П.* Публикации о России в журнале «Revue des deux Mondes» в первой половине XIX века // Наука и школа. 2021. № 2. С. 11–22.
13. *Взятие китайской столицы Пекина русскими и международными войсками* / сост. П.А.Х. СПб., 1900. 32 с.
14. *Иностранные обозрения* // Вестник Европы. 1910. Кн. 9. С. 373–383.
15. *Еще о причинах восстания* // Сибирская жизнь. 1900. № 158. 18 июля.
16. *Lu Y.* The war that scarcely was: The Berliner Morgenpost and the Boxer Uprising // German colonialism and national identity / eds. by Michael Perraudin, Jurgen Zimmerer. New York : Routledge imprint of Taylor & Francis, 2010. P. 45–56.
17. *Schimmelpenninch van der Oye D.* Russia's Ambivalent Response to the Boxers // Cahier du monde russe. 2000. № 41 (1). P. 68–70.
18. *Rosario J.* Protestant Anti-Imperialism and the Vindication of the Boxer Rebellion, 1899–1901 // Diplomatic History. 2022. № 46 (2). P. 349–374.
19. *Fitzpatrick M.P.* Kowtowing before the Kaiser? Sino-German Relations in the Aftermath of the Boxer Uprising // The International History Review. 2018. № 41 (3). P. 513–538.
20. *Lipušček U.* Interpretations of the Chinese Boxer Rebellion in the Slovenian Press at the Beginning of the 20th Century // Asian Studies. 2013. № 1 (2). P. 35–49.
21. *Corniot C.* La guerre des Boxeurs d'après la presse française // Études chinoises. 1987. № 6 (2). P. 73–99.
22. *Eskridge-Kosmach A.* China and Policy of Russia in Respect to China Before 1894 in the Russian Press // The Journal of Slavic Military Studies. 2011. № 24 (3). P. 481–528.
23. *Eskridge-Kosmach A.* The Boxer Rebellion and the Standpoint of the Russian Press // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. № 26 (3). P. 414–438.
24. *Старовойтова Е.О.* «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 81–97.
25. *Кулас Л.В., Кальмина Л.В.* Горячий рубеж веков: причины боксерского восстания в Китае 1898–1901 гг. в газете «Восточное обозрение» // Власть. 2021. № 4. С. 246–251.
26. *Кулас Л.В., Кальмина Л.В.* «Боксерское» восстание в сибирской дореволюционной прессе: (на примере «Восточного обозрения») // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 3. С. 528–542.
27. *Гузей Я.С.* Боксерское восстание и синдром «Желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Т. 69, № 1–1. С. 82–86.
28. *Алексеев П.В.* Notes On Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 189–203.
29. *Жиликова Н.В.* Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 288 с.

30. Панченко А.Б. «Сибирь» или «Азиатская Россия» – областничество между имперским и национальным дискурсами // *Studia Culturae*. 2016. № 1 (27). С. 49–59.
31. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск, 1987–1992.
32. Васильев В. Восток и Запад // *Восточное обозрение*. 1882. № 1. С. 2–5.
33. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1901. № 23. 1 апр.
34. Полоп И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
35. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 135. 20 июня.
36. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 129. 13 июня.
37. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 193. 29 авг.
38. Алексеев П.В., Ван Ю. Россия и Китай в постколониальном дискурсе: проблема «self-orientalization» // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 20–23 апреля 2014 г. / отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск, 2014. С. 249–258.
39. Сибирские очерки // *Восточное обозрение*. 1900. № 146. 4 июля.
40. Из манджурии // *Восточное обозрение*. 1900. № 88. 21 апр.
41. Владивостокские письма // *Восточное обозрение*. 1900. № 198. 5 сент.
42. Сибирские вести // *Восточное обозрение*. 1900. № 124. 7 июня.
43. С XV участка Онон-Китайской ветви Ж. Д. 2-е письмо ех-учителя товарищу) // *Восточное обозрение*. 1900. № 64. 21 марта.
44. Корреспонденция. Нерчинский завод // *Восточное обозрение*. 1901. № 53. 9 марта.
45. Вести с Дальнего Востока // *Восточное обозрение*. 1900. № 4. 8 янв.
46. По Забайкалью (продолжение) // *Восточное обозрение*. 1900. № 209. 20 сент.

References

1. Otte, T.G. (2007) The Boxer Uprising and British Foreign Policy: The End of Isolation. In: Bickers, R. & Tiedemann, R.G. (eds) *The Boxers, China and the World*. Rowman & Littlefield Publishers. pp. 157–178.
2. Kalyuzhnaya, N.M. (ed.) (1968) *Vosstaniye ikhetuaney. 1898–1901: Dokumenty i materialy* [Yihetuan Uprising. 1898–1901: Documents and materials]. Moscow: Nauka.
3. Datsyshen, V.G. (2014) *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX vv.* [History of Russian-Chinese relations in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Direct-Media.
4. Cohen, P.A. (1997) *History in three keys: The Boxers as event, experience, and myth*. New York: Columbia University Press.
5. Esherick, J.W. (1987) *The origins of the Boxer uprising*. Berkeley: University of California Press.
6. Otte, T.G. (2007) The Boxer Uprising and British Foreign Policy: The End of Isolation. In: *The Boxers, China and the World*. Bickers, R. & Tiedemann, R. G. (eds.). Rowman & Littlefield Publishers. pp. 157–178.
7. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Iz russkoy zhizni [From Russian life]. 164. 25 July.
8. Yanchevetsky, D.G. (1903) *At the walls of immovable China. Diary of a New Territory Correspondent at the Theater of Operations in China in 1900*. Saint Petersburg: P.A. Artem'ev.
9. Wong Tsz Ho. (2022) Unintended Consequences: The Effects of the Boxer Uprising on Global Bond Prices in the London Stock Exchange. *Webster Review of International History*. 2 (1). pp. 42–61.
10. Eskridge-Kosmach, A. (2014) Russian Press and the Ideas of Russia's 'Special Mission in the East' and 'Yellow Peril'. *The Journal of Slavic Military Studies*. 27 (4). pp. 661–675.
11. Elliott, J. (1996) Who Seeks the Truth Should be of No Country: British and American Journalists Report the Boxer Rebellion, June 1900. *American Journalism*. 13 (3). pp. 255–285.

12. Trykov, V.P. (2021) Publikacii o Rossii v zhurnale “Revue des deux Mondes” v pervoy polovine XIX veka [Publications about Russia in the “Revue des deux Mondes” in the first half of the 19th century]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 11–22.
13. P.A.H. (ed.) (1900) *Vzyatie kitayskoy stolicy Pekina russkimi i mezdunarodnymi vojskami* [The capture of Beijing, the Chinese capital, by Russian and international troops]. Saint Petersburg: A.A. Kholmushin.
14. *Vestnik Evropy*. (1900) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. 9. pp. 373–383.
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1900) Eshche o prichinakh vozstaniya [More on the causes of the uprising]. 158. 18 July.
16. Lu, Y. (2010) The war that scarcely was: The Berliner Morgenpost and the Boxer Uprising. In: Perraudin, M. & Zimmerer, J. (eds) *German colonialism and national identity*. New York: Routledge imprint of Taylor & Francis. pp. 45–56.
17. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2000) Russia's Ambivalent Response to the Boxers. *Cahier du monde russe*. 41 (1). pp. 68–70.
18. Rosario, J. (2022) Protestant Anti-Imperialism and the Vindication of the Boxer Rebellion, 1899–1901. *Diplomatic History*. 46 (2). pp. 349–374.
19. Fitzpatrick, M.P. (2018) Kowtowing before the Kaiser? Sino-German Relations in the Aftermath of the Boxer Uprising. *The International History Review*. 41 (3). pp. 513–538.
20. Lipušček, U. (2013) Interpretations of the Chinese Boxer Rebellion in the Slovenian Press at the Beginning of the 20th Century. *Asian Studies*. 1 (2). pp. 35–49.
21. Corniot, C. (1987) La guerre des Boxeurs d'après la presse française. *Études chinoises*. 6 (2). pp. 73–99.
22. Eskridge-Kosmach, A. (2011) China and Policy of Russia in Respect to China Before 1894 in the Russian Press. *The Journal of Slavic Military Studies*. 24 (3). pp. 481–528.
23. Eskridge-Kosmach, A. (2013) The Boxer Rebellion and the Standpoint of the Russian Press. *The Journal of Slavic Military Studies*. 26 (3). pp. 414–438.
24. Starovoytova, E.O. (2017) “Moy bol’shoy kulak yeshche pri mne!”: bokserskoye vosstaniye v Kitaye v rossiyskikh satiricheskikh izdaniyakh nachala xx veka [“My big fist is still with me!”: The boxing uprising in China in Russian satirical publications of the early 20th century]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2 (19). pp. 81–97.
25. Kuras, L.V. & Kal’mina, L.V. (2021) Goryachiy rubezh vekov: prichiny bokserskogo vosstaniya v Kitaye 1898–1901 gg. v gazete “Vostochnoe obozrenie” [Hot Turn of the Century: Causes of the Boxer Rebellion in China 1898–1901 in the newspaper “Vostochnoe obozrenie”]. *Vlast'*. 4. pp. 246–251.
26. Kuras, L.V. & Kal’mina, L.V. (2021) “Bokserskoye” vosstaniye v sibirskoy dorevolyutsionnoy presse: (na primere “Vostochnogo obozreniya”) [“Boxer” uprising in the Siberian pre-revolutionary press: (on the example of “Vostochnoe obozrenie”). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistikii*. 10 (3). pp. 528–542.
27. Guzey, Ya.S. (2011) Bokserskoye vosstaniye i sindrom “Zheltiy opasnost’”: antikitayskiye nastroyeniya na rossiyskom Dal’nem Vostoke (1898–1902 gg.) [The Boxer Rebellion and the Yellow Peril Syndrome: Anti-Chinese Moods in the Russian Far East (1898–1902)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 69 (1-1). pp. 82–86.
28. Alekseev, P.V. (2020) Notes On Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 189–203. doi: 10.17223/19986645/67/10
29. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolyutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk province: the idea of regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Panchenko, A.B. (2016) “Sibir” ili “Aziatskaya Rossiya” – oblastnichestvo mezhdu imperskim i natsional’nym diskursami [“Siberia” or “Asian Russia” – regionalism between imperial and national discourses]. *Studia Culturae*. 1 (27). pp. 49–59.

31. Kozlov, Yu.P. (ed.) (1987–1992) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Irkutsk: Irkutsk State University.
32. Vasil'yev, V. (1882) *Vostok i Zapad* [East and West]. *Vostochnoe obozrenie*. 1. pp. 2–5.
33. *Vostochnoe obozrenie*. (1901) *Sibirskiye ocherki* [Siberian essays]. 23. 1 April.
34. Popov, I.I. (1989) *Zabytyye irkutskiye stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk Pages: Editor's Notes]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
35. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Sibirskiye ocherki* [Siberian essays]. 135. 20 June.
36. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Sibirskiye ocherki* [Siberian essays]. 129. 13 June.
37. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Sibirskiye ocherki* [Siberian essays]. 193. 29 August.
38. Alekseev, P.V. & Wang, Y. (2014) *Rossiya i Kitay v postkolonial'nom diskurse: problema "self-orientalization"* [Russia and China in postcolonial discourse: the problem of "self-orientalization"] [*Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongolia, Kitay)* [History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Proceedings of the International Conference]. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University.
39. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Sibirskiye ocherki* [Siberian essays]. 146. 4 June.
40. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Iz mandzhurii* [From Manchuria]. 88. 21 April.
41. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Vladivostokskie pis'ma* [Letters From Vladivoskok]. 198. 5 September.
42. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Sibirskiye vesti* [Siberian news]. 124. 7 June.
43. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *S XV uchastka Onon-Kitayskoy vетvi Zh. D. 2-e pis'mo ex-uchitelya tovarishhu* [From the XV section of the Onon-Chinese branch of Railway. 2nd letter from an ex-teacher to a friend]. 64. 21 March.
44. *Vostochnoe obozrenie*. (1901) *Korrespondentsiya. Nerchinskiy zavod* [Correspondence. Nerchinsk factory]. 53. 9 March.
45. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Vesti s Dal'nego vostoka* [News from the Far East]. 4. 8 January.
46. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) *Po Zabaykal'yu (prodolzheniye)* [Through Transbaikal (continued)]. 209. 20 September.

Информация об авторах:

Алексеев П.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Алексеева А.А. – специалист Центра развития науки и инноваций Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: asel.grant@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.V. Alekseev, Dr. Sci. (Philology), head of the Russian Language and Literature Department, Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

A.A. Alekseeva, specialist, Center for the Development of Science and Inovetions, Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: asel.grant@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 14.12.2022;
approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/19986645/89/8

«Тонкий и изящный лирик» или «кобеняющийся Бальмонт»?: Критические и научные публикации о творчестве Г.А. Вяткина XX – начала XXI в.

Ирина Васильевна Герасимчук¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, krendelira@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования критических и научных публикаций, посвященных известному сибирскому поэту и публицисту Г.А. Вяткину. Определяются центры изучения творческого наследия автора, выявляются периоды исследовательской активности, связанные с особенностями биографии Вяткина. Делается вывод о необходимости дальнейшего выявления материалов Вяткина в региональной и столичной прессе и их изучения.

Ключевые слова: Г.А. Вяткин, публицистика, дореволюционная пресса

Для цитирования: Герасимчук И.В. «Тонкий и изящный лирик» или «кобеняющийся Бальмонт»?: Критические и научные публикации о творчестве Г.А. Вяткина XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 171–189. doi: 10.17223/19986645/89/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/8

A “refined and graceful lyricist” or “obstinating Balmont”? Criticism and research of Georgy Vyatkin publications in the 20th – early 21st centuries

Irina V. Gerasimchuk¹

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
¹krendelira@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the research of Georgy Vyatkin's text corpus: critical and scientific materials published during Vyatkin's lifetime and after his rehabilitation. The aim is to identify gaps in the history of the study of his literary heritage. The main method is a comparative analysis of studies of his texts from the point of view of the localization of research schools. In addition to separating the research into two periods, I determined the main regions and cities of investigations. This geography is linked to his biography. The novelty of this study lies in the identification of centers for the study of Vyatkin's works. This is due to the fact that Vyatkin primarily published his works in the local press. For the majority of regional researchers, this is decisive in

choosing the object of study. I found out that most of the researchers are in Omsk, Tomsk, Altai and Novosibirsk. The criticism and reviews in the local press are marks of the first period. Basically, these were Vyatkin's colleagues – writers, editors of publications. In the first period, no scientific approach to Vyatkin's texts is observed. The second one is more related to science. There were studies of translations, poetry and, to a lesser degree, regional journalism. Vyatkin's journalism has a great variety of genres. This part of his texts has not been fully studied. Here one can identify the scientific schools that studied the translations of Vyatkin, his poetry. His journalism was studied less, mostly reviewed as part of the study of the local press of the early 20th century, in some cases, as texts by a contemporary of recognized writers R. Rolland, F. Dostoevsky, I. Bunin, about whom Vyatkin wrote in his articles. Vyatkin's journalism is very diverse, he published reviews, essays, reports, sketches. This part of his texts has not been fully studied. This article contains all the studies of Vyatkin's texts published in the press of the early 20th – early 21st centuries. The main hypothesis is the following: we do not know all Vyatkin's texts because his archive was lost. I have found about 900 texts, 350 of them are prose. Some of them are not included in the collection of his works. Researchers have not seen or studied these texts. At the moment, 62 publications with which he collaborated are known. Vyatkin's texts are scattered among these archives. The study of Vyatkin's works should be continued in order to understand how the regional press developed. This is the way to understand the history of the evolution of the regional press.

Keywords: Georgy Vyatkin, journalism, pre-revolutionary press

For citation: Gerasimchuk, I.V. (2024) A “refined and graceful lyricist” or “obstinating Balmont”? Criticism and research of Georgy Vyatkin publications in the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 89. pp. 171–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/8

Введение

Творчество многих дореволюционных сибирских литераторов до настоящего времени не изучено в полном объеме, и это объясняется не тем, что они были недостаточно талантливы или менее популярны, чем их столичные со-братья по перу. Во многом недостаток исследовательского внимания был связан с советскими установками на создание историко-литературного ландшафта, состоящего из литераторов демократического, революционного направления. Вне этого исследовательского поля оказались поэты и писатели, в творчестве которых не было революционных тенденций, а при желании могли быть усмотрены и областнические, «сепаратистские» настроения. Сегодня эти литераторы начинают привлекать внимание исследователей, но до сих пор невозможно сказать, что они изучены всесторонне и глубоко.

К таким «заново открытым» авторам относится Георгий Андреевич Вяткин (1885–1938), который родился в Омске, свою творческую деятельность начал в Томске, а затем на протяжении всей жизни успешно сотрудничал со многими столичными и региональными российскими изданиями. Он был известен главным образом как поэт и публицист, но также писал пьесы и художественную прозу, публиковал литературно-критические работы, собирал сказки алтайских народов, пробовал себя в детской литературе. Уже

при советской власти, в 1938 г., он был расстрелян, большая часть его личного архива была утрачена. Однако сохранились его изданные книги и публикации, разбросанные по страницам многочисленных газет и журналов, а также письма в архивах его современников, что позволяет изучать его творческое наследие.

Кроме этого, существует значительное количество публикаций как дореволюционного, так и советского и постсоветского периодов, в которых дается оценка его творчества, проводится анализ поэтических, литературно-критических работ и переводов. Обращение к этим материалам необходимо для выявления пробелов в истории изучения литературного наследия Вяткина.

Цель настоящей статьи – анализ и систематизация критических и исследовательских работ, посвященных творчеству Г.А. Вяткина. Основным методом стал сравнительный анализ исследований его текстов с точки зрения локализации исследовательских школ. Новизна данного исследования заключается в определении центров изучения творчества Вяткина, которые соотносятся с этапами жизни литератора. Подход обусловлен фактами первоочередных публикаций произведений Вяткина в локальной прессе, что для большинства региональных исследователей является определяющим в выборе объекта изучения.

Историю исследований творчества Вяткина можно разделить на два этапа: прижизненный, до расстрела в 1938 г., и после реабилитации, которая была осуществлена в 1956 г.

Первый этап – с 1900 по 1938 г. – характеризуется тем, что тексты Вяткина (публиковавшиеся как в качестве отдельных произведений, так и в виде сборников) рассматривались только в литературно-критических работах [1–6]. Внутри этого этапа выделяются дореволюционный и советский периоды.

Особенность второго этапа – с 1956 г. по настоящее время – заключается в том, что имя Вяткина появляется в текстах исследователей литературы и периодики Сибири начала XX в. [7–9], в научных работах, полностью посвященных ему [10,11], а также в исследованиях, рассматривающих отдельные направления его творчества: поэзию, переводы, сказки, рецензии [12, 13]. Также на этом этапе начались работы по сбору и систематизации его произведений: семьей литератора издано пятитомное собрание сочинений [14], но поисковая и исследовательская деятельность продолжается до сих пор [15].

Второй этап также состоит из нескольких периодов: советский (1956–1985), когда после оттепели началась реабилитация жертв политических репрессий и тексты Вяткина снова начали печатать: период «перестройки» и 1990-х гг. (1986–2000), который ознаменовался появлением отдельных научных исследований творчества Вяткина, и современный (с 2001 г. по настоящее время), характеризующийся активизацией исследовательского интереса к поэтическому, литературно-критическому, переводческому, журналистскому наследию Вяткина.

Анализируя корпус критических и научных публикаций о Вяткине, можно увидеть, что наибольшее количество материалов выходит в нескольких географических центрах, связанных с его биографией и географией передвижений. При жизни Вяткина «точками влияния» на творчество стали Омск, Томск, Барнаул (и Алтай в целом), Новосибирск: места рождения, учебы, профессионального становления и смерти автора. Именно здесь в настоящее время в основном и исследуется творческое наследие Вяткина.

Творческое наследие Вяткина: краткий обзор

Прежде чем перейти к анализу критических работ, посвященных творчеству Вяткина, необходимо кратко охарактеризовать основной корпус прижизненных публикаций автора и издания, вышедшие после его реабилитации.

В настоящий момент выявлено 901 текст Вяткина, из них 442 – это стихи и поэмы, остальные тексты прозаического характера: 142 рецензии и критические статьи, 317 художественных и художественно-публицистических произведений – рассказы, очерки, репортажи, сказки, в том числе роман «Открытыми глазами», опубликованный в 1936 г.

Большая часть произведений была опубликована в региональной сибирской прессе – в газетах, журналах и литературных альманахах Томска, Новониколаевска, Барнаула, Иркутска, Омска. Часть вышла в столичных журналах и в харьковской газете «Утро», а также в составе поэтических сборников (наряду с другими авторами).

Произведения Вяткина выходили также отдельными изданиями. Первые три сборника стихотворений вышли в Томске: в 1907 г. – «Стихотворения», в 1909 – «Грезы Севера», в 1912 – «Под северным солнцем». Книгу «Золотые листья» (1917) Вяткин выпустил в Петрограде, а сборник «Алтай» (1917) – в Омске. После Первой мировой войны в Петрограде вышла книга «Опечаленная радость» (1917). Лирику 1917–1922 гг. Вяткин объединил в поэтическом сборнике «Чаша любви» (1922), который появился на свет в новосибирском издательстве «Сибирские огни». В 1918 г. Вяткин приехал в Омск, где вскоре принял предложение от А.В. Колчака возглавить Бюро обзоров повременной печати [16]; как корреспондент Вяткин сопровождал адмирала в его поездках [17]. В этот период Вяткин писал преимущественно прозу и публиковал ее в омских изданиях «Заря», «Русь», «Русская армия», в томских «Сибирской жизни» и «Голосе народа», новониколаевской «Народной Сибири», а также писал стихи, вошедшие в сборник «Раненая Россия» (Екатеринбург, 1919). После отступления на восток и разгрома армии Колчака Вяткин был арестован в Иркутске, после чего этапирован в Омск для суда, где в 1920 г. был приговорен к лишению избирательных прав на три года.

С 1923 г. вся основная публицистическая деятельность Вяткина сосредоточилась в новосибирской региональной прессе и в столичных изданиях. Он публиковался в омской газете «Рабочий путь» и новосибирских «Сибирских огнях», «Сибири» и «Советской Сибири», в столичных «Жизни искусства»,

«Известиях», «Современном театре», «Советском искусстве». В 1937 г. в Новосибирске он был арестован, расстрелян в январе 1938 г. Это стало причиной запрета как ряда книг Вяткина, так и сборников, включавших отдельные его произведения. Частично запрет был введен еще в 1920 г., после лишения избирательных прав, а после расстрела почти двадцать лет произведения Вяткина не переиздавались, творчество его не изучалось [18].

После реабилитации литератора в 1956 г. его стихотворения стали включать в поэтические сборники: «Стихи» (Новосибирск, 1959) и «Поэты 20–30-х годов» (Новосибирск, 1965). В 1980–1990-х гг. были заново изданы роман «Открытыми глазами» (Омск, 1985), «Сказ о Ермаковом походе» (Барнаул, 1985), «Книга настроений» (Томск, 1991), «Раненая Россия» (Омск, 1992). Главным популяризатором творчества писателя выступила его семья, и особенно внук А.Е. Зубарев, который издал Собрание сочинений Вяткина в пяти томах в 2005–2007 гг.; дополненный шестой том вышел в 2012 г. В 2016 г. вышел сборник статей, рецензий и писем Вяткина, посвященных театральной жизни Сибири, с которым собраны основные публикации, выходившие в местной прессе в начале XX в. [19].

Прижизненная критика: рецензии, отзывы, полемика

Современники Вяткина довольно часто писали о его произведениях, что свидетельствует о его известности и влиянии на литературную и общественную жизнь начала XX в. Рецензии, отзывы, литературно-критические статьи публиковались как в региональной прессе, так и в сборниках, и в столичных литературно-критических журналах.

В сферу внимания критиков попадали отдельные поэтические и прозаические произведения, сборники, книги, а также пьесы и их постановки.

Первые оценки появились в отношении драматургических опытов Вяткина: это пьесы «Безкрылые. Картины будничной жизни в 4-х актах» (1904) и «Жертва утренняя (Memento vivere)» (1912). До нас не дошли тексты этих произведений, однако об их существовании мы знаем из критических отзывов журналистов, опубликованных в томских газетах. Следует отметить, что пьесы Вяткина в большинстве своем утрачены, в Полном собрании сочинений опубликованы только два произведения: «Порванные струны» (1908) и «Вечный канун» (1919).

Первый драматургический опыт Вяткина «Безкрылые. Картины будничной жизни в 4-х актах» (1904) критики «Сибирского вестника» восприняли негативно: «...это не картины, как их называет автор, а скорее спешные, небрежные наброски карандашом. <...> Некоторые отдельные сцены написаны автором довольно живо, но их очень немного и они не меняют впечатления» [20]. В статье высказывалось предположение, что «причина некоторого неуспеха дебюта молодого автора» могла быть связана с неопытностью Вяткина в драматургической сфере.

Однако, несмотря на то, что на момент выхода первой пьесы Вяткину исполнилось всего 18 лет, его нельзя было назвать «начинающим» литератором: с 16 лет он работал в качестве рецензента в журнале «Сибирский наблюдатель», где опубликовал более 110 обзоров и критических статей [21]. Современники довольно высоко ценили Вяткина-рецензента, способствовали его карьере критика. Так, Г.Н. Потанин писал Д.А. Клеменцу о Вяткине: «...примите полюбезнее этого молодого человека <...> он здесь постоянно вел театральные рецензии и довольно навострился в них» [22].

В 1912 г. газета «Сибирская жизнь» опубликовала информационную заметку о том, что новая пьеса Вяткина «Жертва утрення» (*Memento vivere*) уже прошла цензуру и даже получила разрешение на постановку труппой Суходрева [23]. Здесь нет оценки произведения, однако то, что пьесу играл профессиональный театральный коллектив Суходрева, говорило о возросшем уровне мастерства драматурга.

Театральная и литературно-критические сферы были первой областью приложения творческих сил юного автора. Однако наиболее известен в литературных кругах он стал благодаря своим поэтическим произведениям. Вяткин стремился влиться в столичные писательские сообщества, активно переписывался с соратниками по цеху и просил дать критическую оценку его творчества. В числе его адресатов были редактор «Русского богатства» П. Якубович, писатель и литературный критик А. Измайлов, писатель-переводчик К. Миль и др. [24].

Однако позиции Вяткина с этой точки зрения оказались весьма уязвимыми. Столичные литераторы воспринимали его в первую очередь как автора регионального, сибирского, и искали в произведениях прежде всего самобытность и «локальность». Но Вяткин не оправдывал надежд ни столичных литераторов, ни сибирских: как писал Н. Чужак, «чувство местного колорита у него абсолютно отсутствует» [25]

В харьковской газете «Утро» (1907) Д.И. Митрохий раскритиковал сборник «Стихотворения»: «...ни в одном ни одной свежей, не затасканной рифмы, ни одного любопытного размера <...> книжку эту можно было бы совершенно обойти молчанием» [26].

Критиковали Вяткина и те, чьи произведения были для него эталоном. Подводя литературные итоги 1907 г. в издании «Золотое руно», А. Блок написал: «Несмотря на то, что лирическим поэтам этого года я посвятил целый очерк, – я далеко не исчерпал всего материала. Впрочем, нет не только возможности, но и особенной необходимости рассуждать о творчестве нижеследующих авторов: Федорова, Юрия Гончаренки ("Вечерние огни"), Вяткина <...> В течение года на горизонте лирики не появилось ни одной яркой звезды»[27].

В. Брюсов в обзоре «Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 гг.)» писал о книге Вяткина «Под северным солнцем»: «...провинциальное неумение писать проступает в каждом стихотворении Г. Вяткина». Брюсов указывал на банальность риторики, однообразные и

скучные рифмы и утверждал, что в дни, когда многие учатся подделывать поэзию, эта банальность – намеренная [1].

Однако не все отзывы на стихотворения Вяткина были негативными. Так, Ал. Золотарев опубликовал в «Современнике» положительную рецензию на сборник «Под Северным солнцем» (Томск, 1911), где назвал автора стихов поэтом, влюбленным в жизнь, которому «есть кого одарить и обогреть, возвратить к жизни своим словом». Этот критик считал, что сборник Вяткина – «радостный подарок русской литературе» [28].

Отдельный сюжет в жизни Вяткина был связан с М. Горьким, который отмечал заметное влияние на Вяткина таких литераторов, как Бальмонт и Достоевский: «Вы еще не самостоятельны, Вы как будто еще не решаетесь пойти своим собственным путем, на Ваших стихах чувствуется влияние Бальмонта <...> на Вас заметно влияние мрачной философии Достоевского <...> радует, что из-под влияния Достоевского Вы уже начинаете освобождаться: целый ряд Ваших стихотворений проникнут совершенно другим чувством: бодрости, любви к жизни, к человеку...» [5].

В отличие от столичных литераторов и критиков, большинство региональных публицистов видели и достоинства в поэзии Вяткина. Например, Н. Николаевич писал, что Вяткин – «тонкий и изящный лирик <...> у него есть «свое», неуловимо «интимное», что делает его настоящим поэтом» [6]. К. Порфириев в 1913 г. опубликовал обзорную статью о сибирских литераторах, где он называл Вяткина наиболее определившимся с «личной изящно-элегической нотой» [29].

В статье Е. Ватман, опубликованной в «Сибирской неделе» (1914), подчеркивалось: «...относительно поэзии Вяткина <...> отмечалось довольно упорно, что она мало самобытна, что в ней очень много заимствований, как от “старых”, так и “новых” поэтов». В свою очередь, Е. Ватман, анализируя сборник «Под северным солнцем», акцентировала внимание на ясной одухотворенности и призыве к жизни в поэзии Вяткина, чем он обязан своей родине – Сибири [3].

С другой стороны, В.Е. Воложанин в докладе «О сибирских поэтах», отмечая, что Вяткин «занимает не последнее место среди сибирских поэтов», подчеркивал, что «стихотворения его порой трафаретны и подражательны» [30]. В 1916 г. в обзоре новинок томской прессы, в частности журнала «Томский студент», автор, подписавшийся С.Б., отметил, что из стихов нового издания «заслуживает быть отмеченными: “Магдалина” Г. Вяткина и “Туман” А.А. Оленича-Гнененко» [31].

Вяткин был лично знаком с Г.Н. Потаниным, который называл его томским П.И. Вейнбергом: «...наш томский поэт – вернее, хороший версификатор <...> мы здесь корчим столицу, завели литературное общество, даже и Вейнберг есть» [22]. Поскольку Вяткин неоднократно помогал публиковать стихотворения М.Г. Васильевой, второй жены Потанина, в местной прессе, его имя встречается в переписке супругов Потаниных. Так, в письме жене от 22 сентября 1909 г. Потанин писал: «Рядом с Вашим “Эдельвейсом” помещено и стихотворение Вяткина, в котором тоже упоминается эдельвейс.

И мне, и другим Ваше больше нравится. Вяткинское вызывает в воображении кобенящегося Бальмонта» [32].

Обзор высказываний современников о творчестве Вяткина, относящихся к дореволюционному периоду, дает основание сделать вывод, что чаще всего начинающего литератора упрекали в подражательности, «вторичности», отсутствии самобытности. Тем не менее поэтические опыты Вяткина попадали в сферу внимания крупных художников слова: А. Блока, В. Брюсова, М. Горького, что говорило об определенной известности молодого поэта, выделившегося на фоне многочисленных провинциальных авторов. В сибирской прессе стихи Вяткина оценивали высоко, при этом считая подражание столичным литераторам не недостатком, а скорее особенностью местного автора.

В первые годы становления советской власти произведения Вяткина оказались востребованы как материал для обучения грамоте крестьянских детей: известный популяризатор литературы Адриан Топоров предлагал тексты Вяткина крестьянским детям для чтения и обсуждения. Вяткин, узнав об этом, дал рекомендации по выбору литературы, опираясь на свой литературоведческий опыт, а также высказал на рецензию юным крестьянам свою детскую книжку «Приключения китайского болванчика», порекомендовав взрослым обратить внимание на классиков российской и сибирской литературы [2].

Оценивая Вяткина как детского писателя, К. Гайлит обращалась к книге «Приключения китайского болванчика» и сборнику «Алтайские сказки» (1926). В ее статье появился идеологический аспект: критик подчеркивала, что сказки не соответствуют историческому и политическому моменту, литератор не может «дать сейчас детям ту самую “большевистски бодрую книгу, зовущую на борьбу и победу”, которую требует ЦК партии» [33]. Впоследствии, после второго ареста и расстрела Вяткина, тираж книжки про болванчика был изъят [18].

Серьезную дискуссию вызвала поэма Вяткина «Сказ о Ермаковом походе» («Сибирские огни», 1927), это произведение подверглось критике в первую очередь со стороны омской прессы. Ученый и поэт П. Драверт утверждал, что Вяткин представил Ермака как предтечу революционеров, но отказал ему в широте образов, индивидуальном прочтении исторических лиц и явлений: «Не все приемлемое нами у Шекспира, можно разрешить Вяткину» [4]. Автор поэмы обратился за поддержкой к Горькому, которому произведение понравилось; он был убежден, что поэма будет читаться, и посодействовал в публикации текста отдельным изданием, написав руководителю государственного издательства А. Халатову: «...вещь – неплохая. <...> Не найдете ли Вы возможным издать этот “Сказ”? [34].

Завершая обзор прижизненных публикаций о творчестве Вяткина, следует подчеркнуть, что они представляют собой не научные работы, а критические статьи и рецензии. Это подтверждается собственноручно заполненной анкетой Вяткина в комиссию по приему в члены Союза советских писателей

(21 мая 1934 г.), где на вопрос «kritические отзывы и где напечатаны» Вяткин уточнил, что «статьей более-менее обстоятельных не было, газетные рецензии и заметки были преимущественно в сибирских изданиях» [35].

Исследования творчества Вяткина после реабилитации: основные направления

Одной из первых публикаций о Вяткине после его реабилитации в 1956 г. стала статья-воспоминание И. Хейсина (1959), в которой он, знавший Вяткина лично, отзывался о нем как о части «лучшей литературной силы Сибири» [7].

К числу первых научных работ о вяткинском творчестве относятся статьи Е. Беленьского 1964 и 1975 гг. В первой автором была предпринята попытка анализа не только стихотворений, но и публицистики Вяткина, отмечался «историзм мышления» и утверждалось, что «лучшие произведения и сегодня достойны внимания читателя» [36]. В статье 1975 г. особенностями поэтического дара Вяткина были названы жизнелюбие и «пейзажность», а также отмечены перемены в его творчестве, связанные с внешними обстоятельствами (война, революция, арест). Особо Е. Беленький обратил внимание на подражание Вяткина другим поэтам на раннем этапе творчества и отметил, что впоследствии, при прижизненном переиздании стихотворений, часть текстов Вяткин вычеркнул, в том числе «многие “бальмонтовские” стихи с излишней звуковой виртуозностью»; этот шаг был назван признаком зрелости поэта [37].

Литературное наследие Вяткина также вызывало интерес исследователей-краеведов. К примеру, в журнале «Звезда Алтая» (Барнаул, 1978) вышла статья Г. Кондакова, посвященная алтайским работам Вяткина. Здесь отмечались точность наблюдений Вяткина, целостность чувств, объективированный показ природы и местного населения [38]. Положительную оценку стихотворениям Вяткина об Алтае давал и В. Трушкин, он называл их технически совершенными [8].

В период «перестройки» и вплоть до 2000-х гг. о Вяткине писали довольно редко. Так, в журнале «Алтай» были опубликованы две статьи, в которых упоминался Вяткин: В. Шапошников писал о Вяткине в ракурсе исследования критики сибирской литературы на страницах газеты «Жизнь Алтая» [39], В. Гришаев упоминал его в работе об истории культуры Алтая [40]. Можно также отметить статьи С.В. Шоломовой, в которых исследовалось влияние Блока на поэзию Вяткина, проводился анализ взаимодействия Вяткина с литераторами-современниками [10, 41, 42].

В начале 2000-х гг. интерес к наследию Вяткина заметно увеличивается. Прежде всего это было связано с изданием Собрания сочинений Вяткина в пяти томах. Кроме того, омские, новосибирские, алтайские и томские учёные стали обращаться к текстам Вяткина в связи с активизацией исследовательского интереса к истории региональной литературы и журналистики.

В настоящий момент можно выделить несколько центров изучения творчества Вяткина в Сибири.

Омск. В этом городе Вяткин родился, и здесь же он принял предложение адмирала Колчака работать директором Бюро обзоров повременной печати с правами заместителя управляющего Отделом печати [16], что впоследствии стало причиной первого ареста. В 1918 г. Колчак провозгласил Омск Белой столицей России [43], это стало одним из векторов краеведческих исследований, в том числе, связанных с литературой того периода. Произведения Вяткина вошли в сборник «Поэзия Белой столицы: стихи поэтов Омска 1918–1919», вышедший в 2016 г., и стали объектом исследования Н.В. Елизаровой, которая назвала одной из ключевых тем поэзии Вяткина Воскресение Христово [42]. Стихотворения Вяткина фигурируют не только в статьях Н.В. Елизаровой, посвященных библейским мотивам в поэзии, но и в исследовании В.И. Хомякова, называющего Вяткина «рыцарем литературы» и отмечающего: «В чем всегда был силен Г. Вяткин, – так это в лирике природы, любви, философских раздумий. Но ему не были чужды и гражданские мотивы. <...> Следует отметить, что в области гражданской поэзии Вяткин не одержал сколь-нибудь заметных побед. Стихи этого плана страдают публицистичностью, риторикой» [44].

Особняком стоят исследования омских ученых, касающиеся взаимосвязи Вяткина и Достоевского: это обусловлено особым значением Достоевского для Омска, где писатель был на каторге. Известно, что Вяткин выступал с докладами о самом известном омском каторжанине, провел и опубликовал журналистское расследование «Достоевский в Омской каторге», которое сохранило значимость до сих пор [13]. Омичи изучают критические статьи Вяткина о произведениях Достоевского, осмысляют опыт рецепции личности и творчества Достоевского Вяткиным на страницах сибирских периодических изданий [45]. Часть исследователей изучают Вяткина как одного из литераторов Омска [46–49], а также как родоначальника сибирской театральной критики [21].

Алтай. Внук литератора, А.Е. Зубарев, писал: «Георгий Андреевич – первый русский поэт, воспевший в своих стихах красоту Алтая, впервые собравший народные сказки и легенды Алтая и выпустивший книгу “Алтайские сказки”, иллюстрации к которой сделал Григорий Чорос-Гуркин» [48]. Поэтому неудивительно, что алтайские исследователи принимают активное участие в изучении творческого наследия Вяткина.

Так, Т.П. Шастина и Э.П. Чинина в статье «Поездка на Алтай как курортный сюжет в Томской губернской периодике» изучают «наброски» Г. Вяткина «В горах Алтая (поэзия и проза курортной жизни)» [49]. Как и современники Вяткина, алтайские исследователи отмечают влияние столичных литераторов на его поэзию, в которой звучат «отголоски литературных манифестов представителей Серебряного века русской поэзии, и солярные лозунги поэтов революции, и <...> классическая идея жертвенности творческого дара» [50].

Новосибирск. Новосибирские исследователи к творчеству Вяткина чаще всего обращаются с краеведческими целями, через его тексты изучая историю и культуру региона (см., например: [10, 51, 52]). Исследование

В.И. Шишкина посвящено взаимоотношениям Вяткина с различными властными структурами, от Колчака до Советов: они изложены в статье «Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы Гражданской войны», в которой автор обращается к публицистике литератора [12]. Е.В. Капинос и И.Е. Лошилов изучают влияние Кнута Гамсун на сибирских писателей начала XX в., анализируют признаки «сибирской гамсунианы» в рецензиях Вяткина [53].

Томск. На рецензии Вяткина опираются в своих исследованиях учёные кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета (ТГУ): тексты Вяткина, посвященные культурной жизни, позволяют сегодня изучать историю местного театра [54–56], особенности постановок на томской сцене, специфику восприятия произведений французских и немецких авторов [56–58]. Литературные рецензии Вяткина также интересны современным исследователям, которые отмечают, что, несмотря на критику в адрес модернистов, у поэта обнаруживаются элементы символизма [56]. Один из ключевых томских исследователей творчества Вяткина А.В. Яковенко отмечал: «Во всех рецензиях и аннотациях сквозит заинтересованность их автора в развитии экономического и культурного потенциала Сибири, народа, её населяющего, сочувствие к деятельности различных сибирских обществ, несущих жителям сурового края культуру, знания и духовный прогресс» [21].

Изучая наследие Вяткина-переводчика, исследователи Томска отмечают определенную стратегию переводов литератора: региональные особенности, стилистическое подражание, использование псеводопереводов [57]. Так, по мнению Ю. Тихомирова, стихотворения Вяткина «Из Роберта Бернса», опубликованные в 1903, 1904, 1905 гг., не имеют оригинала, а являются «попыткой выдать за перевод оригинальное русское стихотворение, построенное на принципе собирания в единое целое образно-стилевых особенностей иноязычного автора». Исследователь предполагает, что стилистическое и эстетическое подражание как иностранным литераторам, так и столичным поэтам является частью поэзии Вяткина [58].

Второе направление исследований творчества Вяткина в ТГУ – его журналистская деятельность. Здесь исследователем периодики начала XX в. является Н.В. Жилякова, в научные интересы которой входит и творчество Вяткина как одного из активных публицистов Томска [59–61]. Однако отдельно публицистика Вяткина не изучалась, хотя он и упоминается исследователями как автор, повлиявший на становление региональной прессы Сибири.

В целом предметом исследования в современных работах являются в основном стихотворения Вяткина, его переводы и литературно-критические материалы. Менее изученным является публицистическое и журналистское наследие писателя, несмотря на то, что в его репортажах, очерках и статьях отражена важная часть истории Сибири начала XX в. На момент публикации автором настоящей статьи выявлено 346 непоэтических текстов Вяткина, которые были опубликованы в 60 периодических изданиях, большая часть в Сибири, на Алтае, в Поволжье. Однако корпус материалов, вероятно,

будет пополняться и дальше, поскольку Вяткин являлся активным участником не только провинциальной, но и столичной печати, а этот материал практически не изучен.

Выводы

Благодаря литературно-критическим и научным публикациям, освещавшим творчество Г.А. Вяткина, стало возможным определить значимость и место литератора в «культурном ландшафте» России и Сибири. Уже на первом – прижизненном – этапе литературные критики отмечали несомненную одаренность автора: его произведения были «заметны» на общероссийском уровне, попадали в обзоры крупных мастеров слова, хотя и подвергались нередко серьезной критике. Отсутствие «региональной привязки», регионального колорита в вяткинской поэзии осуждалось, как и некоторая монотонность ряда его поэтических произведений. Определенную ценность современники видели в литературно-критических работах Вяткина, но при этом никак не комментировали и не обсуждали его журналистские тексты: яркие, динамичные репортажи, знакомящие региональных читателей с наиболее значимыми событиями столичной культурной жизни, а затем с событиями Первой мировой войны; зарисовки и очерки, посвященные людям, заметным явлениям жизни Томска, Сибири, России. Вне сферы внимания критиков оказалась и вся переводческая деятельность Вяткина, а его детские произведения стали попадать в сферу литературной критики во время становления советской власти, когда на первый план вышла идеология, и поэтому они не были оценены по достоинству.

Можно сделать вывод, что прижизненные публикации о Вяткине констатировали востребованность его творчества у современников, давали ему критическую оценку, но позволяли оценить разносторонность деятельности литератора.

После реабилитации творческое наследие Вяткина вызвало интерес ученых, которых можно распределить по географическим центрам исследований: Омск, Новосибирск, Алтай, Томск, – что было связано с поворотными точками в биографии исследуемого литератора. Теперь в сферу внимания попадает не только поэзия, но и переводы, театральная критика, детская литература, произведения, посвященные Ф.М. Достоевскому, Алтаю. При этом публистика Вяткина по-прежнему изучена недостаточно, несмотря на то, что он был свидетелем и участником многих ключевых событий в стране и регионе. Дальнейший поиск и изучение публицистических материалов Вяткина позволят восстановить корпус текстов в полном объеме, увидеть в динамике историю становления региональной прессы, одним из ключевых представителей которой являлся Вяткин, и определить влияние литератора на процесс развития и становления регионального самосознания.

Список источников

1. *Брюсов В.Я.* Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М. : Советский писатель, 1990. 720 с.
2. *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях. 6-е изд. Белгород : КОНСТАНТА, 2015. 300 с.
3. *Вяткин Е. Г.* Вяткин. Страница из современной поэзии и современных исканий // Сибирская неделя. 1914. № 5–8. С. 26–34.
4. *Драверт П.Л.* Перекрашенный Ермак // Рабочий путь. 1927. № 143. С. 3.
5. *Горький А.М.* Собрание сочинений : в 30 т. Т. 29. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 291–292.
6. *Николаевич Н.* Алтай в творчестве Г. Вяткина // Народная Сибирь. 1918. № 73. С. 3.
7. *Хейсин И.С.* Страницы прошлого: Воспоминания о литературной Сибири // Ангара. 1959. № 2. С. 112–121.
8. *Трушкин В.П.* Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во, 1967. 312 с.
9. *Раппопорт Е.* Его знал Бунин // Ангара. 1968. № 6. С. 61.
10. *Шоломова С.В.* «Скорбная житейская дорога»: Харьковские страницы творческой биографии Г. Вяткина // Сибирские огни. 1991. № 2. С. 158–162.
11. *Цырульникова М.А.* Ретрансляция идеи пути в контексте Серебряного века (Г. Вяткин) // Культура и текст. 1997. № 2. С. 98.
12. *Шишкин В.И.* Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы Гражданской войны // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 2 (история). С. 56–68.
13. *Каткова Е.И.* Георгий Вяткин и Ф.М. Достоевский: взгляд библиографа // Сибирь литературная. XVIII–XXI : материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 23–24 мая 2014 г. / под ред. Э.И. Концевой, Ю.П. Зародовой. Омск, 2014. С. 118–123.
14. *Вяткин Г.А.* Собрание сочинений : в 5 то. / под ред. Т.Г. Зубаревой, А.Е. Зубарева, М.С. Штерн. Омск : Кн. изд-во, 2005.
15. *Устинов А.Б., Лощилов И.Е.* Великая война и сибирская память: Георгий Вяткин в американской поэтической антологии 1916 года // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 106–128.
16. Управление делами Верховного Правителя и Совета Министров. Приказ № 125 от 7 марта 1919 года // Правительственный вестник. 1919. № 93. С. 2.
17. *Горшенин А.В.* Беседы о русской литературе Сибири. Новосибирск, 2020. 394 с.
18. *Блюм А.В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 404 с.
19. *Вяткин Г.А.* TEATR etc.: статьи и заметки. Омск : OMIZDAT, 2016. 329 с.
20. *Б.Б. Безкрылье Г. Вяткина* // Сибирский вестник. 1904. № 15. С. 3.
21. *Яковенко А.В.* Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX в. и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского университета. 2007. № 22. С. 86–90.
22. *Письма Г.Н. Потанина.* Т. 5. // Письма Г.Н. Потанина. / под ред. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновского. Иркутск, 1991. С. 272.
23. *М.Г. Театр Г.А. Вяткина* // Сибирская жизнь. 1912. № 27. С. 5.
24. *Дубровский А.В.* «Дик и чуден Алтай» (по материалам архива Г.А. Вяткина в ИРЛИ РАН) // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология / под ред. Е.Е. Дмитриевой, П.В. Алексеева, М. Эспаня. М. : Азбуковник, 2021. С. 450–475.
25. *Чужсак Н.* Сибирский мотив в поэзии. (От Бальдауфа до наших дней). Чита, 1922. С. 61–79.
26. *Митрохий Д.И.* Вяткин. «Стихотворения». Томск, 1907 г. // Утро. 1907. № 126. С. 6.

27. Блок А.А. Литературные итоги 1907 года // Золотое руно. 1907. № 11–12. С. 91–98.
28. Золотарев А.Г. Вяткин под северным небом. Томск. 1911 г. // Современник. 1912. № 10. С. 362–364.
29. Порфириев К. От Омuleвского до наших дней: Несколько слов о сибирских поэтах // Жизнь Алтая. 1913. № 98. С. 3–4.
30. Б-въ В. О сибирских поэтах: (Доклад В.Е .Воложанина) // Сибирская жизнь. 1913. № 277. С. 4.
31. С.Б. Сибирская библиография // Сибирская мысль. 1916. № 11. С. 4.
32. Потанин Г.Н. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
33. Гайлит А. Заметки о сибирской детской литературе // Сибирские огни. 1933. № 5–6. С. 150–156.
34. Горький и советская печать / под ред. Р.П. Пантелеевой. М. : Наука, 1964. С. 104–105.
35. Вяткин Г.А. Заявление Г.А. Вяткина в комиссию по приему в члены Союза советских писателей. 21.05.1934 г. 1 л. Росткatalog РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#collections?id=6332660> (дата обращения: 20.04.2023).
36. Беленький Е.И. Георгий Вяткин // Сибирские огни. 1964. № 5. С. 171–178.
37. Беленький Е.И. Всему живому брат и друг... // Алтай. 1975. № 3. С. 72–81.
38. Кондаков Г. Земле – земное // Звезда Алтая. 1978. № 24. С. 4.
39. Шапошников В. На одной из сибирских окраин... : Сибирская литература на страницах газеты «Жизнь Алтая» // Алтай. 1991. № 5. С. 171–176.
40. Гришаев В. Сибирский рассвет: Из истории культуры Алтая // Алтай. 1987. Т. 3. С. 113–116.
41. Шоломова С.В. К истории первой постановки драмы «Роза и крест» // Литературное наследство. Т. 92, кн. 5. М., 1993. С. 52–55.
42. Елизарова Н.В. Библейские образы в произведениях поэтов белой столицы 1918–1919 гг. // Сибирь литературная XVIII–XXI веков : материалы Всеросс. научно-практич. конф., посвящ. 35-летию Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского, Омск, 29–30 мая 2018 года. Омск, 2018. С. 20–25.
43. Елизарова Н.В. История Омска: 1917–1919 годы. URL: <https://admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/1917-1919> (дата обращения: 20.04.2023).
44. Хомяков В.И. Сибирская Ипокрена. Литературные портреты омских писателей. Омск : Омский государственный университет, 2003. С. 314. URL: <http://www.univer.omsk.su/pages/ipokrena/s110.html> (дата обращения: 20.04.2023).
45. Ляпина А.В. Ф.М. Достоевский в публицистике Г.А. Вяткина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2021. Т. 20, № 6. С. 35–44.
46. Сизов С.Г. Трагические судьбы поэтов Белого Омска // Человек и общество в нестабильном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 2 марта 2018 г. Омск : Омская юридическая академия, 2018. С. 158–162.
47. Сизов С.Г. Культурный процесс Белого Омска (1918–1919) // Книга: Сибирь – Евразия : труды I Междунар. науч. конгресса, Новосибирск, 1–3 сентября 2016 г. Новосибирск, 2017. С. 151–158.
48. Зубарев А.Е., Вяткин Г.А. Носите Родину в сердце. Георгий Вяткин, недосказанное... Из милого далёка... Давно нечитанные строки : [стихи, рассказы, очерки, статьи, миниатюры] / под ред. А.Е. Зубарева. Омск : Полиграф, 2016. 304 с.
49. Чинина Э. П., Шастина Т.П. Поездка на Алтай как курортный сюжет в Томской губернской периодике // Алтайский текст в русской культуре : сб. науч. ст. / отв. ред. М.П. Гребнева, Т.В. Чернышова. Барнаул, 2019. С. 249–261.

50. Шастина Т.П. Алтай поэта Г.А. Вяткина – взгляд сквозь образную систему художника Г.И. Гуркина // Г.И. Чорос-Гуркин и современность : сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения основоположника изобразительного искусства Горного Алтая, известного общественного и политического деятеля Г.И. Чорос-Гуркина. Горно-Алтайск, 2020. С. 46–54.

51. Кузменкина Л. Зачем Ромен Роллан писал письма в Новосибирск? URL: <https://sib.fm/columns/2021/05/01/zachem-romen-rollan-pisal-pisma-v-nash-gorod> (дата обращения: 20.04.2023).

52. Родченко Ю.И. К истории первого сезона театра Е.И. Королева в Томске (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. Т. 6, № 26. С. 27–31.

53. Капинос Е.В., Лоццов И.Е. Кнут Гамсун в Сибири // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 315–336.

54. Родченко Ю.И. «Тартюф» Ж.Б. Мольера в театральных рецензиях томской периодики конца XIX – начала XX в. (на материале «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни») // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 20–23.

55. Родченко Ю.И. «Хорошо сделанная пьеса» на сцене Томского театра конца XIX – начала XX вв // Казанская наука. 2014. № 9. С. 139–144.

56. Сенинг М.А. Г.А. Вяткин и модернисты (по материалам публикаций в газете «Сибирская жизнь» 1913–1914 гг.) // Актуальные проблемы журналистики : сб. трудов молодых ученых. Томск, 2014. № 9. С. 25–26.

57. Синицына М.С. Г.А. Вяткин – переводчик немецкой поэзии // Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания : материалы II Междунар. науч. форума, 18–19 сентября 2019 г. Томск, 2019. С. 273–277.

58. Тихомирова Ю.А. Псевдопереводы Г.А. Вяткина из Роберта Бернса // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Т. 2. М., 2014. С. 393–401.

59. Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015.

60. Жилякова Н.В. Жанровые процессы в журналистике Сибири начала XX в.: становление жанра репортажа (на материалах газеты «Сибирская жизнь», г. Томск, 1897–1919) // Русская литература и журналистика в движении времени. 2019. № 1–1. С. 149–157.

61. Жилякова Н.В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века / под ред. О.И. Лепилкиной. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2020. 386 с.

References

1. Bryusov, V.Ya. (1990) *Sredi stikhov. 1894–1924: Manifesty. Stat'i. Retsenzii* [Among the Poems. 1894–1924: Manifestos. Articles. Reviews]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
2. Toporov, A.M. (2015) *Krest'yane o pisatelyakh* [Peasants about Writers]. 6th ed. Belgorod: KONSTANTA.
3. Vatman, E.G. (1914) Vyatkin. Stranichka iz sovremennoy poezii i sovremennykh iskaniy [A page from modern poetry and modern research]. *Sibirskaya nedelya*. 5–8. pp. 26–34.
4. Dravert, P.L. (1927) *Perekhrennyy Yermak* [Repainted Yermak]. *Rabochiy put'*. 143. P. 3.
5. Gor'kiy, A.M. (1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 29. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit-ry. pp. 291–292.

6. Nikolaevich, N. (1918) Altay v tvorchestve G. Vyatkina [Altai in the works of G. Vyatkin]. *Narodnaya Sibir'*. 73. P. 3.
7. Kheysin, I.S. (1959) Stranitsy proshloga. Vospominaniya o literaturnoy Sibiri [Pages of the past. Memories of literary Siberia]. *Angara*. 2. pp. 112–121.
8. Trushkin, V.P. (1967) *Literaturnaya Sibir' pervykh let revolyutsii* [Literary Siberia in the First Years of the Revolution]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Rappoport, E. (1968) Ego znal Bunin [Bunin knew him]. *Angara*. 6. P. 61.
10. Sholomova, S.V. (1991) "Skorbnaya zhiteyskaya doroga": Khar'kovskie stranitsy tvorcheskoy biografii G. Vyatkina ["The sorrowful road of life": Kharkov pages of the creative biography of G. Vyatkin]. *Sibirskie ogn'i*. 2. pp. 158–162.
11. Tsyrul'nikova, M.A. (1997) Retranslyatsiya idei puti v kontekste Serebryanogo veka (G. Vyatkin) [Retranslation of the idea of the path in the context of the Silver Age (G. Vyatkin)]. *Kul'tura i tekst*. 2. P. 98.
12. Shishkin, V.I. (2003) Poet i vlast': G. A. Vyatkin v gody Grazhdanskoy voyny [Poet and power: G. A. Vyatkin during the Civil War]. *Vestnik NGU. Seriya Istorija, filologija*. 2 (2). pp. 56–68.
13. Katkova, E.I. (2014) [Georgy Vyatkin and F.M. Dostoevsky: a bibliographer's view]. *Sibir' literaturnaya. XVIII–XXI* [Literary Siberia. 18th – 21st century]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 23–24 May 2014. Omsk: Informatsionno-tehnologicheskiy tsentr. pp. 118–123. (In Russian).
14. Vyatkin, G.A. (2005) *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo.
15. Ustinov, A.B. & Loshchilov, I.E. (2020) Velikaya voyna i sibirskaya pamyat': Georgiy Vyatkin v amerikanskoy poeticheskoy antologii 1916 goda [The Great War and Siberian memory: Georgy Vyatkin in the American poetic anthology of 1916]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 106–128.
16. Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Upravlenie delami Verkhovnogo Pravitelya i Soveta Ministrov. Prikaz № 125 ot 7 marta 1919 goda [Management of the affairs of the Supreme Ruler and the Council of Ministers. Order No. 125 of March 7, 1919]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 93. P. 2.
17. Gorshenin, A.V. (2020) *Besedy o russkoj literature Sibiri* [Conversations about Russian Literature of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.].
18. Blyum, A.V. (2003) *Zapreshchenyye knigi russkikh pisateley i literaturovedov 1917–1991. Indeks sovetskoy tsenzury s kommentariyami* [Banned Books by Russian Writers and Literary Critics 1917–1991. Index of Soviet censorship with comments]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts.
19. Vyatkin, G.A. (2016) *TEATR etc. Stat'i i zameтки* [THEATER etc. Articles and notes]. Omsk: OMIZDAT.
20. V.B. (1904) Bezkrylye G. Vyatkina [The Wingless by G. Vyatkin]. *Sibirskiy vestnik*. 15. P. 3.
21. Yakovenko, A.V. (2007) G.A. Vyatkin kak retsenzent sibirskikh izdaniy nachala XX v. i issledovatel' kul'tury chteniya v Sibiri [G.A. Vyatkin as a reviewer of Siberian publications of the early 20th century. and researcher of reading culture in Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 22. pp. 86–90.
22. Grumm-Grzhimaylo, A.G., Koval', S.F. & Yanovskiy, N.N. (eds) (1991) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 272.
23. M.G. (1912) Teatr G.A. Vyatkina [Theater of G.A. Vyatkin]. *Sibirskaya zhizn'*. 27. P. 5.
24. Dubrovskiy, A.V. (2021) "Dik i chuden Altay" (po materialam arkhiva G.A. Vyatkina v IRLI RAN) ["Wild and wonderful Altai" (based on materials from the archive of G.A. Vyatkin at the Institute of Literature of the Russian Academy of Sciences)]. In: Dmitrieva, E.E., Alekseev, P.V. & Espagne, M. (eds) *Sibir' kak pole mezhekul'turnykh vzaimodeystviy: literatura, antropologiya, istoriografiya, etnologiya* [Siberia as a Field of Intercultural

- Interactions: Literature, anthropology, historiography, ethnology]. Moscow: Azbukovnik. pp. 450–475.
25. Chuzhak, N. (1922) *Sibirskiy motiv v poezii. (Ot Bal'daufa do nashikh dney)* [Siberian Motive in Poetry. (From Baldauf to the present day)]. Chita: Tipografiya Ob'edinennogo Soyusa Zabaykal'skikh Kooperativov. pp. 61–79.
26. Mitrokhin, D.I. (1907) Vyatkin. "Stikhovoreniya". Tomsk, 1907 g. [Vyatkin. Poems. Tomsk, 1907]. *Utro*. 126. P. 6.
27. Blok, A.A. (1907) Literaturnye itogi 1907 goda [Literary results of 1907]. *Zolotoe runo*. 11–12. pp. 91–98.
28. Zolotarev, A.G. (1912) Vyatkin pod severnym nebom. Tomsk. 1911 g. [Vyatkin under the northern sky. Tomsk. 1911]. *Sovremennik*. 10. pp. 362–364.
29. Porfir'ev, K. (1913) *Ot Omulevskogo do nashikh dney. Neskol'ko slov o sibirskikh poetakh* [From Omulevsky to the present day. A few words about Siberian poets]. *Zhizn' Altaya*. 98. pp. 3–4.
30. B-v", V. (1913) O sibirskikh poetakh (Doklad V.E. Volozhanina) [About Siberian poets (Report by V.E. Volozhanin)]. *Sibirskaya zhizn'*. 277. P. 4.
31. S.B. (1916) *Sibirskaya bibliografiya* [Siberian bibliography]. *Sibirskaya mysl'*. 11. P. 4.
32. Potanin, G.N. (2004) "Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu". *Perepiska* ["I want to serve you, to dress you with my love." Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Gaylit, A. (1933) *Zametki o sibirskoy detskoj literature* [Notes on Siberian children's literature]. *Sibirskie ogni*. 5–6. pp. 150–156.
34. Pantelieeva, R.P. (ed.) (1964) *Gor'kiy i sovetskaya pechat'* [Gorky and the Soviet Press]. Moscow: Nauka. pp. 104–105.
35. Vyatkin, G.A. (1934) *Zayavlenie G.A. Vyatkina v komissiyu po priemu v chleny Soyusa sovetskikh pisateley*. 21.05.1934 g. 1 l. [G.A. Vyatkin's Statement to the commission for admission to membership in the Union of Soviet Writers. 21.05.1934. 1 p.]. *Roskatalog.rf*. [Online] Available from: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6332660> (Accessed: 20.04.2023).
36. Belen'kiy, E.I. (1964) Georgiy Vyatkin. *Sibirskie ogni*. 5. pp. 171–178. (In Russian).
37. Belen'kiy, E.I. (1975) *Vsemu zhivomu brat i drug...* [Brother and friend to all living things...]. *Altay*. 3. pp. 72–81.
38. Kondakov, G. (1978) *Zemle – zemnoe* [Earthly – to the Earth]. *Zvezda Altaya*. 24. P. 4.
39. Shaposhnikov, V. (1991) *Na odnoy iz sibirskikh okrain...: Sibirskaya literatura na stranitsakh gazety "Zhizn' Altaya"* [On one of the Siberian outskirts...: Siberian literature on the pages of the newspaper "Life of Altai"]. *Altay*. 5. pp. 171–176.
40. Grishaev, V. (1987) *Sibirskiy rassvet. Iz istorii kul'tury Altaya* [Siberian dawn. From the history of Altai culture]. *Altay*. 3. pp. 113–116.
41. Sholomova, S.V. (1993) *K istorii pervoy postanovki dramy "Roza i krest"* [On the history of the first production of the drama "Rose and Cross"]. In: Shcherbina, V.R. (ed.) *Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniya* [Alexander Blok: New materials and research]. Moscow: Nauka. pp. 52–55.
42. Elizarova, N.V. (2018) [Biblical images in the works of poets of the white capital of 1918–1919]. *Sibir' literaturnaya XVIII–XXI vekov* [Literary Siberia of the 18th – 21st Centuries]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 29–30 May 2018. Omsk: Nauka. pp. 20–25. (In Russian).
43. Elizarova, N.V. (n.d.) *Istoriya Omska: 1917–1919 gody* [History of Omsk: 1917–1919]. *Omsk.rf. Ofitsial'nyy portal Administratsii goroda Omska* [Omsk. The Official Site of the City of Omsk]. [Online] Available from: <https://admomsk.ru/web/guest/city/history/timeline/1917-1919> (Accessed: 20.04.2023).
44. Khomyakov, V.I. (2003) *Sibirskaya Ipokrena. Literaturnye portrety omskikh pisateley* [Siberian Hypocrene. Literary portraits of Omsk writers]. Omsk: Omsk State University.

- P. 314. [Online] Available from: <http://www.univer.omsk.su/pages/ipokrena/s110.html> (Accessed: 20.04.2023).
45. Lyapina, A.V. (2021) F.M. Dostoevskiy v publitsistike G.A. Vyatkina [F.M. Dostoevsky in the journalism of G.A. Vyatkin]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, Filologija.* 6 (20). pp. 35–44.
46. Sizov, S.G. (2018) [Tragic fates of the poets of White Omsk]. *Chelovek i obshchestvo v nestabil'nom mire* [Man and Society in an Unstable World]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 02 March 2018. Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya. pp. 158–162.
47. Sizov, S.G. (2017) [Cultural process of White Omsk (1918–1919)]. *Kniga: Sibir' – Evrazija* [Book: Siberia – Eurasia]. Proceedings of the I International Congress. Novosibirsk. 01–03 September 2016. Novosibirsk: SPSTL SB RAS. pp. 151–158. (In Russian).
48. Zubarev, A.E. & Vyatkin, G.A. (2016) *Nosite Rodinu v serdtse. Georgiy Vyatkin, nedoskazannoe... Iz milogo daleka... Davno nechitannye stroki : [stikhi, rasskazy, ocherki, stat'i, miniatyury]* [Carry your homeland in your heart. Georgy Vyatkin, unsaid... From a dear far away land... Long unread lines: [poems, stories, essays, articles, miniatures]]. Omsk: Poligraf.
49. Chinina, E. P. & Shastina, T.P. (2019) Poezdka na Altay kak kurotnyy syuzhet v Tomskoy gubernskoy periodike [A trip to Altai as a resort story in Tomsk provincial periodicals]. In: Grebneva, M.P. & Chernyshova, T.V. (eds) *Altayskiy tekst v russkoj kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Barnaul: Altay State University. pp. 249–261.
50. Shastina, T.P. (2020) Altay poeta G.A. Vyatkina – vzglyad skvoz' obraznuyu sistemу khudozhnika G.I. Gurkina [Altai of the poet G.A. Vyatkin – a look through the figurative system of the artist G.I. Gurkin]. In: Evkeev, N.V. (ed.) *G.I. Choros-Gurkin i sovremennost'* [G.I. Choros-Gurkin and Modernity]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. pp. 46–54.
51. Kuzmenkina, L. (2021) Zachem Romen Rollan pisal pis'ma v Novosibirsk? [Why did Romain Rolland write letters to Novosibirsk?]. *Sib.fm*. 01 June. [Online] Available from: <https://sib.fm/columns/2021/05/01/zachem-romen-rollan-pisal-pisma-v-nash-gorod> (Accessed: 20.04.2023).
52. Rodchenko, Yu.I. (2013) On the history of the first season of E.I. Korolev's theatre in Tomsk (on the material of newspapers "Sibirskaya Gazeta" and "Sibirsky Vestnik"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija – Tomsk State University Journal of History.* 26 (6). pp. 27–31. (In Russian).
53. Kapinos, E.V. & Loshchilov, I.E. (2020) Knut Gamsun v Sibiri [Knut Hamsun in Siberia]. *Kritika i semiotika.* 2. pp. 315–336.
54. Rodchenko, Yu.I. (2012) Moliere's comedy "Tartuffe" in the Tomsk newspaper reviews in late 19th – early 20th century (on material of newspapers "Sibirsky Vestnik" and "Sibirskaya Zhizn"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 362. pp. 20–23. (In Russian).
55. Rodchenko, Yu.I. (2014) "Khorosho sdelannaya p'esa" na stsene Tomskogo teatra kontsa XIX – nachala XX vv. ["A well-made play" on the stage of the Tomsk Theater of the late 19th – early 20th centuries]. *Kazanskaya nauka.* 9. pp. 139–144.
56. Sening, M.A. (2014) G.A. Vyatkin i modernisty (po materialam publikatsiy v gazete "Sibirskaya zhizn" 1913–1914 gg.) [G.A. Vyatkin and the modernists (based on publications in the newspaper Sibirskaya Zhizn 1913–1914)]. In: Tyshetskaya, A.Yu. (ed.) *Aktual'nye problemy zhurnalistikи* [Current Problems of Journalism]. Vol. 9. Tomsk: NTL. pp. 25–26.
57. Sinitsyna, M.S. (2019) [G.A. Vyatkin, a translator of German poetry]. *Nemetskiy jazyk v sovremennom mire: issledovaniya statusa i korpusa i voprosy metodiki prepodavaniya* [German language in the Modern World: Studies of status and corpus and issues of teaching methodology]. Proceedings of the II International Forum. Tomsk. 18–19 September 2019. Tomsk: Tomsk State University. pp. 273–277. (In Russian).

58. Tikhomirova, Yu.A. (2014) Psevdoperevody G.A. Vyatkina iz Roberta Bernsa [G.A. Vyatkin's pseudo-translations from Robert Burns]. In: Zhatkin, D.N. (ed.) *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe literaturoovedenie* [Literary Translation and Comparative Literary Criticism]. Vol. 2. Moscow: Flinta. pp. 393–401.
59. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya* [Periodicals of the Tomsk Province (1857–1916): The formation of journalism and the formation of regional identity]. Tomsk: Tomsk State University.
60. Zhilyakova, N.V. (2019) Zhanrovye protsessy v zhurnalistike Sibiri nachala XX v.: stanovlenie zhanra reportazha (na materialakh gazety "Sibirskaya zhizn'", g. Tomsk, 1897–1919) [Genre processes in journalism in Siberia at the beginning of the twentieth century: the formation of the reporting genre (based on the materials of the newspaper Sibirskaya Zhizn, Tomsk, 1897–1919)]. *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni*. 1–1. pp. 149–157.
61. Zhilyakova, N.V. (2020) "Oblichat', kolot' i zhalit'". *Satiricheskaya zhurnalistika Tomska kontsa XIX – nachala XX veka* ["Reprove, stab and sting." Satirical journalism of Tomsk at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Герасимчук И.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, старший преподаватель кафедры новых медиа, фотожурналистики и медиадизайна Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krendelira@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Gerasimchuk, postgraduate student, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krendelira@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 10.02.2023;
approved after reviewing 13.06.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 82(091)
doi: 10.17223/19986645/89/9

Демонстрация различий психоаналитического понятия *imago* К.Г. Юнга и *imago* Ж. Лакана в произведениях Г. Гессе и Х.Л. Борхеса

Светлана Глебовна Горбовская¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
vard_05@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является выявление характерных черт психоаналитического понятия *imago* – по К.Г. Юнгу и Ж. Лакану – на примере рассказа Г. Гессе «Ирис» и стихотворения Х.Л. Борхеса «Зеркалу» из цикла «Сокровенная роза». Научная новизна заключается в изучении двух основных типов *imago*, иллюстрирующих теории личного комплекса у двух великих психоаналитиков. В результате анализа сделан вывод, согласно которому *imago* выполняет функцию ассоциативного, непрямого индикатора забытых чувств, эмоций и детских переживаний героя в рассказе Гессе и своего рода идеи фикс лирического героя поэзии Борхеса – любви-ненависти к двойнику-первообразу в зеркале.

Ключевые слова: *imago*, архетип, Гессе, Борхес, Юнг, Лакан, Ирис, стадия зеркала

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00317, <https://rscf.ru/project/23-28-00317/>

Для цитирования: Горбовская С.Г. Демонстрация различий психоаналитического понятия *imago* К.Г. Юнга и *imago* Ж. Лакана в произведениях Г. Гессе и Х.Л. Борхеса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 190–199. doi: 10.17223/19986645/89/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/9

Demonstration of differences of Carl Jung's psychoanalytic concept of *imago* and Jacques Lacane's *imago* in the works of Hermann Hesse and Jorge Luis Borges

Svetlana G. Gorbovskaya¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
vard_05@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to identify the characteristic features of the psychoanalytic concept of *imago* – according to Jung and Lacan – in the works of Hesse

and Borges. On the example of Hesse's story "Iris" and Borges' poem "Al espejo" from the cycle *La Rosa profunda*, imago-poetic images (the iris flower and reflection in the mirror) endowed with a personal-unconscious component are studied. The article analyzes the relationship between the image of an iris and the concept of imago (personal complex) in Jung and the image of a hidden reflection in a mirror with the concept of imago – the first reflection-self in the mirror repressed from memory – in Lacan. The main attention is paid to revealing the functional meaning and role of the concepts of imago and archetype in the storylines of the studied works. An important side of the study is the analysis of two types of imago – objective in Hesse and subjective in Borges. The scientific novelty of the article lies in the study of two main types of imago very accurately conveying or illustrating the theories of the personal complex of two great psychoanalysts. As a result of the analysis, it was concluded that imago performs the function of an associative, indirect indicator of the forgotten feelings, emotions and childhood experiences of the hero in Hesse's story and a kind of an idée fixe of the lyrical hero of Borges' poetry – love-hate for the hidden double in the mirror. It also reveals Borges' directed desire to show the path of the imago towards the archetype, the transitional path from the personal unconscious to the collective, from human life to death, which implies an endless life after death.

Keywords: imago, archetype, Hesse, Borges, Jung, Lacan, Iris, mirror stage

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00317, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00317/>

For citation: Gorbovskaya, S.G. (2024) Demonstration of differences of Carl Jung's psychoanalytic concept of imago and Jacques Lacane's imago in the works of Hermann Hesse and Jorge Luis Borges. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 190–199. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/9

В 1912 г. К.Г. Юнг вводит понятие «имаго» (в труде «Метаморфозы и символы либидо», 1912). Он представляет его латинским словом *imago*, имея в виду воображаемый образ родителя, который присутствует в юношеском подсознании: «...ретрессивное оживление отцовского образа, его *imago*... во времена первой любви» [1. С. 31–32]. При этом психоаналитик уточняет, что сам термин он ассоциирует с древним понятием «*imagines et lares*», подразумевающим духов – охранителей дома.

Сосредоточив внимание на *imago*, Юнг очень скоро всецело переключается на «архетип». Данный термин связан с коллективной или исторической памятью человека. Он подразумевает под этим понятием чувственные, эстетические, культурные представления, «передаваемые по наследству вместе со структурой мозга» [2. С. 147]. Архетип есть «фигура – является ли она демоном, человеком или событием» [2. С. 63], «которая в процессе истории повторяется в психическом отдельной личности» [3. С. 302]. То есть речь идет о развитии – в течение всей истории – человеческого мозга, а в нем различных представлений о самых разных явлениях.

После отказа от (или попросту забвения) термина *imago* в пользу терминов «праобраз», «комплекс» Юнг ввел (помимо архетипа) такие понятия, как личное бессознательное и коллективное бессознательное, состоящее из архетипов. Именно личное бессознательное наследует *imago*, это «то, что

забыло или вытеснило сознательное “Я”» [3. С. 303]. *Imago* и архетип – это отнюдь не синонимы. Архетип передает идею коллективной памяти о первообразе, а *imago* – идею личной бессознательной памяти о нем (*imago* – личная составляющая комплекса – заполняет личное бессознательное), при этом речь идет о реальности, конкретно у Юнга – объективной.

В литературоведении и философии термин «архетип» очень скоро стал ассоциироваться с тем, что «пришло в литературу из мифа» [4] (этую идею активно развивали в разных областях гуманитарных знаний Е.М. Мелетинский, С.С. Аверинцев, Р. Барт и др.). Таким образом, связь понятия первообраза с первичным импульсом реальности (в литературоведении), на наш взгляд, теряется, ибо на первый план вышел коллективный комплекс, связанный с мифом.

Тем не менее термин *imago* подхватывают другие психоаналитики. З. Фрейд даже выпускает журнал под таким названием. Впоследствии термин *imago* продуктивно использовался французским психоаналитиком и философом Жаком Лаканом. Его ассоциации с понятием *imago* отличаются от юнгианских. В статье «Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я» («Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je», 1949) он пишет о первом впечатлении шестимесячного ребенка, увидевшего себя (и окружающую обстановку) в зеркале («его собственное тело, а также людей и неодушевленные предметы, расположенные в поле отражения по соседству» [5]). *Imago* по Лакану есть это далекое, давно забытое впечатление о самом себе.

При этом Лакан размышлял над *imago* и у Юнга, дробя его понятие первоотца на три составляющие: реальный отец, фантазийный и символический (восприятие Лаканом данного термина у Юнга подробно разбирает Кюглер [6. С. 162]).

Как и в случае с архетипом, который был воспринят по-своему в литературоведении, эффект зеркала тоже трактовался учеными (литературоведами, лингвистами, философами) в несколько искаженном (отдаленном от Лакана) варианте. Ю. Лотман, Ж. Бодрийяр и др. пишут прежде всего о самом эффекте отражения, о дублированных мирах, о феномене двойников. Лакан же имел в виду, на наш взгляд, помимо эффекта отражения, первое впечатление о себе самом, первый отпечаток памяти о себе, своего рода матрицу самого себя. Но эта матрица (или мнемический след) затем подвергается рефлексивной и когнитивной коррозии: фантазийной и связанной с индивидуальными нюансами памяти [5].

Таким образом, существуют два основных варианта восприятия термина *imago*: объективный (по Юнгу) и субъективный (по Лакану). Объективный *имаго*-образ обладает каким-то внешним импульсом первого впечатления реальности (отец–мать, учителя, окружающая обстановка и т.д.). Субъективный обладает первичным импульсом, исходящим из искаженных, стертых первых воспоминаний о самом себе. Даже от первого знакомства с самим собой как с другим, как с двойником самого себя, с незнанием о самом себе и самого себя. Лакан даже обращается к образу куколки, из которой

рождается бабочка (в науке это явление тоже называют термином «имаго»). То есть бабочка всегда носит в себе тот далекий, незнакомый для нее же самой образ оставленной позади куколки.

В данной статье представлен анализ рефлексии в литературе первого и второго вариантов *imago*. Оба писателя, чьи произведения подвергнутся анализу, были хорошо знакомы с психоаналитическими исследованиями. Направленность их творчества тесно связана с переработкой психоаналитических идей, в том числе Юнга и Лакана.

Рефлексия первого варианта *imago* (по Юнгу) представлена в рассказе немецкого писателя Г. Гессе «Ирис» (1917). Как отмечают А.А. Анисова и М.И. Жук, с мая 1916 г. Гессе проходил курс сеансов психоанализа у доктора И.Б. Ланга. Гессе к тому времени был хорошо знаком с работами известных теоретиков психоанализа (З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Блейлера, В. Штекеля). Именно Ланг заинтересовал Гессе работой Юнга «Метаморфозы и символы либидо», в которой швейцарский психоаналитик описывает феномен *imago*. С 1916 по 1917 г. Гессе изучает эту книгу. В 1917 г. написан рассказ «Ирис», а в 1918-м он пишет статью «Художник и психоанализ», в которой отмечает целительные свойства метода Юнга (его ассоциативного эксперимента, находящего объяснение ложным страхам и представлениям).

Центр-импульсом рождения образа-*имаго* (первообраза, забытой перво-причины счастья в данном случае) в рассказе Гессе является цветок сабельника, или ириса, в саду маленького Ансельма. В чаеше цветка он обнаруживает удивительные миры. Сад для него – гигантская вселенная, рожденная частично силой его детского воображения, частично воздействием красоты Природы. Проходит время, Ансельм взрослеет, покидает отчий дом, учится в университете. Становится ученым (т. е. реалистом и скептиком). Изредка он приезжает в сад своего детства, который кажется ему теперь маленьким и неинтересным (Гессе подчеркивает тот факт, что раньше Ансельм был маленького роста и все казалось большим, а теперь он стал высоким и все как бы уменьшилось). Все прошлые чудеса сада скрыты теперь от Ансельма. Одновременно Ансельм чувствует опустошение, одиночество, ему все время чего-то не хватает. Важным пунктом является то, что мать Ансельма к этому времени умирает, и учений с трудом переносит это событие.

Спустя какое-то время он встречает Ирис, сестру своего друга. У нее слабое здоровье, она далеко не красавица, но она привлекает ученого чем-то необъяснимым, бессознательным, чему невозможно сопротивляться. Суть тайны Ирис в ее символическом имени (в нем зашифрован потерянный цветок детства, но Ансельм его не помнит). Он не может определить, чем именно Ирис привлекает его. Ирис просит его искать, с чем она связана в его бессознательном. Просит понять, почему она ему дорога. Только тогда она сможет выйти за него замуж. И Ансельм чувствует, что ей известны ответы на заданные ему вопросы (Гессе это не подчеркивает, но очевидно, что речь идет о деве-цветке – вечном образе девы-цветка, проходящем сквозь литературу – от Античности до наших дней) [7. С. 345–378].

Ансельм пускается в долгие размышления-поиски. Проходят годы. Ирис тем временем умирает, так и не став женой Ансельма (т.е. земной женой). И только под конец жизни, прия в сад своего детства, а также видя его во сне, Ансельм снова погружается в далекую, детскую чашу цветка сабельника, или ириса. Он находит там все те миры, которые были на долгие годы для него утрачены. Он идет по этим мирам и проникает в пещеру, где его ждут Ирис, мать, все дорогие ему и потерянные навсегда существа: «То была Ирис, в чье сердце он проникал, и то был сабельник в материнском саду» [8. С. 506]. Только тогда он вновь чувствует истинное счастье, как в детстве. Он вновь обретает тот реальный и невероятно простой, связанный с первыми переживаниями, с родителями, с миром цветов и насекомых образ счастья. Гессе заключает: «возвращается на родину».

Позднее примерно та же (на первый взгляд) мысль будет выражена Гессе в «Степном волке», мысль о необходимости найти своего двойника и примириться с ним, найти свою Тень. Однако в рассказе «Ирис» встреча со всеми, кто был утрачен, в чашечке сабельника нам кажется не совсем встречей с самим собой, скорее именно с потерянным навсегда окружающим миром прошлого.

Существует мнение, что Гессе романтизирует сабельник, или ирис, создавая рефлексию «голубого цветка» Новалиса [9, 10]. Возможно он действительно делает это для большего эстетического эффекта. Но отнюдь не для романтизирования самого процесса воспоминания. Скорее он мог намекать, что Новалис предсказывал, предчувствовал нечто напоминающее ассоциативный эксперимент Юнга. Особенно ярко это отражается в его стилистическом хаотизме, вершиной которого стал сборник-антология «Цветочная пыльца».

Путь Ансельма в цветок или к цветку значительно отличается от пути в поисках цветка Генриха. Путь Генриха – философский, трансцендентный, для него важен момент погружения в сон и поиск цветка именно в состоянии, напоминающем сон. Сон в данном случае может подразумевать (с точки зрения Гессе, увлеченного психоанализом) погружение в материнскую утробу. Наверняка Гессе не мог не обратить внимание и на тот факт, что до Генриха фон Офтердингена цветок видел во сне его отец (Генрих в поисках того, что когда-то видел отец, – это напоминает архетип). Важна здесь и роль Матильды, черты которой явно позаимствовала Ирис (возникшая, чтобы задать наиважнейший вопрос, и канувшая в небытие).

У Гессе – это путь психоаналитический, медитативный. Путь Ансельма внутрь цветка напоминает смерть и полный разрыв с земным миром как надежное средство от одиночества и преодоления страха смерти. При этом смерть представлена оптимистично, как долгожданный выход, путь к Ирис.

Создается впечатление, что сказка «Ирис» была написана Гессе специально для того, чтобы осознать (для самого себя) и одновременно разъяснить читателю нюансы удивительного (на тот момент) нового «метода Юнга», который явно показался ему таким до боли знакомым (в том числе по наследию Новалиса, которого Гессе называл «человеком, почти до конца

преобразовавшим себя в дух» [11. С. 54], т.е. очевидно, что под процессом перехода от личного к коллективному он подразумевал нечто подобное математическому). Гессе, по сути, передает здесь в художественной форме тот процесс, который Юнг понимает под ассоциативным анализом.

Иной подход к попытке посмотреть в лицо своему прошлому обнаруживается в произведениях Х.Л. Борхеса. Как мы уже отметили, его вариант со-зования имагинального образа близок к теории *imago* Лакана. Безусловно, то, что сам Лакан пишет о «стадии зеркала», что Борхес подразумевает под эффектом зеркала, является многоплановым и бесконечно сложным. Достаточно подробно все многочисленные варианты «зеркальности» у Л. Кэрролла, Лакана, Борхеса и др. рассмотрены в коллективной монографии под редакцией Ю.М. Лотмана [12]. Многоплановый анализ зеркальности мы обнаруживаем и в диссертации М.В. Рон «Метаморфозы образа зеркала в истории культуры» [13]. Мы же хотим остановиться лишь на одном из ракурсов «стадии зеркала». На первичном, забытом навсегда отражении-самого-себя, а именно лицезрении шестимесячного ребенка, рассматривающего себя в зеркале.

Как отмечается Борхесом, а также семиотиками (в частности, Ю.И. Левиным), одним из ракурсов восприятия увиденного в зеркале является образ себя-неизвестного, себя-чужого, себя-демона. Именно данный аспект мы рассмотрим на примере из творчества Борхеса (в его прозе и поэзии зеркало и его отражения рассмотрены с самых разнообразных позиций, нас же интересует именно этот микроаспект, это короткое мгновение давно забытого воспоминания о первой встрече с самим собой и ухода от самого себя).

Для анализа с учетом выделенной темы в случае Борхеса мы выбрали стихотворение «Зеркалу» («Al espejo», 1974) из цикла «Сокровенная Роза» («La rosa profunda», 1975). Однако образ отражения (некоего духа, скрытого в зеркале) появляются во многих произведениях писателя: рассказы «Зеркало и маска», «Борхес и я», «Сад расходящихся тропок», «Алеф», циклы «Зеркала», «Зеркало загадок» и др.

В цитируемом ниже тексте перевода стихотворения мы выделяем полужирным «горячие слова», связанные с идеей присутствия в зеркале отдаленного первоначала реальности – первоотражения самого себя (практически все эти слова присутствуют в оригинале): «Зачем упорствуешь, **двойник заклятый (incesante espejo)?** / Зачем, **непознаваемый собрат (misterioso hermano),** / **Перенимаешь** каждый жест (**movimiento**) и взгляд? / Зачем во тьме – **незданный соглядатай (en la sombra el súbito reflejo)?** / Стеклом ли твердым, зыбкой ли водой, / Но ты **везде, извечно и вовеки – / Как демон** (в оригинале «другой» – **Eres el otro**), о котором учат греки, – / Найдешь, и не спастись мне слепотой. / Страшней тебя не видеть, колдовская, / Чужая сила, волею своей / Приумножающая круг вещей, / Что были нами, путь наш замыкая. / **Уйду** (в оригинале «умру» **Cuando esté muerto**), а ты все будешь **повторять** (буквально «копировать» – **copiarás**) / **Опять, опять, опять, опять...** (в оригинале «другого» **a otro, a otro, a otro...**) (перевод Б. Дубина)

В стихотворении переплетаются разные линии зеркальности или «стадии зеркала» (преумножение, реальное отражение в данный момент), наше же внимание сосредоточено на «двойнике заклятом», «непознаваемом собрате», «демоне» (у Борхеса «другом»), что наблюдает из «темноты», откуда-то из бездны, древней, как учение древних греков, т.е. первоначальной стадии не только человечества, но и отдельного человека (соединение имаго и архетипа). Это отражение, затерявшееся в первых днях или месяцах жизни человека.

Борхес воспринимает это отражение с явным страхом, ужасом. Этот ужас перед отражениями упоминается им в самых разных произведениях. Тихое, молчаливое присутствие этого демона-отражения пугает его, не дает покоя. Если Гессе с радостью идет на контакт с двойником, а также всеми «теньями прошлого», то Борхес делает акцент на страхе перед ним. Ему как будто бы нравится ощущать этот страх, он не пытается его преодолевать, ибо этот страх порождает его творческую энергию, рождает поэзию. Идея отражения-рождения-смерти проходит сквозь многие его стихи и рассказы. Очень ярко эта мысль произнесена во вступлении к рассказу «Глён. Укбар. Orbis tertius» (1944): «Зеркала и совокупление отвратительны, ибо умносят количество людей», «Зеркала и деторождение ненавистны, ибо умносят и распространяют существование» [14. С. 51].

Обратим внимание на то, что в переводе, процитированном выше, последние строки стихотворения «Зеркалу» переданы не совсем точно. У Борхеса в оригинале множится слово «другой»: «*a otro, a otro, a otro, a otro...*» (на испанском), а не достаточно обтекаемое, неопределенное «Опять, опять, опять, опять...». Этот другой (внутри зеркала) будет рождать после смерти того, чье отражение обитает в зеркале, его бесконечные двойники (*Cuando esté muerto, copiarás a otro*). Очевидно, что Борхес соединяет два феномена – и имаго, и архетип. Личное бессознательное (после смерти) уступает место коллективному бессознательному. Но суть первого отражения им передана в данном произведении очень точно и самобытно. Его пугает нечто скрытое в нем самом, и он не готов примириться с ним, но в то же время не может существовать без него.

На наш взгляд, данное произведение является блестящей иллюстрацией *имаго* по Лакану (даже если Борхес и неставил перед собой конкретную цель переосмыслить, проанализировать «стадию зеркала» французского психоаналитика), этого эпизода с описанием шестимесячного ребенка, стоящего перед зеркалом, с удивлением и ужасом глядящего на кого-то чужого за отражающей поверхностью. Ребенок обречен забыть навсегда об этом мгновении встречи с неизвестным-самим-собой. Но это мгновение и этот неизвестный будут вечно преследовать его, внушая либо пытливый интерес, либо мистический страх (как в народных поверьях о смерти и зеркалах, которые завешивались в дни траура), либо ужас.

Если о влиянии работ Юнга на Гессе есть установленные свидетельства, то в случае влияния идей Лакана на Борхеса (и / или наоборот) точных сви-

дательств нет, но существует целый пласт исследований, посвященных схожести идей французского психоаналитика и аргентинского поэта и прозаика. Очевидно, что Лакан и Борхес друг друга читали и обогащали идеями.

Исследователь Л. Ицкович (Luis Izcovich) отмечает, что Борхес и Лакан никогда не встречались, но идеи их работ, их размышления над самыми разными феноменами были удивительно схожими. В исследовании «Борхес, Лакан, поэзия, время» («Borges, Lacan, la poésie, le temps», 2010) [15. Р. 87–97] Ицкович сосредоточивает внимание на поэзии Борхеса. Именно она, как думает ученый, передает близость концепций двух гениев XX столетия. Он выделяет следующие точки близости Лакана и Борхеса: идею «лингвистического кристалла» (у Лакана в работе «Радиофония», у Борхеса во многих работах, наиболее очевидно в «Алефе», в стихотворении «Луна»), ловушки или обмана времени, гравитации книги, феномена «рассеченного времени», восприятия «себя рекой или потоком» (*«Je suis le fleuve»*) и многое другого.

Сопоставлению идей Лакана и Борхеса посвящена статья Ж.-А. Милле (Jacques-Alain Miller) «Загадочный Коитус: Чтение Борхеса» («Enigmatized Coitus: A Reading of Borges», 2010) [16]. Из всех выделяемых автором идей (о фениксе-фаллосе, о тексте-игре или розыгрыше) наиболее близкой нашему исследованию является тема «смертного, поглощенного бессмертным» («The mortal consumed by the immortal»). Архетип поглощает *imago*. Человек умирает, но его множественные отражения остаются на земле, остаются в будущем. Вечно обитает в зеркале и тот самый первичный шестимесячный ребенок Лакана.

Гектор Янкелевич в работе «Борхес между Фрейдом и Лаканом» (1998) отмечает центральной идеей произведений Борхеса самоощущение живым и мертвым одновременно («Se sentir-en-mort») [17. Р. 198–220]. Это «опыт вечности», не патетический (что останется после нас), а именно тот самый переходный – от личного к вечному, к другому (от *imago* к архетипу). Превращение человека из живого (материального, состоящего из кожи, костей, органов) в бесконечного, вечного, материально не ощутимого. Он отмечает многие пункты, говорящие (помимо зеркальности) о стремлении Борхеса передать идею бесконечности, множественности: синтагматика языка, знание многих языков, пристрастие к цитированию и многое другое.

О схожести идей Борхеса и Лакана пишут также Б.Р. Голдман (Goldman B.R. de) в книге «Борхес и Лакан. Дискурсивный пропуск» («Borges con Lacan, un pase discursivo», 2013), Н.М. Кальдерон (N.M. Calderón) в «Борхес, Фрейд, Лакан. Раздвоенные пути желания» («Borges, Freud, Lacan. Los senderos trifurcados del deseo», 2009).

Итак, в произведениях Г. Гессе и Х.Л. Борхеса мы обнаруживаем удивительно точные иллюстрации к ключевым идеям знаменитых психоаналитиков – Юнга и Лакана.

Гессе стремится передать мысль об объективном *imago* (наполняющем личное бессознательное), давно забытом образе окружающего мира детства (обучающего мира детства).

Борхес же транслирует идею субъективного *imago* – себя-внутри-зеркала, заточенного навеки себя в лабиринтах зеркала. То есть репрезентирует феномен «сознания Я», как бы отделенного от другого Я, стремящегося слиться с будущим, т.е. с коллективным бессознательным (архетипическим Я).

Список источников

1. Юнг К.Г. Символы и метаморфозы: Либидо. М. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. 416 с.
2. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб. : Питер, 2002. 352 с.
3. Анисова А.А., Жук М.И. Архетип Тени в романе Г. Гессе «Степной волк» с точки зрения теории аналитической психологии К.Г. Юнга // Культурно-языковые контакты. Вып. 9. Владивосток, 2006. С. 300–312.
4. Кагарманова М.Ш., Беглов В.А., Ибатуллина Г.М. Поэтика русской литературы XIX века (вторая половина): Пути образотворчества и смыслопорождения. Стерлита-мак : Scientific magazine “Kontsep”, 2011. 331 с.
5. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я. Психоанализ, 2019. URL: <https://psychoanalysis.by/2019/03/26/статья-ж-лакан-стадия-зеркала-и-ее-роль/> (дата обращения: 22.02.2023).
6. Кюглер П. Алхимия дискурса: Образ, звук и психическое / пер. с англ. В.В. Зеленский, З.А. Кривулина. М. : ПЕР СЭ, 2005. 224 с.
7. Мазур Н.Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария : материалы междунар. конф. Тарту, 2007. С. 345–378.
8. Гессе Г. Паломничество в страну Востока. Игра в бисер. Рассказы. М. : Радуга, 1984. 592 с.
9. Айрапетова В.А. Новалис и Гессе: от романтизма к неоромантизму // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 308–317.
10. Мюнстер Е. Гессе и романтизм. URL: www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=tm&page=1-3
11. Гессе Г. Письма по кругу. М. : Прогресс, 1987. 400 с.
12. Лотман Ю.М. Зеркало. Семиотика зеркальности: Труды по знаковым системам XXII / отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1988. 165 с.
13. Рон М.В. Метаморфозы образа зеркала в истории культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2004. 24 с.
14. Борхес Х.Л. Проза разных лет. М. : Радуга, 1984. 320 с.
15. Izcovich L. Borges, Lacan, la poésie, le temps // L'en-je lacanien. 2010/1. № 14. P. 87–97.
16. Miller J.-A. Le coit estigmatise. Une lecture de la secte du Phenix de Jorge Luis Borges // Revue de Psychanalyse. Avril 2000. № 70. P. 4–11.
17. Yankelevich H. Borges entre Freud et Lacan // Variaciones Borges: revista del Centro de Estudios y Documentación Jorge Luis Borges. 1998. № 6. P. 198–220.

References

1. Jung, C.G. (1994) *Simvolы i metamorfozy. Libido* [Symbols of Transformation]. Translated from German. Moscow: Vostochno-Evropeyskiy institut psikhoanaliza.
2. Jung, C.G. (2002) *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the Soul of Our Time]. Translated from German. Saint Petersburg: Piter.
3. Anisova, A.A. & Zhuk, M.I. (2006) Arkhetip Teni v romane G. Gesse “Stepnoy volk” s tochki zreniya teorii analiticheskoy psikhologii K.G. Yunga [The Shadow archetype in Hermann Hesse’s novel Steppenwolf from the point of view of the theory of analytical psychology by C.G. Jung]. In: *Kul’turno-yazykovye kontakty* [Cultural and Linguistic Contacts]. Vol. 9. Vladivostok: Far Eastern State University. pp. 300–312.

4. Kagarmanova, M.Sh., Beglov, V.A. & Ibatullina, G.M. (2011) *Poetika russkoy literatury XIX veka (vtoraya polovina): Puti obrazotvorchestva i smysloporozhdeniya* [Poetics of Russian Literature of the 19th Century (Second half): Ways of image creation and meaning generation]. Sterlitamak: Scientific magazine "Kontsep".
5. Lacan, J. (2019) Stadiya zerkala i ee rol' v formirovani funktsii Ya [The mirror stage and its role in the formation of the function of the Self]. Translated from French. *Psikoanaliz* [Psychoanalysis]. [Online] Available from: <https://psychoanalysis.by/2019/03/26/stat'ya-zh-lakan-stadiya-zerkala-i-ee-rol/> (Accessed: 22.02.2023).
6. Kugler, P. (2005) *Alkhimiya diskursa. Obraz, zvuk i psikhicheskoe* [The Alchemy of Discourse: Image, Sound and Psyche]. Translated from English by V.V. Zelenskiy & Z.A. Krivulina. Moscow: PER SE.
7. Mazur, N.N. (2007) [Once again about the rose maiden (in connection with Baratynsky's poem "I Am not Yet Ancient As a Patriarch...")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu. Pushkinskaya epokha: problemy refleksii i kommentariya* [Pushkin Readings in Tartu. Pushkin era: problems of reflection and commentary]. Proceedings of the International Conference. Tartu. 15–17 September 2006. Tartu: University of Tartu. pp. 345–378. (In Russian).
8. Hesse, H. (1984) *Palomnichestvo v stranu Vostoka. Igra v biser. Rasskazy* [Journey to the East. The Glass Bead Game. Short stories]. Translated from German. Moscow: Raduga.
9. Ayrapetova, V.A. (2015) Novalis i Gesse: ot romantizma k neoromantizmu [Novalis and Hesse: from romanticism to neo-romanticism]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 308–317.
10. Myunster, E.G. (n.d.) *Gesse i romantizm* [Hesse and romanticism]. [Online] Available from: www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=rm&page=1-3
11. Hesse, H. (1987) *Pis'ma po krugu* [Letters in a Circle]. Translated from German. Moscow: Progress.
12. Lotman, Yu.M. (1988) *Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti: Trudy po znakovym sistemam XXII* [Mirror. Semiotics of mirroring: Proceedings on sign systems XXII]. Tartu: Tartu State University.
13. Ron, M.V. (2004) *Metamorfozy obraza zerkala v istorii kul'tury* [Metamorphoses of the image of a mirror in the history of culture]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Saint Petersburg.
14. Borges, J.L. (1984) *Proza raznykh let* [Prose from Different Years]. Translated from Spanish. Moscow: Raduga.
15. Izcovich, L. (2010/1) Borges, Lacan, la poésie, le temps. *L'en-je lacanien*. 14. pp. 87–97.
16. Miller, J.-A. (2000) Le coit estigmatisé. Une lecture de la secte du Phenix de Jorge Luis Borges. *Revue de Psychanalyse*. 70. pp. 4–11.
17. Yankelevich, H. (1998) Borges entre Freud et Lacan. *Variaciones Borges: revista del Centro de Estudios y Documentación Jorge Luis Borges*. 6. pp. 198–220.

Информация об авторе:

Горбовская С.Г. – д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vard_05@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.G. Gorbovskaia, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vard_05@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023;
одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 21.06.2023;
approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 27.05.2024.

Научная статья
УДК 930.2:821.16
doi: 10.17223/19986645/89/10

«Хождение» Василия Познякова в составе старообрядческого сборника Научной библиотеки Томского государственного университета

Валерия Анатольевна Есипова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, esipova_val@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен список «Хождения» Василия Познякова, читающийся в составе старообрядческого сборника В-777 конца XVIII в., хранящегося в коллекции Научной библиотеки Томского государственного университета. Выполнена сверка текстов в В-777 с текстами опубликованных вариантов «Хождения» Познякова, а также выборочно с текстом «Хождением» Трифона Коробейникова. Показано сходство текста В-777 с «Хождением» Познякова в составе списка, хранящегося ныне в РГАДА. Выдвинуты предположения о протографе списка В-777, а также о наличии группы списков, связанных со списком РГАДА.

Ключевые слова: палеография, текстология, книжная культура, «Хождение» Василия Познякова, старообрядчество

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

Для цитирования: Есипова В.А. «Хождение» Василия Познякова в составе старообрядческого сборника Научной библиотеки Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 200–214. doi: 10.17223/19986645/89/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/10

The “Journey” of Vasily Poznyakov as part of the Old Believer collection from Tomsk State University Research Library

Valeriya A. Esipova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
esipova_val@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of late copies of ancient Russian “journeys” on the example of the work of Vasily Poznyakov. This text was “in the shadow” of a similar work by Trifon Korobeinikov for a long time. It is currently being actively

studied, but late copies and manuscripts from regional repositories have not yet been fully introduced into scientific circulation. The article considers a copy of the text of Poznyakov's "Journey", which is a part of the Old Believer collection of the late 18th century, stored in Tomsk State University Research Library (B-777). The collection contains scribe's notes that allow one to establish the approximate time and place of its creation. The text from B-777 was checked against the published texts of Poznyakov's "Journey", as well as selectively with the text of "Journey" by Trifon Korobeinikov. The similarity of the text B-777 with Poznyakov's "Journey" as part of the copy now stored in the Russian State Archive of Ancient Documents (Archive Copy) has been established. The similarity lies in the presence of the end of the text, which is absent in other copies, as well as in the some spellings of some names. There are also differences, the main of which is the date at the end of the tsar's letter. It allows setting the estimate date of the photograph. The comparison of names indicates that fragments of the text written before 1581 were preserved in B-777. Suggestions are made about the photograph of B-777. It is concluded that there is a group of copies associated with the Archive Copy: this is the Archive Copy itself, the photograph of B-777, and B-777. In general, the text of B-777 is closely related to the Archive Copy, although it has some peculiarities: the availability of the date of a possible photograph, the editing of some names, and individual special readings. Thus, the text of Poznyakov's "Journey" continued to be copied even in the 18th century among Siberian Old Believers. Further research is needed to clarify the relationship between these copies, but the example above shows again the importance of studying copies from regional repositories.

Keywords: paleography, textology, book culture, "Journey" of Vasily Poznyakov, Old Believers

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

For citation: Esipova, V.A. (2024) The "Journey" of Vasily Poznyakov as part of the Old Believer collection from Tomsk State University Research Library. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 200–214. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/10

Постановка проблемы

Тексты хождений в святую землю в последнее время привлекают существенное внимание исследователей. Изучаются как собственно списки этих текстов [1, 2], так и целый ряд вопросов, которые можно детально проработать при обращении к ним [3, 4]. При этом хождение, составленное купцом Василием Позняковым (далее ХП) долгое время оставалось в тени другого текста – хождения Трифона Коробейникова (далее ХК), с которым оно имеет многочисленные текстуальные совпадения. В настоящее время ХП полноценно используется в научном обороте, однако остаются неизученными его списки, находящиеся в региональных хранилищах, а также поздние списки. Именно этим и было вызвано обращение к списку ХП, находящемуся в составе одного из старообрядческих сборников коллекции отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ).

История вопроса

Текст ХП был впервые опубликован по единственному списку в 1884 г. И.Е. Забелиным [5], ныне этот список находится в РГБ; именно Забелиным был впервые озвучен вывод о том, что ХК является почти целиком заимствованным из ХП. Несколько позже текст ХП опубликовал Х.М. Лопарев [6], который в целом подтвердил выводы И.Е. Забелина. Для издания Лопарев привлекал три основных списка: один – изданный ранее Забелиным, второй – хранившийся в рукописном отделе библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (Архивный), ныне находится в РГАДА¹, и третий – Копенгагенский. Также им были указаны еще шесть списков ХП, содержащие фрагменты текста. В составе серии «Библиотека литературы Древней Руси» текст ХП подготовила к публикации О.А. Белоброва [7] с использованием Копенгагенского списка.

Необходимо сказать несколько слов об особенностях Архивного списка ХП (далее ХПа); впервые эти особенности были отмечены Х.М. Лопаревым в его публикации [6. С. XIV–XV]. Рукопись со списком ХПа принадлежала стольнику Василию Никифоровичу Собакину, а позже – Александру Волкову. На основании писцовой записи, выполненной тем же лицом в 1667 г. на рукописи из его личной библиотеки, Лопарев делает вывод, что и ХПа мог быть написан примерно в это же время, т.е. в середине XVII в. Также исследователь указывает на ряд ошибок в тексте ХПа; отметим среди них: искажение имен Познякова (которого писец называет Иваном) и архи диакона Геннадия (в конце текста назван Германом). Второй существенный пункт: указание в ХПа, что описание Иерусалима и Синая составлено Геннадием. В то же время из списка ХП, хранящегося в Копенгагенской библиотеке, известно, что Геннадий скончался в Царьграде и в дальнейшем путешествии участия принимать не мог. Наконец, в составе ХПа имеется обширная вставка в конце, которую Лопарев опубликовал, подводя разнотечения по трем спискам [6. С. 60–62 (сноски)] – этот фрагмент представлен только в ХПа, в других списках его нет.

После появления текста ХП в печати многие исследователи указывали на близость текстов ХП и ХК, имеется даже термин «Коробейниковский цикл» [8. С. 7, 17]. Более подробный анализ взглядов исследователей на вопрос соотношения ХП и ХК и эволюция этих взглядов приведены в статье А.А. Решетовой [2] и ее докторской диссертации [9]. Эта диссертация является, пожалуй, одним из детальных исследований ХП и его соотношения с ХК в последнее время. Решетова привлекала к работе 13 списков ХП (в том числе и те, на которые указывали публикаторы текста). Ею учтены и дефектные списки, а также те, где приведен только текст письма Ивана Грозного,

---

¹ РГАДА. Собр. Библ. МГАМИД. Ф. 181. № 145. Сборник смешанного содержания. XVII в. 232 л. ХП находится на л. 84–154.

с которого начинается текст ХП. Относительно ХП исследовательница высказалась скептически, считая, что список вторичен по отношению к ХК именно в части окончания текста [9. С. 190].

Характеристика источника

Рассматриваемый здесь список ХП находится в составе старообрядческого сборника В-777, хранящегося в НБ ТГУ; он был впервые описан Е.К. Ромодановской [10], позже его описание было помещено в каталоге рукописей НБ ТГУ [11. С. 333–339]. К сборнику уже обращались ранее: так, М.Н. Климовой были рассмотрены беллетристические тексты, читающиеся в составе В-777 [12–14], была и работа, где рассматривалась сибирская бумага в составе рукописей НБ ТГУ [15]; В-777 также там представлен. В настоящее время рукопись оцифрована и с ее полной электронной копией можно ознакомиться в электронной библиотеке НБ ТГУ [16].

Сборник представляет собой рукопись форматом в кварту, в нем насчитывается 307 листов. В сборнике прослеживается три почерка, первые два из них находятся на л. 1–66 об. и 67–109 соответственно. Остальные две трети сборника написаны почерком № 3, в составе этой части и находится интересующий нас текст. Писец № 1 пользовался бумагой, произведенной на Вологодской мельнице Торунтаевского, писец № 2 использовал исключительно бумагу туринского производства. Писец № 3 привлекал вятскую и ярославскую бумагу. Именно писцом № 3 выполнен ряд записей на полях рукописи, которые свидетельствуют о времени и месте работы. «На л. 140 об. почерком основной рукописи (почерк № 3): «Списано Слово сие Новопавловского завода в доме купца Прокопья Дмитревича со старопечатной книги Минеи четыри лета господня 7296, а от Христа в 1788 году. Ф.П.». На л. 214 об. чернилами, почерком № 3 основной рукописи: «Списано в деревне Новой Еловки со Цветника печатного 7293 года октября 27 дня». На л. 189 об. чернилами, скорописью XVIII в. запись о краже 12 января 1792 года сундука у Якова. В сундуке, среди прочего, была медная чернильница и две книги: Требник и Диоптра» [11. С. 333]. Сборник был изъят у старообрядцев Томской губернии в XIX в. и находился в составе так называемой «раскольничьей» библиотеки Томской духовной семинарии. В 1920-е гг. вместе с собранием семинарии он попал в НБ ТГУ.

Интересующий нас список ХП находится на л. 193–214 об. (рис. 1). Как видно, на л. 214 об., сразу после окончания текста ХП, присутствует одна из писцовых записей, однако вопрос о том, относится ли она именно к списку ХП, будет рассмотрен ниже.

В работе использовались традиционные методы текстологии. Для сравнения привлекались опубликованные списки ХП и ХК, цитированные выше.

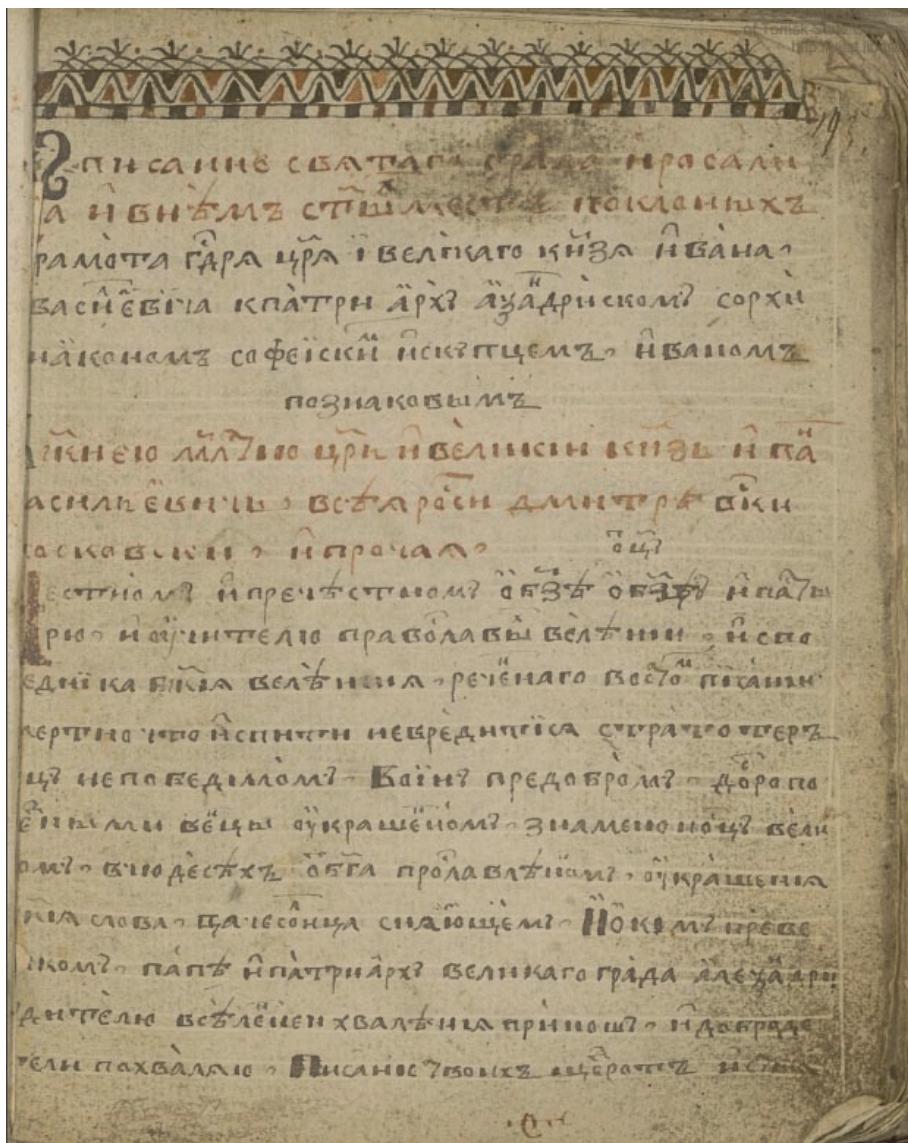

Рис. 1. ОРКП НБ ТГУ. В-777. «Хождение» Василия Познякова. Начало текста. Л. 193

Ход и результаты работы

В ходе сопоставления текстов В-777 и опубликованных ХП, ХПа и ХК был выявлен ряд разнотечений. Рассмотрим их подробнее. Так, в самом начале текста есть два отличия (табл. 1).

В В-777 это ошибочное написание имени Познякова, аналогичное тому, что Х.М. Лопарев отметил для списка ХПа, хотя в публикации в заголовке имя названо верно. Также присутствуют точная дата составления письма

Ивана Грозного: 20 сентября, при этом в опубликованных списках ХП обычно указывается просто сентябрь. Х.М. Лопарев отмечает, что посольство было назначено к отъезду 9 сентября, в этом же месяце царем был составлен и текст письма [6. С. III]. В дальнейшем тексте В-777 присутствуют некоторые ошибки именно в цифрах, а в данном случае дата «от того лета по си» написана крайне неясно; можно прочесть ее как 7097. Однако если считать верным указание на 130 лет, прошедшие с даты составления письма до «си», то должно быть 7197 (а это 1689 г.). Таким образом, имеется дата, которую можно признать датой составления протографа, использованного для переписки В-777 (рис. 2).

Таблица 1
Начало текста «Хождения» Василия Познякова
по списку НБ ТГУ В-777 и изданиям

В-777	ХП [5]	ХПа [6]
Л. 193. Описание святого града Иеросалима и в нем святых мест поклонных. Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича к патриарху Александрийскому со хридиаконом Софейским и с купцем Иваном Познаковым. Далее текст царского послания	С. 1. Послание благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии во Александрею к папе и патриарху Иоакиму с купцем с Василем Позняковым. И хождение его во Иерусалим и по иным святым местам	С. 3. Послание благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии во Александрею к папе и патриарху Иоакиму с купцем с Василем Позняковым. И хождение его во Иерусалим и по иным святым местам
Л. 194 (окончание послания) Писано в государстве нашего дворца града Москвы лета 7063 сентября 20 дня, от того лета по си 7097 (?), 130 лет	С. 2 (окончание послания). Писана в царских наших полатах в преименитом царствующем граде Москве лета 7067 (1558) месяца сентября в день	С. 4 (окончание послания). Писана в государстве нашего дворца града Москвы лета 7067 (1558) месяца сентября в день

Имеются и разнотечения в конце текста. Сопоставим тексты на примере одного фрагмента (табл. 2).

Текст В-777 имеет больше сходства с ХК и ХПа, чем с ХП. Так, в случае В-777, ХПа и ХК вода Иордана описывается как «бела и мутна», а ее ширина измеряется в два броска камнем. В тексте ХП указано, что река «быстра вельми, идет и с камением». Случай В-777 имеет особенность: для измерения ширины реки предлагается не два броска камнем, а два полета стрелы. После описания реки Иордан в ХП обычно приводится лишь один абзац, кратко перечисляющий не описанные ранее святые места, на чем текст завершается. В случае же В-777 и ХПа текст продолжается и далее. Рассмотрим примеры из этого фрагмента текста, сопоставив попутно с ХК (см. табл. 3).

Видно значительное сходство между представленными фрагментами текста. Таким образом, в составе В-777 имеется окончание текста ХП, которое соответствует в целом тексту ХПа. Крайне интересно сопоставление цифр в описании жизни в Иерусалиме: в ХК и ХПа это 7 недель, в В-777 –

7 месяцев. При этом существенны расхождения в сроках поездки до Египта: в ХК и ХПа это 13 дней, в В-777 – 3 дня.

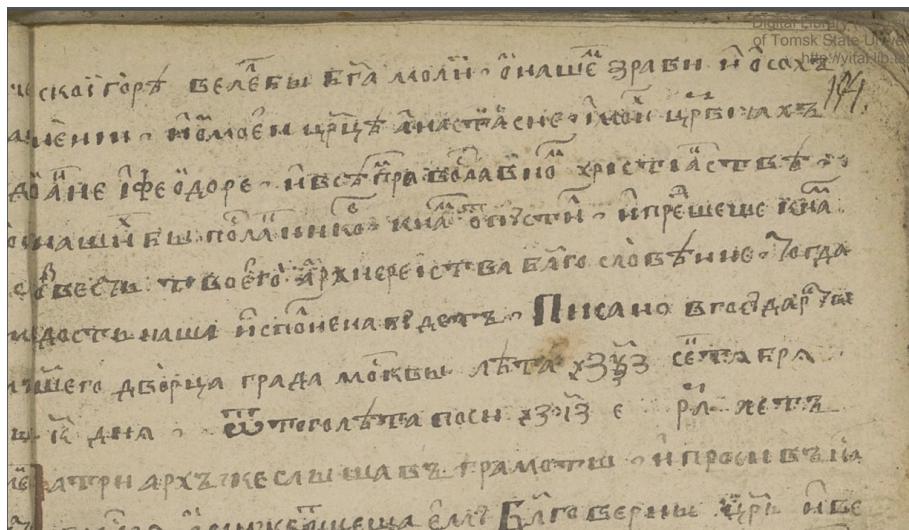

Рис. 2. ОРКП НБ ТГУ. В-777. «Хождение» Василия Познякова.

Окончание текста письма Ивана Гроздного с точной датой. Л. 194

Таблица 2
Сопоставление текста «Хождения» Василия Познякова по списку НБ ТГУ В-777
и изданиям с текстом «Хождения» Трифона Коробейникова

В-777	ХП [5]	ХПа [6]	ХК [17]
Л. 212–212 об. Река Иордан глубока, а вода в ней бела и мутна, а широта ей – дважды из лука стрелить	Река же Иордан течет между гор, быстра вельми, идет и с камением, а впала в Содомское море; вода же видети якобы желтовата; мы же пихом ту святую воду иорданскую	С. 60 сноска. Река Иорданская глубока, а вода в ней мутна и бела, а широта ей дважды камнем вернути	С. 43. Река Иордан быстра и глубока добра, а вода в ней бела и мутна, а широта ея дважды камнем вернути поперек

В приписке об авторстве Геннадия, которая имеется в ХПа, также есть разнотечения с В-777: в ХПа Геннадий ошибочно назван Германом, в В-777 имя написано верно.

Важно также обратить внимание на имена царствующих особ и церковных иерархов, которые упоминаются в тексте (рис. 3). В качестве иерусалимского патриарха во всех приведенных отрывках назван Софоний, который занимал престол в 1579–1608 гг. Во время путешествия Познякова иерусалимским патриархом являлся Герман (1537–1579); замена имени Германа на Софония известна и в других списках ХП, что уже отмечалось публикаторами [7]. Александрийским патриархом в 1569–1690 гг. являлся

Сильвестр Критянин, его имя указано как в ХП, так и в ХК, что вполне соответствует реальности. Митрополитом московским в В-777 назван Макарий (1542–1563), а в ХПа и ХК – Дионисий (1581–1586). Заметим, что время правления Макария соответствует периоду путешествия Познякова, а Дионисия – времени путешествия Коробейникова. Так что в ХПа имеет место, вероятно, еще одно исправление, как и в случае с именем Софрония.

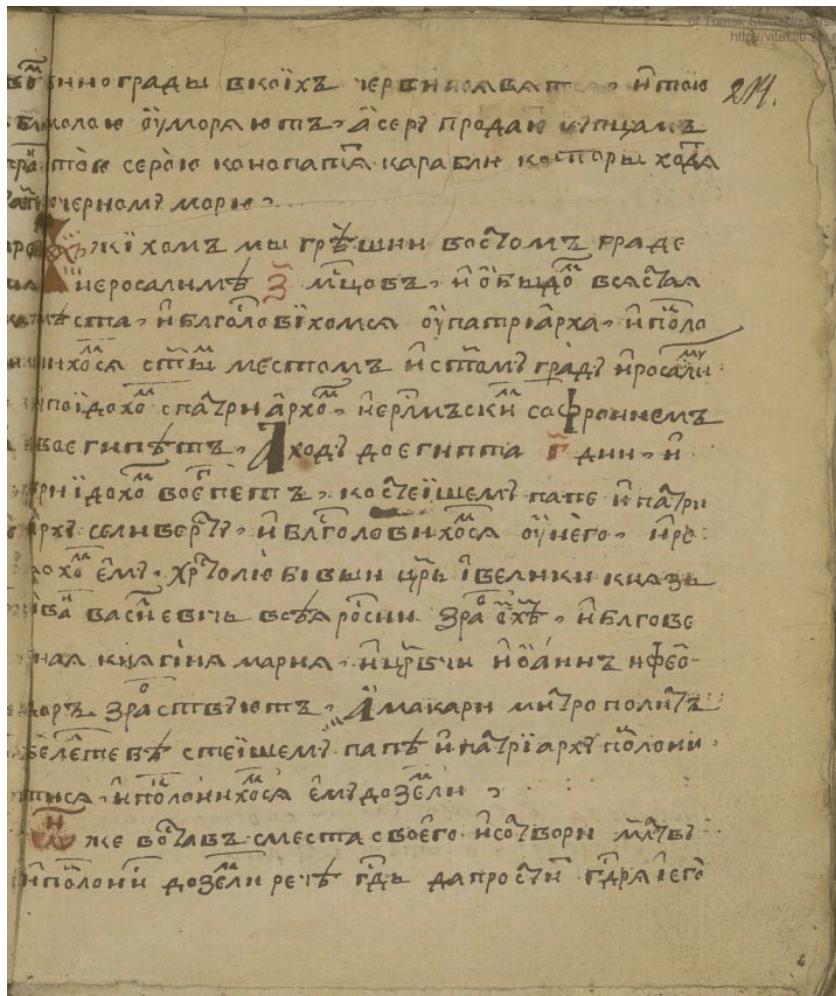

Рис. 3. ОРКП НБ ТГУ. В-777. «Хождение» Василия Познякова. Перечисление имен членов царской семьи. Л. 214

Если говорить об именах членов царской семьи, то помимо царя Ивана Васильевича и его жены Марии в В-777 упомянуты царевичи Федор (1557–1598) и Иоанн (1554–1581). В ХПа и ХК мы видим лишь имя царевича Фе-

дора. Если сопоставить эти данные с периодом нахождения на престоле митрополита московского, то получается, что анализируемый текст должен быть составлен (или исправлен) после 1581 г.: к этому времени царевич Иван скончался, а митрополитом стал Дионисий. В составе же В-777 сохранились следы текста, написанного ранее этого периода, когда митрополитом был Макарий, а царевич Иван еще здравствовал.

Обсуждение результатов

Таким образом, список ХП в составе В-777 имеет существенное сходство с ХПа, однако есть и важные различия. Так, в начале текста указано неверное имя Познякова (Иван), а также дата составления письма царем и вероятная дата составления протографа, которым пользовался писец В-777. Так же, как и ХПа, список В-777 имеет в своем составе заключительный фрагмент, отсутствующий в остальных известных списках ХП. При этом в В-777 наблюдаются и отличия от ХПа, выше показан один из ярких примеров – характеристика реки Иордан. При сопоставлении заключительного фрагмента с текстами ХПа и ХК видно, что в В-777 присутствует ссылка на авторство архиdiакона Геннадия (с верным указанием имени), отсутствующая в ХК. Перечисление имен царствующих особ и правящих патриархов в В-777 имеет также отличия, указывающие на то, что в составе В-777 могли сохраниться фрагменты текста, написанные до 1581 г.

Возникает вопрос: что же это был за протограф, которым пользовался писец В-777? Как указано выше, сразу после текста ХП идет писцовая приписка: «Списано в деревне Новой Еловки со Цветника печатнаго 7293 года октября 27 дня» (рис. 4). Таким образом, имеется дата составления списка ХП в составе В-777: это 27 октября 1785 г., а также место: деревня Новая Еловка. Известно село Новая Еловка в Большеулуйском районе Красноярского края, однако оно основано в конце XIX в. Знакомство же с содержанием печатных Цветников, вышедших из старообрядческих типографий до указанной даты, показывает, что в их составе отсутствовал текст ХП. Есть вероятность, что писцовая приписка относится не к тексту ХП, а к следующему далее тексту, начинающемуся со слов: «Не довольно убо есть нам, братие, именоватися точие хриситаном, но и дела требе суть...» (л. 215–217). В начале листа оставлено место под заголовок, но он так и не был написан. Текст представляет собой главу 107 из Паренесиса Ефрема Сирина; этот текст также не тиражировался в составе Цветников, но был представлен, например, в издании Паренесиса 1647 г. (л. 317 об. – 322 об.), имевшего широкое хождение в старообрядческой среде. Получается, что пока в вопросе о протографе больше неясностей, чем ответов, хотя некоторые предположения строить все же можно.

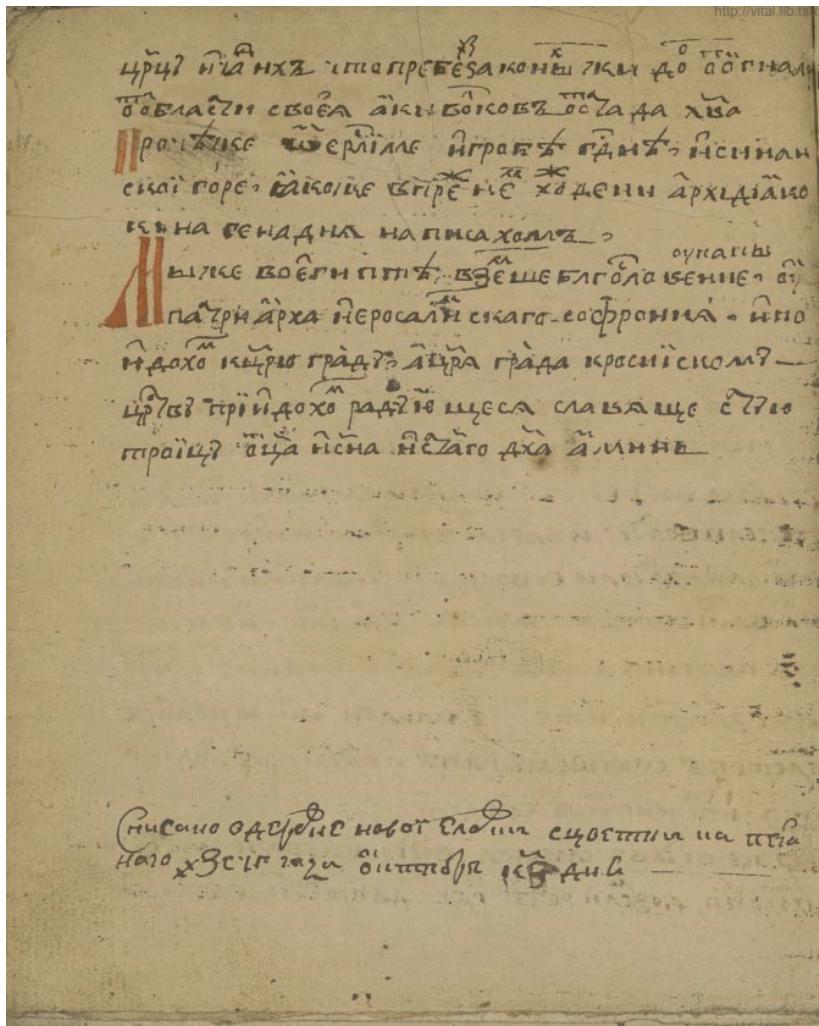

Рис. 4. ОРКП НБ ТГУ. В-777. «Хождение» Василия Познякова.
Окончание текста и писцовая запись. Л. 214 об.

Таблица 3
Сопоставление текста «Хождения» Василия Познякова по списку НБ ТГУ В-777
и изданию с текстом «Хождения» Трифона Коробейникова
(завершающий фрагмент)

B-777	XPa [6]	XK [17]
Л. 214. И жихом мы грешни во святом граде Иеросалиме 7 месяцев, и обыдом вся святая места, и	C. 61 примечание. И жихом мы грешни во святом граде Иерусалиме 7 недель и обходихом вся святая места; и	c. 47. И жихом мы грешни во святом граде Иерусалиме 7 недель и обходихом вся святая места и благослови-

В-777	ХПа [6]	ХК [17]
<p>благословихомся у патриарха, и поклонихомся святым местом и святому граду Иерусалиму, и поиходом с патриархом Иерусалимским Софонием во Египет. А ходу до Египта 3 дни. И прииходом во Египет ко святейшему ко святейшему папе и патриарху Селиверсту, и благословихомся у него. И рехом ему: христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея России здрав есть, и благословенная княгиня Мария, и царевичи Иоанн и Феодор здравствуют. А Макарий митрополит веле тебе, святейшему папе и патриарху, поклонитися, и поклонихомся ему до земли.</p> <p>Он же в ответ востав с места своего и сотвори молитвы, и поклонис до земли, рече: Господъ да простит государя сего, // Л. 214 об. царицу и чад их, что пребеззаконных жидов отогнали от области своея, аки волков от стада Христова</p>	<p>благословихомся у патриарха и поклонихомся святым местом и святому граду Иерусалиму. И поиходом с патриархом Иерусалимским Софонием во Египет. А ходу от Иерусалима до Египта 13 дней. И прииходом во Египет ко святейшему папе и патриарху Силивестру, и благословихомся от него, и благослови ны. И рехом ему: христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии сдравствует о Христе, також и благоверная царица великая княгиня Мария и царевич Феодор здравствует. Мы же и от митрополита рехом ему: Дионисий митрополит великого града Москвы и всея великия Россия, велел тебе святейшему папе и патриарху Селивествру челом ударити и поклонихомся ему, и велел нас пускати в свою землю. Он же став сотвори молитву и поклонихомся до земля и рече: Бог да простит царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и его царевича Федора Ивановича, что пребеззаконных жидов аки волков отгнали от стада Христова</p>	<p>хомся у патриархia и поклонихомся святым местом и святому граду Иерусалиму. И поиходом с патриархом иерусалимским з Софонием во Египет. А ходу от Еросалима до Египта 13 дней. И прииходом во Египет ко святейшему патриарху Селивествру и благословихомся у него и рехом ему: благоверный и христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии здравствуйте о Христе, такоже и благоверная царица великая княгини Марья и царевич Феодор Иванович всея Русии здравствуйте о Христе. Мы ж от митрополита рехом ему: Деонисий митрополит великого града Москвы и всея великия Российская земли веле тебе святейшему папе и патриарху Селивествру челом ударити и веле бы еси пускати в свою землю и поклонихомся ему. Он же став сотвори молитву и поклониhsя до земля и рече: Бог да простит царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и сына его царевича Федора Ивановича Всея Русии, что пребеззаконных жидов аки волков отгнали от стада Христова</p>
<p>Л. 214 об. Проче же о Ерусалиме и гробе Господне, и Синайской горе, якоже в прежнем хождении архидиакона Генадия написахом</p>	<p>С. 62 прим. И проче же о Иерусалиме и о гробе Господне, и о святых местех поклонных, и о Синайской горе, якож в преднем хождении архидиакона Германа написано такоже слово в слово</p>	
<p>Л. 214 об. Мы же во Египте вземше благословение у папы у патриарха Иерусалимского Софрония и поиходом к Царю</p>	<p>С. 62 прим. И прииходом во Египет, взем благословение у Софрония и пошли радующеся ко Царю граду, а от Царя града к Российскому</p>	<p>С. 71. И поиходом от Раифы в Египет, а от Раифы до Египта идохом десять дней ходу. И прииходом во Египет и во Египте взем благословение у</p>

B-777	ХПа [6]	ХК [17]
граду, а Царя града к Российскому царству приходом, радующиеся, славяще святую троицу: отца, и сына и святаго духа. Аминь	царству идохом радующеся здравы, без пакости, славяще отца и сына и святаго духа, святую троицу во едином божестве и ныне, и присно и во веки веком. Аминь	патриарха иерусалимского Софрония, поидоша, радующесь ко Царю граду и от Царя града и к Российскому царству идохом радующеся, здравы, без пакости, славяще святую Троицу отца и сына и святаго духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь

Вывод

Обычно при рассмотрении ХП не выделяются отдельные редакции; это связано с малым количеством сохранившихся списков, а также со сложным характером текста и большим количеством фрагментов, зависимых от текста ХК. Однако данные, извлеченные из беглого анализа текста ХП в составе В-777, позволяют говорить если не о редакции, то о наличии группы списков, связанных с ХПа: это собственно ХПа (60-е гг. XVII в.), список В-777 (конец XVIII в.) и его протограф, составленный, вероятно, в 80–90-е гг. XVII в. При этом В-777 и его протограф сохранили некоторые черты текста, составленного до 1581 г., что видно из сопоставления упомянутых в тексте имен правящих особ.

В целом текст В-777 тесно связан с ХПа, хотя имеет некоторые особенности в сравнении с ним. Это и наличие даты возможного протографа, и правка некоторых имен, и отдельные особые чтения. Таким образом, текст ХПа продолжал копироваться еще и в XVIII в. в кругах сибирских старообрядцев. Для уточнения соотношения этих списков необходимы дальнейшие исследования, однако приведенный выше пример еще раз показывает важность изучения списков из региональных хранилищ.

Список источников

1. Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 21–37.
2. Решетова (Опарина) А.А. К проблеме автора и времени создания «Хождения купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Сб. 11. С. 869–886.
3. Панченко К.А. Монастыри и бедуины в Османской Палестине и на Синае (XVI – первая половина XIX в.) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 1 (7). С. 68–98.
4. Перхавко В.Б. Русские купцы на святой земле // Вестник церковной истории. 2016. № 3–4 (43–44). С. 284–301.
5. Забелин И.Е. Послание царя Ивана Васильевича к александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Василем Позняковым и Хождение купца Познякова в Иерусалим и по иным святым местам. 1558 года // ЧОИДР. 1884. Генварь–март. Кн. 1. М., 1884. С. 1–32.
6. Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока / под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Вып. 18 (Т. 5, вып. 3). 1887. С. I–XVIII, 1–106, 2.

7. *Хождение на восток гостя* Василия Познякова с товарищи // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10: XVI век. С. 48–93, ком. С. 569–578. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142> (дата обращения: 31.05.2023).
8. Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв. (история развития и жанровое своеобразие) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 40 с.
9. Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв. (история развития и жанровое своеобразие) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 480 с.
10. Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского университета // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 344–348.
11. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета. Вып. 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 643 с.
12. Климова М.Н. «История о некоей купеческой дочери» – неизвестный памятник поздней рукописной традиции // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1995. С. 33–37.
13. Климова М.Н. Малоизученный памятник русской беллетристики переходного периода «История о некоей купеческой дочери...» и его жанровое своеобразие // Проблемы литературных жанров : материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Томского государственного университета, 8–10 декабря 1998 г. Ч. 1. Томск, 1999. С. 69–73.
14. Климова М.Н. О двух беллетристических текстах из старообрядческого сборника XVIII века (НБ ТГУ, В-777) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 80–89.
15. Есипова В.А. Бумага сибирского производства XVIII века в рукописях НБ ТГУ // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 101–106.
16. Сборник старообрядческий смешанного содержания. [Б. м., XVIII в.]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000563746> (дата обращения 31.05.2023).
17. *Хождение* купца Трифона Коробейникова. 1593–1594 гг. / под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 9, вып. 3. СПб., 1889. 127 с.

References

1. Danilov, V.V. (1962) O zhanrovykh osobennostyakh drevnerusskikh “khozhdeniy” [On the genre features of ancient Russian “journeys”]. In: Lur’е, Ya.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 18. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 21–37.
2. Reshetova (Oparina), A.A. (2004) K probleme avtora i vremeni sozdaniya “Khozhdeniya kuptsa Trifona Korobeynikova po svyatym mestam Vostoka” [On the problem of the author and the time of creation of The Journey of the Merchant Trifon Korobeinikov through the Holy Places of the East]. In: Lyustrov, M.Yu. (ed.) *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Vol. 11. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury, Progress-traditsiya. pp. 869–886.
3. Panchenko, K.A. (2007) Monastyri i beduiny v Osmanskoy Palestine i na Sinae (XVI – pervaya polovina XIX v.) [Monasteries and Bedouins in Ottoman Palestine and Sinai (16th – first half of the 19th century)]. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya.* 1 (7). pp. 68–98.
4. Perkhavko, V.B. (2016) Russkie kuptsy na svyatoy zemle [Russian merchants on the holy land]. *Vestnik tserkovnoy istorii.* 3–4 (43–44). pp. 284–301.
5. Zabelin, I.E. (1884) Poslanie tsarya Ivana Vasil’evicha k aleksandriyskomu patriarchu Ioakimu s kuptsom Vasil’em Poznyakovym i Khozhdenie kuptsa Poznyakova v Ierusalim i po inym svyatym mestam. 1558 goda [The message of Tsar Ivan Vasilyevich to the Alexandrian Patriarch Joachim with the merchant Vasily Poznyakov and the journey of the merchant

- Poznyakov to Jerusalem and other holy places. 1558]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyiskikh*. 1. pp. 1–32.
6. Loparev, Kh.M. (ed.) (1887) Khozhdenie kuptsa Vasiliya Poznyakova po svyatym mestam Vostoka [The merchant Vasily Poznyakov's journey through the holy places of the East]. *Pravoslavnny palestinskiy sbornik*. 3 (6). pp. I–XVIII, 1–106, 2.
7. Belobrova, O.A. (ed.) (2000) Khozhdenie na vostok gostya Vasiliya Poznyakova s tovarishchi [Walking to the east of guest Vasily Poznyakov and his comrades]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. Vol. 10. Saint Petersburg: Nauka. pp. 48–93; pp. 569–578. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142> (Accessed: 31.05.2023).
8. Reshetova, A.A. (2006) *Drevnerusskaya palomnicheskaya literatura XVI–XVII vv. (istoriya razvitiya i zhanrovoe svoeobrazie)* [Old Russian pilgrimage literature of the 16th–17th centuries. (history of development and genre originality)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
9. Reshetova, A.A. (2006) *Drevnerusskaya palomnicheskaya literatura XVI–XVII vv. (istoriya razvitiya i zhanrovoe svoeobrazie)* [Old Russian pilgrimage literature of the 16th–17th centuries. (history of development and genre originality)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Romodanovskaya, E.K. (1971) Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta [Slavic-Russian manuscripts of the Scientific Library of Tomsk University]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 26. Leningrad: Nauka. pp. 344–348.
11. Esipova, V.A. (ed.) (2009) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Slavic-Russian Manuscripts of the Scientific Library of Tomsk State University]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
12. Klimova, M.N. (1995) “Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri” – neizvestnyy pamyatnik pozdney rukopisnoy traditsii [“The Story of a Certain Merchant’s Daughter” – an unknown monument of the late manuscript tradition]. In: Erokhina, G.S. (ed.) *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the History of the Book Collections of the Tomsk University Library]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 33–37.
13. Klimova, M.N. (1999) [The Story of a Certain Merchant’s Daughter..., an understudied monument of Russian fiction of the transition period, and its genre specificity]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of Literary Genres]. Proceedings of the 9th International Conference. 8–10 December 1998. Part 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 69–73. (In Russian).
14. Klimova, M.N. (2007) O dvukh belletristicheskikh tekstakh iz staroobryadcheskogo sbornika XVIII veka (NB TGU, V-777) [About two fictional texts from the Old Believer collection of the 18th century (NB TSU, V-777)]. In: Romodanovskaya, E.K. & Titova, L.V. (eds) *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Monuments of Russian Literature: New texts, new interpretations]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 80–89.
15. Esipova, V.A. (2000) Bumaga sibirskogo proizvodstva XVIII veka v rukopisyakh NB TGU [Paper of Siberian production of the 18th century in manuscripts of the National Library of TSU]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1999 god* [Archaeographic Yearbook for 1999]. Moscow: Nauka. pp. 101–106.
16. Esipova, V.A. (ed.) (2009) *Sbornik staroobryadcheskiy smeshannogo soderzhaniya [B. m., XVIII v.]* [Old Believer Collection of Mixed Content [S.l., 18th century]]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000563746> (Accessed: 31.05.2023).
17. Loparev, Kh.M. (ed.) (1889) Khozhdenie kuptsa Trifona Korobeinikova. 1593–1594 gg. [The journey of the merchant Trifon Korobeinikov. 1593–1594]. *Pravoslavnny palestinskiy sbornik*. 3 (9).

Информация об авторе:

Есипова В.А. – д-р ист. наук, зав. сектором, отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: esipova_val@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Esipova, Dr. Sci. (History), head of a sector, Department of Manuscripts and Book Monuments of Tomsk State University Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.06.2023;
одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 07.06.2023;
approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 821
doi: 10.17223/19986645/89/11

Рецепция мифа о кносском лабиринте в романе М.З. Данилевского «Дом листьев»

Галина Григорьевна Ишимбаева¹

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, galgrig7@list.ru

Аннотация. Осуществлен анализ того, как миф о сакральном лабиринте был художественно осмыслен в романе М.З. Данилевского «Дом листьев», где лабиринт является сущностным основанием содержания и формы. В ходе исследования трансформаций традиционного сюжета о лабиринте доказывается: античному миру-космосу, миру-дереву в романе противостоит мир-хаос, мир-ризома, постмодернистский симулякр; образ лабиринта обуславливает особую форму романа «Дом листьев».

Ключевые слова: М.З. Данилевский, «Дом листьев», кносский лабиринт, Минотавр, Ариадна, Тесей, симулякр, ризома, постмодернизм

Для цитирования: Ишимбаева Г.Г. Рецепция мифа о кносском лабиринте в романе М.З. Данилевского «Дом листьев» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 215–227. doi: 10.17223/19986645/89/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/11

The reception of the Knossos Labyrinth myth in Mark Z. Danielewski's *House of Leaves*

Galina G. Ishimbayeva¹

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, galgrig7@list.ru

Abstract. The article analyzes how the multi-meaning universal figurative basis of the myth of the sacred labyrinth is artistically comprehended within the novel *House of Leaves* by Mark Z. Danielewski. The labyrinth here is the essential basis of content and form. The study proved the following. (1) The writer, revealing the image of the labyrinth, combines numerous discourses (architectural, philosophical, philological, poetic, metaphorical, marginal), and in all the cases the labyrinth is the root of itself, i.e. acts as a rhizome. (2) The novel contains all the semantic components of the traditional plot (the architectonics of the labyrinth, the monstrous creature in the labyrinth and the idea of sacrifice to it, the thread of Ariadne, the hero's exit from the labyrinth), but they are subjected to significant transformations, which leads to a radical rethinking of the myth and a revision of the character symbolism of the novel. (3) The ancient world-cosmos, the world-tree in the novel is opposed by the world-chaos, the world-rhizome. There is no semantic center and all connections are non-linear, structureless, confusing here; the

ancient world as a harmonious unfolding Cosmos is opposed by a postmodern simulacrum. (4) Both the existential mode of understanding the Knossos myth and the matrix of the traditional plot are changing, the matrix is filled with new content related to historical and cultural innovations and the very way of understanding the history of the labyrinth, the Minotaur, Theseus and Ariadne. (5) The image of the rhizomatic labyrinth determines a special form of the ergodic, non-linear novel *House of Leaves*, in which the main text is adjacent to the text in the notes, growing into an independent story, where the plot lines spread out in a chaotic mess and suddenly finish. (6) The rhizome of the philosophical foundation of the novel is manifested in the synthesis of various genre elements (from horror and gonzo journalism to gothic, psychedelic, psychoanalytic, ergodic, fantastic, cinematic, graphic, beatnik and psychoanalytic novels) and in the idea of a synthesis of the arts, primarily fiction and cinematography. (7) The organizational principle of the rhizomatic labyrinth is realized in a chaotic composition, fundamental fragmentation, quotation and collage of the text, in the freedom of many narrative practices and narrative instances, which exclude the idea of absolute Truth and the only interpretation.

Keywords: Mark Z. Danielewski, *House of Leaves*, Labyrinth of Knossos, Minotaur, Ariadne, Theseus, simulacrum, rhizome, postmodernism

For citation: Ishimbayeva, G.G. (2024) The reception of the Knossos Labyrinth myth in Mark Z. Danielewski's *House of Leaves*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 215–227. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/11

Введение

Лабиринт – один из сложнейших универсальных образов мировой культуры, представляющих одновременно модель мироздания и модель существования человека, – встречается в мифологиях разных народов, ассоциируясь с религиозными представлениями о смерти и возрождении и выступая сакральным онтологическим топосом. Поэтому представители древних цивилизаций проводили в лабиринтах магические обряды, мистерии жизни и смерти, ритуалы перехода от профанного к сакральному.

В ряду множества древних лабиринтов особое место занимает лабиринт из критского цикла мифов. В кносском лабиринте, построенном Дедалом по приказу царя Миноса для Минотавра, сына царицы Пасифай и белого быка, совершил один из своих подвигов Тесей, сын земной женщины и двух отцов, царя Афин Эгей и морского бога Посейдона. Принадлежавший к племени героев, он убил чудовищного Минотавра, которому афиняне отправляли ежегодно по семь юношей и семь девушек, и освободил отечество от позорной дани. Выбраться из лабиринта Тесей смог благодаря помощи влюбленной в него Ариадны, единогубрной сестры Минотавра, которая дала ему чудодейственную путеводную нить.

Это схема классического мифа о лабиринте, сущностные компоненты матрицы сюжета которого связаны с наличием: 1) некоего архитектурного сооружения с запутанными ходами; 2) таинственного чудовищного существа, обитающего в его недрах; 3) героя, совершающего общезначимое действие и уничтожающего зло; 4) героини-помощницы; 5) идеи обретения правильного пути и выхода из лабиринта.

Очевидно, что лабиринт выступает здесь как древний символ, в котором воплотились тектонические изменения в мироздании, что выражлось в переходе человечества от архаического животного фетишизма и человеческих жертвоприношений к цивилизационному общежитию, в изменении самих форм бытия. Вместе с тем в мифе о кносском лабиринте представлено художественное осмысление текущей реальности – герой Тесей объединяет всех жителей Аттики в единый народ и единое государство Афины, Аттика одерживает победу над Критом. Миф о лабиринте, таким образом, позволяет увидеть трансформацию античных представлений о мироустройстве от архаического хтонического минойского к классическому героическому греческому.

Миф о кносском лабиринте получил множество интерпретаций в философии и культурологии XX в. Дж.Дж. Фрэзер [1] и вслед за ним Д. Лаутайн [2] считают, что в действе о противоборстве в лабиринте Тесея и Минотавра нашел отражение религиозный обряд. Согласно концепции З. Фрейда [3] лабиринт является символом бессознательного; Минотавр воплощает подавленные желания и страхи; Тесей олицетворяет разумное начало в человеке, стремящемся разобраться в себе и победить свои страхи; нить Ариадны – это то, что может помочь в раскрытии человеку части его бессознательного. Для К.Г. Юнга [4] и его последователей (А. Тойнби [5], Дж.Л. Хендersona [6], Дж. Кэмпбелла [7]) это символ блужданий человека в лабиринте подсознания и его борьбы с собственными страхами и предрасудками. Ю.М. Лотман убежден в том, что «каждый лабиринт подразумевает своего Тесея, того, кто “расколдовывает” его тайны и находит путь к центру» [8]. Дж. Кэмпбелл, напротив, в мифе о кносском лабиринте прежде всего исследует роль Миноса, этого «тирана-чудовища» и «вестника мирового бедствия» [7. С. 20], который кощунственно отказался от прохождения обряда.

Многослойность и неоднозначность образа лабиринта, имеющего множество потенциальных смыслов, обусловили неизбытвый интерес писателей к этому мифу¹, обретшему все качества традиционного сюжета мировой литературы еще в античности (Еврипид, Сенека, Плутарх, Овидий, Вергилий и др.). Настоящий взрыв интереса к себе он переживает в XX столетии (М. Рено, А. Жид, Х. Кортасар, Н. Казандзакис, М. Юрсенар, Р. Шекли, Д. Сэйт, братья Стругацкие, В. Пелевин и мн. др.). Любопытную трансформацию переживает этот миф в литературе постмодернизма. Х.Л. Борхес («Вавилонская библиотека», «Сад расходящихся тропок», «Дом Астерия», «Абенхакан эль Бохари, погибший в своем лабиринте» и др.) и У. Эко («Имя розы») дают онтологическую трактовку образа лабиринта как модели Всеобщей-текста, не поддающегося рациональному объяснению.

---

¹ Среди литературоведческих исследований последних десятилетий, в которых анализируются особенности рецепции мифа о кносском лабиринте в мировой литературе, выделим статьи Л.А. Колобаевой [9], Ю.Л. Цветкова [10], Т.Ю. Денисовой [11], Ю.А. Седининой-Барковской [12], Н.В. Кузнецовой [13].

Материалы и методы

Предметом настоящего исследования является постмодернистский роман Марка Z. Данилевского «Дом листьев» (2000), где раскрываются новые смыслы сакрального лабиринта и предлагаются новые возможности его художественного осмыслиения. Для достижения поставленной задачи анализа художественного текста, находящегося в диалогических отношениях с античным мифом, использованы компаративистский, интертекстуальный, миropорождающий, нарративный, системно-синергетический методы.

Результаты исследования

В «Доме листьев», в этом выстроенном по законам волшебной сказки [14] трехуровневом повествовании (рукопись Дзампано «Пленка Нэвидсона», введение и примечания Джонни Труэнта, примечания издателя), лабиринт является сущностным основанием содержания и формы.

Преамбула романа – успешный фотожурналист Уилл Нэвидсон вместе с женой и детьми переезжает из Нью-Йорка в Вирджинию, чтобы на лоне сельской природы гармонизировать семейные отношения. Попытка героя запечатлеть этот процесс, развесив по всему купленному им дому видеокамеры, приводит к созданию не идиллической документалки, а хоррора. «Пленка Нэвидсона» воссоздает ирреальное зло, которое скрывается в бесконечных, изменяющихся подземных коридорах дома, и перемены, которые «в мгновенье ока превращают самый простой маршрут в запутанный лабиринт» [15. С. 73].

Постижение его сути героями выражается через использование самых разнообразных дискурсов: архитектурного, философского, филологического, поэтического, метафорического, маргинального, мифологического, культурологического и др. Лавинообразная информация о лабиринте – цитаты из вымышленной книги Пенелопы Рид Дуб «Концепция лабиринта: от Античности к Средневековью», описания Плиния, строки Овидия и Вергилия, упоминание «Маленького гармонического лабиринта» Баха и т.д. – буквально заполняют все акустическое пространство романа, составляя своеобразный кластер. Доминируют в кластерном аккорде философская и поэтическая составляющие: в нем соседствуют размышления о «дихотомии между теми, кто взаимодействует с лабиринтом внутри его, и теми, кто рассматривает его снаружи» [15. С. 125], слова Галилея о языке Вселенной, который написан на языке математики геометрическими фигурами – «без них он (человек. – Г.И.) был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту» [15. С. 683], и поэтический образ Мильтона: «Река забвенья Лета, развернув / Свой влажный лабиринт...» [15. С. 685].

Автор рукописи, Дзампано, рассматривает разные ипостаси лабиринта, в том числе и метафорические (ледовые лабиринты, в которые попадает экспедиция мореплавателя Генри Гудзона [15. С. 154]; «лабиринт среднего уха» и «еще более глубокий лабиринт души» одного из героев [15. С. 197];

лабиринты раковины-домика улитки и домиков-раковин ископаемых аммонитов и др.). Джонни Труэнт использует образ лабиринта в сниженном и даже маргинальном контексте, когда, например, рассказывает о «хитрых лабиринтах», которые преодолевает под действием таблеток экстази вместе с Кайри [15. С. 96], или когда размышляет о своих лабиринтообразных шрамах и тату [15. С. 49]. Издатель актуализирует новый уровень осмыслиения лабиринта, когда включает в текст романа письма матери Джонни Труэнта из психиатрической клиники, что позволяют оценить всю степень генетической неблагополучности комментатора, постепенно теряющегося в лабиринтах собственного сознания и подсознания. При этом во всех случаях лабиринт является как бы корнем себя самого, выступая в качестве ризомы.

В бесконечном множестве каталогизированных ризоматических лабиринтов выделяется главный, сюжетообразующий лабиринт – тот, что фантастическим образом обнаружился в недрах дома Нэвидсона. В «Пленке Нэвидсона» даются его зримые характеристики: полицейские по настоянию Карен осматривают «всепоглощающий лабиринт с пепельными стенами» [15. С. 339]. Герои используют слова «могила», «гроб», «катакомбы» [15. С. 339], чтобы передать свои ощущения от встречи с ним.

Для нарратора настолько очевидна мистическая связь лабиринта дома Нэвидсона с мифом о кносском лабиринте, что в сноске он подчеркивает: «фактически все отсылки к <...> Минотавру должны быть чисто умозрительными» [15. С. 359], а потому он, как правило, вычеркивает в своем тексте упоминания о Миносе и Минотавре [15. С. 358]. Но, вычеркнутые, они еще больше привлекают внимание и прочитываются как прямые цитаты из мифа о критском лабиринте, обнажающие мифологические корни романного образа.

В его художественном осмыслиении на страницах романа присутствуют все семантические компоненты традиционного сюжета: архитектоника лабиринта, монструозное существо в лабиринте и идея жертвоприношения ему, нить Ариадны, выход героя из лабиринта. Однако они подвергнуты существенным трансформациям, что ведет к радикальному переосмыслиению мифа и пересмотру персонажной символики романа, где зачастую нивелируются первичные смыслы.

Ключевым для постижения способа пересмотра традиционного мифа является эпиграф к главе 13 «Минотавр»: «Когда пересекает луг широкий, / Как тень, скользя, но стоит помянуть / Его или представить полную картину, / Явится тигр словом порожденным, / А не живым созданием из плоти» [15. С. 333]. Эти строки из стихотворения Х.Л. Борхеса «Другой тигр» становятся камертоном понимания образов лабиринта и Минотавра как художественной рефлексии мифа. На страницах романа проводится идея первичности слова, порождающего лабиринтообразный мир хоррора и неведомое иррациональное зло. Лабиринт и Минотавр в романе Данилевского, таким образом, теряют реальность плоти и обретают символическое наполнение, подвергаясь концептуальным изменениям.

Кносский лабиринт есть модель мира, в которой представлены древесный тип культуры и триада космоса – небо, где обитают олимпийские боги, земля, вотчина человека, и подземелье, загробный мир. Лабиринт Данилевского выступает как ризома с ее нелинейным типом связей, он лишен божественной составляющей, имея форму дуады, которая «есть противостоящая абсолюту Бездна или Великая Пустота» и «символ иллюзорности» [16]. Дуальная модель мироздания в «Доме листьев», в которой нет места пространству пребывания богов, имеет гносеологический характер: сознательный опыт его героев является не реальным миром, а внутренним представлением о нем. Особенности романной рецепции мифа о кносском лабиринте, таким образом, позволяют сделать выводы: во-первых, античному миру-космосу, миру-дереву противостоит мир-хаос, мир-ризома, где нет смыслового центра и все связи нелинейны, бесструктурны, запутаны; во-вторых, античному миру как гармоничному разворачивающемуся Космосу противопоставлен постмодернистский симулякр.

Античные представления о становящемся Космосе осмыслены в истории человекобыка: Минотавр, внук Гелиоса, внук Зевса и ипостась Зевса Лабрандского, обитатель и покровитель загробного мира, является зрымым выражением диалектической связи неба, моря и подземного мира, первичного хаоса и космоса, недаром ему при рождении было дано имя Астерий, т.е. «звездный». Что касается образа Минотавра в романе «Дом листьев», то его возникновение трактуется как ментально каузальное: появление некоего не существа, но призрака обусловливают причинно-следственные отношения воспринимающего сознания героев, попавших в лабиринт, и физического мира. Осмысление образа дается в рамках научной парадигмы синергетики – через изучение механизмов самоорганизации открытых и нелинейных систем сознания и подсознания человека. Таким образом Минотавр, как и лабиринт, в романе Данилевского переживает дифракцию космологических смыслов.

Изменяется и экзистенциальный модус осмысления кносского мифа. В контексте античных мифологических представлений образ Тесея связан с инициацией и взрослением мужчины, освобождением от власти матери и победы патриархата над матриархатом, этим воплощением хаотического и иррационального. Тесей делает свой выбор перед лицом смерти и утверждает мужские качества (целеустремленность, силу, смелость, бесстрашие, благородство, готовность пожертвовать собой во имя общезначимой цели, героизм), но вместе с тем, покинув Ариадну на Наксосе после побега из Кносса, он оказывается предателем (как, впрочем, предательницей является и Ариадна – по отношению к своему отцу, брату, Криту).

В романе Данилевского Тесею функционально подобен Уилл Нэвидсон, вернувшийся из лабиринта, но в его истории Тесеева мифологическая семантика переосмыслена. Во-первых, лабиринт «Дома листьев» не является сооружением, созданным человеком, и его телесная топологическая локализация сомнительна, его материальное существование под вопросом. Во-вто-

рых, открывшийся проход к лабиринту не предполагает приобщения вступающего в него к чему-то, имеющему сакральное космологическое значение; здесь не задаются космический порядок и судьбы людей, не осуществляются божественные сценарии. В-третьих, вероятность того, что герой дожел до центра и сразился с чудовищем, не находит подтверждения в тексте; известно лишь то, что он вышел из лабиринта; и этот выход не имеет общенационального значения, оставаясь локальной частной историей. В-четвертых, отсутствует вся линия отношений Тесея и Ариадны, деструктивного эроса, который вызвала Афродита в сердце дочери Миноса, поэтому остается за кадром проблема амбивалентности героя. В-пятых, Уилл Нэвидсон лишен Тесеева героического ореола. Тесей «олицетворял молодой патриархальный дух Афин, и ему предстояло противостоять ужасам критского лабиринта с его чудовищным обитателем – Минотавром, символизирующими, вероятно, болезненный упадок матриархального Крита» [6. С. 126]. Нэвидсон проходит испытание лабиринтом из любопытства и от безысходности, потерпев существенные уроны (потеряв ногу, руку, глаз) и вместе с семьей сбежав из Вирджинии.

Если образы лабиринта, Минотавра и Тесея в романе подверглись переосмыслинию, то образ Ариадны просто исключен из персонажной системы романа и заменен на редуцированно присутствующий в тексте Ариаднин мотив. Примечательно, однако, что он разворачивается на всех трех уровнях повествования (как не вспомнить здесь слова У. Эко: «Собственно, лабиринт – это и есть нить Ариадны» [17. С. 109]).

Издатель, вводя мотив Ариадны, использует принцип матрешки. Ремарке Жака Деррида о нити Ариадны предшествует сложносочиненный текст: сначала идут психотерапевтические объяснения феномена дома и снов Нэвидсона (в том числе сна об улитке и ее домике-лабиринте), затем следует выбранная одним из психотерапевтов цитата из «Поэтики пространства» Гастона Башляра, далее приводится стихотворение Рене Рукье об исполнской улитке, процитированное Башляром, наконец, все завершается пассажем «Мия Хейвен и Лэнс Слокум объединились в команду, чтобы лучше маневрировать в лабиринте странных ассоциаций» [15. С. 432] – но они не смогли выйти из этого лабиринта, потому что не владеют нитью Ариадны. Так происходит закольцовывание Ариадниного мотива. Многоголосие нарративных инстанций в этом эпизоде, своеобразный контрапункт как прием организации текста, безусловно, воплощают постмодернистскую идею о столкновении разных стилей в рамках одного семантически структурно целого, связанного с нитью Ариадны.

В рукописи Дзампано Ариаднин мотив звучит не столь изощренно, как в тексте издателя. В ней приводится история, что реминисцирует со «случаем Ариадны»: пятилетняя дочь Нэвидсона Дэйзи вытягивает отца из коридора. Однако здесь происходит очевидная контаминации ролей героини мифологического сюжета: если Ариадна обманывает отца и спасает пришельца Тесея, то Дэйзи спасает отца, который выступает в качестве современного американского Тесея.

Кроме этого, в рукописи «Пленка Нэвидсона» появляется прямая аллюзия на путеводную нить Ариадны: в ходе экспедиций герои используют леску в «качестве дешевого и эффективного способа отметить траекторию движения через лабиринт» [15. С. 131] – так купленный в магазине шнур сакрализуется, выполняя функции нити Ариадны. Этот факт, приведенный Дзампано, становится для комментатора Труэнта поводом для замечания о его «очевидном мифологическом резонансе» [15. С. 131]. Любопытно, что в продолжение этой мысли Труэнт вычеркивает в своем тексте предложение: «Дочь Миноса, Ариадна, дала Тесею нить, с помощью которой он смог выйти из лабиринта» [15. С. 131].

Это представляется неслучайным. Джонни Труэнт, имеющий сложные отношения любви-ненависти с матерью, никогда не чувствовавший себя на одной эмоциональной волне с ней и в силу этого не могущий выстроить здоровые отношения с женщинами, вымарывает в своем комментарии Ариадну, бессознательно снижая роль женщины в жизни и судьбе мужчины. Между тем обладающая ключом к тайне лабиринта и открываяющая эту тайну Тесею, Ариадна настраивает его на достижение истинных ценностей, открывает ему путь к самому себе, позволяет самореализоваться, т.е. выступает как позитивная анима, как «Душа Мира», «женственное начало в глубинах человеческой души, теснитое греховно-рассудочным Анимусом» [18. С. 68]. Комментатору, однако, это неведомо, что позволяет сделать вывод о наличии в американском обществе кануна третьего тысячелетия тенденции к пересмотру имиджа женщины в психике мужчины, в конечном счете к изменениям *Zeitgeist'a*.

Матрица традиционного сюжета, таким образом, наполнилась новым содержанием, связанным и с историко-культурными новациями, и с самим способом осмыслиения истории лабиринта, Минотавра, Тесея и Ариадны.

При этом образ лабиринта не только определяет все уровни романа в содержательном отношении, но и обуславливает его особую форму: эргодический, нелинейный роман «Дом листьев» построен так же, как лабиринт.

Перед нами комментарий к фильму «Пленка Нэвидсона» слепого старика Дзампано, который не видел фильма и свое миропознание выстраивает благодаря девушкам, беспорядочно читающим ему вслух самые разнообразные книги. Джонни Труэнт комментирует эти комментарии, издатель комментирует издаваемое. Кроме того, в романе имеется «Частичная расшифровка». Что подумали некоторые. Сделано Карен Грин» [15. С. 379]: жена Нэвидсона представила здесь комментарии к фильму многих знаменитостей (Харольда Блума и Камилы Пальи, Стивена Кинга и Стэнли Кубрика, Жака Деррида и Хантера С. Томпсона и др., а также родной сестры Данилевского Анны, певицы, выступающей под псевдонимом По), которые его не видели и ничего существенного не говорят. Таким образом, выстраивается странная постмодернистская конструкция симулякра, в центре которой неопознанное Нечто, а может быть, Ничто, а вокруг комментарии комментариев, которые петляют, в которых легко заблудиться и из которых сложно выбраться.

Лабиринтный принцип построения характерен и для фильма «Пленка Нэвидсона», как его описывают Дзампано [15. С. 125] и Джонни Труэнт [15. С. 359] и как его аттестует издатель, переводя с французского: это «отрывки, которые закручиваются, приближаются и удаляются в сложной и запутанной манере» [15. С. 125].

Точно в такой же манере скомпонован весь роман, в котором основной текст соседствует с текстом в примечаниях, разрастающимся до самостоятельной истории Джонни Труэнта, где фабульные линии расползаются в хаотическом беспорядке и неожиданно заканчиваются.

Последовательность изложения событий нарушается и прерывается, в рукописи Дзампано исчезают десятки страниц [15. С. 404, 433], обозначаются пропуски [15. С. 121, 155, 183, 186], появляются страницы, заполненные именами собственными [15. С. 68–71], и замечания в сносках: «субтитры местами непонятны» [15. С. 7], «к сожалению, почти все выводы неверны» [15. С. 21], «см. вставку 4 – в полный текст» [15. С. 87, 104], «утрачено» [15. С. 269], «вычеркнуто и выгорело» [15. С. 284, 378], «нечитаемо» [15. С. 455]; уточняется: «ряд X означает, что текст был перечеркнут, а не сожжен» [15. С. 350]; целые страницы покрываются рядами XXX [15. С. 401–404].

Труэнт представляет набросок плана, сделанный на обратной стороне конверта [15. С. 29], начинает, но не заканчивает примечания [15. С. 325], фиксирует свои опечатки [15. С. 169] и т.д. Находящийся под действием наркотиков и алкоголя, он живет по временам в параллельной реальности, в которой однажды от музыкантов, авторов песни «Коридор в пять с половиной минут», получает первое издание книги «Дом листьев» – и начинаются разговоры Труэнта с незнакомцами: «...они несли всякую чушь, обсуждали примечания, имена, названия и даже зашифрованное появление Фамирида на странице 415, которое я даже не отразил» [15. С. 548].

В текст романа вмонтирован кусок на французском языке без комментариев с пометкой «неразборчиво» [15. С. 598], бессмысленные диаграммы, глоссарий, список литературы, рейтинг постэффектов, нотный стан, издательский алфавитный указатель (встречается, например, слово «смущать» с курсивной ремаркой «отсутствует» [15. С. 735]). В приложениях к основному тексту дается «Всякая...» «...Всячина»: письмо редактору, стихи Дзампано и стихи Пеликаны, наброски и полароидные снимки, коллажи, письма матери Труэнта из психиатрической клиники, цитаты из Б. Паскаля, К.Г. Юнга, Ш. Бодлера, А.П. Чехова, М. Пруста, И.В. Гете, Плинния Младшего, Гомера и т.д.

Издатель играет с разными шрифтами сносок, начиная с четвертой страницы и до конца романа; выделяет цветом слово «дом» и его производные; дает псевдофилософские комментарии: «Смотрите – вот идеальный пантеон отсутствия смысла» [15. С. 455]; обращается к читателям с предложением представить доказательства своего авторства с тем, чтобы в дальнейших переизданиях романа указать автора процитированных стихов [15. С. 45]; признается, что после первого издания романа в интернете получил по почте

несколько откликов; замечает ошибки в тексте (например: «Здесь не должно быть знака препинания» [15. С. 169]). На десятках страниц издается демонстрирует сложнейшую технику набора текста: здесь перевернутый, зеркальный, графический варианты текста соседствуют с текстом, набранным лесенкой, на отдельных страницах появляются по два слова и даже по одному слогу (так передается динамика описываемых событий), и тут же приводятся тексты с пропущенными буквами и слогами [15. С. 458–522]. Зачастую появляются отсылки к другим главам и вставкам, а инструкции для вставок расположены на странице 563.

В этой перегруженной замысловатой форме романа со множеством сумасшедших круговоротов и тупиков нашла выражение особая, ризоматическая форма лабиринта. У. Эко охарактеризовал ризому как один из символических лабиринтов постмодернизма: «Ризома так устроена, что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична» [17. С. 110]. Безграничная ризома «Дома листьев» характеризует принцип философско-художественного мышления Данилевского, который разрушает классическое представление о семантически центрированной структуре текста и выстраивает бесцентровую структуру текста, где все означающие отсылают только к другим означающим.

Ризоматичность философского основания романа проявляется в синтезе разнообразных жанровых элементов (от хоррора и гонзо-журналистики до готического, психodelического, психоаналитического, эргодического, фантастического, кинематографического, графического, битнического и психоаналитического романа) и в идеи синтеза искусств, прежде всего художественной литературы и кинематографии [19]. Организационный принцип ризомы в романе «Дом листьев» реализуется в хаотичной композиции, принципиальной фрагментарности, цитатности и коллажности текста, в свободе множества нарративных практик и нарративных инстанций, что исключают идею абсолютной Истины и единственной интерпретации.

Заключение

Рецепция мифа о кносском лабиринте, таким образом, позволяет постичь и оценить специфику формодержательной природы программно постмодернистского романа М.З. Данилевского «Дом листьев». Его смыслы раскрываются в ходе компаративистского, интертекстуального, миропорождающего, нарративного анализов, но обретают свою логическую завершенность только в системно-синергетической парадигме и в свете ее базовых категорий хаоса и порядка, организующих и структурирующих текст, в котором показательно отрицается идея порядка и утверждается идея хаоса как основной единицы характеристики Вселенной эпохи постмодерна.

Список источников

1. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии : в 2 т. Т. 1, гл. 1–39 / пер. с англ. М. Рыклина. М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. 528 с.
2. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии / пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Энigma, 1996. 368 с.
3. Фрейд З. «Я» и «Оно» / пер. с нем. Л. Голлербах, И. Ермакова М. : Эксмо-Пресс, 2017. 160 с.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ / пер. с нем. М. : Renaissance, 1991. 304 с.
5. Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е. Жаркова. М. : Рольф, 2001. 640 с.
6. Хендерсон Дж.Л. Древние мифы и современный человек // Юнг К.Г., фон Франц М.Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / пер. И. Сиренко, С. Сиренко, Н. Сиренко. М., 2016. С. 105–161.
7. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лицами / пер. с англ. К. Семенова. Киев : София, Ltd., 1997. 336 с.
8. Лотман Ю.М. Выход из лабиринта // Эко У. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1: Внецикловый роман и эссе. СПб. : Симпозиум, 1998. С. 650–669. URL: <http://www.philology.ru/literature3/lotman-98.htm> (дата обращения: 02.03.2023).
9. Колобаева Л.А. И. Бродский: Работа с античным мифом // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 2. С. 67–83.
10. Цветков Ю.Л. Античный миф и либретто Гуго фон Гофмансталя «Ариадна на Наксосе» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 301–304.
11. Денисова Т.Ю. Одиночество Минотавра // Идеи и идеалы. 2012. № 4 (14). Т. 2. С. 3–16.
12. Сединина-Барковская Ю.А. Трансформация образа Минотавра в современной фантастической литературе (на материале дилогии Г.Л. Олди и А. Валентинова «Нам здесь жить» и трилогии Ю. Брайдера и Н. Чадовича «Охота на Минотавра») // Филологические штудии = Studia philologica. 2009. Вып. 7. С. 127–136.
13. Кузнецова Н.В. Миф о Минотавре в художественном сознании XX века (А. Жид «Тесей», Х. Кортасар «Цари», Х.Л. Борхес «Дом Астерия», Ф. Дюрренматт «Минотавр») // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 108–113.
14. Ишимбаева Г.Г. Сказочное ядро романа М.З. Данилевского «Дом листьев» // Проблемы изучения фольклора, литературы и языка. Челябинск, 2023. С. 47–52.
15. Данилевский М.З. Дом листьев / пер. с англ. Д. Быкова, А. Логиновой, М. Леоновича. Екатеринбург : Гонзо, 2018. XXXIV, 750 с.
16. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии : в 2 т. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами и мистериями всех времен / пер. с англ. В. Целищева. Новосибирск : Наука, 1993. 794 с. URL: <http://www.c-cafe.ru/words/246/24497.php> (дата обращения: 02.03.2023).
17. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. Костюкович. М. : Астрель: CORPUS, 2012. 160 с.
18. Аверинцев С.С. Предварительные замечания // Иванов Вяч. Человек (Репринтное издание): Приложение: Статьи и материалы / сост. А.Б. Шишгин. М., 2006. С. 17–50.
19. Ишимбаева Г.Г. Кинограмматика романа «Дом листьев» М.З. Данилевского // Зарубежная литература в контексте культуры. М., 2023. С. 166–167.

References

1. Fraser, J.J. (2001) *Zolotaya vev'*: *Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A study of magic and religion]. Translated from English by M. Ryklin. Vol. 1. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.

2. Lauenstein, D. (1996) *Eleusinskie misterii* [Eleusinian Mysteries]. Translated from German by N. Fedorova. Moscow: Enigma.
3. Freud, Z. (2017) "Ya" i "Ono" [The Ego and the Id]. Translated from German by L. Gollerbakh, I. Ermakova. Moscow: Eksmo-Press.
4. Jung, C.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Translated from German. Moscow: Renaissance.
5. Toynbee, A.J. (2001) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Translated from English by E. Zharkov. Moscow: Rol'f.
6. Henderson, J.L. (2016) Drevnie mify i sovremennyy chelovek [Ancient myths and modern man]. In: Jung, C.G. et al. *Chelovek i ego simvoly* [Man and His Symbols]. Translated by I. Sirenko, S. Sirenko, N. Sirenko. Moscow: Medkov S.B., Serebryanye niti. pp. 105–161.
7. Campbell, J. (1997) *Geroy s tysyach'yu litsami* [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English by K. Semenov. Kiev: Sofiya, Ltd.
8. Lotman, Yu.M. (1998) Vykhod iz labirinta [Exit from the labyrinth]. In: Eco, U. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Saint Petersburg: Simpozium. pp. 650–669. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/literature3/lotman-98.htm> (Accessed: 2.03.2023).
9. Kolobaeva, L.A. (2015) I. Brodskiy: Rabota s antichnym mifom [Brodsky: Working with ancient myth]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2. pp. 67–83.
10. Tsvetkov, Yu.L. (2013) Antichnyy mif i libretto Hugo fon Gofmanstalya "Ariadna na Naksose" [Ancient myth and libretto by Hugo von Hofmannsthal "Ariadne on Naxos"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 6 (2). pp. 301–304.
11. Denisova, T.Yu. (2012) Odinochestvo Minotavra [Loneliness of the Minotaur]. *Idei i ideal'y*. 4 (14). pp. 3–16.
12. Sedinina-Barkovskaya, Yu.A. (2009) Transformatsiya obrazu Minotavra v sovremennoy fantasticheskoy literature (na materiale dilogii G.L. Oldi i A. Valentinova "Nam zdes' zhit'" i trilogii Yu. Braydera i N. Chadovicha "Okhota na Minotavra") [Transformation of the image of the Minotaur in modern fantasy literature (based on the dilogy by G.L. Oldie and A. Valentinov We Live Here and the trilogy by Y. Bryder and N. Chadovich The Hunt for the Minotaur)]. *Filologicheskie shtudii = Studia philologica*. 7. pp. 127–136.
13. Kuznetsova, N.V. (2008) Mif o Minotavre v khudozhestvennom soznanii XX veka (A. Zhid "Tesei", X. Kortasar "Tsari", Kh.L. Borkhes "Dom Asteriya", F. Dyurrenmatt "Minotavr") [The myth of the Minotaur in the artistic consciousness of the 20th century (Theseus by A. Gide, The Kings by J. Cortázar, The House of Asterion by J.L. Borges, Minotaur by F. Dürrenmatt)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 108–113.
14. Ishimbaeva, G.G. (2023) Skazochnoe yadro romana M.Z. Danilevskogo "Dom list'ev" [The fairytale core of the novel House of Leaves by M.Z. Danielewski]. In: Belousova, E.G. (ed.) *Problemy izucheniya fol'klora, literatury i yazyka* [Problems of Studying Folklore, Literature and Language]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 47–52.
15. Danielewski, M.Z. (2018) *Dom list'ev* [House of Leaves]. Translated from English by D. Bykov, A. Loginova, M. Leonovich. Yekaterinburg: Gonzo.
16. Hall, M.P. (1993) *Entsiklopedicheskoe izlozenie masonskej, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejtserovskoy simvolicheskoy filosofii. Interpretatsiya Sekretnykh ucheniy, skrytykh za ritualami i misteriyami vsekh vremen* [The Secret Teachings of All Ages: An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy]. Translated from English by V. Tselishchev. Novosibirsk: Nauka. [Online] Available from: <http://www.c-cafe.ru/words/246/24497.php> (Accessed: 2.03.2023).
17. Eco, U. (2012) *Zametki na polyakh "Imeni rozy"* [Postscript to The Name of the Rose]. Translated from Italian by E. Kostyukovich. Moscow: Astrel': CORPUS.
18. Averintsev, S.S. (2006) Predvaritel'nye zamechaniya [Preliminary remarks]. In: Shishkin, A.B. (ed.) *Ivanov Vyach. Chelovek (Reprintnoe izdanie): Prilozhenie: Stat'i i*

materialy [Ivanov Vyach. Man (Reprint edition): Appendix: Articles and materials]. Moscow: Progress-Pleyada. pp. 17–50.

19. Ishimbaeva, G.G. (2023) Kinogrammatika romana “Dom list’ev” M.Z. Danilevskogo [Cinematography of the novel House of Leaves by M.Z. Danielewski]. In: Chernozemova, E.N. & Dremov, M.A. (eds) *Zarubezhnaya literatura v kontekste kul’tury* [Foreign Literature in the Context of Culture]. Moscow: Sam Poligrafist. pp. 166–167.

Информация об авторе:

Ишимбаева Г.Г. – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия). E-mail: galgrig7@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.G. Ishimbayeva, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of Russian and Foreign Literature and Publishing, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation). E-mail: galgrig7@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.06.2023;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 19.06.2023;
approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/89/12

Некрологи Н.М. Карамзину: формирование посмертного образа писателя в литературном процессе 1820-х гг.

Виталий Сергеевич Киселев¹, Екатерина Евгеньевна Надточий²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ kv-uliss@mail.ru

² katerina-063.92@mail.ru

Аннотация. Выявляются основные факторы, определяющие функционирование в литературном процессе некрологов писателям, и предлагается анализ некрологов Н.М. Карамзину, опубликованных в мае–июне 1826 г. в «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», «Дамском журнале» и в «Северной пчеле». В каждом из них выявляется ключевая интенция и описываются особенности поэтики. Определяются причины недовольства современников некрологами Н.М. Карамзину, оказавшимися недостаточными для поддержания памяти писателя и его непрекаемой канонизации.

Ключевые слова: некролог, Н.М. Карамзин, литературная репутация, посмертный образ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

Для цитирования: Киселев В.С., Надточий Е.Е. Некрологи Н.М. Карамзину: формирование посмертного образа писателя в литературном процессе 1820-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 228–244. doi: 10.17223/19986645/89/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/12

Obituaries to Nikolay Karamzin: The formation of the writer's posthumous image in the literary process of the 1820s

Vitaly S. Kiselev¹, Ekaterina E. Nadtochiy²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ kv-uliss@mail.ru

² katerina-063.92@mail.ru

Abstract. One of the main elements in the formation of a posthumous literary reputation in the first half of the 19th century was an obituary to a writer. However, the

effectiveness of its use always depended on the contemporary situation within the literature of the period when the need arose to perpetuate a writer's name. The literary process, gradually becoming more complex during the first half of the 19th century, also problematized the poetics of the obituary statement. For example, the lack of consensus on reputation led to lengthy disputes and made it difficult to enter the national canon. This was precisely the nature of the discourse around the death of Nikolay Karamzin, one of the most significant authors of the turn of the 19th century. The material of the study was obituaries to Karamzin published in May–June 1826 in *Moskovskiy Telegraf*, *Vestnik Evropy*, *Damskiy Zhurnal*, and *Severnaya Pchela*. Each of them is analyzed to reveal the key intention and describe the features of poetics. The obituaries offered well-thought-out and varied models: a messianic biographical narrative by N.A. Polevoy, a personality essay by M.T. Kachenovsky, an intimate remark by P.I. Shalikov, finally, an analytical review by N.I. Grech. Differing in approaches, these texts fixed in memory a very close set of motifs: human dignity, nobility and attractiveness, a concentrated study of literature and history, transformation of language and literature, discovery of national history, recognition of merits by society and the court. All these motifs will continue to determine Karamzin's memorial discourse. Nevertheless, the collective opinion turned out to be dissatisfied with the obituaries, and statements of contemporaries literally disavowed them, either assessing them directly negatively, or simply ignoring them. Thus, in the presence of the initial posthumous image of Karamzin created by obituaries and the formed general opinion about the significant place of the writer in the national literary pantheon, the final canonization did not occur. This shows that the memorial culture of the system of friendly communities in the 1820s in functional terms was not always effective, despite the fact that this system itself was on an obvious rise.

Keywords: obituary, Nikolay Karamzin, literary reputation, posthumous image

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

For citation: Kiselev, V.S. & Nadtochii, E.E. (2024) Obituaries to Nikolay Karamzin: The formation of the writer's posthumous image in the literary process of the 1820s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 228–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/12

Введение

История некролога как жанра русской словесности еще не изучена в достаточной степени, хотя он выполняет целый ряд важных функций, связанных в первую очередь с функционированием мемориальной культуры, а в поле литературы, если подразумевается некролог писателю, с формированием авторской репутации, приобретающей с его помощью завершенный, итоговый характер. Среди исследований, посвященных некрологу, следует назвать статьи А.А. Тертычного, А.И. Рейтблата, Т. Кузовкиной, К.А. Онипко [1–4]. Между тем они касаются лишь отдельных жанровых особенностей либо частных эпизодов истории жанра на начальном этапе его существования.

Первые некрологи писателю появляются в русской литературе в 1800-е гг., а уже спустя десятилетие этот жанр демонстрирует высокую востребованность. Некрологические тексты о писателях, созданные в 1810-е гг. (например, некрологи С.С. Боброву, В.А. Озерову, Г.Р. Державину), продемонстрировали очевидное тяготение к развернутой биографической форме. Она

позволяла создать разносторонний и детализированный образ ушедшего из жизни литератора, отталкиваясь от определенного идеала «достойной» репутации, сложившегося в тесной кружковой среде. Относительная немногочисленность литературных сообществ и большая активность карамзинистов в утверждении собственного мемориального канона приводили к достаточно быстрому закреплению посмертных образов писателей, чьи репутации в дальнейшем не оспаривались. В 1820-е гг. складывается совершенно новая ситуация. Прежде всего на это повлияла общественная борьба: либеральные реформы Александра I в начале правления, победа над Наполеоном в 1812–1814 гг. и заграничные походы русской армии, а также интерес к национально-освободительным и антифеодальным движениям в Западной Европе породили гражданскую экзальтацию и вызвали к жизни движение декабристов. Будучи, по сути, также дружескими сообществами, но на основе идейной общности и политических целей, они, даже поначалу складываясь в рамках публичных литературных групп, в первой половине 1820-х гг. превращаются в тайные собрания [5].

Разумеется, эстетическая программа официального объединения и политическая программа тайных обществ (Северное и Южное) пересекались только в отдельных точках, что применительно к литературной репутации порождало амбивалентность – расслаивание на «поэта» и «гражданина». Знаменитая формула К.Ф. Рылеева «Я не поэт, а гражданин» и ответ на нее А.С. Пушкина («Если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэт, если же хочешь просто гражданиствовать, то пиши прозою») зrimо показывали и значимость для современников данных компонентов репутации, и отсутствие единого мнения по их соотношению. Очень показательна, например, дружеская полемика, развернувшаяся по поводу позиции В.А. Жуковского в конце 1810 – начале 1820-х гг., когда поэт вошел в придворную среду. П.А. Вяземский и А.И. Тургенев во многих своих письмах укоряли друга в сервильности, в том, что он не пользуется своим поэтическим даром для пробуждения общественного мнения, на что В.А. Жуковский отвечал: «Светильник поэзии не должен быть зажигателем: он должен согревать, светить и оживлять» [6. С. 49].

Отсутствие консенсуса открывало простор для многочисленных столкновений и споров, в ходе которых репутации тех или иных авторов если и не разрушались, то оспаривались и проблематизировались с разных позиций, что касалось и посмертной памяти, утверждаемой некрологом. Для последнего, как жанра публичной, легитимной словесности, сохраняла значимость и семантика официальной государственной службы, высочайшего одобрения, военных и гражданских заслуг, чему вполне могла подспудно противопоставляться либеральная семантика обличения, оппозиционности. В подобном контексте отсутствие или малое количество некрологов могло говорить больше, нежели их изобилие.

Еще одним важнейшим фактором, изменившим функции некролога в 1820-х гг., стал рост количества литературных групп. Пестрая палитра объ-

единений уже не имела отчетливого центра и предлагала существенно разные эстетические и мировоззренческие программы, причем степень их влиятельности также была не слишком высока. Утвердить или проблематизировать какую-либо писательскую репутацию ресурсами одной группы в подобной насыщенной среде было вряд ли возможно, что, с одной стороны, создавало эффект многоголосия, а с другой – порождало некоторую келейность, изолированность, рассогласованность усилий. Особенно выразительной подобная растерянность становилась в момент смерти того или иного заметного автора, когда в большинстве случаев отдельные реплики-некрологи не складывались в цельную панораму, и только по прошествии значительного времени в посмертных текстах уже не столько некрологического, сколько биографического плана намечалась консолидирующая точка зрения.

Движение к созданию национального канона существенно замедляла слабость журналистики и литературной критики [7]. Даже в небольшом количестве значимых и долговременных журналов 1820-х гг. («Вестник Европы», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Сын отечества», «Московский телеграф», «Московский вестник») отдел критики занимал периферийное место, что соответствовало коллективному представлению о литературной полемике как неблаговидном деле. В этом сходилась карамзинистская этика, приветствовавшая только поощрительную критику, и консервативное официальное мнение, наследие эпохи патронажа, о мало значимости и нелегитимности иных оценок, кроме как исходящих от власти. Доминирование же в журналистике формы альманаха, где критика могла присутствовать только в виде годовых, самых общих обзоров, еще более ослабляло возможности репутационного структурирования. На этом фоне критики-полемисты (от А.Ф. Воейкова до П.А. Вяземского) воспринимались как задиры и буяны.

Цель данной статьи – показать, что некролог в 1820-е гг. формировался в контексте противоречивых интенций многочисленных литературных групп. Именно поэтому усилия литераторов по посмертной канонизации Н.М. Карамзина в некрологах мая-июня 1826 г. оказались малоэффективными и недостаточными. Материалами исследования послужили некрологи Н.М. Карамзину, опубликованные в российской прессе [8–12].

Результаты исследования

Оценивая механизмы формирования литературной репутации в русской словесности 1820-х гг., А.В. Вдовин справедливо констатировал на материале полемики вокруг статьи П.А. Плетнева «Письмо к графине С.И.С. о русских поэтах», опубликованной в «Северных цветах на 1825 год» и предлагающей свою версию литературного пантеона: «Полемика свидетельствовала о том, что к середине 1820-х гг. никакого согласия относительно кандидатуры “первого поэта” и уж тем более состава поэтического пантеона у литераторов не было. Более того, среди критиков (а самые видные из них сами были поэтами и прозаиками) также никто не мог претендовать на роль

арбитра вкуса, чье мнение было бы поддержано хотя бы минимальным большинством» [13. С. 23]. Этот разрыв между культурным запросом на формирование системы литературных репутаций и недостаточностью инструментов для ее утверждения имел решительное влияние на функционирование некролога, поскольку смерть писателя – это очевидный повод для подведения итогов его жизни и творчества, на этом фундаменте в дальнейшем складывается биографический нарратив, закрепляющийся в коллективной памяти потомков. Отсутствие консенсуса относительно репутации вело к продолжительным спорам и проблематизировало вхождение в национальный канон. Именно такой характер имел дискурс вокруг смерти одного из самых знаковых авторов рубежа XVIII–XIX вв. – Н.М. Карамзина.

Смерть императора Александра I в ноябре 1825 г. и декабрьское восстание оказали сильное воздействие на Карамзина – он заболел. «Врачи объясняют Катерине Андреевне, что легкие очень плохи, что грозит хроническое воспаление и отек. Больного не беспокоят, но в дни ухудшения он требует друзей и новостей» [14. С. 141]. Весной 1826 г. писателя навещают Д.Н. Блудов, Д.В. Дацков, А.И. Тургенев. В.А. Жуковский так описал последние дни жизни своего литературного наставника: «Я видел умирающего Карамзина, и никогда это видение не изгладится из души моей. При мысли о конце такого человека, о переходе такой души в тот мир, где у Отца обитателей много, все наши понятия о жизни, смерти и бессмертии преображаются для нас во что-то светло-очевидное» [15. С. 335].

Карамзин ушел из жизни 22 мая 1826 г., причиной смерти был «нарыв» в груди. Кончина известного литератора и историографа стала одним из главных событий, которые освещались в прессе. На его смерть откликнулись сразу четыре издания, что было по меркам эпохи достаточно много и сигнализировало о повышенной значимости автора. В течение первых месяцев после смерти некрологи были опубликованы в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого, «Вестнике Европы» М.Т. Каченовского, «Дамском журнале» П.И. Шаликова и в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина. В декабре 1826 г. в альманахе «Северные цветы» А.А. Дельвига была перепечатана из «Северной пчелы» дополненная некрологическая статья Н.И. Греча. Из этих печатных органов только один был отчетливо карамзинистским, а остальные занимали скептическую позицию [16].

Н.А. Полевой на страницах «Московского телеграфа» нередко вступал в полемику с историографом. Так, например, в статье 1825 г. «О новейших критических замечаниях на историю государства Российского, сочиненную Карамзиным» он отмечает не только общепризнанные заслуги автора, но и указывает на отсутствие «серьезных критических разборов, содержащих истинную оценку труда Карамзина» [17. С. 445]. Однако идеальные расхождения не помешали критику по достоинству оценить талант и масштаб личности Карамзина.

Посмертный текст, опубликованный в IX части «Московского телеграфа» от 31 мая 1826 г., размещен в разделе «Современные летописи», не имеет заголовка, но начинается с подзаголовка «Некрология».

Автор начинает свой текст с констатации грандиозности утраты. Чтобы продемонстрировать значение Карамзина не только для России, но и для мира, Полевой помещает его в плеяду выдающихся правителей и деятелей культуры, умерших в последнее время. «Сколько венценосцев в сии годы подверглось общей участи человечества: Король неаполитанский, король французский, король баварский, король португальский, наконец император всероссийский, и августейшая супруга его, кончили земное бытие свое. Исчислим ли другие потери наши? Байрон, Жан-Поль, Фосс, Ласепед, Лангле, Фатер, Жироде, Давид, Карпинский, и множество других мужей знаменитых угасли мгновенно и быстро, один за другим! Россия с горестию видела смерть нескольких знаменитых сынов своих и – гроб Карамзина, незабвенного Карамзина стал в ряду других гробов» [8. С. 81]. Подобный контекст позволял не только возвысить значимость историографа, но и встроить факт его смерти в универсальную онтологическую панораму, определяемую волей Провидения: «Иногда с изумлением взирая, что судьбам Вышнего угодно бывает вдруг явить на позорище мира обилие великих людей, не замечали мы, что в иное время, по воле Его, смерть быстро, единовременно похищает у нас сии драгоценные залоги Его величия и премудрости?» [8. С. 80].

Предельно точно автор определяет задачу своего некрологического высказывания о Карамзине – «воздать дань бескорыстного уважения памяти того человека, в котором уважали мы при жизни великого писателя и гражданина» [8. С. 82]. Эта установка вполне отражала утвердившуюся в культурном сознании 1820-х гг. амбивалентность писательской репутации, включавшей в себя ипостаси «поэта» и «гражданина». В случае Карамзина, оставившего художественную литературу уже в начале 1800-х гг., но выступавшего для молодого поколения карамзинистов живым классиком и образцом, не меньшую значимость имел гражданственный компонент. Эта интенция соответствовала собственной позиции писателя в период alexandровского царствования: не выходя из пределов дружеско-семейной среды и не занимая, кроме скромного статуса историографа, какого-либо официального положения, Карамзин публично, а чаще непублично высказывал свое мнение по политически значимым вопросам, выступая своеобразным посредником между властью и общественным мнением [18].

Впрочем, в своем некрологе Полевой не сосредоточивался на деталях гражданской позиции Карамзина, акцентируя лишь признание заслуг историографа со стороны власти: «Государь император удостаивал Карамзина личным благосклоннейшим вниманием и в 1815 г. наградил его орденом Св. Анны I степ. и чином статского, а в 1824 г. действительного статского советника. <...> Царское великолодущие и участие императора Николая Павловича услаждали последние дни его» [8. С. 86]. Основным инструментом гражданской активности писателя в некрологе все же становятся литература и историография, достигающие признания соотечественников и вносящие вклад в просвещение общества. Знаменательно, что Полевой использует здесь определение «народный писатель», столь актуальное в 1820-е гг.:

«Вскоре сделался он народным писателем: его журнал читали и во дворце, и в хижинах» [8. С. 84].

В целом Полевой построил биографический нарратив некролога на нескольких мотивах, во многом восходивших к некрологам 1810-х гг. с их идеалом «достойного» писателя: единственность и простота жизни, неуклонное самовоспитание и самообразование, выполнение через словесность просветительской миссии. Первый мотив сразу задавал камертон: «Жизнь Карамзина не обильна происшествиями, как жизнь всякого человека, посвятившего себя литературным и ученым трудам, в тишине своего уединения» [8. С. 82]. В дальнейшем частный статус литератора Полевой несколько раз подчеркнет, говоря о разных этапах жизни своего героя. Это помогало внести в биографию мотив мессианства, окрашенный романтическим ореолом: Карамзин уже в раннем возрасте осознал свое творческое предназначение, настойчиво готовил себя к литературной деятельности, воспринимаемой как высокое гражданское служение. «Карамзин почувствовал, что ему предназначено действовать на сограждан даром слова <...> и с самых юных лет Карамзин решился быть литератором. В цветущей молодости он старался сам себя воспитывать, старался напитаться высокими уроками знаний» [8. С. 82].

Описывая в хронологической последовательности биографию Карамзина, Полевой отмечает этапы в выполнении писателем своей итоговой миссии – совершить преобразование российской литературы («...ему принадлежит честь последнего преобразования нашей словесности» [8. С. 83]). Свое место здесь занимают «Письма русского путешественника», знакомящие с просвещением Европы, издание «Московского журнала», читаемого «и во дворце, и в хижинах» [8. С. 84], чарующее воздействие «Бедной Лизы» («До сих пор сохранилась память, как поэты, литераторы, все, имевшие некоторое требование на образованность, пилигримствовали на берега Лизина пруда и к Симонову монастырю, мечтать и думать там, где мечтал и думал общий любимец Карамзин» [8. С. 84]), выпуск сборника «Мои безделки» и альманахов «Аглая» и «Аониды» и, наконец, как вершина, издание «Вестника Европы», где «исторические и политические статьи явили талант его с новой блестящей стороны» [8. С. 85].

Следующей ступенью в выполнении миссии после преобразования литературы явилось историческое просвещение. По мнению автора некролога, Карамзин открыл новое «великое» направление в русской культуре. Создание «Истории государства Российского» Полевой характеризует как «подвиг». «Трудность сего предприятия нелегко вообразить. Но Карамзину было предоставлено преобразовать русскую словесность и научить соотечественников любить и знать свою историю» [8. С. 85]. Признание Карамзина как историка подтверждается присуждением государственных наград и чинов, которые перечисляет Полевой. Это обеспечивает историографу тихую и спокойную жизнь, увенчанную «уважением и славою».

Финальная часть некролога посвящена описанию смерти Карамзина. В этом ключе еще раз подчеркивается близость историографа к царской семье. По мнению автора, именно смерть императора ранила чувствительное

сердце Карамзина. И даже великодушие Николая Павловича не смогло убедить его от смерти. «22 мая, во 2-ом часу пополудни, Карамзин скончался. 25 мая он похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, там, где почитается прах великого Ломоносова» [8. С. 87].

Романтической кодой некролога выступила характеристика «души писателя»: «чувство добра», «обширный ум», «любовь ко изящному и ревностное усердие ко благу и счастию человечества» [8. С. 87]. При этом автор раскрывает каждое из этих качеств в конкретных заслугах и действиях Карамзина, именно они помогли появиться на свет бессмертным трудам литератора и историографа.

Пафос текста поддерживался и обилием эмоциональных характеристик: «Поэты русские! Усыпьте могилу его цветами скорби!»; «Имя его будет незабвенно в истории нашего просвещения»; «Душа писателя видна в творениях» [8. С. 80–87].

Таким образом, Полевой создал в некрологе цельный биографический нарратив, скрепленный идеей завершенной авторской миссии.

Еще одним изданием, откликнувшимся на смерть Карамзина, стал журнал «Вестник Европы». В 1826 г. его редактором являлся М.Т. Каченовский. «Ратуя вместе с Шишковым за сохранение классицизма, Каченовский в “Вестнике Европы” постоянно выступал против всех передовых явлений в русской общественной мысли и литературе, против сентиментализма и романтизма, связывая эти литературные направления с политическим либерализмом» [19. С. 105]. Известна была и скептическая позиция издания по поводу «Истории государства Российского», с критикой положений которой выступал ряд статей [20].

Тем не менее на смерть Карамзина журнал откликнулся вполне сочувственным некрологом. Он был напечатан 3 июня 1826 г. под заголовком «Некрология» в разделе «Смесь». Каченовский, скрывшийся за инициалом К., свой текст построил не на биографическом нарративе, позволившем Полевому выстроить мессианский сюжет, а на характеристике личности писателя, сдвигавшей акцент с научных и литературных свершений на человеческую утрату. Оценка заслуг Карамзина производится здесь лапидарно и начинается в деловом информирующем тоне: «Николай Михайлович Карамзин, историограф империи, скончался 22 числа сего месяца (мая) во дворце Таврическом, 59 лет от роду, вследствие приключившегося нарыва в груди» [9. С. 69].

По мнению автора, права Карамзина на «уважение публики» уже известны читателям, в связи с чем подробное их описание оказывалось не нужно. «Знают даже и самые иностранцы, что он первый в бессмертном своем творении представил образец классической прозы на языке русском; не менее уважают в нем и ученого трудолюбивого, который громкою славою и волею государя был призван к подвигу составить летопись своего отечества, с 1802 года посвятить все бытие свое великому сему предмету» [9. С. 69]. Главной заслугой Карамзина-историка в этом труде видится умение

«из безобразного и многосложного сбора летописей древних извлечь полную связь происшествий нашей истории», а также «порядок» повествования и «красноречие слога» [9. С. 70].

Не вступая в обсуждение литературных заслуг и исторической концепции, автор некролога в дальнейшем полностью сосредоточился на личности Карамзина. «Человек являлся выше писателя», – утверждает он применительно к историографу. Растущая слава, уважение, благоволение императора не внушают Карамзину «побуждений к гордыне» [9. С. 71]. Он остался в памяти окружающих человеком, имевшим «характер самый кроткий, тихий, время от времени более доброхотный. Самая зависть должна была извинять заслуги человека, которой по-видимому не помнил об них и которой был самым снисходительным ценителем заслуг, другим принадлежащих» [9. С. 71]. Автор подчеркивает умение Карамзина дружить и тот факт, что друзья «отличные талантом или званием в обществе» высоко ценили общение с умершим. Именно эти качества вызвали столь глубокое и всеобщее сочувствие его смерти, смягчаемое, впрочем, «щедрой мздой таланту и доблестям гражданским» [9. С. 71], данной высочайшим рескриптом, обеспечившим будущее семьи Карамзина.

Близким по установке стал некролог П.И. Шаликова в «Дамском журнале». Его автор был большим почитателем поэтического таланта Карамзина. В литературе редактор «Дамского журнала» активно следовал сентиментальной традиции. Шаликов был лично знаком с автором «Бедной Лизы» и в своем творчестве старался ему подражать. Карамзин же не раз помогал ему, хлопотал о должности, помогал в издательских начинаниях [21. С. 21].

Некролог был опубликован в июньском номере за 1826 г. Текст под заголовком «О кончине Николая Михайловича Карамзина» – это эмоциональный отклик на смерть близкого друга и коллеги. Автор не считает необходимым сообщать о дате, месте и причине ухода из жизни литератора, а сосредоточен прежде всего на личных переживаниях. Определение заслуг Карамзина здесь тесно переплетено с дружеской семантикой. В их характеристике Шаликов не стесняется гиперболизации, ставя своего героя выше рядовых людей: «Европа лишилась в нашем бессмертном историографе одного из великих писателей, которых необыятные труды, всеобъемлющий ум и разнообразные таланты ставят, кажется, выше человечества...» [10. С. 239]. Гениальность Карамзина проявилась в преобразовании русского языка («...снял верною рукою таинственные пелены с отечественного языка, дотоле покрывавшая оный»), в создании новых жанров («дал во всех родах образцы для прочих писателей наших»), в формировании новой читающей аудитории («...поселил вообще вкус к чтению русских книг») [10. С. 239]. Тем не менее описать биографию Карамзина Шаликов не стремится, поручая потомкам эту задачу «изобразить <...> чертами самыми блестящими достойный необыкновенный характер» [10. С. 240]. За этими утверждениями скрывается, однако, огромная личная потеря: «Говоря о себе, я должен был горестною данью – сими слабыми чертами руки, трепещущей

вместе с сердцем – должен был памяти незабвенного писателя и наилучшего человека» [10. С. 240]. Поводом к скорбным чувствам становится в некрологе письмо Карамзина, из которого Шаликов приводит цитату о несбытиях планах историографа на будущее. Это ощутимо интимизирует текст, подключает план личных контактов. Таким образом, некролог Шаликова предложил собственный поворот темы, перекликающийся с конструкциями 1800-х гг. (некролог И.М. Борна).

Наиболее оперативно на смерть писателя, однако, откликнулась газета «Северная пчела». На ее страницах в трех номерах появились сначала сообщения о смерти Карамзина (№ 62 от 25 мая), затем о погребении (№ 63 от 27 мая) и, наконец, развернутый некролог Н.И. Гречи (№ 64 от 29 мая). Последний спустя полгода был переработан и перепечатан в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы» под названием «О жизни и сочинениях Карамзина».

Первая заметка имела информационный характер и сообщала об обстоятельствах смерти Карамзина: «Россия, науки и словесность потерпели великую потерю. Карамзин скончался в субботу, 22 числа, в час по полудни, после продолжительной неисцелимой болезни, на 61-м году от рождения. Он сохранил память и присутствие духа до последних дней своей жизни, утешаясь мыслию, что в теплом климате Италии восстановит свое здоровье. Уже готов был в Кронштадте фрегат для отправления его с семейством в желанный край исцеления… Погребение тела его последует завтра, во вторник, 25 числа, в Александро-Невской лавре» (Северная пчела. 1826. № 62 от 25 мая). Тем не менее и этот короткий текст констатировал масштаб утраты, что усиливала семантика несбытий ожиданий, акцентировавшая внезапность смерти и эфемерность человеческих планов.

Второй текст был более развернутым и рассказывал о погребении историографа. Его пафос определяли всеобщность прощания и признания великих заслуг умершего: «Вчера, 25-го, происходило в Александро-Невском монастыре погребение тела Н.М. Карамзина. Он скончался в Таврическом дворце, куда за несколько времени переехал по приглашению всемилостивейшего государя, чтобы пользоваться чистым воздухом. Перед кончиною своею изъявил он желание, чтоб погребение его происходило без всяких церемоний. Накануне, в понедельник, родственники и друзья перевезли тело его в Лаврскую церковь Святого Духа. На погребение его прибыли знатнейшие воинские и гражданские чиновники и другие знатные особы, многие из пребывающих в здешней столице ученых и литераторов. Все искренними слезами и душевным воспоминанием добродетелей, талантов и заслуг усопшего платили справедливую дань праху великого россиянина. По окончанию отпевания, которое совершил преосвященный митрополит Макарий, родственники, друзья и читатели покойного подняли гроб и понесли оный на кладбище. Карамзин погребен в новой ограде Лаврского кладбища, по правую сторону от ворот. В старой ограде по левую сторону лежит Ломоносов.

Государь император, принимавший во все продолжение болезни Карамзина нежнейшее в судьбе его участие, почтил накануне погребения, в понедельник, последним целованием праха сего подданного, который достоин

был жить и действовать в царствование Александра и Николая. Бессмертным памятником монаршей милости пребудет в потомстве следующий высохший рескрипт, коим государь император благоволил уведомить историографа о пожаловании ему пенсиона» (Северная пчела. 1826. № 63 от 27 мая). Далее следовал текст рескрипта, ключевая мысль которого – высохшее признание заслуг Карамзина: «Император Александр сказал Вам: русский народ достоин знать свою историю. История, Вами написанная, достойна русского народа» (Северная пчела. 1826. № 63 от 27 мая).

Н.И. Греч, автор обеих заметок, рассказ о погребении построил на мотиве добровольного принесения дара памяти: отказ историографа от каких-либо церемоний не стал препятствием для участия в погребении многих «воинских и гражданских чиновников и других знатных особ», «ученых и литераторов». Закономерно, что венцом подобного признания выступил прощальный поцелуй императора, так же как и его рескрипт. «Добродетели, таланты и заслуги» покойного здесь не нуждались в подробной характеристике, но они обеспечивали вхождение Карамзина в пантеон «великих россиян». И расположение могилы историографа рядом с могилой Ломоносова служило еще одним знаком равновеликости этих фигур.

Восполнением лакуны стал развернутый некролог в № 64 от 27 мая, построенный по строгому канону и призванный последовательно оценить грани деятельности и личности Карамзина. В этом обзоре, в отличие от некрологов М.Т. Каченовского и П.И. Шаликова практически отсутствовала субъективность автора, а в отличие от Н.А. Полевого – биографическая канва и мессианская семантика. Некролог производит впечатление рационального и аналитичного, только последний фрагмент его давал простор личному чувству: «И уже нет его! И мы скрыли смертные останки нашего Карамзина в хладную землю! Горестные помышления толпились в душе моей, когда опускали прах его в могилу: я следовал глазами за гробом, желая еще несколько мгновений наслаждаться мыслию, что он посреди нас, и с умиленным сердцем прочитал божественные слова, начертанные на крыше гроба: Блажени чистии сердцем, яко тия Бога узрят!» [11].

Биографическая часть некролога лапидарна и занимает несколько строк (рождение, учеба, путешествие, жизнь в Москве и затем в Петербурге), так же как и сухой послужной список (пожалованные чины и ордена). Центральным эпизодом здесь выступили последние дни и кончина Карамзина. Рассказ о них тесно сплетает судьбы императорской фамилии с судьбой историографа: роковой удар ему наносит смерть императора и императрицы, а утешение приносит новый монарх. Формулы и идеалы патронажа под пером Греча насыщаются романтической эмоциональностью: «Кончина государя-благодетеля поразила благодарного Карамзина жестоким ударом: он впал в изнурительную чахотку. <...> известие о кончине императрицы Елизаветы Алексеевны погрузило его в новую скорбь» [11]. Свое место в трагичном, но возвышенном сюжете занимают и задуманное путешествие в Италию, и монаршая милость в виде пенсиона и подготовленного для путешествия фрегата, и разрушение надежд, и тихая смерть: «В четверток,

20-го числа утром, он еще говорил об Италии, но вскоре впал в совершенное расслабление и беспамятство, и тихо скончался 22-го мая, во втором часу по полудни, на руках родных и друзей своих...» [11].

С этого момента живые образы вытесняются в некрологе перечислением заслуг Карамзина, причем, в отличие от Полевого, отказ от «приобретения чинов или богатства» и полная сосредоточенность на «занятиях науками и литературою» интерпретируются не как выполнение бескорыстной просветительской миссии, а как дело, за которое дается вполне земное воздаяние: «Правосудные и великодушные государи награждали его труды и заслуги самым отличным образом» [11].

Очень подробно и сухо Греч перечисляет издания Карамзина, начиная с «Детского чтения для сердца и разума» и заканчивая собранием сочинений 1820 г. Отдельно он останавливается на выходе томов «Истории государства Российского» в 1816–1823 гг.

И наконец, кодой некролога становятся совокупная оценка роли Карамзина в русской словесности и характеристика его личности. Об «Истории государства Российского» Греч говорит очень кратко («Карамзин воздвиг оным незыблемый памятник героям и подвигам древности русской и своему трудолюбию, уму и таланту»), отдавая приоритет литературным свершениям, из которых главное – преобразование языка: «Карамзин сотворил новую, правильную, чистую, легкую, благородную русскую прозу» [11]. Не утверждая, что стиль Карамзина – предел совершенства, автор некролога акцентирует его роль в «образовании вкуса» и приобщении к литературе: «Ум и вкус его проницают повсюду – и в кабинет ученого, и в будуар модной женщины, и в палатку воина, и в палату судейскую» [11].

Эта масштабность действия одного писателя на всю российскую публику, эта всеобщая любовь к автору обеспечивались, по Гречу, в том числе обаянием его личности: «Личное с ним знакомство увеличивало и укрепляло почтение и любовь, внушаемые его произведениями». Психологический портрет Карамзина построен на сентиментальных мотивах «чувствительной души»: «Качества сии получали новый блеск от нежности сердца, от душевной теплоты, кроткой сострадательности и трогательного человеколюбия, коими оживлялись все его помышления, слова и поступки. Он был верный друг, нежный супруг, чадолюбивый отец; находил услаждение в пособии и благотворении ближним <...> чувствуя свое достоинство, был скромен и невзыскателен, не знал недоброжелательства, зависти и мщения; был благочестив и прибежен к Богу; пламенно любил Россию и добрых своих государей – был человек великий и добродетельный во всем значении сих слов!» [11].

Спустя полгода Греч отредактировал свой некролог и под заглавием «О жизни и сочинениях Карамзина», в том числе отсылающим к карамзинскому некрологу «О Богдановиче и его сочинениях», перепечатал в дельвиgovских «Северных цветах на 1828 год». Основная часть текста осталась неизменной, был удален только последний эмоциональный абзац о мыслях около гроба писателя. Однако в статье появилось своеобразное вступление, ставшее, вероятно, реакцией на назревающее недовольство мемориальными

усилиями, в том числе самого Грече. Критик в нем оправдывал возможность разных взглядов современников на личность и труды Карамзина: «Потомство, судья нелицемерный и справедливый, еще не началось для него: мы можем говорить и судить о нем, как современники, можем увлекаться мнениями и суждениями других, неочищенными временем от примеси личной дружбы или недоброжелательства к почившему; но если слова наши будут отголоском истинного нашего убеждения, если они будут служить хотя легким отпечатком того, что мыслили и чувствовали наши современники при сей незаменимой потере, то и они не пропадут в будущем. Потомство, сравнивая труды и заслуги писателя с мнением о нем современников, наблюдая, в какой мере они умели понимать и уважать его, получит верные средства к определению его достоинства в отношении к времени и месту его жизни» [12. С. 186–187].

Эта оценка отразила отсутствие консенсуса как в понимании заслуг Карамзина, так и в мерах по сохранению и канонизации его памяти. Достаточно большой ряд некрологических текстов не сумел, по мнению многих литераторов, выполнить своей функции и достойно осветить наследие писателя. Некрологи предлагали вполне продуманные и разнообразные модели: мессианский биографический нарратив у Полевого, очерк личности у Каченновского, интимная реплика у Шаликова, наконец, аналитический обзор у Грече. Различаясь по подходам, эти тексты закрепляли в памяти весьма близкий набор мотивов: человеческое достоинство, благородство и привлекательность личности, сосредоточенное занятие литературой и историей, преобразование языка и словесности, открытие отечественной истории, признание заслуг обществом и двором. Все эти мотивы и в дальнейшем будут определять карамзинский мемориальный дискурс [22].

Тем не менее коллективное мнение оказалось неудовлетворено некрологами, причем высказывания современников буквально их дезавуировали, либо оценивая напрямую отрицательно (А.И. Тургенев о некрологе Каченновского), либо просто не замечая. Здесь сказалось сильнее всего отсутствие голоса с абсолютным или очень высоким авторитетом: все другие высказывания воспринимались как недостаточные для поддержания памяти писателя и его непрекаемой канонизации. У всех четырех авторов некрологов было много оппонентов и, по разным причинам, они имели неоднозначную репутацию. Именно об этом писал А.С. Пушкин П.А. Вяземскому 10 июля 1826 г.: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том “Русской истории”; Карамзин принадлежит истории» [23. С. 286]. По сути, с той же просьбой обратился П.А. Вяземский к В.А. Жуковскому 6/18 января 1827 г.: «Напиши что-нибудь о Карамзине, если не полного, систематического жизнеописания, то хотя воспоминание о знакомстве своем с ним, о ваших разговорах и проч<ее>. <...> Ты этим совершишь долг приязни. <...> Но ты, Жуковский, Блудов и Дашков должны

бы непременно положить несколько цветков на гроб его. <...> Право, Тургенев, опрокинь без всякого усилия авторства память и сердечную память свою на бумагу, и выльется живое и теплое изображение. Ведь это стыдно же, что из круга просвещенных друзей Карамзина, из почетного легиона народа русского не раздастся ни один голос, прерывающий гробовое молчание. Воля ваша, это равнодушие, преступная беззаботливость. Карамзину не нужны наши похвалы, не нужно нам на руках подымать его; он и так высок, он и так без сравнения выше всего поколения нашего» [24. С. 47–48]. В свою очередь А.И. Тургенев переадресовал эту просьбу к самому П.А. Вяземскому в письме от марта 1827 г.: «Наконец и ты прав, Вяземский! Негодование твое справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина, и никто не напомнил русским, чем он был для них. Журналисты наши, исчислив кратко, впрочем, не безошибочно, труды его и лета жизни, возвестив России, что наставника, дееписателя, мудреца ее не стало, исполнили долг современных некрологов; но не умели и хотели воспользоваться правом своим возбуждать народное внимание, народное чувство к важным событиям в государстве. <...> Кто по сию пору прервал гробовое молчание о Карамзине? Кто из нас положил цветок на уединенную могилу его? Мы, жившие его жизнью, страдавшие его страданиями, мы, одолженные ему лучшими благами ума и души, что мы сделали? Опустили его в могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли, как умершие» [25. С. 57–58].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что при наличии первоначального посмертного образа Карамзина, созданного некрологами, и сформировавшегося общего мнения о значимом месте писателя в национальном литературном пантеоне окончательной канонизации не произошло. Она оказалась отложенной, и даже спустя двадцать лет после смерти писателя, на открытии его памятника в Симбирске, М.П. Погодин отмечает лакуну в осмыслении роли Карамзина в отечественной культуре: «<...> исполнить хоть отчасти долг, лежащий уже давно на всех служителях русского слова, и представить в ясном, по возможности, свете перед взором соотечественников высокое значение тех мирных подвигов, за которые ныне скромный писатель удостаивается высочайшей гражданской почести» [26. С. 3–4]. Современники писателя не представляли возможным создать его объективную биографию. «Однако все чаще защита друзей сбивается на панегирик, на обвинения тем, кто осмелился о Карамзине толковать без должного почтения. Сам Вяземский однажды услышал упрек от дочери историографа, что пишет биографию Фонвизина, а не Карамзина. Вяземский отвечал: “Ведь не напишешь же биографии, например, горячо любимого отца”. Иными словами, нет биографии без разбора сильных и слабых сторон» [14. С. 153]. О том же писал в «Сотворении Карамзина» Ю.М. Лотман, размышляя над проблемой мемориализации: «Карамзин не успел закрыть глаза, как началась работа по посмертной его канонизации, устраниению из его облика всего

смятенного, трагического, незаконченного и – следовательно – живого. Прежде чем внести в Пантеон, надо было превратить его в монумент» [27. С. 315]. Потребовалась смена литературных поколений, чтобы это оказалось возможным.

Таким образом, анализ некрологов Карамзину показывает, что мемориальная культура системы дружеских сообществ в 1820-е гг. с функциональной стороны не всегда демонстрировала желаемый результат, при том что сама эта система находилась на очевидном подъеме.

Список источников

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2006. 312 с.
2. Рейтблам А.И. Писать попerek: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
3. Кузовина Т. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 276–293.
4. Онипко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 83–87.
5. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX века. М. : Реалии-пресс, 2003. 651 с.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. Т. 16. 1148 с.
7. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 431 с.
8. Полевой Н.А. Некрология: Николай Михайлович Карамзин // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. С. 80–87.
9. Каченовский М.Т. Некрология // Вестник Европы. 1826. № 9. С. 69–72.
10. Шаликов П.И. О кончине Николая Михайловича Карамзина // Дамский журнал. 1826. № 12. С. 239–241.
11. Греч Н.И. Некрология // Северная пчела. 1826. № 64.
12. Греч Н.И. О жизни и сочинениях Карамзина // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 186–202.
13. Вдовин А.В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту : Ülikooli Kirjastus, 2011. 238 с.
14. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М. : Книга, 1983. 176 с.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 11, кн. 1. 1048 с.
16. Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М. : Наука, 1989. 224 с.
17. Сапченко Л.А. Н.А. Карамзин в оценке авторов «Московского телеграфа» // Известия самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 2–2. С. 445–449.
18. Сапченко Л.А. «Я не безмолвствовал» (об особенностях гражданской позиции Н.М. Карамзина) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 6–23.
19. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М. : Высшая школа, 1973. 520 с.
20. Евдошенко Ю.В. М.Т. Каченовский – критик «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 5. С. 72–88.
21. Еришова В.Н. Журналист П.И. Шаликов: Материалы к биографии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. 2007. № 9. С. 11–26.

22. Кудреватых А.Н. Репутация Н.М. Карамзина в литературном сообществе первой половины XIX века // Уральский филологический вестник. 2019. № 5. С. 114–122.
23. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. М. : Воскресенье, 1997. Т. 16. 533 с.
24. «Мы столько пожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг. : в 2 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. Т. 2. 666 с.
25. Архив братьев Тургеневых / под ред. с примеч. Н.К. Кульмана. Пг., 1921. Вып. 6. 550 с.
26. Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину // Москвитянин. 1846. № 1. С. 3–66.
27. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987. 336 с.

References

1. Tertychnyy, A.A. (2006) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
2. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on biography, sociology and literary history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Kuzovkina, T. (2004) Nekrolog Bulgarina Zhukovskomu [Obituary of Bulgarin to Zhukovsky]. In: Kiseleva, L.N. (ed.) *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin Readings in Tartu]. Tartu: Tartu University Press. 3. pp. 276–293.
4. Onipko, K.A. (2018) Pervye russkie nekrologi: geroi i konteksty [The first Russian obituaries: heroes and contexts]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (170). pp. 83–87.
5. Bokova, V.M. (2003) *Epokha taynykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob "edineniya pervoy treti XIX veka* [The Era of Secret Societies: Russian public associations of the first third of the 19th century]. Moscow: Realii-press.
6. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 16. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
7. Mordovchenko, N.I. (1959) *Russkaya kritika pervoy chetverti XIX veka* [Russian Criticism of the First Quarter of the 19th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Polevoy, N.A. (1826) Nekrologiya. Nikolay Mikhaylovich Karamzin [Necrology. Nikolai Mikhailovich Karamzin]. *Moskovskiy telegraf*. Pt. 9. pp. 80–87.
9. Kachenovskiy, M.T. (1826) Nekrologiya [Necrology]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 69–72.
10. Shalikov, P.I. (1826) O konchine Nikolaya Mikhaylovicha Karamzina [About the death of Nikolai Mikhailovich Karamzin]. *Damskiy zhurnal*. 12. pp. 239–241.
11. Grech, N.I. (1826) Nekrologiya [Necrology]. *Severnaya pchela*. 64.
12. Grech, N.I. (1827) O zhizni i sochineniyakh Karamzina [About the life and writings of Karamzin]. In: *Severnye tsvety na 1828 god* [Northern Flowers for 1828]. Saint Petersburg: V Tipografii departamenta narodnogo prosveshcheniya. pp. 186–202.
13. Vdovin, A.V. (2011) *Konsept "glava literatury" v russkoy kritike 1830–1860-kh godov* [The Concept of “The Head of Literature” in Russian Criticism of the 1830s – 1860s]. Tartu: Ülikooli Kirjastus.
14. Eydel'man, N.Ya. (1983) *Posledniy letopisets* [The Last Chronicler]. Moscow: Kniga.
15. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 11. Book 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
16. Kozlov, V.P. (1989) *"Istoriya gosudarstva Rossiyskogo" N.M. Karamzina v otsenkah sovremenников* [History of the Russian State by N.M. Karamzin in the Assessments of His Contemporaries]. Moscow: Nauka.
17. Sapchenko, L.A. (2011) N.A. Karamzin v otsenke avtorov "Moskovskogo telegrafa" [N.A. Karamzin in the assessment of the authors of the Moscow Telegraph]. *Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2–2 (13). pp. 445–449.

18. Sapchenko, L.A. (2021) “Ya ne bezmolvstvoval” (ob osobennostyakh grazhdanskoy pozitsii N.M. Karamzina) [“I was not silent” (about the peculiarities of N.M. Karamzin’s civic position)]. *Dva veka russkoy klassiki*. 4 (3). pp. 6–23.
19. Zapadov, A.V. (1973) *Istoriya russkoy zhurnalistikи XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th – 19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Evdoshenko, Yu.V. (2000) M.T. Kachenovskiy – kritik “Istorii gosudarstva Rossiyskogo” N.M. Karamzina [M.T. Kachenovsky – critic of N.M. Karamzin’s History of the Russian State]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Iстория*. 5. pp. 72–88.
21. Ershova, V.N. (2007) Zhurnalist P.I. Shalikov: Materialy k biografii [Journalist P.I. Shalikov: Materials for the biography]. *Vestnik RGGU. Seriya. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya*. 9. pp. 11–26.
22. Kudrevatykh, A.N. (2019) Reputatsiya N.M. Karamzina v literaturnom soobshchestve pervoy poloviny XIX veka [Reputation of N.M. Karamzin in the literary community of the first half of the 19th century]. *Ural’skiy filologicheskiy vestnik*. 5. pp. 114–122.
23. Pushkin, A.S. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 16. Moscow: Voskresen’ye.
24. Kiselev, V.S. (ed.) (2021) “My stol’ko pozhili s toboy na svete...” *Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.* [“We have lived so much in this world with you...” Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky 1807–1852]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
25. Kul’man, N.K. (ed.) (1921) *Arkhiv brat’ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Vol. 6. Petrograd: Russian State Academy.
26. Pogodin, M.P. (1846) Istoricheskoe pokhval’noe slovo Karamzinu [Historical words of praise to Karamzin]. *Moskvityanin*. 1. pp. 3–66.
27. Lotman, Yu.M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga.

Информация об авторах:

Киселев В.С. – д-р филол. наук, зав. каф. русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Надточий Е.Е. – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); преподаватель, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: katerina-063.92@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

E.E. Nadtochiy, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: katerina-063.92@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024;
одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 22.03.2024;
approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Original article
UDC 821
doi: 10.17223/19986645/89/13

Answers to five questions posed by Shakarim from Molavi's worldview

Gulbahyt Kudaibergenova¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan,
gulbahyt2017@gmail.com

Abstract. This article is written in a comparative literature context in addressing questions by Shakarim (1858–1931), the mystic poet of Kazakh nation, as he forwarded on anthropology and self-knowledge, and answering them from Molavi's viewpoint. The article studies and compares the philosophical worldviews in Molavi's and Shakarim's poems. Although the two poets lived in two different ages and a period of six centuries parts them and their views on anthropology and self-knowledge. Both Molavi and Shakarim attributed to allegory in expressing their self-knowledge subjects and in some occasions, scientific and social issues. There are many similarities between the thoughts and philosophical view in perceiving the world expressed by Molavi and Shakarim on "man" and "self-knowledge". As an example, both poets expressed the concept "self" by using various metaphors. In addition, they attributed to allegories and similes in times to explain the topic.

Keywords: Molana, Shakarim, mysticism, love, death, Perfect Human [Insan-e-Kamel], self-knowledge

For citation: Kudaibergenova, G. (2024) Answers to five questions posed by Shakarim from Molavi's worldview. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 89. pp. 245–255. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/13

Introduction

Molavi Jalaleddin Rumi is not only famous among Farsi-speaking countries, his name has found fame around the world as well. The secret of Molavi's fame lies in his universal worldview: reading his works is inspiring for any nation; Molavi's view of the world does not rotate exclusively around a certain nation, rather, it covers the whole universe. Molavi's Mathnavi Manavi is like an encyclopedia one can search in order to find views addressing the religious, theological, mystic, psychological, social, ethical, pedagogical, literary and historical topics; Rumi studied some issues in scientific and philosophical terms as well.

Master Mohammad Taghi Jafari, one of the famous Iranian researchers who studied Molavi's philosophy and worldview for many years, divided Molavi's thought territory into five branches:

1. The territory of storytelling: According to Master Jafari, Molana shows highest excellent mental capacity in his skills of telling tales and stories, allegories, metaphor and simile. He presents the anthropology and theology topics in a way that can be easily understood by common people.

2. The territory of Molavi's scholarly views: Master Jafari notes that Molavi considered hundreds of scholarly research topics and even adopted very interesting innovations.

3. The territory of philosophical worldview: Master Jafari emphasizes on the subject that the epistemological personality of Molavi can never be captivated and constrained in the template of "*Isms*" axiomatic school-creation. The existing universe appeared to Molana as a reality, he does not introduce arguments on the finiteness of the universe; nonetheless, he does believe that whatever the universe is it is still a tiny dust before the greatness of Truth.

4. The territory of Molana's epistemological territory: Master Jafari says that Molavi, in the same way that he recognizes the existing universal system, sees the factors and shapes of knowledge infinite and beyond being limited to the common frameworks of our time and ordinary scholars.

5. The mystic territory of Molana: Master Jafari describes the mystic territory of Molavi as extraordinarily interesting and says that Molana neither negated any dimensions, talents and urges of human being, nor undermined any reality of the objective world. Molana sees and accepts the entirety of the being, ranging from the particles of the physical world to the whole nature and universe as a reality attached to the superior origin, and recognizes a confirmation from elements of thoughts and memories to the holy spirit and absolute wisdom. In this way, in his mystical approach, Molana takes a position opposite to the negative mysticism and proceeds in it [1. P. 28–46].

By studying the views of Master Jafari, I conclude that, from a scholastic viewpoint, Molavi had a specific perspective in his expression of universe which followed none of his precedent scholars. In addition, to explain his viewpoints, Molana did not make attribution to the complicated terms which might have proved difficult for an ordinary man to understand. Perhaps, it might be a reason so many of his contemporary mystic poets and those after him were inspired by his view of the universe and created their works under the influence of those by Molavi. In addition, by reading and contemplating on Molavi's works, especially Mathnavi Manavi, any person can find the specific subject he/she wants. In describing Molavi, Nicholson states that Jalaleddin's words are secretive, encrypted, hinting, confusing, constraining, and, most often, complicated. In addition, in his "The Mystics of Islam" and on the relationship of man and God, Nicholson says that we learn science and hypothesis from Qazali; and, emotions, faith and personal religious experiences from Jalaleddin [2. P. 97].

Research methodology and approach

The present article attempts to discuss and study a search in finding answers to the question set forth by Shakarim, a Kazakh poet, from Molavi's perspective.

Shakarim's questions address anthropology; that is, the purpose of creation of man, his being and character. Shakarim posed those questions by having it published at *Aikap* journal to be answered by the scholars and academicians of his era. Shakarim asked them to give reasons by seeking religious sources and stressed on the condition that answers be based on logic and reason. To his date, several Kazakh scholars and philosophers provided brief answers to those questions.

According to Gharifullah Esim, a Kazakh philosopher and researcher of Shakarim's views and life, Shakarim does know the answers to those questions by heart; though, his goal is to drive people to contemplate on the anthropology and self-consciousness more and benefit from it, and each person is urged to give his own answers. The answer is not the main issue, it is rather the search in self-consciousness issues, and this seeking is particularly a mandate for the seeker not to provide respond to Shakarim [3. P. 50–55].

I also referred to Molavi's Mathnavi Manavi in my search for those answers. As said before, Mathnavi is like an encyclopedia. In my search of the specific stanzas that address my subject, I used "Sea to Sea", the Mathnavi's Poem Elaboration (Kashfol Abyat Mathnavi). In addition, I went through the theories and the argument discussions and accounts of Molavi scholars such as Nicholson, Badiol Zaman Forouzanfar, Abdolhossein Zarirkoob, Mohammad Taghi Jafari, and Karim Zamani. In addition to these, a summary of biography and Shakarim's school of thoughts are provided in the appendix. Furthermore, I am presenting Farsi translations of Shakarim's poems as an example.

Shakarim is one of the significant poets of Kazakh nation who lived at the end of the 19th century and the first years of the 20th century. He was fluent in Arabic, Farsi, and Turkish. He was interested in the Iranian classic literature and referred to Hafez as his guru and master. Shakarim translated a number of Hafez's poems into Kazakh. He translated the saga "Leily & Majnun" in Kazakh as well.

Shakarim's inclination to religion and his view of the world is closer to the Sufis' and mysticism; he wrote his philosophy based on his perception of God, and named it "Discipline of Conscience". Man and moral issues are in the core of his philosophy and literary attention. In addition, he contemplates about the subjects of existence, the issue of death, the existence of God and the secrets of universe and says:

How is my religion, what is my soul?
After the death, is not it ominous?" [4. P. 68].

Shakarim does not make distinction among men based on their religion and belief; rather, in his view, the main core of all religions is but one, and it is reaching the Truth by "pure heart". In this process, he says that it is not important which path man takes to achieve truth, it is rather important for man to seek his creator. He notes that "being faithful" is being in the path of righteousness and honesty and filling heart with love of God. Thus, Shakarim's religion is a kind of a romanticist religion.

In mystic literature, the concept of love is associated with various descriptions. The mystics attribute the mystery of Truth to Love. Molavi sees love beyond description and says:

*Love cannot contain in talks
Love is a sea its depth not to be seen;
The drops in sea are beyond counts
The seven seas are small before that Sea [5. P. 2731–2732].*

In Shakarim's view, divine love calls for self-sacrifice and having a pure heart. In his opinion, "pure heart" is the most important concept of symbolism as shown both in Shakarim's works and in his philosophic assertion. Pure heart is the most essential condition in the path of reaching God; that is, "pure heart" means killing the ego.

If an individual has the authority and faculty to control his evil ego, his heart will be pure and clear from greed, envy, jealousy, love of money and rank, pride and snob, entitlement and indulgence, then it will be filled with love and it is only in this rank that one discovers the secrets of universe. In Molavi's words:

*He whose garment is rent by a love
Ipurged of covetousness and all defect [6. P. 2012].*

Discussion and results

Shakarim's questions and answers to them:

1. For what purpose God, the Almighty, has created man?

In verse -Ayeh- 30 Sureh Baqarah in Qur'an, on creating man, it is said:

And (remember) when your Lord said to the angels: "Verily, I am going to place on the earth a vicegerent (Caliph)", they said: "Will you place therein those who will make mischief and shed blood, and we glorify you with praises and sanctify – you"? he said: "Surely I know what you do not know."

In his Mathnavi Manavi, Molavi describes human creation as follows:

*Thus, the Lord (Caliph) made a Victory, one having a heart
To the end that he might be a mirror for His sovereignty
Thus, He endowed him with infinite purity
And then, set up against him a contrary of darkness [7. P. 2153–2154].*

Molavi considers Quran Karim and stresses on man's rank in being chosen as Caliph (lord) on earth. Thus, in his view, the first purpose of creating man was to serve as the Divine Caliph on earth. Second, God has bestowed man certain attributes of His endless attributes and manifests His kind gifts into man's heart. Therefore, man's duties shall exhibit the attributes of the Almighty God, like an astrolabe which shows the direction. Third, the goal of creating man was to worship and his servitude to God. On the matter of worshiping and praying God,

Quran in verse 1, Surreh Al Jumuah says: “Whatever is in the heavens and whatever is on the earth ‘constantly’ glorifies Allah-the King, the Most Holy, the Almighty, the All-Wise” [8. P. 63:1].

Therefore, before analyzing the natural and spiritual entity of man, Molavi first explains about the creation of man and the materialistic world. In Molavi’s view, the main mission in this world is to take a path or road through which man recognizes himself and finds his “self-the-I”. Finding or discovering the self, “I” leads to the recognition of the mankind. That is, man finds and knows the Truth (God) by knowing himself; thus, the purpose of the main creation is for man to know: perceive God.

Molavi continues by explaining human attributes. Due to being the Caliph on Earth, the development of man becomes evident in two – materialistic and heavenly – dimensions. That is, man is spiritual in one aspect and physical in the other dimension. Both angel and beast are inside human characteristics since God created man from dust of the earth and water and then breathed His holy spirit as the breath of life into man’s nostrils. Thus, those two dimensions of human existence were present from the day of creation. Due to its bi-dimensional aspect, man is distinguished from other creatures as other creatures have only one dimension. Therefore, man can go higher than angels; on the other hand, if he falls under the servitude of his ego and desires, he can sink lower than beasts.

By studying Shakarim’s works, we observe that he, too, sees a human being as having two dimensions. In this part, Shakarim’s view is in agreement with the views expressed by Molavi. Shakarim divides the human existence into “good and ignorant”. “Good” means faithful and “ignorant” means a non-believer. In addition, Shakarim says of course man is created superior than all other creatures and every creature – except Iblis (Satan) – bowed before man. Later, however, a group of men failed in overcoming their “ego-self” and descended into ignorance, and Shakarim sees their ignorance a consequence of their “ego-self”. On the other hand, a good human can control his “ego-self”. A good person is an individual who has pure intention and has nothing to do with deceit. An ignorant man is a hypocrite and a double-faced creature. [4. P. 48].

2. What is valuable for man in this world?

Addressing this question from Molavi’s point of view will give this answer:

*Everything except love is devoured by Love;
To the beak of Love the two worlds are a single grain
Does a grain ever devour the bird?
Does the manger ever feed on the horse? [5. P. 2726–2727].*

In Molavi’s philosophy Love occupies the highest rank. In his view, Love is the only path that ascends man to Truth (God). Any being in the universe will be devoured by Love. That is, Molavi compares Love with other senses of the mankind, particularly with Mind. According to him, man’s mind can fly only a limited height, but Love can fly to eternity and has an infinite space to ascend. He believes

the rank of Love is the highest among all other attributes. In addition, Molavi reminds the eternity, stability, constancy and durability of knowledge of Love, and claims the importance of his own awareness of this cognition as well. Since Love is an attribute of God, it is therefore an endless and infinite quality that never comes to an end. In addition, Molavi notes that Love cannot be defined either. Any talks and description given about Love фky “about” Love, not Love itself.

Man’s Love has several stages; the highest of them is Love of God. By summoning the mystic Love, Molavi does not reject the earthly love either. In his view, the physical and material love is the first labor in reaching the actual Love. Molavi sees many obstacles in the way of Love; however, by overcoming all those obstacles, man’s heart gains the potentials, equipment and openness to perceive and see God.

By studying Shakarim’s works, we see, in his view, conscience as the most valuable property. In his words, conscience is the product of fairness, justice and kindness. Therefore, there is conscience in any person; that is, any individual does possess good attributes, which keeps his heart from rust. [9. P. 50].

It appears Shakarim’s conscience is the very concept of Love as Shakarim takes conscience as a cognition and special passion that joins man to God. In addition, by having conscience, man reaches perfection. Now, if we take the moment and passions of a seeker or a mystic man in Sufism, the moment beings with contemplation and meditation in approaching which then changes into Love (Muhabbat). In the seeker’s view, Muhabbat is very important and significant. Dr. Sadjadi in his *Introduction to the Fundamentals of Mysticism and Sufism* book writes: Mesbahol Hedayeh (Dawn of Guidance) is “The foundation of any excellent moment is Muhabbat”, the moment of joy and binding also comes from Muhabat [10. P. 35, 40]. So, Shakarim’s conscience reaches to Love.

Thus, conscience is only a matter of a human being. Conscience is the mirror of the soul and measures the qualities of the humankind. Conscience is the inner voice of a human being that keeps him from committing evil acts. Conscience in fact is the criterion of personal morality that does not allow one to go beyond the authorized conduct. If a person passes that line, his inner self grows sad, regretful and feels pain. Therefore, the essential goal of both Molavi and Shakarim is reaching human perfection, and they offer their own theories to achieve that level. In Molavi’s view, it is Love; for Shakarim, it is conscience. Though, the basis and foundations of both Love and conscious is one.

3. Is it peace or torment for man after he dies?

There is a well-known Sufi and mystical term which says: “Die before dying”, which Molavi takes as the core and essence in addressing the concept of Death.

*Die, Die in this Love
As you will find Soul when you die in this Love.
Die, Die and fear not of this death,
As you will take the skies when you ascend from this mud.
Die, die and cut this bind of Ego
As this ego is a chain and you are captives* [11. P. 159].

In Molavi's terms, the concept of death is the perishing of ego. Man must first know the characteristics of ego. The properties of ego are problematic in all issues and could not be easily surpassed. Molavi gives many similes for describing the ego, terms such as thief, witch, magpie, crocodile, dog, and dragon. If man resists and fights back his ego, and experiences that kind of death, i.e., selflessness and not being in his life, he is reborn and he can feel the beautiful sensation of childhood and Love once again.

The death of the ego-self is not forgotten in Shakarim's works either, and he studied ego-self from different dimensions as Molavi did. He sometimes describes the ego-self as a "Beautiful Lady". The ego-self is like a Beautiful Lady that makes man lose his awareness and drives him to follow her blindfolded. However, the Beautiful Lady, no matter how elegant and pleasant in appearance, conceals many flaws in her inner self.

*By the objective eye, self is deceiving
Like a beautiful lady, she is praised by people.
Look at her with the eyes of your soul,
You will then find the entirety of that lady [4. P. 72].*

In the first and second lines of the poem, Shakarim describes the ego-self as a trick and sharp sword, and the third and fourth lines could be interpreted in two ways:

(1) They convey a secondary meaning. In Sufi's understanding, there is the term "dead-go". The seeker and mystic man (gnostic) passes through a difficult path for the apprehension of Truth and becoming a Full Man. The essential condition in this path is fighting with the ego or self. The seeker must control the ego or self that commits evil and beastly acts, and shows greed and lust. A seeker who can control his ego-self is called "ego-dead". In these lines, Shakarim means this ego-dead concept; that is, he says, we wish for having a dead-ego, meaning "kill our ego".

(2) A person who has no knowledge, power and capability to fight his ego-self, becomes its captive; his human dignity and value perishes, and he falls into the same level as beast. These people are counted as dead; so, why should we sink to that level, we can strengthen our faith and stand before our ego-self.

As we can see, both poems give the same definition in describing the ego-self.

Talking about Death, Molavi starts his argument with the term جَمِيعُ لَذِيْنَا مُخْتَرُونَ, which is a part of Verse 32, Surreh Yas: "All creatures are present before us" [12. P. 174]. Molavi warns people that man's soul is to appear before God to be judged and if man's deeds and intentions have been good, he will be gifted by the divine rewards; if he has done sins and evil, he will deserve divine punishment. Thus, he chooses divine torment for him.

Answering the question of torment and reward, Shakarim returns to the concept of conscience and says:

*My dear, our spirit is eternal
Conscience is the savings of the two worlds [4. P. 163].*

Like Molavi, Shakarim expresses the eternity of soul; that is, death does not touch the soul, but he notes the appearance of the soul in “Place of Trial” and stresses on the necessity of conscience in both this world and the other world. Shakarim’s conscience means good deeds in this world and heaven in the after-world. Reward after death means the bestowment of the Almighty God.

4. Who is the best of man?

The best human being means a perfect man, according to Shahid Motahari. The implication of Perfect Man in mystic literature was first introduced by the famous mystic man, philosopher Mohieddin Arabi Indoles Taei, in the 15th century. Mohieddin Arabi is the father of Islamic mysticism; that is, all mystic men who appeared among the Islamic nation, including the Farsi-speaking Iranian mystic men are followers of the Mohieddin School. Molavi, too, is one of the students of the Mohiuddin’s school. His expression is: “A perfect full human is the jewel in the ring of creation universe” [13. P. 20]. This expression led to the prevalence of the term Full Human in the mystical literature. Molavi described Full Human in different aspects: clearance in vision; enthusiasm to discover the secrets of the concealed world; the unifier of the mankind; the holder of a clear, pure and big heart; the medium of divine gift; his body in nature and his soul in supernatural world, etc. [11. P. 210]. However; among all those attributes of Full Human, Molavi recognized self-awareness and conscience as an important factor; that is, knowing the self, or, better, perceiving the self and conscience, which serve as knowing God, is the most valuable, necessary and essential attributes of Full Human.

*One day a base fellow said to a dervish:
“You are unknown to anyone here”.
He replied: “If the ordinary does not know me,
I know very well who I am” [7. P. 433–433].*

So, mirror in Molavi’s thought is a heart; that is, he described human’s heart-soul as a mirror, a heart which is plain, with no evil intention, no hatred, no greed, no desires, and no regret, a heart as pure and shiny as a mirror. When the mirror of heart is cleared and purified from the rust of desire and lust, it can then reflect the figures and secretes of the concealed world, and man can see them.

In the works of the Kazah poet too, self-awareness and conscience are reflected. In his poem “I Put a Mirror in Front of Me”, Shakarim uses the metaphor to express his view:

I looked at the mirror to recognize myself, and I saw my ears were deaf, my eyes were unable to see the truth, my sense of smell could not feel the odor, and my common sense is perished. No residue is remained from honesty, and my heart has turned black. O’ man, never imagine it is only I who is like that. Look at me and see yourself. If for finding greatness all are to go through a sieve to find the (*bigger soul*) there will remain neither a scientist nor an ignorant, all will pass through that sieve [4. P. 132].

The poet uses this allegory to say man's knowledge of the self passes through the path of self-cognition and the metaphor of mirror to explain this. It means, first, man must take a look at himself, know his self, apprehend who he is, why he is living, how he can continue this life in a righteous and clean way, notice the obstacles that lead the committer to perish, distinguish between truth and false, and know others through knowing himself. In addition, for him, the riddle of mirror means a reflector to see the heart, even wisdom and honesty; and, ultimately, the poet recommends making the heart transparent and practicing honesty.

In mystical literature, mirror plays a specific role and has been introduced as the fullest code in self-awareness. There are some examples of this in the following paragraphs.

(1) Two mirrors facing each other create infinite images. It is the manifestation of God in man and the universe, absolute and infinite. That is, God and man are two mirrors; one of them manifests in infinity and the other can receive the infinity. That is, the manifestation of God is endless, and human heart, too, is like a mirror susceptible to receiving infinity.

(2) Mirror finds meaning when one turns to see it; man by going to see the "truth" and truth "faces" him to recognize the man, anything has one or more attributes by which it will be meant, explained and perceived: hand by gripping, foot by walking, water with washing, fire by burning and causing burns, and mirror by being turned to it. It is the human heart which is the mirror of truth, and it receives meaning only through seeing in the truth, there will be no attribute or use without this. The best and fullest use of the lover and the loved is in their giving meaning to each other, and their attribute is seeing each other. The lover defines the loved one, and the loved one defines the lover. Being in love is an attribute of being a lover. For this reason, the value of the world is being able to see the loved one, and it is possible to see the true Love. [14. P. 5, 11, 15].

5. Does man becomes better or worse as time passes?

Answering this question needs a thorough study of this subject and addressing this topic by taking a one-sided view is a mistake. There have always been good persons and bad persons. Molavi expresses good vs. bad persons and their contradiction towards each other fairly well in these stanzas:

*Since in eternity it was the will
And the decree of the God, the Forgiver,
To reveal and manifest Himself
Nothing can be shown without a contrary
And there was no contrary
To that incomparable King [7. P. 2151–2152].*

Based on Molavi's poems, one can conclude, everything can be known by its antagonist. If everything was good, we had no device to imagine the value of goodness and if there was no evil, we would have no understanding of the difference between good and evil. Both good and evil have always existed and will always stay.

Conclusion

Based on this comparative study, I arrive at the following conclusions.

(1) The concept “Man” is very extensive. A human being is born with extraordinary and superior capabilities and faculties and does possess a much higher rank and place than other creatures. Man undertook an important and also difficult task. That is, man shall maintain the “great name” given to him and live in the way his “name” demands. He shall not forget his important mission and does that mission in a worthy way.

(2) Both poets, Molavi and Shakarim, observed the mankind in all aspects, and both are able to answer questions about the human being. The interesting point is that, when we read their works, we notice man is introduced by many characteristics, and the poets described him in both physical and spiritual dimensions. They mostly speak like psychologists; it seems they reached this level of knowledge through knowing their own “self”.

(3) The works of Molavi and Shakarim not only include the literary tradition, school and philosophy of their predecessors, they also present them in other shades and tones, and improve them to serve as a foundation and essence in developing religious and philosophical thoughts as well. Thus, in developing the human and social content, attention to the common sense and reasoning is highly valuable; and it is not by accident that what they left behind does not merely attract those who are engaged in studying or practicing Islamic mysticism and philosophy, as the works of the two poets are appealing for all classes of readers who intent to find answers to the questions they have particularly on the concept of man.

(4) By comparing the two poets’ thoughts, we see that both Molavi and Shakarim share many similarities in their view of the world and philosophy about man and self-conscious knowledge. As an example, both poets described the concept of the ego-self by using many similes and allegories, and sometimes they used metaphors for explaining the subject.

References

1. Jafari, M.T. (2010) *Molavi and View of the World*. Teharn: Allameh Jafari Works Publishing Institute.
2. Nicholson, R. (2003) *Islamic Sufism and Relationship of Man and God*. translated by Dr. Shafiei Kadkani, Teharn: Sokhan Publication.
3. Esim, Gh. (2008) *Shakarim’s questions around. 5/6*. Almaty: Cultural heritage.
4. Shakarim, Q. (1988) *Collection of poems*. Almaty: Zhazushy Publication.
5. Molavi, J. (2014) *Mathnavi Manavi*, Book 5. Tehran: Gisoom Publication.
6. Molavi, J. (2014) *Mathnavi Manavi*, Book 1. Tehran: Gisoom Publication.
7. Molavi, J. (2014) *Mathnavi Manavi*, Book 6. Tehran: Gisoom Publication.
8. Quran, K. (1991) *Translation of the Meanings of THE NOBLE QURAN in the Kazakh Language Khalifa Altai*. Medine: Sharif Publication.
9. Zarrinkoob, A.H. (2012) *Step by Step to Visit God*. 32 ed. Tehran: Elmi Publication.

10. Sajjadi, S. (2009) *An introduction to the principles of Mysticism and Sufism*. 15th ed. Tehran: Organization for the Study and Compilation of University Humanities Books (Position) Center for Research and Development of Humanities.
11. Molavi, J. (2014) *Divan Tabrizi*. Tehran:Iqbal Publication.
12. Zamani, K. (2010) *Minagar Eshgh, Description of Molana Jalaleddin Mohammad Balkhi's Mathnavi Manavi*. Tehran: Nashr Ney.
13. Motahari, M. (2000) *Full Human*. Tehran: Sadra Publication, Istad Shahid.
14. Babaei, A. (2012) *Endless Secrets of the Mirror*. Tehran: Mola Publication.

Information about the author:

G. Kudaibergenova, PhD, senior lecturer, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: gulbahyt2017@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторе:

Кудайбергенова Г.К. – PhD, ст. преподаватель кафедры Ближнего Востока и Южной Азии факультета востоковедения КазНУ им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан). E-mail: gulbahyt2017@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

*Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 80

doi: 10.17223/19986645/89/14

Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в российских СМИ

Лидия Владимировна Енина¹, Ирина Геннадьевна Полякова²

^{1, 2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ enina.lidia@gmail.com

² irinapolykova@yandex.ru

Аннотация. Суррогатное материнство как явление еще находится в процессе нормализации правового статуса, медицинского протокола сопровождения и общественного мнения. Цель настоящей статьи рассмотреть тему суррогатного материнства в дискурсе СМИ и выявить ведущие ценностные установки ее обсуждения. Источниками для анализа послужили тексты российских СМИ и письма, направленные в НКО «РАРЧ». Основным методом анализа материала выступает критический дискурс-анализ, используется также ряд специальных лингвистических методик.

Ключевые слова: суррогатное материнство, дискурсивный концепт, российский журналистский дискурс, дискурс СМИ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

Для цитирования: Енина Л.В., Полякова И.Г. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в российских СМИ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 256–274. doi: 10.17223/19986645/89/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/89/14

The discursive concept “surrogate motherhood” in Russian media

Lidia V. Enina¹, Irina G. Polyakova²

^{1, 2} Ural State University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ enina.lidia@gmail.com

² irinapolykova@yandex.ru

Abstract. The article aims to explore the topic of surrogate motherhood in Russian media discourse and identify its key values. The research material is contemporary Rus-

sian media texts and letters received by the NGO Russian Association of Human Reproduction (RAHR). The research methodology is rooted in the constructivist approach and a theoretical study into the notion of discursive concept. The leading method of material analysis is critical discourse analysis combined with several specific linguistic methods. The discursive concept “surrogate motherhood” is represented in all segments of Russian media. The concept is structured by the main role positions of the surrogate motherhood participants: childless parents, doctor, gestational mother, child. The role positions are described according to the media format. Letters received by RAHR contribute to the following conclusions: the concept “surrogate motherhood” is structured by the discursive practices of the self-description of the childless women’s (spouses’) role position with the emphasis on “inferiority complex due to the absence of children”, ways of describing the role position of the gestational mother as a reward-based voluntary assistant, a role position of the child as a desirable object for family happiness. The news segment describes the concept’s role positions within the framework of intentional or unintentional crime. Journalists tend to give the floor to law enforcement agencies as well as to suspects and their lawyers. In leisure media, the parents’ role position is represented by celebrities identified as “happy”; an alternative is a role position of a “single father” having a close emotional connection with children that contradicts the conservative viewpoint of the family. In analytical publications, the role position of a “gestational mother” is represented in the first person; it is revealed only through positive experience. The role position of a “child” actualizes three different interpretations of the axiological meaning. An ethical problem of stigmatization of children born with the help of ART has been found in the leisure media. A comparison of letters received by RAHR and journalist texts showed that the role position of a “child” as a desirable object for family happiness is consistent with the idea of solving the demographic problem of the state. The discursive concept “surrogate motherhood” is included into public space, but there is no value polarization in its understanding.

Keywords: surrogate motherhood, discursive concept, Russian journalistic discourse, media discourse

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

For citation: Enina, L.V. & Polyakova, I.G. (2024) The discursive concept “surrogate motherhood” in Russian media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 256–274. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/14

В 2021 г. на Первом канале показали первый сезон российского сериала «Контейнер», и сейчас он входит в топ-10 коллекции кино Первого канала. В центре сюжета история Александры (в исполнении Оксаны Акиньшиной), тридцатилетней женщины, вынашивающей ребенка для статусной семьи. Название сериала метафорически прозрачно и оскорбительно объективирует главную героиню, однако история главной героини, полная драматических поворотов, казалось бы, должна вызвать сочувствие к жизненному выбору Александры, но сочувствие возникает к героине, а не к ее решению выносить чужого ребенка. Сериал «Контейнер» – это история «сурпроекта», в котором никто из участников не стал счастливым. А история Александры демонстрирует, что главная линия художественного осмысления суррогат-

ного материнства выстраивается относительно «суррогатки», как ее уничижительно называет биологическая мать будущего ребенка. Мы начали с сериала, поскольку в нем представлена негативная модель отношения к проблеме суррогатного материнства и к участникам процесса этой технологии. Цель данного исследования – рассмотреть спектр мнений о суррогатном материнстве, транслируемых российскими СМИ, и выявить основные смыслы, тиражируемые при обсуждении этого явления.

Суррогатное материнство – одна из самых сложных вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) как из-за длительности самого процесса, так и из-за необходимости взаимодействия большого количества участников в течение этого процесса. Программа суррогатного материнства требует слаженной коммуникации между всеми участниками процесса: врачом, потенциальными родителями / родителем, гестационной (суррогатной) матерью, которая беременеет и вынашивает плод. Взаимодействие между участниками программы суррогатного материнства изначально многоаспектно, нуждается в правовом сопровождении и в регулировании, поэтому, кроме перечисленных участников, в качестве посредника одна из сторон привлекает специализированное агентство и/или юриста.

В России суррогатное материнство законодательно было закреплено в 2011 г. в ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и рядом законодательных актов и нормативных документов. В ч. 9 ст. 55 закрепляется правовой статус этой разновидности ВРТ, а в ч. 10 описаны правовые требования к женщине, которая может стать суррогатной матерью. Совсем недавно законодательно было решено конкретизировать правовые требования и к тем, кто может воспользоваться этой ВКР, и 19 декабря 2022 г. был принят ФЗ № 538 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором право на услуги суррогатного материнства распространяется только на граждан России. Будучи легализовано и получив практическое распространение в медицинской сфере, явление суррогатного материнства для большой части российского общества остается новым и вызывает, скорее, ценностный интерес, чем медицинский или просветительский.

В социальных науках тема суррогатного материнства исследуется прежде всего в правовых аспектах [1–3]. Значительно меньше исследованы социокультурные аспекты феномена суррогатного материнства в российском контексте. Есть отдельные публикации: так, поднимается вопрос о дискриминационных практиках в обществе по отношению к парам, желающим воспользоваться данной технологией [4]; проблематизируется понимание родства ребенка, появившегося благодаря реализации программы суррогатного материнства, и родителей, готовых его воспитывать [5]; изучаются ведущие мотивации стать гестационной матерью или донором гаметов [6–8]. Дискурсивный аспект суррогатного материнства рассматривали О.Г. Исупова и О. Ткач [5, 7]. Исупова исследовала закрытые женские интернет-сообщества, созданные с целью обсуждения решения репродуктив-

ных проблем, т.е. внимание было привлечено прежде всего к высказываниям людей, заинтересованных в развитии этой технологии. Она выделила дискурсивные блоки обсуждения темы суррогатного материнства: беременность, роды, генетическая связь, родной / чужой ребенок. О.А. Ткач проводила свое исследование на материале публикаций СМИ, чтобы выявить дискурсивно формирующиеся концепции родства / родительства, связанные с применением ВРТ, и способы нормализации этих концепций. Оба исследования фиксируют, что под влиянием новейших медицинских технологий изменяется понимание материнства как высшего предназначения женщины, которая неразрывно переживает этапы зачатия, беременности, родов и последующего воспитания детей. Материнство подвергается диверсификации на автономные части (зачатие, беременность, роды, воспитание), «каждая из которых имеет отдельно сконструированный смысл» [7. С. 393]. При этом достижения биомедицинских технологий встречают публичное неприятие таких семей и вызывают, скорее, дискурсивные практики оправдания для родителей и/ или умолчаний. «Публичное обсуждение этих вопросов в официальной прессе лишь усиливает статус нормативной концепции нуклеарной семьи с генетически родными детьми» [5. С. 64].

Относительно скромный интерес к социокультурным аспектам ВРТ, возможно, обусловлен тем, что в России в целом, и в российском научном сообществе в частности, «материнство по-прежнему рассматривается как не-проблематизированное женское предназначение» [9. С. 16]. Мы надеемся, данная работа внесет вклад в развитие этой важной темы.

Термин «суррогатное материнство» законодательно закреплен и имеет строгое юридическое определение: «Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребёнка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребёнка невозможно по медицинским показаниям». На наш взгляд, это терминологическое словосочетание содержит отрицательную оценочную семантику¹ дискриминационного характера по отношению к женщине, вынашивающей плод. Вслед за О. Ткач [5] мы в качестве синонимичной замены будем использовать медицинский термин «гестационная» взамен «суррогатная».

Остановимся на **теоретических основаниях исследования**. Мы работаем в русле конструктивистского подхода, который исходит из четырех предпосылок: 1) наши знания о мире не следует принимать за объективную истину; 2) наши способы понимания мира и представления о нем имеют специфику, связанную с историческим и культурным контекстом, т.е. *условны, зависимы от обстоятельств;* 3) наши знания и способы понимания

---

¹ Ср. словарное толкование слова «суррогат» – продукт, предмет, лишь по некоторому сходству являющийся заменой натурального [10. С. 959].

мира возникают благодаря социальной коммуникации, в процессе которой мы доказываем друг другу, что является верным, а что ошибочным; 4) в соответствии с нашим мировоззрением одни поступки человека воспринимаются естественными, другие – неприемлемыми. Различное понимание мира ведет к различному социальному поведению, и поэтому социальная структура знаний и истины имеет социальные последствия [11–15]. В связи с изложенными предпосылками поясним, что в России тема суррогатного материнства еще не получила устойчивого культурного контекста и привычных аргументационных ходов, иными словами, не является нормализованной. Поэтому важно сейчас зафиксировать возможные дискурсивные / смысловые направления развития этой темы в одном из влиятельных дискурсов, для чего мы воспользуемся понятием «дискурсивный концепт». В основе нашей работы лежит конструктивистское определение дискурса: «Дискурс – это социально упорядоченный механизм организации коммуникации, относительно устойчивое поле смыслов, единство которого обеспечивают специфические для него группы дискурсивных практик»¹.

В медиа-дискурсе функционирование концептов неоднородно². Поскольку понятие концепта является междисциплинарным, приведем определение, из которого мы исходим: «Концепт – это знак, имеющий фиксированное значение в пределах одной специфической области»³. Концепты с неустойчивым дискурсивным значением имманентны для журналистского дискурса, так как именно вокруг них концентрируются общественные обсуждения. Такие концепты могут трансформироваться от текста к тексту и менять соотношение составных элементов за счет сокрытия одних и добавления новых характеристик и изменения смысловых отношений между ними. Понимание концепта, функционирующего в пределах одного дискурса, впервые было описано Э.В. Чепкиной в монографии «Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды» [18]. Она методологически отграничила концепты журналистского дискурса и от элементов когнитивного пространства, коллективного или индивидуального [19], и от языковых концептов, востребованных при описании языковой картины мира [20]. В монографии Э.В Чепкина не описывала сами концепты, а сосредоточила внимание «на установлении связи концептов друг с другом» [18. С. 161]. Далее методика анализа дискурсивного концепта была доработана и применена к исследованию национально-гражданской идентичности россиян, и структура дискурсивного концепта была описана по сетевому принципу на основе тематического развития [16, 21, 22]. Как показал материал, дискурсивный кон-

---

¹ См.: Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» [16. С. 14].

² О функционировании дискурсивных концептов: Чепкина, Енина Дискурсивные практики журналистики: о методе анализа [17].

³ См.: Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» [16. С. 15].

цепт «суррогатное материнство» структурируется в зависимости от ролевой позиции участника процесса биотехнологии: врач, бездетные родители / родитель, гестационная мать, ребенок. В конкретных текстах одна из позиций выдвигается на первый план и наделяется определенными характеристиками, при накоплении важных для дискурса смыслов у характеристик могут быть повторяющиеся лингвистические маркеры [16. С. 14].

При анализе журналистских текстов важно учитывать форматные различия СМИ. «Формат может представлять собой совокупность условий и правил сбора, обработки и распространения информации, принятых в газете, на телеканале, радиостанции» [23. С. 109]. Формат задает правила отбора и подачи информации для того или иного СМИ. Можно выделить три большие группы СМИ, отличающиеся друг от друга по форматным правилам [24. С. 11–25]: 1) СМИ, ориентированные на информационное оповещение, что включает достоверную информацию, представление разных точек зрения; 2) СМИ, соединяющие общественную проблематику с качественным анализом проблем; 3) досуговые СМИ, ориентированные преимущественно на развлечение аудитории, их особенностью является сосредоточенность на сфере частной жизни. Типичная тематика здесь – светские новости, всевозможные скандалы и сенсации, детальное описание криминальных событий. Существует еще одна группа СМИ – это специализированные журналы, ориентированные на профессиональную медицинскую аудиторию, но они в наш анализ не включены. Несмотря на то, что деление российских СМИ на сегменты по подаче информации в настоящем культурно-историческом контексте стало менее отчетливым, различие между подачей качественной и развлекательной информации сохраняется. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» представлен во всех названных форматах российских СМИ: новостном, качественном и развлекательном.

Методика. Журналистские публикации анализировались с применением метода критического дискурс-анализа. Единицей анализа являлся целостный газетный текст, учитывались композиционное расположение и смысловая значимость развития темы суррогатного материнства. В каждом тексте фиксировались ролевые позиции, соответствующие основным участникам процесса: родитель / родители – врачи – гестационная мать – ребенок. В тексте ролевая позиция может быть представлена от первого лица и/или может быть объективирована и подвергаться обсуждению другими лицами. На втором этапе проводился анализ характеристик, идентификаций, приписываемых этим ролевым позициям в тексте. На третьем этапе анализировалось, какие ролевые позиции игнорируются или, напротив, объединяются или становятся в смысловую оппозицию.

Материалом для данного исследования послужили публикации федеральных и региональных СМИ за период 2019–2022 гг., так или иначе затрагивающие тему суррогатного материнства. В основную выборку вошли тексты базовых журналистских жанров – новости (информационные заметки), интервью, статьи. Также материалом для анализа послужили письма в поддержку суррогатного материнства, направленные в Российскую ассоциацию

репродукции человека (РАРЧ)¹ в 2017 г. Эти письма отнесены нами к медиадискурсу, поскольку имеют публичного адресата.

Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в письмах РАРЧ. Письма² в РАРЧ были вызваны новостью об инициативе депутатов Государственной Думы запретить в России суррогатное материнство и носят ситуативный характер. Письма написаны от лица женщин, заинтересованных в программе суррогатного материнства, и все содержат положительную оценку технологии суррогатного материнства. Только два письма из 26 подписано обоими супругами, что говорит о незначительной представленности голоса мужчин. Главный смысловой вектор положительной аргументации в пользу суррогатного материнства: единственное решение проблемы женского бесплодия, обусловленного объективными медицинскими факторами. Важная самохарактеристика, присутствующая в письмах, – это испытываемая неполноценность из-за отсутствия детей: *По всей видимости, все те кто поддерживают подобный закон направую не знакомы с болью и страданиями Женщины, когда она испытывает помимо физических и моральных страданий, страшный комплекс неполноценности* (Письмо 2. Светлана Д. Электронный документ. С. 4). Позиция ребенка представлена как желаемый объект семейного счастья. Отметим также в линии аргументации попытку перевести личную проблему в масштаб государственной важности: *В стране где очень плохая демографическая ситуация, депутат пытается ее еще ухудшить* (запретом суррогатного материнства. – Авт.) (Письмо 14. Юлия З. Электронный документ. С. 10); *Оставьте родителям последний шанс, пусть в нашей стране будет больше и больше детей и неважно, что таким необычным способом они иногда появляются!* (Письмо 24. Виктория. Электронный документ. С. 16). Перевод желания иметь ребенка в решение демографической проблемы государства можно интерпретировать как поиск «понятного» для законодателей языка или как знак согласия с вторжением государства в личную жизнь.

Ролевая позиция «гестационная мать» упоминается примерно в шестой части всех писем и оценивается как помощница, с которой сохраняются доброжелательные отношения после рождения ребенка. Основная присваиваемая характеристика этой позиции – неудовлетворительное материальное положение. Эта характеристика может дополняться моральными качествами ответственности и самопожертвования: *Я знаю нескольких женщин, желавших стать сур мамами. Их мотив – вырвать из нищеты своих детей, улучшить их жилищные условия. Они готовы дать жизнь не только своему, но и чужому ребенку, делая при этом счастливой еще одну семью. Разве это не пример материнского самопожертвования и ответственности?* (Письмо 1. Юлия И. Электронный документ. С. 2). Слово «самопожертвование» имеет словарное толкование «жертвование собой, своими личными интересами ради других» [10], и сочетание признаков материальной выгоды и

---

¹ <https://rahr.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

² В текстах писем орфография, пунктуация, стилистика сохранены.

самопожертвования свидетельствует о противоречивости отношения к этой ролевой позиции со стороны бездетных женщин. Нельзя не отметить, что в одном из писем сказано, что в качестве гестационной матери выступила родная мать бездетной женщины. Это единственный раз во всем материале, включая журналистские тексты, когда формулируется помочь близкого родственника в рождении ребенка. Это говорит о том, что подобный опыт замалчивается и не включается в публичное пространство обсуждения.

Другие ролевые позиции (врача и агентства) в структуре дискурсивного концепта имеют единичное упоминание в письмах и сопровождаются положительными характеристиками.

В целом письма в РАРЧ демонстрируют включение в публичное пространство отчетливой ролевой позиции бездетных женщин, испытывающих комплекс неполноценности из-за бесплодия.

Завершая анализ писем в РАРЧ, скажем, что конструирование дискурсивного концепта «суррогатное материнство» осуществляется за счет дискурсивных практик самоописания ролевой позиции бездетных женщин / супругов и описания ролевой позиции гестационной матери как добровольного помощника и ролевой позиции ребенка как желаемого объекта.

Дискурсивный концепт «Суррогатное материнство» в новостном сегменте российских СМИ. В новостных сообщениях последних лет тема суррогатного материнства появлялась в связи с результатами деятельности государственных органов, правоохранительных и законодательных. Здесь наиболее активны практики, конструирующие ролевую позицию ребенка. Основной идентифицирующий признак этой ролевой позиции – жертва, лингвистические маркеры подобных дискурсивных практик: *поставка детей; торговля детьми; дети, рожденные для продажи*. Основанием для отнесения к жертве выступает смысл «объект торговли». Соответственно, активизируются смыслы экономической сферы, передающиеся словами: *договор, доверенность, денежный перевод, оплата*. В следующем заголовке, например, соединяются экономические и криминализирующие смыслы, конструирующие ролевую позицию ребенка: *Младенец по доверенности: как раскрыли сеть по поставке детей в Китай* [25]. В новостях, публикуемых от имени Следственного комитета, раскрывшего или предотвратившего преступление, криминализации подвергаются все ролевые позиции – ребенка, бездетных родителей, гестационной матери и врачей. Причем позиция ребенка лингвистически оформляется как лишенная генетического родства с родителями: «приемные дети». Ролевые позиции бездетных родителей и гестационной матери имеют общий признак идентификации «нероссийский»: *Филиппинскому политику не разрешили забрать приемных детей из России* [26]; *Суд в Красноярске приговорил к трем годам лишения свободы гражданку Казахстана, которая рожала детей как суррогатная мать* [27].

Тема суррогатного материнства включается в традиционные заявления, сделанные политиками и лидерами общественного мнения в ходе официальных мероприятий. Так, на Рождественской парламентской встрече в Совете

Федерации в 2020 г. патриарх Кирилл высказался о суррогатном материнстве в целом. В словах патриарха данная медицинская технология имеет преступные последствия: *суррогатное материнство поощряет торговлю детьми* [28]. Также в словах представителя РПЦ фиксируем отрицательную оценку ролевой позиции «суррогатная мать»: *Ни одна обеспеченная женщина не станет за деньги вынашивать и рожать детей для чужих людей. К этому выбору ее подталкивает социальная незащищенность, бедность, желание обеспечить собственных детей. Распространение коммерческого суррогатного материнства – это очевидное, конечно, унижение достоинства российской женщины и самых незащищенных из них* [28]. Другие ролевые позиции участников этой разновидности ВРТ не упоминаются.

Причина участия суррогатной матери в сурпроекте из-за возможности улучшить благосостояние уже встречалась в письмах РАРЧ и оценивалась положительно. Соответственно, одна и та же идентификация ролевой позиции суррогатной матери имеет разное основание для противоположных оценок: денежное и нравственное. В словах патриарха Кирилла игнорируются ролевые позиции ребенка и бездетных родителей, а позиция гестационной матери наделяется характеристикой жертвы из-за низкого материального достатка.

В новостном сегменте журналисты стараются соблюдать требования качественной журналистики и дают высказаться другим заинтересованным лицам, в частности врачам и адвокатам, защищающим потенциальных родителей: *Врачи, арестованные в Москве за торговлю детьми, просят закрыть дело* [29]; *Кастро и его юрист считают, что дети – граждане Республики Филиппины незаконно удерживаются в России* [26]. Хотя смысл криминализации действий врачей присутствует и здесь, эта ролевая позиция тем не менее включена в публичное пространство и некоторым образом уравновешивает новости от имени правоохранительных органов.

Новостной сегмент считается самым читаемым среди текстов СМИ, поэтому представленность дискурсивного концепта в нем обладает большой воздействующей силой. Высокая частотность смыслов совершения преступления или наличия преступного замысла в текстах на тему суррогатного материнства конструирует все ролевые позиции в концепте как выходящие за пределы общественных норм.

Дискурсивный концепт «Суррогатное материнство» в досуговых СМИ. Тема суррогатного материнства в развлекательных текстах появляется в связи с освещением семейной стороны жизни известных персон российской эстрады и спорта. Именно из СМИ широко известно, что в разное время благодаря суррогатным матерям появились дети у семейных пар Яны Рудковской и Евгения Плющенко, Аллы Пугачевой и Максима Галкина, Дмитрия Маликова и Елены Изаксон, а также в семьях Филиппа Киркорова и Сергея Лазарева. В отличие от новостных текстов здесь ролевые позиции в концепте задают иную нормализацию суррогатному материнству.

В развлекательных текстах конструируется ролевая позиция бездетных родителей / родителя, но с характеристикой «счастливые». Хотя раскрытие

факта суррогатного материнства носит оттенок сенсации: *В 2018 году Елена и Дмитрий Маликовы сумели по-настоящему удивить народ. Они вновь стали родителями, хотя музыканту на тот момент было 48 лет, а его избранница – все 55. Осуществить мечту звездной парочки помогла суррогатная мать [30]. Особенность подчеркивается сенсационностью в случае одиноких, в смысле неженатых, мужчин: Сегодня в эфире второго выпуска провокационного шоу с Лерой Кудрявцевой Сергей Лазарев неожиданно для всех раскрыл свой секрет на миллион. Артист признался, что около года назад он во второй раз стал отцом [31].*

Важность отцовства становится яркой характеристикой частной жизни мужчины. В досуговых СМИ широко представлены дискурсивные практики самоописания отцовских чувств, которые идут вразрез с традиционным представлением о гендерных обязанностях в семье и об участии отца в воспитании детей. Например, Филипп Киркоров на вопрос, как он переживает стрессы на работе, отвечает: *А спасаюсь я детьми – они мои главные батарейки, поднимают настроение, вдохновляют, мотивируют и дают надежду на то, что все будет хорошо [32].* Не только дискурсивные практики самоописания в прямой речи персонажей, но и слова журналистов о персонажах-суперзвездах наполнены семантикой сильных эмоций: *Наблюдая на торжественной линейке за обоими, певец был растроган до слез: «Невероятные непередаваемые чувства, ощущения и волнение... Ночь не спали, готовились, волновались, переживали... С началом новой жизни, мои дорогие!» [33].*

Этот вариант ролевой позиции бездетного родителя может быть воплощен и иным образом. Так, в тексте, посвященном Сергею Лазареву и его детям, журналист объективизирует мнение противников этого вида ВРТ, называя их активистами, недоброжелателями и хейтерами. Журналист солидаризируется с главным персонажем текста, приводя его оправдания: *В начале апреля этого года вокруг семьи Сергея Лазарева разразился скандал. Активисты возмущались тем, что певец является отцом-одиночкой и воспитывает детей, которые родились от суррогатной матери. Недоброжелатели призвали лишить артиста родительских прав. По мнению хейтеров, дочери и сыну Лазарева нужна материнская забота. Сергей ответил на нападки в свой адрес, напомнив, что у детей помимо него есть бабушка Валентина Викторовна, которая восполняет им внимание и заботу [34].* Это пример дискурсивных практик, воспроизводящих привычные консервативные представления о распределении мужского и женского поведения в семье с детьми.

В развлекательных текстах информация о рождении детей суррогатной матерью присутствует в сильной композиционной части – в ЛИД-абзаце или бэкграунде и совсем необязательно связана с информационным поводом публикации. Так, текст о праздновании дня рождения дочери Филиппа Киркорова начинается словами: *Артист был женат на Алле Пугачевой, после развода стал отцом двух детей, рожденных суррогатными матерями [35].* Это, скорее, говорит о стигматизации детей, рожденных таким путем, и об этической проблеме, стоящей перед журналистами и обществом в связи с охраной информации о рождении ребенка, зачатого с помощью ВРТ.

Ролевая позиция «гестационная мать» не игнорируется, но и не имеет высокой положительной оценки, она, скорее, окружена нейтральным контекстом, а распространенное выражение «суррогатная мать» нередко заменяется перифразом *женщина, выносившая ребенка* и разговорными вариантами *суррогатная мама, сурняня: 47-летняя Яна Рудковская два года назад в четвертый раз стала мамой. У продюсера и ее мужа Евгения Плющенко родился сын, которого выносила суррогатная мама* [36].

В развлекательном сегменте дискурсивный концепт «Суррогатное материнство» конструируется ролевыми позициями «родители» с признаком *счастливые*, выделяется вариант этой ролевой позиции «одинокий отец» с накоплением положительных эмоциональных смыслов о значимости детей в жизни мужчин. Ролевая позиция «гестационная мать» погружена в нейтральный контекст, наблюдается тенденция смягчения номинации «суррогатная мать» разговорными вариантами *суррогатная мама* или перифразистическими оборотами.

ДК «Суррогатное материнство» в качественных аналитических публикациях. В аналитических публикациях ожидаемо богаче представлено развитие темы суррогатного материнства в просветительском ключе, привлекаются эксперты из медицинской и религиозной сферы, из политических и бизнес-кругов, а также из некоммерческих организаций. Освещение анализируемой темы в текстах сопровождается подробным описанием процедуры, объяснением терминов, привлечением разных точек зрения. Сообщается о результатах социологических исследований об отношении к этой теме [37].

Конструирование концепта происходит за счет представленности всех основных ролевых позиций. Дискурсивные практики, участвующие в формировании ролевой позиции родителя, повторяют уже указанные смыслы о счастливом родительстве, о единственной возможности родить генетически родного ребенка. Значительно реже, чем в новостном сегменте, встречаются дискурсивные практики, привносящие смыслы мошенничества или совершения преступления. Это же касается ролевой позиции врача, которая создается дискурсивными практиками, распространенными в публичном пространстве о любой другой врачебной помощи, – о помощи, спасении, чуде.

По сравнению с другими форматами российских СМИ, в аналитических публикациях специфику приобретают ролевые позиции ребенка и гестационной матери.

Ролевая позиция ребенка конструируется с помощью трех смысловых векторов, воплощающих разные ценностные установки: (1) экономического «ребенок – объект торговли»; (2) частного семейного «ребенок – это счастье в семье»; (3) государственного «ребенок – решение демографического кризиса в России». В аналитических публикациях первая установка подвергается осуждению или устанавливаются причины, как правило, юридического характера, которые привели к непреднамеренному результату. Особый интерес представляет третья установка о ценности ребенка для государства, что совпадает с аргументацией из писем, направленных в РАРЧ. В аналитических

текстах такое мнение обычно приводится в аргументации представителей власти. Так, депутат Государственной Думы Василий Пискарев высказался: *Мы не должны помогать иностранным государствам решать их репродуктивные проблемы, да еще и с использованием российского бюджета. Эти деньги нужно направить только на помощь российским гражданам и для решения демографических проблем нашей страны* [38]. Дискурсивно здесь смешиваются смыслы экономические и государственные, что отчасти воспроизводит дискурсивные практики объективации ребенка в качестве покупаемого товара.

Только в аналитических текстах ролевая позиция «гестационная мать» представлена от первого лица и отражает лишь позитивный опыт женщин, вынашивающих детей для чужих семей. В прямой речи персонажей текста, воплощающих эту позицию, фиксируется отсутствие физиологических сложностей и тесной эмоциональной связи с вынашиваемым ребенком: *Я относилась к этому как к работе и понимала, что я просто домик для чужого ребенка... Беременность прошла идеально, как и две мои естественные; Родила я тоже легко и в срок. Родился парень весом 4 кг, ростом 55 см, хорошеный. Мы с ним даже познакомились. Материнский инстинкт к нему у меня не появился. Я отдала ребенка, зная, что его ждут любящие родители; Я была очень довольна тем, что выполнила миссию и скоро отправлюсь домой к своим деткам. Материнского инстинкта не было. Я считала себя няней для ребенка и как будто за ним присматривала, пока не придут мама с папой* [39]. Эти смыслы поддерживаются схожими дискурсивными практиками, которые мы находим в текстах, имеющих цель рекламно-просветительскую. Попутно отметим, что подобных текстах в дискурсивный концепт включается дополнительная ролевая позиция «агент». Так, агент по подбору суррогатных матерей Андрей Родин говорит об ответственности, что типично для деловой характеристики работника: *В защиту суррогатных мам скажу, что это женщины как правило порядочные и ответственные. Кроме того, если они участвуют в программе заместительного вынашивания при посредничестве специализированной организации, то регулярно сдают во время беременности анализы на все возможные вредные привычки. Тут не забалуешь* [40]. В аналитических публикациях смысл беременности как работы свидетельствует о распространении в публичном пространстве взглядов о диверсификации процесса материнства. В этом же формате СМИ продолжается практика лингвистического смягчения номинации «суррогатная мать» в пользу перифраз или замены словом «няня».

В сегменте качественных аналитических публикаций присутствуют дискурсивные практики конструирования концепта, уже отмеченные в письмах, предоставленных РАРЧ, в новостном и развлекательном сегментах российских СМИ, такие как: бездетные родители имеют право на генетических детей; иностранные потенциальные родители имеют преступный умысел; врачи могут квалифицированно помочь решить проблему бездетности; врачи могут иметь преступный умысел ради обогащения; ребенок для иностранных родителей – объект торговли; ребенок приносит счастье в семью;

гестационная мать улучшает свое материальное положение; гестационная мать унижает свое достоинство. Зафиксированы специфические дискурсивные практики для аналитических журналистских текстов на тему суррогатного материнства: ребенок – это решение демографического кризиса в России; гестационная мать – это работа без возникновения эмоциональной привязанности к ребенку.

Выводы

Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» представлен во всех сегментах российских СМИ. Структурирование дискурсивного концепта организовано по основным ролевым позициям основных участников технологии суррогатного материнства: бездетные родители; врач; гестационная мать; ребенок. В зависимости от формата СМИ ролевые позиции наделяются ценностными характеристиками. В новостном сегменте все основные ролевые позиции сопровождаются смыслами о намеренном или непреднамеренном преступлении. В досуговых СМИ ролевая позиция родителей представлена персонажами-селябрити с ведущей идентификацией «счастливые», а также как вариант возникает ролевая позиция «одинокий отец» с присвоением смыслов тесной эмоциональной связи с детьми, противоречащих консервативному взгляду на семью. В аналитических публикациях ролевая позиция «гестационная мать» представлена от первого лица, но раскрывается только через положительный опыт, в отличие от художественного осмысливания гестационной матери в сериале «Контейнер». Ролевая позиция «ребенок» одновременно актуализирует три различные интерпретации ценностного смысла. В досуговых СМИ обнаружена этическая проблема стигматизации детей, рожденных с помощью ВРТ. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» включен в публичное пространство, но ценностной поляризации или однозначности в осмысливании этой темы нет. Сопоставление писем, направленных в РАРЧ, и журналистских текстов показало, в частности, что ролевая позиция «ребенок» как желаемый объект для семейного счастья вполне согласуется с точкой зрения о решении таким способом демографической проблемы государства.

Список источников

1. Расчупко С.В. К вопросу о проблемах суррогатного материнства и принятии специального закона о суррогатном материнстве в Российской Федерации // Аллея науки. 2017. Т. 2, № 15. С. 474–477.
2. Пилиенко М.С., Цюлинский А.А. Установление и оспаривание отцовства при применении суррогатного материнства // International Law Journal. 2021. Т. 4, № 3. С. 80–83.
3. Воробьева И.В., Мельников А.В. Права ребенка в процессе реализации программы суррогатного материнства // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 1. С. 110–116.
4. Бредникова О., Нартова Н. Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве Новых репродуктивных технологий (НРТ) // Современная женщина, семья, демография: Актуальные исследования / под ред. О. Здравомысловой. М., 2007. С. 156–180.

5. Ткач О. Наполовину родные?: Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 50–68.
6. Исупова О.Г. Модернизация женских мотиваций к рождению детей: деконструкция материнства? // Демоскоп Weekly. 2011. С. 453–454.
7. Исупова О.Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 3 (12). С. 381–396.
8. Граматчикова Н.Б., Полякова И.Г. «Танго вдвое»: опыт методологической рефлексии интервьюирования женщин-доноров ооцитов // *Quaestio Rossica*. 2023.
9. Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Гендерный подход в исследовании репродуктивных практик. С. 7–20 // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 18) : сб. ст. СПб., 2009. 430 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
12. Gergen K. The social constructionist movement in modern social psychology // American Psychologist. 1985. Vol. 40, № 3. S. 266–275.
13. Burr V. An Introduction to Social Constructionism. London : Sage, 1995. S. 238.
14. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. 128 с.
15. Филипп Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков : Гуманитар.центр, 2008. 352 с.
16. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
17. Чепкина Э.В., Енина Л.В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. М., 2012. С. 291–308.
18. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс : Текстопорождающие практики и коды (1995–2000) / науч. ред. Л.М. Майданова. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2000. 279 с.
19. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
20. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
21. Чепкина Э.В., Енина Л.В. Журналистский дискурс: анализ практик // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 89, № 2. С. 76–85.
22. Енина Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159–167.
23. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь. Екатеринбург, 2004. 115 с.
24. Майданова Л.М., Чепкина Э.В. Медиатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. 304 с.
25. Младенец по довериности: как раскрыли сеть по поставке детей в Китай // РИА Новости. 14.10.21. URL: <https://ria.ru/20211014/deti-1754458759.html> (дата обращения: 20.10.2022).
26. Филиппинскому политику не разрешили забрать приемных детей из России // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20200721/1574661149.html> (дата обращения: 02.02.2023).

27. В России вынесли первый приговор суррогатной матери по делу о торговле детьми // RTVI. URL: <https://rtvi.com/news/v-rossii-vynesli-pervyj-prigovor-surrogatnoj-materi-po-delu-o-torgovle-detmi/> (дата обращения: 17.02.2023).

28. Патриарх Кирилл: суррогатное материнство поощряет торговлю детьми // ТАСС. 28.01.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7625071> (дата обращения: 17.02.2023).

29. Врачи, арестованные в Москве за торговлю детьми, просят закрыть дело // РИА Новости. 31.05.21. URL: <https://ria.ru/20210531/delo-1734918173.html> (дата обращения: 07.11.22).

30. Как сейчас выглядит сын Дмитрия Маликова от суррогатной мамы: редкое фото // Экспресс газета. 14.12.2022. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/2832372-kak-seychas-vyglyadit-syn-dmitriya-malikova-ot-surrogatnoy-mamy-redkoe-foto/> (дата обращения: 17.02.2023).

31. Сергей Лазарев признался, что год назад у него родилась дочь // Вокруг ТВ. 29.09.2019. URL: <https://www.vokrug.tv/article/show/15697683831/> (дата обращения: 18.02.2023).

32. Филиппу Киркорову – 55: о политических разборках артистов, нервных срывах и третьем ребенке // StarHit. 01.05.2022. URL: <https://www.starhit.ru/interview/filippu-kirkorovu-55-o-politicheskikh-razborkah-artistov-nervnyih-sryivah-i-tretem-rebenke-273930/> (дата обращения: 17.01.2023).

33. Филипп Киркоров отвел детей в деревенскую школу // 7 дней. 02.09.2019. URL: <https://7days.ru/news/filipp-kirkorov-otvel-detey-v-derevenskuyu-shkolu.htm> (дата обращения: 18.02.23).

34. Сергей Лазарев впервые показал детей после скандала с лишением родительских прав // Вокруг ТВ. 02.06.2022. URL: <https://www.vokrug.tv/article/show/16541760541/> (дата обращения: 18.02.2023).

35. «Моя снежная королева»: Киркоров подарил 11-летней дочери люксовые серьги – но посмотрите на ее реакцию // V1.ru. 11.12.2022. URL: <https://v1.ru/text/entertainment/2022/12/11/71886584/> (дата обращения: 18.02.2023).

36. «Еще один ребенок»: Яна Рудковская рассказала о прибавлении в семействе // 7 дней. 28.09.2022. URL: <https://7days.ru/news/eshche-odin-rebenok-yana-rudkovskaya-rasskazala-o-pribavlenii-v-seme.htm> (дата обращения: 18.02.2023).

37. К какой-то матери: как меняется отношение россиян к суррогатному материнству // Известия. 20.09.2021. URL: <https://iz.ru/1222662/evgeniia-priemskaia/k-kakoi-materi-kak-menyaetsia-otnoshenie-rossiian-k-surrogatnomu-materinstvu> (дата обращения: 07.11.2022).

38. Госдума приняла закон о запрете услуг суррогатных матерей в РФ для иностранцев // Российская газета. 08.12.2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/08/gosduma-priniala-zakon-o-zaprete-uslug-surrogatnyh-materej-v-rf-dlia-inostrancev.html> (дата обращения: 18.02.2023).

39. Я просто домик для чужого ребенка: 3 суррогатные матери рассказали свои реальные истории // Grazia. 11.07.2022 URL: <https://graziamagazine.ru/beauty/ya-prosto-domik-dlya-chuzhogo-rebenka-realnye-istorii-surrogatnyh-materej/> (дата обращения: 07.11.2022).

40. «Ярлыки и штампы вредят»: Агент рассказал правду о суррогатном материнстве // АИФ-Прикамье. 24.08.2022. URL: https://perm.aif.ru/society/people/yarlyki_i_shtampy_vredyat_agent_rasskazal_pravdu_o_surrogatnom_materinstve (дата обращения: 07.11.2022).

References

1. Raschupko, S.V. (2017) К вопросу о проблемах суррогатного материнства и принятии специального закона о суррогатном материнстве в Российской Федерации [On the issue of

- problems of surrogacy and the adoption of a special law on surrogacy in the Russian Federation]. *Alleya nauki.* 15 (2). pp. 474–477.
2. Pilipenko, M.S. & Tsylinskiy, A.A. (2021) Ustanovlenie i osparivanie ottsovstva pri primenenii surrogatnogo materinstva [Establishing and challenging paternity when using surrogacy]. *International Law Journal.* 3 (4). pp. 80–83.
3. Vorob'eva, I.V. & Mel'nikov, A.V. (2020) Prava rebenka v protsesse realizatsii programmy surrogatnogo materinstva [Rights of the child in the process of implementing the surrogacy program]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo.* 1. pp. 110–116.
4. Brednikova, O. & Nartova, N. (2007) Narushaya molchanie: diskriminatsiya zhenshchin v prostranstve Novykh reproduktivnykh tekhnologiy (NRT) [Breaking the silence: discrimination against women in the space of New Reproductive Technologies (NRT)]. In: Zdravomyslova, O. (ed.) *Sovremennaya zhenshchina, sem'ya, demografija. Aktual'nye issledovaniya* [Modern Woman, Family, Demography. Current research]. Moscow: Zven'ya. pp. 156–180.
5. Tkach, O. (2013) Napolovinu rodnye? Problematizatsiya rodstva i sem'i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh [Half related? Problematization of kinship and family in newspaper publications about assisted reproductive technologies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki.* 1 (11). pp. 50–68.
6. Isupova, O.G. (2011) Modernizatsiya zhenskikh motivatsiy k rozhdeniyu detey: dekonstruktsiya materinstva? [Modernization of women's motivations for having children: deconstruction of motherhood?]. *Demoskop Weekly.* pp. 453–454.
7. Isupova, O.G. (2014) Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaytsekletok i surrogatnom materinstve [Childbirth as a value in the online discourse of subfertile women about egg donation and surrogacy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki.* 3 (12). pp. 381–396.
8. Gramatchikova, N.B. & Polyakova, I.G. (2023) “Tango vdvoem”: opyt metodologicheskoy refleksii interv'yirovaniya zhenshchin-donorov ootsitov [“Tango for two”: women's interviews in clinical reproductive practice]. *Quaestio Rossica.* 2 (11). pp. 554–570.
9. Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (2009) Vvedenie. Gendernyy podkhod v issledovanii reproduktivnykh praktik [Introduction. Gender approach to the study of reproductive practices]. In: Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (eds) *Zdorov'e i doverie: gendernyy podkhod k reproduktivnoy meditsine. Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sotsiologii* [Health and Trust: A gender approach to reproductive medicine. Proceedings of the Faculty of Political Science and Sociology]. Vol. 18. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg. pp. 7–20.
10. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik.
11. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.
12. Gergen, K. (1985) The social constructionist movement in modern social psychology. *American Psychologist.* 3 (40). pp. 266–275.
13. Burr, V. (1995) *An Introduction to Social Constructionism*. London: Sage. P. 238.
14. D'yakova, E.G. & Trakhtenberg, A.D. (1999) *Massovaya kommunikatsiya i problema konstruirovaniya real'nosti: analiz osnovnykh teoreticheskikh podkhodov* [Mass Communication and the Problem of Constructing Reality: Analysis of the main theoretical approaches]. Yekaterinburg: RAS.
15. Jorgensen, M.L. & Phillips, J. (2008) *Diskurs-analiz: teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Khar'kov: Gumanitarniy tsetr.
16. Chepkina, E.V. (ed.) (2017) *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyian v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta “informatsionnaya voyna”* [Problems of Russian People

- Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the ‘Information Warfare’ Concept]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
17. Chepkina, E.V. & Enina, L.V. (2012) Diskursivnye praktiki zhurnalistik: metod analiza [Discursive practices of journalism: method of analysis]. In: Solganik, G.Ya. (ed.) *Stilistika zavtrashnego dnya* [Stylistics of Tomorrow]. Moscow: MediaMir. pp. 291–308.
  18. Chepkina, E.V. (2000) *Russkiy zhurnalistiskiy diskurs: Tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000)* [Russian Journalistic Discourse: Text-generating practices and codes (1995–2000)]. Yekaterinburg: Ural State University.
  19. Krasnykh, V.V. (2003) “*Svoi*” sredi “*chuzhikh*”: *mif ili real’nost’?* [“Ours” among “Strangers”: Myth or reality?]. Moscow: Gnozis.
  20. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel’nost’* [Russian Language and Extra-Linguistic Reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
  21. Chepkina, E.V. & Enina, L.V. (2011) Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: analysis of practices]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury*. 2 (89). pp. 76–85.
  21. Enina, L.V. (2016) Identichnost’ kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy identifikatsii [Identity as a discursive concept and identification mechanisms]. *Politicheskaya lingvistika*. 6 (60). pp. 159–167.
  23. Lozovskiy, B.N. (2004) *Zhurnalistika: kratkiy slovar’* [Journalism: A short dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.
  24. Maydanova, L.M. & Chepkina, E.V. (2011) *Mediatekst v ideologicheskem kontekste* [Media Text in an Ideological Context]. Yekaterinburg: University of Humanities.
  25. RIA Novosti. (2021) Mladenets po doverennosti: kak raskryli set’ po postavke detey v Kitay [Baby by proxy: how a network for supplying children to China was uncovered]. *RIA Novosti*. 14 October. [Online] Available from: <https://ria.ru/20211014/deti-1754458759.html> (Accessed: 20.10.2022).
  26. RIA Novosti. (2020) Filippinskomu politiku ne razreshili zabrat’ priemykh detey iz Rossii [Philippine politician was not allowed to take adopted children from Russia]. *RIA Novosti*. 21 July. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200721/1574661149.html> (Accessed: 02.02.2023).
  27. RTVI. (2022) V Rossii vynesli pervyy prigovor surrogatnoy materi po delu o torgovli det’mi [In Russia, the first verdict was handed down to a surrogate mother in a case of child trafficking]. *RTVI*. 27 July. [Online] Available from: <https://rtvi.com/news/v-rossii-vynesli-pervyy-prigovor-surrogatnoj-materi-po-delu-o-torgovle-detmi/> (Accessed: 17.02.2023)
  28. TASS. (2020) Patriarkh Kirill: surrogatnoe materinstvo pooshchryaet torgovlyu det’mi [Patriarch Kirill: surrogacy encourages child trafficking]. *TASS*. 28 January. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/7625071> (Accessed: 17.02.2023).
  29. RIA Novosti. (2021) Vrachi, arrestovанные в Москве за тorgovlyu det’mi, prosyat zakryt’ delo [Doctors arrested in Moscow for child trafficking ask for the case to be closed]. *RIA Novosti*. 31 May. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210531/delo-1734918173.html> (Accessed: 07.11.22).
  30. Ekspress gazeta. (2022) Kak seychas vyglyadit syn Dmitriya Malikova ot surrogatnoy mamy: redkoe foto [What Dmitry Malikov’s son from a surrogate mother looks like now: a rare photo]. *Ekspress gazeta*. 14 December. [Online] Available from: <https://www.eg.ru/showbusiness/2832372-kak-seychas-vyglyadit-syn-dmitriya-malikova-ot-surrogatnoy-mamy-redkoe-foto/> (Accessed: 17.02.2023).
  31. Vokrug TV. (2019) Sergey Lazarev priznalsya, chto god nazad u nego rodilas’ doch’ [Sergey Lazarev admitted that a year ago his daughter was born]. *Vokrug TV*. 29 September. [Online] Available from: <https://www.vokrug.tv/article/show/15697683831/> (Accessed: 18.02.2023).
  32. StarHit. (2022) Filippu Kirkorovu – 55: o politicheskikh razborkakh artistov, nervnykh sryvakh i tret’em rebenke [Philip Kirkorov – 55: about political squabbles among artists,

nervous breakdowns and a third child]. *StarHit*. 1 May. [Online] Available from: <https://www.starhit.ru/interview/filipp-kirkorovu-55-o-politicheskikh-razborkah-artistov-nervnyih-sryivah-i-tretem-rebenke-273930/> (Accessed: 17.01.2023).

33. 7 dney. (2019) Filipp Kirkorov otvel detey v derevenskuyu shkolu [Philip Kirkorov took the children to the village school]. 7 dney. 2 September. [Online] Available from: <https://7days.ru/news/filipp-kirkorov-otvel-detey-v-derevenskuyu-shkolu.htm> (Accessed: 18.02.23).

34. Vokrug TV. (2022) Sergey Lazarev v pervye pokazal detey posle skandala s lisheniem roditel'skikh prav [Sergey Lazarev showed his children for the first time after the scandal with deprivation of parental rights]. *Vokrug TV*. 2 June. [Online] Available from: <https://www.vokrug.tv/article/show/16541760541/> (Accessed: 18.02.2023).

35. V1.ru. (2022) “Moya snezhnaya koroleva”: Kirkorov podaril 11-letney docheri lyuksovye serezhki – no posmotrite na ee reaktsiyu [“My Snow Queen”: Kirkorov gave his 11-year-old daughter luxury earrings – but look at her reaction]. *V1.ru*. 11 December. [Online] Available from: <https://v1.ru/text/entertainment/2022/12/11/71886584/> (Accessed: 18.02.2023).

36. 7 dney. (2022) “Eshche odin rebenok”: Yana Rudkovskaya rasskazala o pribavlenii v semeystve [“Another child”: Yana Rudkovskaya spoke about the addition to the family]. 7 dney. 28 September. [Online] Available from: <https://7days.ru/news/eshche-odin-rebenok-yana-rudkovskaya-rasskazala-o-pribavlenii-v-seme.htm> (Accessed: 18.02.2023).

37. Izvestiya. (2021) K kakoy-to materi: kak menyaetsya otnoshenie rossian k surrogatnomu materinstvu [To some mother: how the attitude of Russians towards surrogacy is changing]. *Izvestiya*. 20 September. [Online] Available from: <https://iz.ru/1222662/evgeniia-priemskai/k-kakoi-materi-kak-meniaetsia-otnoshenie-rossiian-k-surrogatnomu-materinstvu> (Accessed: 07.11.2022).

38. Rossiyskaya gazeta. (2022) Gosduma priniala zakon o zaprete uslug surrogatnykh materej v RF dlya inostrantsev [The State Duma adopted a law banning the services of surrogate mothers in the Russian Federation for foreigners]. *Rossiyskaya gazeta*. 08 December. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/12/08/gosduma-priniala-zakon-o-zaprete-uslug-surrogatnyh-materej-v-rf-dlia-inostrancev.html> (Accessed: 18.02.2023).

39. Grazia. (2022) Ya prosto domik dlya chuzhogo rebenka: 3 surrogatnye materi rasskazali svoi real'nye istorii [I'm just a house for someone else's child: 3 surrogate mothers told their real stories]. *Grazia*. 11 July. [Online] Available from: <https://graziamagazine.ru/beauty/ya-prosto-domik-dlya-chuzhogo-rebenka-realnye-istorii-surrogatnyh-materej/> (Accessed: 07.11.2022).

40. AIF-Prikam'e. (2022) “Yarlyki i shtampy vredyat”. Agent rasskazal pravdu o surrogatnom materinstve [“Labels and stamps are harmful.” The agent told the truth about surrogacy]. *AIF-Prikam'e*. 24 August. [Online] Available from: https://perm.aif.ru/society/people/yarlyki_i_shtampy_vredyat_agent_rasskazal_pravdu_o_surrogatnom_materinstve (Accessed: 07.11.2022).

Информация об авторах:

Енина Л.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: enina.lidia@gmail.com

Полякова И.Г. – канд. социол. наук, научный сотрудник Межрегионального института общественных наук Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: irinapolykova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.V. Enina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: enina.lidia@gmail.com

I.G. Polyakova, Cand. Sci. (Sociology), research fellow, Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: irinapolykova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.05.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.*

Научная статья
УДК 070: 908
doi: 10.17223/19986645/89/15

Публикации «интеллигентных черноморцев» на страницах газеты «Кавказ»

**Юрий Викторович Лучинский¹, Марина Васильевна Безрукавая²,
Зарема Шихамовна Кидакоева³**

^{1, 2, 3}*Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия*

¹*lyv22@mail.ru*

²*sea_pearl@mail.ru*

³*kidakoeva@gmail.com*

Аннотация. Рассмотрена редакционная политика газеты «Кавказ» в контексте формирования региональной журналистики и литературного краеведения в середине XIX в. В ходе исследования были изучены публикации представителей поколения «интеллигентных черноморцев 40-х годов», к которым относятся очерки И.Д. Попко и В.Ф. Золотаренко, на страницах газеты «Кавказ» во второй половине 1840-х гг. Были обнаружены и атрибутированы их публикации о быте и традициях казачьего населения Черномории.

Ключевые слова: И.Д. Попко, В.Ф. Золотаренко, «Кавказ», биографический очерк, фронтир, «интеллигентный черноморец 1840-х годов»

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/8.

Для цитирования: Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В., Кидакоева З.Ш. Публикации «интеллигентных черноморцев» на страницах газеты «Кавказ» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 275–291. doi: 10.17223/19986645/89/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/89/15

Publications of “intelligent chernomortsy” in the newspaper *Kavkaz*

Yuri V. Luchinsky¹, Marina V. Bezrukavaya², Zarema Sh. Kidakoyeva³

^{1, 2, 3}*Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation*

¹*lyv22@mail.ru*

²*sea_pearl@mail.ru*

³*kidakoeva@gmail.com*

Abstract. December 1844 was a turning point for the Caucasus, when it was decided to create the Caucasus Viceroyalty, which led to significant changes in the administrative, economic and cultural spheres. This article studies a new information field

system associated with the publication of the annual *Kavazskiy Kalendar'* [Caucasus Calendar] and the weekly newspaper *Kavkaz*, initiated by Prince M.S. Vorontsov in 1846, which was necessary for the media support of his administrative and cultural reforms. It has been proved that the newspaper *Kavkaz*, whose editing was entrusted to O.I. Konstantinov, played an important role in the study of the history, ethnography and folklore of the Caucasus, as well as in the collection of local literary materials. It is shown that in the period of the Caucasian War on the territory of the Black Sea Cossack Army a type of “intelligent chernomorets [resident of the Black Sea region] of the 1840s” was formed. In the course of the study, the main emphasis was placed on the intellectual biography of the keeper of the spiritual school V.F. Zolotarenko, a representative of this type. As a result of our research, we were able to establish the authorship of three previously non-attributed essays published in the newspaper *Kavkaz* in the period from 1848 to 1850. We prove that one of them was written by V.F. Zolotarenko; the others were written by I.D. Popko. This allowed clarifying the bibliographic information concerning the creative heritage of both authors and broadening the understanding of the thematic diversity of the newspaper *Kavkaz* in the context of studying the literary and local history aspects of the formation of the regional cultural tradition.

Keywords: I.D. Popko, V.F. Zolotarenko, *Kavkaz*, biographical essay, frontier, “intelligent chernomortsy of 1840s”

Acknowledgements: The research is carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation in the framework of Scientific Project No. MFI-20.1/8.

For citation: Luchinsky, Yu.V., Bezrukovaya, M.V. & Kidakoyeva, Z.Sh. (2024) Publications of “intelligent chernomortsy” in the newspaper *Kavkaz*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 275–291. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/15

Введение

Рассмотрение региональной журналистики в аспекте формирования местной культурной традиции представляет несомненный интерес как для изучения истории отечественной журналистики, так и для расширения исторического контекста целого ряда краеведческих дисциплин.

В настоящей работе анализируются статьи двух авторов, принадлежавших к поколению «интеллигентных черноморцев 40-х годов», – В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко. Их очерки были опубликованы на страницах газеты «Кавказ» с 1848 по 1850 г. Данное периодическое издание являлось одним из самых влиятельных на Кавказе в те годы, и публикации в газете отражали не только военные события в регионе, но и социально-культурную жизнь данной территории.

Цель данной статьи – атрибуция и анализ историко-этнографических и литературно-краеведческих очерков В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко, опубликованных в газете «Кавказ», а также оценка их вклада в формирование культурного пространства Черномории и описания фронтовых идентичностей в условиях Кавказской войны.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: изучить творческие биографии В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко, их связь с

регионом и вклад в культурную жизнь Черномории; атрибутировать и проанализировать публикации данных авторов в газете «Кавказ» во второй половине 1840-х гг. в историко-этнографическом и литературно-краеведческом аспектах; оценить значение статей В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко для формирования культурного пространства Черномории и описания фронтирных идентичностей в условиях Кавказской войны; выявить историко-культурную составляющую издательской политики газеты «Кавказ» во второй половине 1840-х гг.

В ходе проведенного исследования были использованы историко-типологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования, контент-анализ газетного материала и архивных источников.

Результаты данного исследования позволят лучше понять историко-культурный контекст региона в период Кавказской войны, а также оценить вклад рассматриваемых авторов в формирование культурного пространства Черномории.

Специфика формирования системы печати на Кавказе в первой половине XIX в. привлекает внимание отечественных специалистов, рассматривающих данную проблему в различных аспектах. Она частично затрагивается в работах обобщающего характера, посвященных историко-культурному развитию региона [1] или историко-антропологическому анализу Кавказской войны [2].

С точки зрения историко-типологического подхода к изучению раннего этапа становления и развития периодики Кавказского края стоит выделить монографию Д.Л. Ватейшвили [3], в которой рассматривается появление первых газет на Кавказе – «Тифлисских ведомостей» и «Закавказского вестника», и работу О.И. Лепилкиной [4], в которой дается типологизация оригинальной периодики Российской империи. Специального системного исследования истории и развития газеты «Кавказ» пока еще не появилось – имеются отдельные работы, касающиеся публикаций переводной литературы на страницах газеты «Кавказ» [5], национальные компоненты в газете «Кавказ» [6], работы литературоведческого характера, посвященные отдельным авторам газеты «Кавказ» [7, 8].

Проблема освещения быта и культуры Черномории на страницах газеты «Кавказ» до настоящего времени не становилась предметом отдельного научного рассмотрения, равно как и ранее неатрибутированные публикации «интеллигентных черноморцев» В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко.

Идея создания газеты «Кавказ» принадлежала первому наместнику Кавказа и главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову, который, несмотря на продолжавшуюся Кавказскую войну, уделял большое внимание выстраиванию культурной политики в регионе.

Князь М.С. Воронцов понимал всю сложность ситуации, тем более что информационные потребности региона обслуживались единственной на тот момент газетой – «Закавказским вестником», выходившим в Тифлисе с 1838 г. по образцу губернских ведомостей. В период с 1839 по 1845 г. печатался только

официальный отдел «Закавказского вестника», тогда как отдел неофициальный не печатался вовсё. Такое положение дел не устраивало наместника Кавказского, и по его инициативе в Тифлисе с 1845 г. стал выходить ежегодный справочник «Кавказский календарь», а в 1846 г. была создана еженедельная газета «Кавказ», редактирование которой было поручено чиновнику по особым поручениям при начальнике гражданского управления Кавказским краем Осипу Ильичу Константинову (1813–1856).

О.И. Константинов возглавлял газету с 5 января 1846 г. по 11 ноября 1850 г., когда «с разрешения Его Сиятельства Князя Наместника Кавказского издание и редакция газеты «Кавказ» по случаю отбытия из здешнего края г. Константина принял на себя И.А. Сливицкий» [9. С. 8].

Газета издавалась по образцу губернских ведомостей, но в отличие от губернских официальных периодических изданий не разделялась на два отдела (официальный и неофициальный) и имела только одного редактора (в губернских ведомостях каждый отдел имел собственного редактора). Еще одна особенность газеты «Кавказ» заключалась в том, что она выходила на условиях частно-государственного партнерства, когда редактор заключал договор с администрацией на определенный срок и нес ответственность за финансовую составляющую данного периодического издания. «С одной стороны, это был официальный орган управления краем; вместе с тем по закону «Кавказ» заменил губернские ведомости для всех тех губерний и областей Кавказа, в которых эти ведомости не издавались. С другой же стороны, жизнью как-то установилось, что эта газета существовала на правах частного издания на свои собственные средства. Поэтому она сдавалась обыкновенно, на началах аренды, частным лицам» [10. С. 196].

С 1846 по 1849 г. газета называлась «Кавказ. Газета политическая и литературная» и выходила с периодичностью один раз в неделю. В 1850 г. она стала выходить два раза в неделю, а с уходом О.И. Константина с поста редактора изменила название на «Кавказ», сохранив преемственность в редакционной политике. В XIX в. в газете сменилось тринацать редакторов.

Черномория на страницах газеты «Кавказ»

Первый номер газеты «Кавказ» вышел 5 января 1846 г. О.И. Константина интересовали материалы по истории и статистике региона, разнообразные «ученые изыскания и наблюдения», описания древностей, военные мемуары, «повествования, основанные на легендах и преданиях края», фольклор, что отражало издательскую стратегию газеты и культурную политику князя М.С. Воронцова. Сам редактор вел рубрику «Тифлис. Новости», помещал циклы очерков по этнографии, истории и быту Кавказа, в жанровом отношении отдавая предпочтение проблемно-социологическому очерку [11. Р. 159].

«Редакция считает также необходимым помещать критические разборы сочинений о Кавказе и Закавказье, выходящих как в Тифлисе, так равно в России и Европе. Газета Кавказ стоит как бы на страже здешних мест <...>

Редакция также достоверно знает, что почти все эти заметки, разбросанные в различных журналах, или являющиеся отдельными книгами с серьезными заглавиями, заметки, которые рассмешили бы каждого Кавказца, принимаются своими читателями за достоверные факты. Такое положение дела не может быть терпимо газетой, главная цель которой, изобразить здешний край в его настоящем виде» [12]. В данной цитате особый интерес вызывает использованный О.И. Константиновым концепт «Кавказец», намеченный М.Ю. Лермонтовым в 1841 г. в одноименном очерке, который можно рассматривать в контексте жанра физиологического очерка, когда «тип собирает в себе своих отдельных представителей, игнорируя или пренебрегая их индивидуальностью, ибо его главная задача – построить дагерротипную модель сегмента общества» [13. С. 21]. М.Ю. Лермонтов подробно описывает тип «настоящего кавказца», «человека удивительного, достойного всякого уважения и участия», связанного с военной службой. Два других – «грузинский» и «статский» – только намечены, и о последнем говорится, что «он кавказец более душою, чем телом: занимается археологическими открытиями, толкует о пользе торговли с горцами, о средствах к их покорению и образованию» [14. С. 493]. «Дагерротипная» серия кавказских типов достаточно разнообразна («Физиологические очерки некоторых кавказских личностей» И.Н. Баранчева и т.д.). К ним можно отнести тип «интеллигентного черноморца 40-х годов», описанный редактором газеты «Кубанские областные ведомости» Л.М. Мельниковым в самом начале XX в. При этом необходимо учитывать, что «фронтальная идентичность данной группы оставалась актуальной только в рамках указанных места и времени» [15. С. 170].

Кавказский край, где в 1840-е гг. формировалась кавказская «фронтальная идентичность», находился в фазе административно-территориальных преобразований, которые завершатся только к началу 1860-х гг. В «Очерке северной стороны Кавказа» (1847) О.И. Константинов объяснил специфику географического деления региона:

«Разделим Кавказ условно на три полосы: Первая, Закавказье, заключающая в себе земли, лежащие между Турцией, Персией, Каспийским, Черным морем и главным хребтом гор от Баку до Тамани. Вторая, Кавказ, или пространство от вышеупомянутого главного хребта к северу до реки Кубани, Малки и Терека, обитаемая покорными и непокорными горскими племенами, и наконец, третья, Подкавказье, за чертою этих рек и заключающая в себе казачьи поселения и кочевья ногайцев.

Последняя полоса, усеянная казачьими станицами, прикрытая кордонными линиями, представляет вопрос к развитию Истории постепенного влияния России на обитателе северных покатостей Кавказа с самых отдаленных времен <...> История водворения на линии первых русских поселенцев и заселение Черномории, представляют в будущем богатый труд, для которого материалы хранятся в архивах Астрахани, Кизляра, Моздока, Георгиевска, Ставрополя, Екатеринодара и Черкасска» [16. С. 6].

Черноморией в данный период называлась территория, которая согласно Положению о Черноморском казачьем войске (от 1 июля 1842 г.) занимала

«все пространство земель, лежащих между восточным берегом Азовского и частью Черного морей, Екатеринославской губернией, Войском Донским, Кавказскою Областью и Горскими жителями, от коих оно отделяется рекою Кубанью» и «владеет принадлежащими ему землями по грамотам, в разные времена пожалованным» [17. С. 6]. В 1860 г. земли Черноморского казачьего войска вошли в состав Кубанской области, а само войско было преобразовано в Кубанское казачье войско.

В подробном «Обзоре статей, помещенных в газете «Кавказ» в продолжение 1846, 1847, 1848 и 1849 годов», О.И. Константинов, рассматривая спектр публикаций, относящихся к описанию быта и культуры Черномории, отметил: «К прискорбию, должно сказать, что в этой части края, славящейся богатством, воинскими доблестями, умом и даже образованием – редакция не заслужила доверия, чтоб на своих листах запечатлеть черты характера бывшей и настоящей жизни единственного Черноморского общества; не приобрела ни одного сотрудника, который взял бы на себя достойный уважения долг познакомить читателей с бытом, нравами, историей своих единоземцев. Кто виноват? – Быть может и редакция» [18. С. 199].

Он выделил шесть статей, посвященных событиям в землях Черноморского казачьего войска, это «Меновые сношения с горцами на Кавказской линии» (1846. № 12), «Черкесские ярмарки в Екатеринодаре» (1846. № 28), «Покровская Черкесская ярмарка в Екатеринодаре» (1846. № 43), «Войсковой праздник Черноморских казаков 11 мая» (1848. № 27), «Разбитие кубанцев при станице Сенгилеевской» (1848. № 50) и «Краткая биография протоиерея Черноморского войска Кирилла Россинского» (1849. № 16). Первые три материала были опубликованы без подписи и относились к описанию так называемых «контактных зон» Черноморья, которые «в реалиях Кавказской войны <...> выступают связующим звеном в общении российского и кавказского миров, постепенно превращающего разлом цивилизаций в срастающийся шов» [19. С. 30].

Следующие три материала были авторскими. «Войсковой праздник Черноморских казаков 11 мая» был подписан инициалами «И... П...» и датирован 23 мая 1848 г. Как будет показано ниже, под этими инициалами публиковался сотник Иван Диомидович Попко (Попка) (1819–1893), служивший в это время письмоводителем при командующем войсками на Кавказской линии. Другие два материала – «Разбитие кубанцев при станице Сенгилеевской» и «Краткая биография протоиерея Черноморского войска Кирилла Россинского» – принадлежали перу коллежского регистратора Василия Федоровича Золотаренко (1818–1872), бывшего смотрителя Екатеринодарского приходского училища. Они также были высоко оценены в рецензии О.И. Константина:

«“Разбитие кубанцев при станице Сенгилеевской” выставляет один только военный подвиг войска из тысячи запечатлевших уже берега Кубани неувядаемой славой, но более или менее неизвестных. В “Краткой биографии Протоиерея Черноморского войска Кирилла Россинского”, отдана справедливость и долг уважения заслугам человека, употребившего всю

жизнь свою пользу близким и которому Черноморское войско обязано основанием своего образования» [20. С. 199].

Если «Краткая биография протоиерея Черноморского войска Кирилла Россинского» давно уже известна специалистам, то об определении авторства очерка «Разбитие кубанцев при станице Сенгилеевской» речь пойдет ниже. Подводя итоги своего обзора, О.И. Константинов выражал сожаление о том, что подобные материалы о Черномории появлялись редко, хотя «изложение поименованных трех статей доказывает, что в Войске есть люди, владеющие словом и чувством, а потому мы еще более скорбим, что нет только охоты ближе познакомить нас с бытом и деятельной жизнью обитателей этой части края» [19. С. 199]. К упомянутым авторским текстам, необходимым для рассмотрения в настоящей статье, следует добавить еще один – «Учреждение Мариинской монашеской пустыни в земле Черноморских казаков», принадлежащий И.Д. Попко и не вошедший в обзор О.И. Константина, так как этот текст появился на страницах газеты «Кавказ» в 1850 г. (№ 38).

Что же касается «Краткой биографии протоиерея Черноморского войска Кирилла Россинского», то в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани» сообщается, что «при жизни З[олотаренко] удалось опубликовать только очерк о К. Россинском» [20. С. 182]. Стоит также отметить, что этот биографический очерк после публикации в газете «Кавказ» [21] был в том же году перепечатан в «Ведомостях московской городской полиции» (1849. № 97), выходивших под редакцией цензора Михаила Петровича Захарова, будущего начальника Третьего отделения канцелярии московского генерал-губернатора. А в 1850 г. очерк В.Ф. Золотаренко появился на страницах санкт-петербургского «Журнала Министерства народного просвещения», выходившего под редакцией цензора Константина Степановича Сербиновича. Примечательно, что в аннотации к тексту В.Ф. Золотаренко, в котором очерк был аттестован как «прекрасная статья», в качестве первоисточника указывалась не газета «Кавказ», а «Ведомости московской городской полиции»: «Труды и заслуги протоиерея Кирилла Россинского на поприще образования столь важны, что его можно почитать просветителем Черноморского края. Желая сохранить в нашем Журнале память о сем доблестном муже и с тем вместе распространять в кругу наших читателей поучительное сведение о его полезной деятельности, мы заимствуем эту о нем прекрасную статью из Ведом[остей] Моск[овской]. Город[ской]. Пол[иции]» [21. С. 1].

Приведенная в конце очерка латинская цитата «Aliis inserviendo consumor» («Служа другим, расточаю себя»), сделанная «собственной рукой Россинского» на его портрете, «хранящемся в Екатеринодарском окружном училище» [20. С. 64], была напечатана с небольшими орфографическими погрешностями как в газете «Кавказ» («Aliis serviendo consumer»), так и в «Журнале Министерства народного просвещения» («Alienis inserviendo consumor»). Впрочем, неточности в латинских цитатах, которые любил исполь-

зователь В.Ф. Золотаренко, встречаются и в других его произведениях, в частности в опубликованном посмертно «Плаче Василия при реке Кубани» (Известия Общества любителей изучения Кубанской области. 1909).

«Интеллигентный черноморец 40-х годов»

В 40-е гг. XIX в. земли Черноморского казачьего войска в большей степени напоминали фронтир, где мирная жизнь перемежалась с боевыми действиями, а его столица – Екатеринодар – сменила статус войскового города на гражданский только в 1867 г. В своем дневнике В.Ф. Золотаренко писал:

«В 40-х годах Екатеринодар был ничтожным городишком, в котором насчитывалось не более 10 000 жителей. Главную массу этого населения составляли казаки, а верхний слой состоял исключительно почти из офицерства и чиновничества, которых здесь, относительно общего населения города, было довольно много <...> всякий кто не носил мундира, был человеком чуждым этой касте чиновников и офицеров, которые зачастую относились к такому «чужаку» не только пренебрежительно, как к чему-то неизменно низшему, но нередко прямо-таки враждебно» [22. С. 29, 31]. Но тем не менее в этой среде стал формироваться тип «интеллигентного черноморца», впервые описанный редактором «Кубанских областных ведомостей» Лукой Мартыновичем Мельниковым (1865–1921) [23].

Приход Л.М. Мельникова на должность редактора «Кубанских областных ведомостей» в июне 1897 г. совпал по времени с созданием в Екатеринодаре Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), члены которого регулярно собирались для чтения докладов на самые разнообразные темы, включая исторические, этнографические и литературно-краеведческие. С января 1900 г. Л.М. Мельников стал членом правления ОЛИКО и серьезно увлекся исторической и социокультурной тематикой. Обнаруженный в 1901 г. дневник В.Ф. Золотаренко, который тот вел в 1841–1847 гг., давал Л.М. Мельникову материал для осмысливания культурной ситуации в Черномории 1840-х гг. Фрагменты дневника сначала появились в «Кубанских областных ведомостях» (1901. № 153–193), а затем вышли в том же году отдельным изданием с объемным предисловием Л.М. Мельникова, которое можно рассматривать и как биографический очерк, и как подробный анализ дневниковых записей, и как попытку описания мировоззрения творческих личностей этой эпохи.

Можно предположить, что «интеллигентный черноморец 40-х годов» как своеобразный «идейно-поведенческий комплекс», под которым «понимается совокупность модели поведения и идеологической позиции, характерной как для поколения в целом <...> так и для отдельных участников этого поколения» [24. С. 6], восходит к «социально-политическому» роману «Люди сороковых годов» А.Ф. Писемского, предпринявшего попытку «обнять целую эпоху из жизни России, целый умственный момент» [25]. Выявленный Л.М. Мельниковым на основе дневниковых записей В.Ф. Золота-

ренко тип «интеллигентного черноморца 40-х годов», несомненно, имел региональную специфику: «Мы говорим о внутренней, душевной жизни нашего героя, нашедшей себе довольно полное отражение в его дневнике. Здесь он является перед нами в ином освещении: уже не как заурядный тип местного общества, а в качестве представителя крайне немногочисленной группы местной интеллигенции того времени, число членов которой вряд ли достигало десятка. Мы называем Золотаренко представителем местной интеллигенции не только потому, что он принадлежит к числу людей с таким образовательным цензом, каким обладали лишь очень немногие в то время на Черномории; но главным образом потому, что, судя по его дневнику, Золотаренко всегда, неизменно и настойчиво стремился к духовному самоусовершенствованию, полагая в этом единственную важную цель жизни человека» [22. С. 54–55].

Небольшой круг людей с «образовательным цензом», находившихся в Черноморском казачьем войске на военных и гражданских должностях и имевших склонность к литературной и научной деятельности, представлял собой тот самый тип «интеллигентного черноморца 40-х годов», о котором писал Л.М. Мельников. Помимо вышеупомянутых В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко, получивших образование в Астраханской духовной семинарии и, как свидетельствует дневник В.Ф. Золотаренко и сохранившаяся переписка [26], находившихся в приятельских отношениях, к типу «интеллигентного черноморца» можно отнести писателя Якова Герасимовича Кухаренко, атамана Черноморского казачьего войска, опубликовавшего стихотворную пьесу «Черноморский побыт» в санкт-петербургском журнале «Основа» незадолго до своей трагической гибели в 1862 г., историка Прокопия Петровича Короленко, ставшего в дальнейшем архивариусом Кубанского казачьего войска, и ряд других, связанных как с «зарождением местной историографической традиции» [27. С. 123], так и с этнографической и литературно-краеведческой.

Основной проблемой для реализации интеллектуальных сил Черноморья было отсутствие собственного периодического органа. Поэтому газета «Кавказ» во второй половине 40-х гг. XIX в. стала практически единственной региональной площадкой для публикаций первых литературно-журналистских опытов В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко.

Атрибуция очерка В.Ф. Золотаренко («Кавказ», 1848)

Основная сложность атрибуции текста В.Ф. Золотаренко, обозначенного в обзоре О.И. Константинова как «Разбитие кубанцев при станице Сенгилеевской», заключалась в том, что данный материал в газете «Кавказ» не имел заголовка и был подписан не «В. Золотаренко», а «В. Золотарев». Примечание О.И. Константинова с уточнением правильного написания фамилии стало ключом к идентификации авторства и помогло разобраться в путанице с написанием его фамилии. Указанная дата и место написания оперативного

очерка («22 ноября 1848 года, станица Лабинская») свидетельствуют о новой должности В.Ф. Золотаренко – во второй половине 1848 г. он оставил Екатеринодарское приходское училище, где проработал смотрителем почти восемь лет (1841–1848), и переехал в Ставрополь, став помощником правителя канцелярии губернатора.

В 26 верстах от Ставрополя у станицы Сенгилеевской 1 ноября 1848 г. произошло сражение, отмеченное отдельной строкой в хронике «Кавказского календаря» за 1849 г., – «Блистательное разбитие генерал-майором Ковалевским сильного сбоя из кубанцев у станицы Сенгилеевской» [28. С. 31]. Станица Сенгилеевская входила в состав Лабинского отдела, что объясняет место написания текста. В.Ф. Золотаренко, скорее всего, прибыл в станицу Лабинскую по служебным делам, по дороге став очевидцем торжественной встречи в кубанских станицах казаков, вернувшихся с победой. Очерк В.Ф. Золотаренко был тематически связан со статьей, размещенной в рубрике «Кавказ» предыдущего номера газеты с изложением обстоятельств сражения [29], и начинается как его продолжение: «Вам уже известны подробности дела 1-го ноября, на правом фланге Кавказской Линии; я только сообщу о торжественном возвращении казаков в станицы после этого кровавого боя» [30. С. 195].

Поэтому В.Ф. Золотаренко мельком упоминает имена «увенчанных славой знаменитого боя», восторженно описывая встречу отряда кубанских казаков в станице Прочноокопской. Короткий жанр оперативного очерка у В.Ф. Золотаренко приобретает черты «малого эпоса» с утрированно возвышенным стилем повествования: «Смирилась человеческая гордость и благоговейно победители поверглись во прах перед алтарем Всеизвестного с сердечным благодарением. Много высокого вообще в картине моления человека; – но, когда молится грозный воин, сложив свои бранные доспехи и с кротостью сердца пав на колени воздает Божие Богови, когда с душевным убеждением он сознается, что единственно Его Промыслу принадлежит заслуженная им слава» [30. С. 195]. Можно отметить, что данная стилистика присуща и другим сохранившимся произведениям В.Ф. Золотаренко, который как выпускник Астраханской семинарии явно тяготел к возвышенному стилю изложения.

Атрибуция очерков И.Д. Попко («Кавказ», 1848, 1850)

Что же касается двух очерков И.Д. Попко, помещенных в газете под инициалами «И.... П....» и «И. П.», то большое количество текстуальных совпадений с двумя главами исторического сочинения «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» (1858) позволяет установить авторство И.Д. Попко. Возьмем для сопоставительного анализа один из фрагментов очерка «Войсковой праздник Черноморских казаков 11 мая», где описывается событие, прошедшее в мае 1844 г. на праздновании пятидесятилетнего юбилея боевой службы войска:

Старики, жалованные в прежние времена армейскими чинами, также остались свои гвозди в знаменном древке. Принимаясь за молоток, они искали взорами на своде ставки трофеев, современных своей молодости, и некоторые из них

говорили: в древке этого голубого знамени есть мой гвоздь, вбитый в Очакове, мой в Браилове, мой в Анапе.

Догорающие лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь полотно, наполняли ставку кротким, таинственным светом, и наводили на картину величественный колорит.

В лагере царствовало молчание. Войска стояли под ружьем, и взоры рядов неподвижно обращены были к атаманской ставке, откуда глухо отдавался стук молотка. И какое-то особенное выражение принимали в эти минуты, и загорелое, угрюмое лицо, и черный, длинный ус, и густые, нависшие на глаза, космы шапки – Черноморца... [31. С. 107].

Сравним данный фрагмент с аналогичным фрагментом («Памятники войсковых заслуг и отличий. Войсковой в честь им праздник») из тринадцатого рассказа книги И.Д. Попко (у него вместо глав – «рассказы»):

Те из стариков, которые были жалованы в прежние времена армейскими чинами, также оставили свои гвозди в знаменном древке. Принимаясь за молоток, они искали глазами на своде ставки трофеев, современных своей молодости, и говорили: в древке этого голубого знамени должен быть мой гвоздь, вбитый в Очакове, мой в Браилове, а мой в Анапе.

В лагере царствовала тишина. Войска стояли под ружьем, и взоры рядов неподвижно обращены были к атаманской ставке, откуда глухо отдавался стук молотка [32. С. 134].

Как видно из сопоставления представленных текстовых фрагментов, И.Д. Попко внес стилистические правки, изъял второй абзац (как чрезмерно лирический и пафосный) и последнее предложение из третьего абзаца. Данная глава в книге была дополнена сообщением о награждении отдельных частей Черноморского казачьего войска «за примерное мужество при обороне Севастополя 1854 и 1855 годов». При этом известный ему вариант казачьей песни «Ой, годи нам журитися», сочиненной кошевым атаманом Черноморского казачьего войска Антоном Головатым, был включен в окончательный текст «Черноморских казаков» с определением «любимая народная песня». Такого же рода стилистические правки при публикации «Черноморских казаков» И.Д. Попко внес в очерк «Учреждение Мариинской монашеской пустыни в земле Черноморских казаков», опубликованный в газете «Кавказ» в 1850 г. и вошедший в главу «Заведения врачебные и богоугодные».

Интерес представляет детальный разбор «Черноморских казаков», составленный в рамках присуждения Демидовской премии в 1860 г. профессором Н.И. Костомаровым, в котором известный отечественный историк отмечает очерковый характер сочинения И.Д. Попко и обращает внимание на личность автора («природный Черноморец, живет в крае и знаком со всей местной жизнью практически» [33. С. 141]). При общем положительном мнении о труде И.Д. Попко Н.И. Костомаров указывает и на недочеты:

Слог книги жив и легок, но страдает подчас неуместными притязаниями показать автора человеком ученым, пренебрегающим ученую форму. Отсюда, совсем некстати, приводятся латинские выражения, как будто в насмешку над учеными, пишущими по-латыни, каких, как известно, у нас нет [33. С. 141].

Претензии Н.И. Костомарова по поводу неуместности латинских цитат можно также отнести и к сохранившимся текстам В.Ф. Золотаренко.

Творческий путь и служебная карьера В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко после их первых публикаций в газете «Кавказ» (1848–1850) сложились по-разному. В.Ф. Золотаренко, прослужив на Кавказе помощником правителя канцелярии в Ставрополе и заседателем земского суда в Пятигорске до 1855 г., перебрался в Санкт-Петербург, заняв должность помощника столоначальника в департаменте государственного казначейства. «Остались непопубликованными и, видимо, безвозвратно утрачены его драма “Тезей и Ариадна” стихотворное “Послание к ней”. “Разговор старого 1846 с новым 1847 годом – о влиянии судеб”» [19. С. 182].

Начинавший службу рядовым казаком Черноморского казачьего войска, И.Д. Попко дослужился до генерал-лейтенанта, и в некрологе, помещенном в газете «Кавказ», говорилось, что он «принадлежал к старым кавказским ветеранам, участникам и свидетелям многих блестящих дел доблестной кавказской армии, в особенности же бывшего Черноморского казачьего войска, быт и устройство которого покойный знал в совершенстве <...> сверх того, генерал Попко известен как исследователь, лучший знаток и писатель о казаках, своих родичах» [34].

Заключение

В результате проведенного исследования были проанализированы и описаны публикации в газете «Кавказ» в период 1848–1850 гг., в которых рассматривались темы истории, культуры и быта Кавказского края и Черномории.

Было выявлено, что уже в первые годы существования газеты «Кавказ» ее редактор О.И. Константинов смог привлечь достаточно широкий круг авторов, обращавшихся к историко-этнографической и литературно-краеведческой тематике. В ходе работы были выявлены и атрибутированы очерки двух ярких представителей поколения «интеллигентных черноморцев 1840-х годов» В.Ф. Золотаренко и И.Д. Попко, внесших значительный вклад в тематическое разнообразие издательской политики газеты «Кавказ».

Авторы указанных очерков затронули важные проблемы, связанные с формированием культурного пространства региона и описанием фронтальных идентичностей в условиях Кавказской войны. В.Ф. Золотаренко попробовал свои силы в написании биографических и путевых очерков, а И.Д. Попко, обратившись к собиранию и систематизации сведений о Черноморском казачьем войске, стал одним из лучших знатоков и исследователей истории и культуры казачества.

Таким образом, публикации «интеллигентных черноморцев» в газете «Кавказ» конца 1840-х гг. представляют собой важный источник для изучения истории, этнографии и литературного потенциала региона. Они оказали значительное влияние на формирование кубанской журналистской и литературно-краеведческой традиции, а также содействовали развитию национальных культур Кавказского края.

Список источников

1. Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 280 с
2. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки. Краснодар : Эдви, 2015. 272 с.
3. Ватейшили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М. : Наука, 1973. 457 с.
4. Лепилкина О.И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начала XX в.). М. : Илекса, 2010. 264 с.
5. Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература как имагологический и идеологический инструмент: по материалам периодического издания «Кавказ» (1846–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 240–261.
6. Даниелян Т.Р. Вопросы развития восточно-армянской прессы в газете «Кавказ» (1846–1881 гг.) // Журналістика – 2020: стан, проблеми і перспективы : матеріали 2-ї Міжнар. наук.-практ. конф. Мінськ : БДУ, 2020. С. 373–376.
7. Ушакова Д.О. Инонациональный текст в путевых очерках Я.П. Полонского кавказского периода творчества // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 4 (65). С. 132–141.
8. Багратион-Мухранели И.Л. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я.П. Полонского // Вестник славянских культур. Языкоzнание и литературоведение. 2015. № 1 (35). С. 101–109.
9. Кавказ. 1851. № 2. 9 янв.
10. Лучинский Ю.В., Осташевский А.В., Болтуц О.А. Редакторский корпус газеты «Кавказ» в первое десятилетие XX века: трансформация редакционной политики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25, № 4. С. 194–206.
11. Bespalova A.G., Kornilov E.A., Pöttker H. (Hrsg.) Journalistische Genres In Deutschland Und Russland. Köln : Halem, 2010. 421 p.
12. [Константинов О.И.] Кавказ в 1850 году // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1849. № 50. 10 дек. С. 197.
13. Москвин Г.В. Очерк «Кавказец» как феномен экзистенциальной парадигмы в прозе М.Ю. Лермонтова // Litera. 2021. № 3. С. 19–28.
14. Лермонтов М.Ю. Кавказец // Лермонтов М.Ю. Избранные произведения : в 2 т. М. : Гослитиздат, 1963. Т. 2. С. 493–496.
15. Урушадзе А.Т. «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник: Т. 10 (42) / под ред. В.В. Дегоева. М., 2017. С. 157–184.
16. Константинов О. Очерк северной стороны Кавказа // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1847. № 2. 11 янв. С. 6–8.
17. Положение о Черноморском Казачьем Войске. СПб., 1842. 233 с.
18. [Константинов О.И.] Обзор статей, помещенных в газете «Кавказ» в продолжение: 1846, 1847, 1848 и 1849 годов // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1849. № 50. 10 дек. С. 199–200.
19. Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до окт. 1917 г. / под ред. Б.А. Трехбратова. Краснодар : Эдви, 1997. 557 с.
20. Золотаренко В. Краткая биографияprotoиерея Черноморского войска Кирилла Россинского // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1849. № 16. 16 апр. С. 61–64.
21. Золотаренко В. Краткая биографияprotoиерея Черноморского войска Кирилла Россинского // Журнал министерства народного просвещения. 1850. Т. 66, отд. 5. С. 1–12.

22. Мельников Л.М. Интеллигентный черноморец 40-х годов: (В.Ф. Золотаренко, смотритель Екатеринодарского приходского училища). Екатеринодар, 1901. 569 с.
23. Лучинский Ю.В. История периодической печати Кубанской области (1863–1905). Краснодар : Парабеллум, 2013. 247 с.
24. Лазутин В.В. Идеально-поведенческий комплекс «люди сороковых годов» в литературе конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.
25. Шелгунов Н.В. Люди сороковых и шестидесятых годов («Люди сороковых годов». Роман А. Писемского. «Заря», 1869 г.) // Lib.ru/ Классика. URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1869_ludi_sorokovyh.shtml (дата обращения: 12.01.2023).
26. Иванцов И.Г., Дубинин И.В. Жизнь Екатеринодара середины XIX в. в письмах И.Д. Попко и дневниках В.Ф. Золотаренко // История повседневности. 2021. № 2 (18). С. 24–32.
27. Слуцкий А.И. Рукопись И.П. Максимова «К биографии Ивана Диомидовича Попки» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 123–127.
28. Кавказский календарь на 1849 год. Тифлис, 1848. Отд. 3. 386 с.
29. Кавказ // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1848. № 48. С. 190–192.
30. Золотарев В. [Разбитие кубанцев при станице Сенгилеевской] // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1848. № 50. С. 195–196.
31. И.... П.... Войсковой праздник Черноморских казаков 11 мая // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1848. № 27. 16 апр. С. 107–108.
32. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы : в 2 ч. Краснодар : Советская Кубань, 1998. 192 с.
33. Костомаров Н.И. Разбор сочинения г. Попки «Черноморские казаки», составленный профессором Н.И. Костомаровым // Тридцатое обсуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград [16 июня 1861 года] / под ред. К.С. Веселовского. СПб., 1861. С. 131–143.
34. Генерал-лейтенант Попко (некролог) // Кавказ. 1893. 12 сент. № 242. С. 3.

References

1. Urushadze, A.T. (2016) *Kavkaz: vzaimodeystvie kul'tur (konets XVIII – seredina XIX vv.)* [Caucasus: Interaction of cultures (late 18th – mid 19th centuries)]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
2. Matveev, O.V. (2015) *Kavkazskaya voyna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: From front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi.
3. Vateyshvili, D.L. (1973) *Russkaya obshchestvennaya mysl' i pechat' na Kavkaze v pervoy treti XIX veka* [Russian Social thought and Press in the Caucasus in the First Third of the 19th Century]. Moscow: Nauka.
4. Lepilkina, O.I. (2010) *Sistema russkoy provintsial'noy periodicheskoy pechati (XVIII–nachala XX v.)* [The System of Russian Provincial Periodicals (18th – early 20th Centuries)]. Moscow: Ileksa.
5. Nikonova, N.E. & Danielyan, T.R. (2022) Translated Literature as an Imagological and Ideological Tool: On the Materials of the Periodical *Kavkaz* (1846–1884). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 240–261. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/12
6. Danielyan, T.R. (2020) [Issues of the development of the Eastern Armenian press in the newspaper *Kavkaz* (1846–1881)]. *Zhurnalistika – 2020: stan, problemy i perspektivy* [Journalism – 2020: country, problems and prospects]. Proceedings of the 22th International Conference. Minsk. 12–13 November 2020. Minsk: Belarusian State University. pp. 373–376. (In Russian).

7. Ushakova, D.O. (2019) Inonatsional'nyy tekst v putevykh ocherkakh Ya.P. Polonskogo kavkazskogo perioda tvorchestva [Foreign text in travel essays by Ya.P. Polonsky of his Caucasian period of creativity]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 4 (65). pp. 132–141.
8. Bagration-Mukhraneli, I.L. (2015) Transformatsiya zhenskikh obrazov v kavkazskoy lirike Ya.P. Polonskogo [Transformation of female images in the Caucasian lyrics by Ya.P. Polonsky]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur Yazykoznanie i literaturovedenie*. 1 (35). pp. 101–109.
9. *Kavkaz*. (1851) 2. 9 January. P. 8.
10. Luchinskiy, Yu.V., Ostashevskiy, A.V. & Boltuts, O.A. (2021) Redaktorskiy korpus gazety “Kavkaz” v pervoe desyatiletie XX veka: transformatsiya redaktsionnoy politiki [The editorial staff of the newspaper Kavkaz in the first decade of the 20th century: transformation of editorial policy]. *Izvestiya Yuzhnogofederal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 4 (25). pp. 194–206.
11. Bespalova, A.G., Kornilov, E.A. & Pöttker H. (Hrsg.) (2010) *Journalistische Genres in Deutschland und Russland*. Köln: Halem.
12. [Konstantinov, O.I.]. (1849) Kavkaz v 1850 godu [The Caucasus in 1850]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 50. 10 December. P. 197.
13. Moskvin, G.V. (2021) Ocherk “Kavkazets” kak fenomen ekzistentsial’noy paradigm v proze M.Yu. Lermontova [Essay “The Caucasian” as a phenomenon of the existential paradigm in the prose of M.Yu. Lermontov]. *Litera*. 3. pp. 19–28.
14. Lermontov, M.Yu. (1963) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 493–496.
15. Urushadze, A.T. (2017) “Nastoyashchiy kavkazets” i drugie: genezis frontirnykh identichnostey v epokhu Kavkazskoy voyny [“The real Caucasian” and others: the genesis of frontier identities in the era of the Caucasian War]. In: Degoev, V.V. (ed.) *Kavkazkiy sbornik* [Caucasian Collection]. Vol. 10 (42). Moscow: Aspekt Press. pp. 157–184.
16. Konstantinov, O. (1847) Ocherk severnoy storony Kavkaza [Essay on the northern side of the Caucasus]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 2. 11 January. pp. 6–8.
17. Chernomorskoe kazach’e voysko [Black Sea Cossack Army]. (1842) *Polozhenie o Chernomorskom Kazach’em Voyske* [Regulations on the Black Sea Cossack Army]. Saint Petersburg: Tipografiya Departamenta voennyykh poseleniy.
18. [Konstantinov, O.I.] (1849) Obzor statey, pomeshchennykh v gazete “Kavkaz” v prodolzhenie: 1846, 1847, 1848 i 1849 godov [Review of articles published in the newspaper Kavkaz in continuation: 1846, 1847, 1848 and 1849]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 50. 10 December. pp. 199–200.
19. Trekhbratov, B.A. (ed.) (1997) *Entsiklopedicheskiy slovar’ po istorii Kubani: S drevneyshikh vremen do okt. 1917 g.* [Encyclopedic Dictionary of the History of Kuban: From Ancient Times to Oct. 1917]. Krasnodar: Edvi.
20. Zolotarenko, V. (1849) Kratkaya biografiya protoiereya Chernomorskogo voyska Kirilla Rossinskogo [Brief biography of Archpriest of the Black Sea Army Kirill Rossinsky]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 16. 16 April. pp. 61–64.
21. Zolotarenko, V. (1850) Kratkaya biografiya protoiereya Chernomorskogo voyska Kirilla Rossinskogo [Brief biography of Archpriest of the Black Sea Army Kirill Rossinsky]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 66 (5). pp. 1–12.
22. Mel’nikov, L.M. (1901) *Intelligentnyy chernomorets 40-kh godov: (V.F. Zolotarenko, smotritel’ Ekaterinodarskogo prikhodskogo uchilishcha)* [An Educated Black Sea Region Resident of the 1840s: (V.F. Zolotarenko, caretaker of the Yekaterinodar parish school)]. Yekaterinodar: Tip. Kub. obl. pravleniya.
23. Luchinskiy, Yu.V. (2013) *Istoriya periodicheskoy pechati Kubanskoy oblasti (1863–1905)* [History of the Periodical Press of Kuban Oblast (1863–1905)]. Krasnodar: Parabellum.

24. Lazutin, V.V. (2011) Ideyno-povedencheskiy kompleks “lyudi sorokovykh godov” v literature kontsa XIX – nachala XX v. [The ideological and behavioral complex “people of the forties” in the literature of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
25. Shelgunov, N.V. (1869) *Lyudi sorokovykh i shestidesyatikh godov* (“Lyudi sorokovykh godov”. Roman A. Pisemskogo. “Zarya”, 1869 g.) [People of the forties and sixties (People of the forties. A novel by A. Pisemsky. The Dawn. 1869)]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1869_ludi_sorokovyh.shtml (Accessed: 12.01.2023).
26. Ivantsov, I.G. & Dubinin, I.V. (2021) Zhizn’ Ekaterinodara serediny XIX v. v pis’makh I.D. Popko i dnevnikakh V.F. Zolotarenko [Life of Yekaterinodar in the mid-19th century in letters of I.D. Popko and diaries of V.F. Zolotarenko]. *Istoriya povsednevnosti*. 2 (18). pp. 24–32.
27. Slutskiy, A.I. (2011) Rukopis’ I.P. Maksimova “K biografii Ivana Diomidovicha Popki” [On the biography of Ivan Diomidovich Popka. Manuscript by I.P. Maksimov]. *Kul’turnaya zhizn’ Yuga Rossii*. 4 (42). pp. 123–127.
28. Office of the Viceroy of the Caucasus. (1848) *Kavkazskiy kalendar’ na 1849 god* [Caucasian Calendar for 1849]. Section 3. Tiflis: Tip. Kantselyarii namestnika Kavkazskogo.
29. Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. (1848) Kavkaz [Caucasus]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 48. pp. 190–192.
30. Zolotarev, V. (1848) Razbitie kubantsev pri stantse Sengileevskoy [The defeat of the Kubans at the village of Sengileevskaya]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 50. pp. 195–196.
31. I.... P.... (1848) Voyskovoy prazdnik Chernomorskikh kazakov 11 maya [Military holiday of the Black Sea Cossacks on May 11]. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. 27. 16 April. pp. 107–108.
32. Popko, I.D. (1998) *Chernomorskie kazaki v ikh grazhdanskem i voennom bytu. Ocherki kraja, obshchestva, vooruzhennoy sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in Their Civil and Military Life. Essays on the region, society, armed forces and service]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban’.
33. Kostomarov, N.I. (1861) Razbor sochineniya g. Popki “Chernomorskie kazaki”, sostavlenny professorom N.I. Kostomarovym [Analysis of Mr. Popka’s essay “Black Sea Cossacks”, compiled by Professor N.I. Kostomarov]. In: Veselovskiy, K.S. (ed.) *Tridtsatoe obsuzhdenie uchrezhdennykh P.N. Demidovym nagrad [16 iyunya 1861 goda]* [Thirtieth discussion of the awards established by P.N. Demidov [June 16, 1861]]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 131–143.
34. Kavkaz. (1893) General-leytenant Popko (nekrolog) [Lieutenant General Popko (obituary)]. *Kavkaz*. 12 September. 242. P. 3.

Информация об авторах:

Лучинский Ю.В. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия). E-mail: lyv22@mail.ru

Безрукавая М.В. – д-р филол. наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

Кидакоева З.Ш. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия). E-mail: kidakoeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Luchinsky, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: lyv22@mail.ru

M.V. Bezrukavaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

Z.Sh. Kidakoyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: kidakoeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2023;
одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 07.04.2023;
approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 27.05.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номерserialного издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2024. № 89

Редактор Т.В. Зелева

Редактор-переводчик В.В. Кашпур

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.06.2024 г. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$.

Печ. л. 16,5; усл. печ. л. 21,4. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 5938.

Дата выхода в свет 16.08.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru